Русская Старина

№ 11.

1905 г.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

7 Ноября
Центральная Рабочая библиотека-Читальня Московского Совета Профессиональных Союзов
Книга на дом не выдается
19 25232
1036

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. НОЯБРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Россія, Калифорнія и Сандвичевы острова. Н. Вишнякова . . . . . 249—289
II. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время. Ал. Корельскаго. 290—331
III. За шестьдесятъ лѣтъ. Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова . . . . . 332—350
IV. Дѣло Петрашевскаго, какъ эпизодъ въ исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Михаила Соколовскаго . . . . . 351—365
V. Объ увольненіи Императоромъ Николаемъ I въ отставку сенаторовъ, рѣдко посѣщавшихъ собранія Сената . . . . 366—386
VI. Первый поселенческій начальникъ о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ. А. Слезскинскаго . . . . 387—397
VII. Разговоры Императора Павла I съ Тадеушемъ Косцюшко въ Петербургѣ. Сообщ. Г. А. Воробьевъ. 392—396
VIII. Императоръ Николай I въ военно-судныхъ конфирмаціяхъ. Сообщ. Михаилъ Соколовскій . . . 397—420
IX. Ревность Н. Н. Пушкиной. Сообщ. Н. Лернеръ . . 421—486
X. Историческіе и бытовые очерки западной старины.
I. Походъ Гарибальди на Римъ, Ментана . . . 426—452
II. Къ характеристикѣ Наполеона I. 1798—1816 гг. . . . . 452—475
III. Неудавшаяся кандидатура на польскій престолъ . . . . . 476—486
XI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Свиданіе Императора Павла I съ Косцюшко.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки
М.Д.К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1905 года.

Библіографическій листокъ.

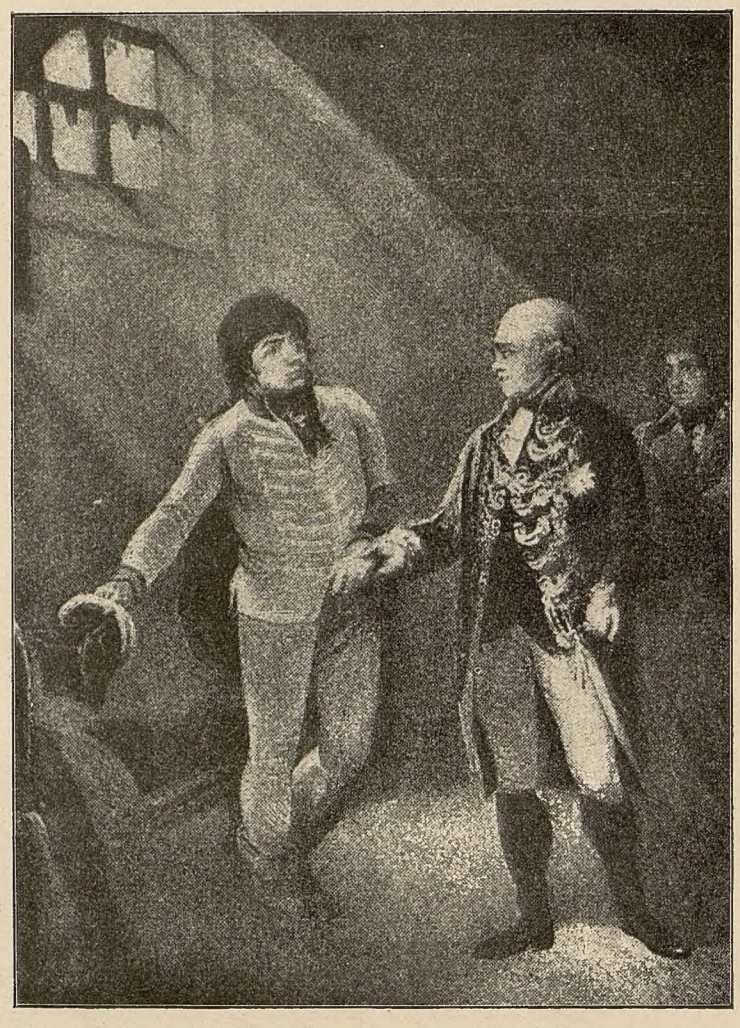
Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Томъ 14-й. Изданъ подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ, 1905.

Четырнадцатый томъ Сборника начинается съ описанія торжественнаго засѣданія 28-го февраля 1902 г. по поводу двадцатипятилѣтія историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ (1877—1902). На торжественномъ засѣданіи присутствовали члены Общества, педагогическаго отдѣла, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, представители харьковскихъ ученыхъ обществъ и много гостей изъ мѣстнаго общества. Предсѣдатель Общества, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ открылъ засѣданіе рѣчью, посвященною общему очерку дѣятельности Общества за 25 лѣтъ его существованія (прилож. I); секретарь общества, проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ очеркъ ученой дѣятельности общества за этотъ же періодъ времени (прилож. II); проф. Д. И. Багалѣй, завѣдывающій историческимъ архивомъ общества сказалъ рѣчь, посвященную исторіи этого архива (прилож. III); А. В. Ветуховъ, секретарь педагогическаго отдѣла, сказалъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ дѣятельность отдѣла за первое десятилѣтіе его существованія (прилож. IV). Кромѣ этихъ было произнесено еще нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей отъ имени разныхъ ученыхъ Обществъ. На юбилей откликнулось все образованное русское общество: привѣтствія были присланы не только изъ разныхъ городовъ Россіи, но и изъ-за границы.

Къ 25-ти-лѣтнему юбилею Харьковскаго историко-филологическаго общества Е. М. Ивановымъ, по плану, предложенному проф. Д. И. Багалѣемъ, составленъ очеркъ—„Харьковскій историческій архивъ". Этотъ архивъ въ настоящее время является однимъ изъ выдающихся провинціальныхъ собраній историческихъ документовъ; въ немъ сосредоточены важнѣйшіе матеріалы, касающіеся внутренней жизни въ XVIII в. обширной территоріи нынѣшнихъ Харьковской, Полтавской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губерній. Основу Харьковскаго архива составили дѣла упраздненныхъ учрежденій Лѣвобережной и Слободской украинъ. Сообразно съ этимъ архивъ дѣлится на два главныхъ отдѣленія: Малороссійское (Чернигово-Полтавское) и Слободско-Украинское (Харьковское). Въ связи съ послѣднимъ впослѣдствіи былъ образованъ еще особый отдѣлъ рукописей и бумагъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей. Наконецъ, разнообразные отдѣльные документы, пожертвованные частными лицами, и дѣла министерства юстиціи, присланныя (и нынѣ присылаемыя) Сенатскимъ архивомъ, составили довольно значительный 4-й отдѣлъ.

Возникновеніе, ростъ и развитіе Историческаго архива стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью историко-филологическаго общества. Основаніе архиву было положено въ 1880 г.; иниціаторомъ дѣла явился дѣйствительный членъ общества П. С. Ефименко, извѣстный знатокъ и изслѣдователь малорусской старины. Поселившись въ 1870-хъ годахъ въ Харьковѣ и принявши участіе въ дѣятельности общества вскорѣ по открытіи его, онъ обратилъ вниманіе членовъ общества на драгоцѣнные матеріалы по исторіи Лѣвобережной Малороссіи, хранившіеся въ архивѣ Черниговскаго губернскаго правленія. Въ особомъ докладѣ, прочитанномъ въ обществѣ въ 1879 г., г. Ефименко указалъ на важное научное значеніе этого архива, на печальныя условія его храненія и на настоятельную необходимость озаботиться его спасеніемъ. Докладъ вызвалъ живѣйшее сочувствіе, и общество, согласно предложенія П. С. Ефименко, немедленно возбудило ходатайство о передачѣ Черниговскаго архива въ свое распоряженіе. Въ 1880 году ходатайство получило благопріятное разрѣшеніе, и въ томъ же году Черниговскій архивъ былъ перевезенъ на средства общества въ Харьковъ. Весь обширный матеріалъ Черниговскаго архива по формѣ дѣлится на двѣ части: а) книги и б) отдѣльныя дѣла; первая часть, въ сравненіи со второю, незначительна: книгъ насчитывается не болѣе 200; что касается дѣлъ, то число ихъ очень велико—болѣе 30.000 номеровъ. По содержанію этотъ матеріалъ распадается на слѣдующія группы: I. Уголовныя дѣла. Сюда относится масса дѣлъ о преступленіяхъ противъ личности и собственности: о воровствѣ, побояхъ, убійствахъ, грабежахъ, о „гвалтовныхъ" нападеніяхъ казацкой старшины другъ на друга, на казаковъ и посполитыхъ, о наѣздахъ разбойниковъ и гайдамаковъ, о притѣсненіяхъ со стороны великороссійскихъ воинскихъ командъ, о нарушеніяхъ семейнаго союза (прелюбодѣяніи), вѣры и нравственности. II. Гражданскія дѣла. Въ этой группѣ мы находимъ: а) огромное количество дѣлъ о поземельныхъ спорахъ казаковъ, посполитыхъ, шляхты и монастырей (съ копіями поземельныхъ актовъ); здѣсь обращаютъ на себя вниманіе дѣла знатнѣйшихъ малороссійскихъ фамилій—Милорадовичей, Мокріевичей, Максимовичей, Миклашевскихъ, Маркевича, Галагана и многихъ другихъ; б) дѣла о пожалованіи крупныхъ имѣній—Разумовскому,

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Свиданіе Императора Павла I
съ Косцюшко.

Читальная Работа
библиотека-читальня
исполкома СОВЕТА
Профессиональных Союзов,

Россія, Калифорнія и Сандвичевы острова.

(Историческій очеркъ) [1]).

Въ виду настоящихъ событій на Дальнемъ Востокѣ, приковывающихъ къ себѣ вниманіе всего міра, представляется вполнѣ современнымъ подѣлиться съ русскимъ обществомъ почти совершенно неизвѣстными ему историческими данными о попыткахъ русскихъ людей около ста лѣтъ тому назадъ утвердиться на Тихомъ океанѣ. Настоящій очеркъ посвященъ двумъ изъ этихъ попытокъ—устроенію русскихъ заселеній и морскихъ станцій въ Калифорніи и на „раѣ Тихаго океана", по выраженію путешественниковъ—Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) островахъ, перешедшихъ нынѣ повидимому безповоротно въ обладаніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

I.

Съ XI столѣтія, походами новгородской вольницы на Югру и Самоядь начинается непрерывное движеніе на азіатскій востокъ русской колонизаціи, сперва чисто народной—промышленной, торговой, разбойничьей и земледѣльческой,—а затѣмъ всецѣло правительственной. Особенно энергичнымъ это движеніе становится со временъ Ермака—съ половины XVI вѣка. Удальцы-казаки и предпріимчивые купцы-промышленники, руководствуясь несложными соображеніями

[1]) Главнѣйшими источниками для настоящаго очерка послужили слѣдующія книги: 1) Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана. Вып. I—IV. Спб. 1861. Изд. морск. минист. 2) Историческое обозрѣніе образованія Россійско-американской компаніи (съ приложеніемъ оффиціальныхъ актовъ, писемъ главныхъ дѣятелей и пр.). Сост. П. Тихменевъ. Спб. 1861—63. 3) W. D. Alexander. A brief History of the Hawaiian people. N. J. 1899 и др.

прибыли и добычи, а также поощреніемъ правительственною властью ихъ самодѣятельности, уже въ первые шесть съ небольшимъ десятковъ лѣтъ послѣ смерти побѣдителя Кучумова царства (1584 г.) захватили почти всю обширную территорію нынѣшней Сибири и достигли береговъ Великаго океана. Въ 1647 г. былъ заложенъ Охотскій острогъ, явившійся первымъ русскимъ поселеніемъ у далекаго восточнаго моря. Въ слѣдующемъ году сибирскій казакъ Семенъ Дежневъ, собирая ясакъ съ инородцевъ по рѣкамъ Янѣ, Индигиркѣ и Колымѣ, дошелъ отъ устья Колымы по берегу Ледовитаго океана до пролива, впослѣдствіи получившаго названіе Берингова, и прошелъ этотъ проливъ на лодкахъ до устья Анадыри. Въ 1697 году казачій пятидесятникъ Василій Атласовъ и казакъ Морозко съ товарищами открыли и завоевали Камчатку; немного раньше Василій Поярковъ прошелъ все теченіе Амура. Вслѣдъ за казаками въ пустынныя страны сѣверо-востока направились промышленники пушныхъ звѣрей, заводя повсюду мѣновую торговлю съ туземцами, вездѣ выискивая дорогіе мѣха соболей, бобровъ, горностаевъ, песцовъ, морскихъ котовъ, евражекъ, бѣлокъ, разноцвѣтныхъ лисицъ—красныхъ, чернобурыхъ, бѣлыхъ и сиводушекъ, выдръ, медвѣдей и иныхъ многочисленныхъ представителей звѣриныхъ породъ, промышляя рыбой и китами, изслѣдуя мѣсторожденія благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней. Послѣ экспедицій Чирикова и Беринга (1725—1730 и 1733 гг.) и Шестакова и Гвоздева (около 1727 г.) въ Россіи явились уже болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о сѣверо-западномъ берегѣ Сѣверной Америки и сопредѣльныхъ съ нимъ островахъ. Съ сороковыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія наши моряки, промышленники и купцы предпринимаютъ многочисленныя путешествія на Алеуты и въ сѣверо-западную Америку. Эти смѣлые мореходы открыли множество острововъ, изъ которыхъ лишь немногіе получили имена своихъ открывателей: Ближніе, Крысьи, Лисьи, Андреяновскіе (по имени купца Андреяна Толстыхъ), острова Гвоздева, Прибылова, Уналашку, Кадьякъ и друг., наконецъ, была открыта ими и Аляска. Путешествія и открытія стоили чрезвычайныхъ усилій мореплавателямъ: суровый климатъ, негостепріимныя и бурныя воды Охотскаго и Берингова морей Великаго океана, крайній недостатокъ питанія; такія болѣзни какъ цынга и изнурительная лихорадка; зимовка въ снѣжныхъ пустыняхъ захваченныхъ льдами и страшными морозами путешественниковъ—всѣ эти препятствія, казалось, усиливали только энергію предпринимателей. Ко всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ слѣдуетъ еще присоединить весьма несовершенную конструкцію судовъ, на которыхъ приходилось совершать далекія и опасныя поѣздки, и обычное невѣжество въ морскомъ дѣлѣ командировъ „кораблей“,

благодаря отсутствію научнаго знанія „навигацкихъ хитростей". В. М. Головнинъ разсказываетъ, что во время путешествія капитана Кука, спутники его видѣли одинъ изъ русскихъ „Галіотовъ на Алеутскихъ островахъ и немало удивлялись безразсудству и дерзости сихъ людей, отваживающихся плыть океаномъ на толь слабо и нескладно составленныхъ машинахъ". Отсутствіе у руководителей экспедиціи необходимыхъ для мореплаванія познаній можетъ быть подтверждено рядомъ фактовъ, часто весьма курьезныхъ. Такъ однажды промышленное судно три раза подрядъ въ теченіе одного лѣта ходило съ остр. Уналашки на Котовые острова, отстоящіе отъ Уналашки на 160 миль, и не могло отыскать ихъ. Другое судно, прибывъ изъ Охотска въ Камчатку, долго не знало, гдѣ оно находится, полагая, что пріѣхало въ Японію или Америку.

Чтобы наглядно показать состояніе морскаго дѣла у русскихъ мореходовъ сибирской окраины XVIII столѣтія, не мѣшаетъ привести интересный безъискусственный разсказъ о плаваніи судна компаніи купца Киселева „Св. Зосима и Савватій", бывшаго подъ командой по тогдашнему выраженію „старовояжнаго" боцмана Сапожникова. Разсказъ этотъ извлеченъ изъ письма находившагося на суднѣ купца Кожина къ своему знакомому:

„О выходѣ нашемъ изъ Охотска вамъ не безъизвѣстно, губою шли все благополучно, и прошли первымъ заливомъ въ открытое море, простираясь въ назначенное мѣсто на Уналашку; какъ изъ Курилъ вышли идучи по морю,—земли не видали, и въ продолженіе путешествія дошли до такого мѣста, что въ платьѣ ходить нельзя, и ночью вышедъ на палубу отъ жару воздухъ очень тяжелый, и снасти растопились, а вокругъ судна видимъ червей много, и вода какъ грѣтая на огнѣ, а судно течью одолѣло, что ни одной минуты праздно помпы не бывали, поперемѣнно по склянкамъ отливаются водою, а работныхъ выбило изъ силъ, но однако Богъ помощникъ, не хотя свое созданіе погубити, и все отливалися водою, а отъ воздуха тогда защиты нѣтъ ни въ каютѣ и ни въ трюмѣ, вездѣ жара—быть не можно. Стали послѣ говорить, отчего воздухъ такъ сталъ тепелъ; на то нашъ мореходъ сказалъ, что зимою всегда бываетъ такъ вода теплой, опять же стоятъ погоды полудневныя и нагнало воду теплую. На то народъ сталъ говорить, куда мы идемъ? Мореходъ сказалъ, что мнѣ надобно еще въ полдень идти, потому что я на линію свою не вышелъ, и народъ тутъ весь усумнился, и стали между собою говорить, что намъ надо выбирать другаго морехода, и видя себѣ отчаянную жизнь, потому что воды одна бочка, и выбрали себѣ другаго морехода, и отдали на власть Всемудраго Бога и стали служить акаѳистъ Божіей Матери, такожъ и угоднику Николаю Чудотворцу

и Зосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ. По окончаніи службы Матерь Божію вынесли на палубу, такожъ и угодниковъ и прикладывались вмѣсто исповѣди и просили со слезами; и какую намъ Богъ пошлетъ погоду—туда и пойдемъ, потому что не знаемъ, ходили на сѣверъ и въ полдень—нигдѣ земли не нашли. И черезъ короткое время пошла погода полдневая, отдали паруса и пошли по погодѣ, и шли на одинъ куршъ до 1800 верстъ, питались дождевою водою, и подошли нечаяннымъ образомъ къ землѣ, которая и оказалась островъ Шуяхъ". Такимъ образомъ по невѣжеству командира судно прошло къ югу до 1800 верстъ и еле-еле, случайно, въ самомъ жалкомъ состояніи добралось до группы острововъ Афонгакъ.

При указанныхъ условіяхъ морскія путешествія часто оканчивались гибелью судовъ со всѣми пассажирами. Такъ, въ одномъ только 1799 году погибло три корабля Россійско-Американской компаніи: „Сѣверный орелъ", „Св. Симеонъ и Анна"—у береговъ остр. Св. Павла—и „Фениксъ". Послѣднее судно шло изъ Охотска въ Кадьякъ, на немъ находилось 88 путешественниковъ, въ томъ числѣ только-что посвященный въ Иркутскѣ въ архіереи преосвященный Іоасафъ [1]), и грузу—на 500 тысячъ рублей ассигнаціями. Гдѣ погибъ „Фениксъ" и отчего именно—доселѣ остается неизвѣстнымъ.

Немало „морскихъ вояжей" на „Аляскинскую землю, называемую американской, на знаемые и незнаемые острова" было предпринято во второй половинѣ XVIII вѣка извѣстнымъ рыльскимъ гражданиномъ Григоріемъ Ивановичемъ Шелеховымъ [2]). Предпріятія Шелехова завершились образованіемъ въ 1798 году (уже послѣ его смерти) „Россійско-американской компаніи", принятой въ слѣдующемъ году имп. Павломъ подъ „Высочайшее Его Величества покровительство", и окончательнымъ переходомъ въ русскія руки Аляски и Алеутовъ.

На-ряду съ промышленными и завоевательными экспедиціями „компанейцевъ", сопровождавшимися ужасными и безсмысленными жестокостями, истребленіемъ туземныхъ массъ, ограбленіемъ и закабаленіемъ въ тяжелую крѣпостную работу оставшихся въ живыхъ алеутовъ,—правительствомъ снаряжались также морскія экспедиціи съ научными цѣлями „пополненія свѣдѣній о странахъ, въ Америкѣ находящихся" и упорядоченія отношеній промышленниковъ къ туземному населенію. Таковы готовившіяся въ Кронштадтѣ, но не по-

---

[1]) Іоасафъ, епис. Кадьякскій, въ мірѣ Иванъ Ильичъ Болотовъ; род. 1761 † 1799. Существуетъ его описаніе остр. Кадьяка, напечатанное послѣ смерти въ „Другѣ просвѣщенія". 1805 г. окт.

[2]) Гр. Ив. Шелеховъ, 1747—1795. Ему посвященъ односторонній очеркъ у А. Н. Пыпина, въ т. IV „Исторіи русской этнографіи". Спб. 1892, 251—254 стран. Тамъ же указаніе сочиненій Шелехова, стран. 262.

павшая на Востокъ вслѣдствіе Шведской войны, экспедиція капитана Муловскаго (1787) и экспедиція изъ Охотска капитана Биллингса (1790), посѣтившая Алеуты и Сѣверо-Западную Америку. Свѣдѣніями, доставленными находившимся въ этой послѣдней экспедиціи капитаномъ Сарычевымъ, весьма обогатилась гидрографія тѣхъ странъ.

Къ концу XVIII стол. владѣнія русскихъ въ Америкѣ и на прилегающихъ островахъ были довольно обширны. Съ соединеніемъ многихъ отдѣльныхъ промышленниковъ и предпринимателей сперва въ „соединенную Американскую“, а затѣмъ въ „Россійско-Американскую“ компанію, возникла необходимость въ объединеніи управленія колоніями. Въ 1790 году во главѣ открытыхъ и захваченныхъ земель Шелехову удалось поставить весьма энергичнаго и предпріимчиваго человѣка—Александра Андреевича Баранова. О личности Баранова, имя котораго, къ стыду нашему, нынѣ болѣе извѣстно на островахъ Тихаго океана и въ Америкѣ, чѣмъ въ Россіи, мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія [1]). Между тѣмъ его многолѣтняя дѣятельность на далекой окраинѣ, его стремленія къ обезпеченію и укрѣпленію интересовъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, его широкіе и дальновидные торговые и политическіе планы—все это заслуживало бы детальнаго изслѣдованія. А. А. Барановъ, небогатый купецъ, уроженецъ Каргополя (Олон. губ.), не получилъ никакого сколько-нибудь систематическаго образованія; его обученіе ограничилось только элементарной грамотностью, и всѣми своими довольно обширными и точными энциклопедическими познаніями, которыя видны изъ его переписки и отзывовъ современниковъ, онъ обязанъ исключительно своей собственной пытливости, страсти къ чтенію и путешествіямъ. До 1760 года мы встрѣчаемъ Баранова занимающимся въ Петербургѣ торговыми дѣлами, затѣмъ онъ отправился искать счастья и удачи за Уралъ съ небольшимъ капиталомъ и съ громадною молодою энергіею. Сперва онъ поселился въ Иркутскѣ, постепенно устроилъ тамъ стеклянный и водочный заводы, занимался подрядами, много разъ предпринималъ торговыя путешествія по Сѣверо-Восточной Сибири, держалъ винный откупъ въ Якутскѣ, завелъ торговыя заведенія и склады въ странѣ чукчей, въ Гижигинскѣ, Анадырскѣ, Охотскѣ. Въ 1787 г. за хозяйственныя сообщенія Россійское Вольно-Экономическое общество избрало Баранова своимъ членомъ. Шелеховъ давно былъ уже знакомъ

[1]) Главныя свѣдѣнія о немъ въ его „жизнеописаніи“, составленномъ Хлѣбниковымъ (Спб. 1835). Главнымъ правителемъ Росс.-Амер. колоній былъ съ 1790 по 1818 гг. Также см. указ. выше соч. Тихменева, книгу В. Лагуса „Эрикъ Лаксманъ“ (Спб. 1890), стран. 177 и др.; Гольмбергъ Act. Soc. Seicut. Fenn. VII (1865), стран. 52 и сл. Въ соч. г. Лагусы любопытны указанія на вліяніе извѣстнаго академ. и естествоиспыт. Э. Лаксмана на Баранова.

съ Барановымъ, нѣсколько разъ звалъ его на службу компаніи, но пока шли успѣшно торговыя предпріятія самого Баранова, тотъ не хотѣлъ бросать своего дѣла. Лишь въ 1790 году, послѣ того, какъ чукчами были разрушены и истреблены всѣ его склады въ Анадырскѣ, перебиты его прикащики и рабочіе,—Барановъ рѣшился ѣхать въ Америку. Въ задачу настоящаго очерка не можетъ входить изложеніе дѣятельности Баранова въ качествѣ главнаго правителя россійско-американскихъ владѣній. Достаточно указать, что ему пришлось выдержать упорную борьбу съ туземцами (колошами, канягами, кенайцами и друг.) при весьма трудныхъ обстоятельствахъ: къ началу XIX в. русская власть была окончательно укрѣплена и признана среди мѣстныхъ племенъ. По окончаніи борьбы съ туземцами вниманіе Баранова было главнымъ образомъ посвящено развитію въ россійско-американскихъ владѣніяхъ промышленности и обезпеченію ихъ необходимыми товарами и продовольствіемъ. Мѣстное населеніе, довольствовавшееся почти исключительно рыбой, занятое главнымъ образомъ звѣроловствомъ, совершенно незнакомое съ земледѣліемъ, которому не благопріятствовали климатическія и почвенныя условія страны, не всегда могло изъ мѣстныхъ источниковъ имѣть достаточные запасы для жизни, особенно при наплывѣ русскихъ поселенцевъ съ болѣе культурными привычками и потребностями и при начавшемся быстромъ вымираніи коренныхъ обитателей. Отдаленность земель Россійско-Американской компаніи отъ русскихъ портовъ, главнымъ изъ коихъ являлся къ тому же мало удобный Охотскъ, самъ по себѣ слишкомъ отдаленный отъ большихъ торговыхъ центровъ, заставляла стремиться къ установленію и развитію торговыхъ сношеній съ Азіей, Америкой и лежащими между ними островами. Необходимость для колоній оживленныхъ торговыхъ оборотовъ, какъ для обезпеченія ихъ самихъ, такъ и для сбыта пушныхъ товаровъ, принадлежавшихъ компаніи, въ связи съ постоянными затрудненіями въ торговлѣ, возникавшими благодаря весьма сложнымъ политическимъ отношеніямъ того времени, привела мало по малу Баранова къ мысли о крайней желательности расширенія нашихъ владѣній въ болѣе пригодныхъ по природнымъ условіямъ для культуры странахъ юга. Формальное право на производство изысканій и организаціи экспедицій съ цѣлью увеличить владѣнія болѣе плодоносными странами могло опираться на привилегіи, дарованныя въ 1799 г. Россійско-Американской компаніи отъ императора Павла. Пунктъ 2-й этихъ привилегій разрѣшалъ компаніи „дѣлать открытія не только выше 55-го градуса сѣверной широты, но и далѣе къ югу и занимать открываемыя земли въ россійское владѣніе... если эти земли никакимъ другимъ народомъ не заняты и не вступили въ ихъ зави-

симость". Пунктъ 3-й привилегіи дозволялъ „заводить, гдѣ компанія найдетъ за нужное, по надобности и лучшему разумѣнію, заселенія и укрѣпленія для безопасности пребыванія".

Еще Шелеховъ просилъ разрѣшенія компаніи завести торговлю съ Японіей, Китаемъ, Индіей и Филиппинами, ходатайствуя „для лучшаго хода торговыхъ дѣлъ съ иностранцами" о назначеніи въ предполагаемыхъ мѣстахъ торговли россійскихъ консуловъ изъ „лицъ свѣдущихъ и важнаго духа". Экспедиція въ Японію Лаксмана [1]) въ 1792 г. (первое посѣщеніе русскими японскихъ острововъ) была, какъ кажется, результатомъ подобныхъ ходатайствъ, но въ общемъ Шелехову не удалось выхлопотать расширеніе и обезпеченіе своихъ торговыхъ операцій. „Намѣренія наши на Кантонъ, писалъ онъ Баранову, пресѣклись, ибо французы заставили весь свѣтъ противу себя воевать". „Но, продолжалъ онъ, дѣло это со временемъ не оставимъ исполнить, ибо имѣемъ въ томъ нужду и для Охотска". Ставшій вскорѣ послѣ смерти Шелехова (1795 г.) фактически во главѣ компаніи зять Шелехова камергеръ Н. П. Резановъ [2]) былъ человѣкъ, склонный къ широкимъ планамъ и очень предпріимчивый. Отмѣченныя выше крайнія трудности доставленія въ колоніи необходимыхъ для нихъ товаровъ морскимъ путемъ изъ Охотска и чрезвычайныя затрудненія, сопряженныя съ транспортированіемъ ихъ до этого порта черезъ Сибирь, привели Резанова къ необходимости безотлагательно испытать другіе, удобнѣйшіе способы снабженія россійскихъ владѣній въ Америкѣ. По его представленію въ 1803 году, компаніи было разрѣшено снарядить изъ Балтики кругосвѣтную экспедицію, которая должна была доставить въ колоніи нужные запасы и, забравъ оттуда мѣха и колоніальные товары, на обратномъ пути попытаться распродать ихъ въ южныхъ портахъ Китая. Для этой цѣли въ Лондонѣ было куплено два судна: „Леандръ", переименованное въ „Надежду" (430 тоннъ) и „Темза", переименованное въ „Неву" (373 тонны). Командованіе первымъ кораблемъ и всей экспедиціей было ввѣрено капитанъ-лейтенанту Крузенштерну [3]), а вторымъ—капитанъ-лейтенанту Лисянскому [4]).

[1]) См. Мор. сб. 1869 г. № 11. Ст. А. Сгибнева „Охотскій портъ съ 1649 по 1852 г." Описаніе путешествія самого Лаксмана изд. въ Петербургѣ въ 1805 г.

[2]) Никол. Петр. Резановъ, 1764—1807. Свѣдѣнія о немъ въ вышеупомянутой книгѣ Тихменева и въ ст. г. Военскаго „Русское посольство въ Японію въ нач. XIX в." „Рус. Стар." 1895 г. №№ 7 и 10, также въ вышеназван. соч. В. Лагуса объ Э. Лаксманѣ.

[3]) Ив. Ѳед. Крузенштернъ, 1770—1846. Записки его о путешествіи—Спб. 1809—1813. Крузенштернъ очень настаивалъ на идеѣ кругосвѣтнаго путешествія въ колоніи.

[4]) Юр. Ѳед. Лисянскій, 1784—1837. Описаніе его путеш. изд. въ Спб. 1813 г.

Во время приготовленія судовъ къ плаванію послѣдовали многія существенныя измѣненія въ первоначальномъ планѣ экспедиціи, такъ какъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ отправленіи на ея судахъ посольства въ Японію [1]). Посломъ былъ назначенъ Резановъ, на котораго также было возложено порученіе на мѣстѣ изучить нужды россійско-американскихъ владѣній, обревизовать мѣстное управленіе и устранить замѣченные недостатки.

Главной же задачей Японской миссіи было установленіе возможности торговыхъ сношеній съ этой стороны колоній, весьма въ нихъ нуждавшихся. Послѣ посѣщенія Японіи поручикомъ Адамомъ Лаксманомъ [2]) подъ предлогомъ доставленія въ отечество бывшихъ въ Сибири японцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе и выброшенныхъ на берегъ, можно было ожидать съ нѣкоторой увѣренностью удовлетворительныхъ результатовъ отъ вторичной попытки русскихъ вступить въ сношенія съ Японіею. Изъ путешествія Лаксмана оказывалось, что онъ былъ принятъ японскими чиновниками очень привѣтливо, хотя письмо, привезенное имъ отъ сибирскаго генералъ-губернатора, не было принято японцами подъ предлогомъ, что передача такого письма могла послѣдовать не иначе, какъ въ Нагасаки. Въ заключеніе своихъ переговоровъ Лаксманъ получилъ листъ со знакомъ японскаго императора, заключавшій въ себѣ дозволеніе одному русскому судну прибыть въ Нагасаки для веденія переговоровъ съ японскимъ правительствомъ. 28 іюля 1803 года экспедиція Резанова и Крузенштерна вышла изъ Кронштадта, и черезъ годъ „Нева“ достигла остр. Кадьяка, „Надежда“ же направилась къ берегамъ Камчатки.

Въ концѣ августа 1804 г. судно „Надежда“ вышло изъ Камчатки для слѣдованія въ Японію и послѣ шестинедѣльнаго плаванія достигло Нагасаки. Ошибочный образъ дѣйствій Резанова, выразившійся въ всевозможныхъ съ его стороны уступкахъ и согласіи на ограниченіе свободы посольства при переселеніи его для жительства съ судна на берегъ, въ видахъ оказанія особеннаго вниманія и уваженія японскимъ законамъ и обычаямъ, имѣли весьма неудовлетворительный исходъ. Въ японскомъ государственномъ совѣтѣ получала перевѣсъ партія, не желавшая вступать въ сношенія вообще съ иностранцами, не исключая и голландцевъ, стѣсняемыхъ во всемъ и нерѣдко тер-

---

[1]) См. указанную статью Военскаго.

[2]) Изложеніе свѣдѣній о путешествіи въ Японію Лаксмана и Резанова основано преимущественно на данныхъ книги Тихменева, оспариваемыхъ г. В. Лагусомъ въ его сочин. о В. Лаксманѣ (Спб. 1890). О путешествіи А. Лаксмана смотри книгу „Первое русское посольство въ Японію поручика Адама Лаксмана. М. 1805“. Сущ. тоже очень рѣдкая книга объ этомъ путешествіи В. Берха. Спб. 1822 г.

пѣвшихъ униженія ради жалкой привилегіи посылать въ Японію одно торговое судно въ годъ; перевѣсъ этой партіи былъ причиной совершенной неудачи Резанова въ достиженіи желаемаго. Ему было также отказано въ позволеніи вручить оффиціальное письмо нашего правительства, равно и привезенные имъ подарки. По словамъ переводчиковъ и прочихъ японскихъ чиновниковъ, участвовавшихъ въ переговорахъ, отказъ вступить въ сношенія съ Россіей произвелъ весьма неблагопріятное дѣйствіе въ народѣ. Многіе изъ японцевъ убѣждали Резанова выразить чѣмъ бы то ни было неудовольствіе на отказъ японскаго правительства вступить съ нимъ въ сношенія; они увѣряли, что въ такомъ случаѣ невозможно будетъ дальнѣйшее противодѣйствіе со стороны членовъ японскаго совѣта, нерасположенныхъ къ новымъ порядкамъ, и слѣдовательно возможно ожидать непремѣнной уступки со стороны японскаго правительства. Заключеніе это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что многіе изъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ въ Японіи, явно высказывали свое расположеніе къ внѣшнимъ сношеніямъ. Резановъ ни на что не рѣшился, не прибѣгъ ни къ какимъ враждебнымъ демонстраціямъ противъ Японіи и, не достигнувъ въ своемъ посольствѣ ни одной изъ поставленныхъ ему цѣлей, возвратился въ началѣ іюня 1805 года въ Камчатку.

Почти одновременно также неудачно окончилась параллельная попытка со стороны Россіи вступить въ переговоры съ Китаемъ объ уступкѣ Россіи важнѣйшаго естественнаго пути сообщенія средней Сибири съ крайними предѣлами русскихъ владѣній на Востокѣ — р. Амура. Мы разумѣемъ посольство президента коммерцъ-коллегіи гр. Головкина (1806 г.). Мысль о возвращеніи Россіи Амура принадлежала Резанову и была вполнѣ раздѣляема гр. Н. П. Румянцевымъ.

II.

Изъ Камчатки Резановъ отправился на Алеуты и въ Аляску для изученія состоянія россійско-американскихъ владѣній. Тамъ на мѣстѣ ему пришлось убѣдиться, какую нужду терпятъ русскія поселенія во всемъ необходимомъ вслѣдствіе неудобствъ сообщеній и недостатка торговыхъ сношеній: хлѣба выдавалось не болѣе фунта въ недѣлю на каждаго, свѣжей рыбы не было, сушеная юкола, сивучина и изрѣдка нерпа составляли единственную пищу новоархангельцевъ. Нужда заставила не пренебрегать ничѣмъ, ѣли орловъ, воронъ, каракатицъ;

сильно развился скорбутъ, больнымъ давали пшено съ патокою и пиво, сваренное изъ еловыхъ шишекъ.

При такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ Барановъ настаивалъ на попыткѣ завязать торговыя сношенія съ богатой хлѣбомъ Калифорніей. Съ начала XIX ст. въ Калифорніи Барановымъ уже были организованы звѣроловные промыслы—главнымъ образомъ добыча бобровъ—частью совмѣстно съ иностранными предпринимателями (Океинымъ, Виншипомъ, Эрсомъ), частью самостоятельно. Теперь Барановъ убѣдилъ Резанова снарядить торговую экспедицію въ С.-Франциско. Главнѣйшимъ затрудненіемъ для установленія постоянныхъ торговыхъ отношеній съ Калифорніей являлась политика испанскаго правительства, которое всѣми мѣрами старалось оградить свои колоніи отъ всякихъ сношеній съ кѣмъ-либо, кромѣ испанскихъ подданныхъ. Главное руководство въ экспедиціи принялъ на себя самъ Резановъ. Въ концѣ февраля 1807 г. онъ вышелъ въ море на кораблѣ „Юнона“, бывшемъ подъ управленіемъ лейт. Хвостова; послѣ нелегкаго мѣсячнаго плаванія „Юнона“ достигла залива С.-Франциско.

Дальнѣйшій разсказъ объ экспедиціи Резанова покажетъ, сколько ловкости, хитрости и предпріимчивости необходимо было пустить въ ходъ для достиженія сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

Зная подозрительность испанцевъ, Резановъ, рѣшился войти въ портъ безъ обычнаго испрошенія разрѣшенія. Несмотря на то, что когда русскій корабль поровнялся съ крѣпостью, ему было дано нѣсколькими сигналами распоряженіе бросить якорь, онъ все же не останавливался, хотя и показывалъ видимую готовность выполнить предъявленное къ нему требованіе. Наконецъ, войдя при благопріятномъ вѣтрѣ въ гавань, „Юнона“ встала на якорь въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости (приблиз. около 500 шаг.). Немедленно на русское судно прибылъ, въ сопровожденіи миссіонера, сынъ коменданта донъ Луисъ де Аргуэльо, исправлявшій за отсутствіемъ отца должность коменданта. Резановъ объяснилъ, что онъ шелъ въ Монтерей (резиденція испанскаго губернатора), что жестокій вѣтеръ и необходимость въ починкѣ судна заставили его зайти въ первый попавшійся портъ, прибавивъ, что онъ тотъ самый русскій уполномоченный, о которомъ мѣстныя власти должны были получить извѣстіе отъ испанскаго правительства. Удовольствовавшись объясненіемъ Резанова, сынъ коменданта пригласилъ его съ офицерами къ себѣ, а на судно тотчасъ же прислалъ свѣжіе припасы, которые очень подкрѣпили команду.

На вопросъ, гдѣ суда „Нева“ и „Надежда“, о прибытіи коихъ было получено увѣдомленіе, Резановъ отвѣчалъ, что отослалъ ихъ

обратно въ Россію и что, будучи назначенъ отъ россійскаго императора главнымъ начальникомъ американскихъ областей (здѣсь Резановъ сдѣлалъ явную натяжку), онъ желалъ бы переговорить съ испанскимъ губернаторомъ Калифорніи объ обоюдныхъ пользахъ русскихъ и испанскихъ владѣній, находящихся въ близкомъ сосѣдствѣ. Для опроверженія слуховъ, распущенныхъ нѣкоторыми иностранцами, о бѣдности русскихъ колоній, Резановъ послалъ всѣмъ значительнымъ лицамъ въ крѣпости дорогіе подарки, что́ невольно склонило ихъ въ его пользу, и первымъ послѣдствіемъ такого распоряженія было обѣщаніе снабдить русскихъ достаточнымъ количествомъ свѣжей провизіи для дальнѣйшаго плаванія „Юноны“.

Замѣтивъ изъ разговоровъ съ миссіонерами, что испанцы колоній не прочь вступить съ нимъ въ торговыя связи, и что нужный для колоній грузъ продовольственныхъ припасовъ можетъ быть легко закупленъ на мѣстѣ, Резановъ отправилъ къ губернатору Калифорніи письмо, въ которомъ просилъ о дозволеніи пріѣхать къ нему въ Монтерей для личнаго свиданія. Губернаторъ, донъ Арильяго, отвѣчалъ, что онъ никакъ не допуститъ до этого Резанова (вѣроятно, главнымъ образомъ изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе центральнаго правительства за разрѣшеніе въѣзда иностранцевъ внутрь страны), но что онъ самъ поспѣшитъ явиться въ С.-Франциско, чтобъ познакомиться съ представителемъ русскихъ колоній, прибавивъ, что имъ отданы распоряженія употребить всевозможныя средства къ исполненію всѣхъ желаній дорогаго гостя.

Въ ожиданіи губернатора Резановъ со своими офицерами проводилъ каждый день въ гостепріимномъ домѣ дона Аргуэльо. При этомъ Резанову удалось пріобрѣсти расположеніе со стороны одной изъ дочерей коменданта доньи Консепсіи, благодаря чему упрочивались дружественныя сношенія русскихъ съ мѣстной калифорнской администраціей, столь необходимыя для достиженія той цѣли, съ которою прибылъ въ С.-Франциско Резановъ. Полнота разсказа требуетъ нѣсколько распространиться въ дальнѣйшемъ изложеніи о томъ участіи, которое принимала одна изъ представительницъ прекраснаго пола въ спасеніи Ситхи отъ ужасовъ голодовки. Донья Консепсія слыла первою красавицею во всей Калифорніи, и ея честолюбію, а можетъ быть и особенной любезности Резанова, русскія владѣнія въ Америкѣ обязаны тѣмъ, что изобиліе смѣнило у нихъ крайнюю нужду.

По пріѣздѣ губернатора въ С.-Франциско самыя дружественныя отношенія замѣнились церемонною принужденностью между представителями Россіи и Испаніи. Резановъ немедленно приступилъ къ дѣлу, но, несмотря на то, что лично произвелъ на губернатора самое пріятное впечатлѣніе, донъ Арильяго не рѣшился сразу удовлетворить его

просьбу, и совѣтовался съ комендантомъ и миссіонерами, которые были вполнѣ на сторонѣ Резанова.

При слѣдующемъ свиданіи донъ Арильяго обѣщалъ дать русскимъ разрѣшеніе на покупку хлѣба, но, повидимому, колебался исполнить это обѣщаніе. Еще болѣе привели его въ смущеніе полученныя имъ въ это время извѣстія о разрывѣ Россіи съ Франціею, изъ которыхъ послѣдняя находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Испаніей. Онъ даже счелъ необходимымъ вытребовать изъ Монтерея часть гарнизона и расположилъ его въ недальнемъ разстояніи отъ С.-Франциско. Подобное распоряженіе, хотя и приводилось въ исполненіе съ большою таинственностью, стало извѣстно Резанову. Къ тому же ожиданіе прибытія въ калифорнскія воды испанскаго крейсера и, наконецъ, явно обнаружившееся намѣреніе нѣкоторыхъ изъ иностранцевъ, находившихся въ числѣ экипажа „Юноны“, измѣнить при удобномъ случаѣ русскимъ, всѣ эти обстоятельства заставляли Резанова спѣшить съ отбытіемъ изъ С.-Франциско.

Въ виду всего этого Резановъ рѣшился на смѣлый шагъ для достиженія своей цѣли и благополучнаго отбытія въ Ситху. Имѣя случай ежедневно видѣть донью Консепсію и замѣтивъ въ ней необыкновенную независимость убѣжденій и вмѣстѣ съ тѣмъ неограниченное честолюбіе, Резановъ вздумалъ воспользоваться ея вліяніемъ на прочихъ членовъ семейства коменданта и близкими отношеніями, въ которыхъ находился къ этой семьѣ губернаторъ. Стараясь внушить молодой дѣвушкѣ мысль объ увлекательной, шумной великосвѣтской жизни въ столицѣ Россіи, роскоши императорскаго двора и пр., онъ довелъ ее до того, что желаніе сдѣлаться супругой русскаго камергера сдѣлалось ея любимою мечтою. Первый намекъ со стороны Резанова на то, что отъ нея зависитъ осуществленіе ея видовъ, былъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы заставить ее дѣйствовать согласно съ его желаніями.

Хотя желаніе доньи Консепсіи выйти замужъ за русскаго—схизматика и поразило ея родителей, ревностныхъ католиковъ, но все же Резанову удалось достигнуть того, что его обручили съ дочерью дона Аргуэльо. Окончательное же рѣшеніе вопроса объ этомъ бракѣ было оставлено до полученія разрѣшенія отъ папы. Со времени обрученія Резановъ, какъ будущій близкій родственникъ коменданта, могъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. Въ семействѣ Аргуэльо отъ него не было уже болѣе никакихъ тайнъ, и даже въ отношеніи предметовъ, чуждыхъ чисто семейнымъ дѣламъ. Самый портъ и всѣ его служащіе незамѣтно оказались въ распоряженіи русскаго камергера. Губернаторъ, побуждаемый со всѣхъ сторонъ просьбами исполнить желаніе Резанова о снабженіи русскихъ колоній хлѣбомъ, не только

въ концѣ концовъ согласился уступить русскимъ требуемое количество съѣстныхъ припасовъ, но даже предоставилъ въ ихъ распоряженіе своихъ людей для нагрузки. Братья доньи Консепсіи уже успѣли заранѣе заготовить большую часть нужнаго количества хлѣба, остальное же количество наперерывъ доставили миссіонеры. Нагрузка шла чрезвычайно быстро, и Резановъ, не обращая, повидимому, на распространявшіеся среди мѣстнаго населенія все болѣе и болѣе слухи о войнѣ, устраивалъ безпрестанно для властей праздники и обѣды и такимъ образомъ старался заглушить въ нихъ мысль о близкой, можетъ быть, враждѣ между обѣими державами.

„Юнона“ не могла вмѣстить болѣе 4.600 пуд. груза, состоявшаго изъ пшеницы, муки, ячменя, гороха, бобовъ, соли, сала и небольшаго количества сушенаго мяса.

8 мая 1806 года Резановъ вышелъ изъ Калифорніи и въ началѣ іюня благополучно прибылъ въ Новоархангельскъ.

Снабженіе колоній продовольственными припасами изъ Калифорніи Резановъ и Барановъ считали столь выгоднымъ и удобнымъ, что при продолженіи сношеній надѣялись впослѣдствіи этимъ же путемъ доставлять хлѣбъ и другіе нужные предметы въ Охотскъ и Камчатку по цѣнамъ слишкомъ въ полтора раза меньшимъ противъ существовавшихъ тамъ въ 1804—6 гг., когда четверть хлѣба (вѣсомъ 7 пуд. 10 фун.) стоила 34—35 руб. ассигн., и четверть крупы 54—60 руб. ассигн. Любимою же мечтою этихъ двухъ русскихъ дѣятелей въ Новомъ Свѣтѣ было занятіе тѣхъ мѣстъ, которыя по конвенціи 1790 г. находились въ общемъ владѣніи Франціи и Испаніи. Они полагали, что дѣло это могло бы уладиться сравнительно очень легко при содѣйствіи нашего правительства, такъ какъ ни одна изъ названныхъ двухъ державъ не имѣла въ этихъ мѣстахъ никакихъ колоній. Сперва предполагалось устроить русское поселеніе въ заливѣ Жуанъ де Фука, въ портѣ Дисковери, гдѣ, по описанію Ванкувера, земля была вполнѣ плодородна, и гдѣ можно было съ успѣхомъ охотиться за бобрами и черными медвѣдями, водившимися тамъ въ изобиліи. На занятіе этого мѣста, равно какъ и порта Гавръ де Грей и рѣки Колумбіи считали достаточнымъ не болѣе 200 человѣкъ. Учредивъ поселеніе, укрѣпившись въ ней и ласковымъ обращеніемъ привязавъ къ себѣ туземцевъ, русскіе получали возможность непримѣтно, мало по малу, подвинуться къ Калифорніи и такимъ образомъ войти съ нею въ непосредственное сосѣдство. Выгодное же положеніе близкаго порта С.-Франциско имѣло шансы привлечь въ него торгующихъ изъ всѣхъ странъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ о Калифорніи Резановъ, между прочимъ, писалъ: „Если бы прозорливые виды Петра В., начертавшаго при малыхъ тогда способахъ Берингову экспедицію, были какъ слѣ-

дуетъ выполнены, то можно утвердительно сказать, что Калифорнія никогда не была бы испанской провинціей, ибо съ 1760 г. только испанцы обратили на эту страну вниманіе и упрочили ее за собою единственно дѣятельностью миссіонеровъ".

Можетъ быть, предпріимчивость Резанова при дружественныхъ и семейныхъ связяхъ, заведенныхъ имъ въ Калифорніи, и помогла бы хоть нѣсколько осуществленію его плановъ относительно утвержденія русскихъ факторій по сосѣдству съ этой страной, но вниманіе его вскорѣ было отвлечено отъ Калифорніи предпринятой исключительно по его почину военной экспедиціей въ Японію [1]). Для этой „секретной" экспедиціи Резановъ выбралъ два судна, принадлежащія компаніи—„Юнону" и „Авось", во главѣ которыхъ стояли состоявшіе на компанейской службѣ морскіе офицеры лейт. Хвостовъ [2]) и мичм. Давыдовъ [3]). Приписывая отказъ японскаго правительства заключить торговый договоръ съ Россіей единственно противодѣйствію партіи, стоявшей за отчужденіе своего отечества отъ иностранцевъ, и считая эту партію не очень многочисленною, Резановъ пришелъ къ убѣжденію, что Японію возможно силою принудить къ исполненію желаній русскаго правительства. Еще до своего путешествія въ С.-Франциско, съ остр. Уналашки Резановъ писалъ Александру I-му: „Усиля американскія заведенія и выстроивъ суда, можемъ и японцевъ принудить къ открытію торга, котораго народъ весьма сильно желаетъ у нихъ. Я не думаю, чтобы Ваше Величество вмѣнили мнѣ въ преступленіе, когда, имѣвъ теперь достойныхъ сотрудниковъ, каковы Хвостовъ и Давыдовъ, и помощію которыхъ выстроивъ суда, пущусь на будущій годъ къ берегамъ японскимъ разорить на Матсманѣ селеніе ихъ, вытѣснить ихъ изъ Сахалина и разнести по берегамъ страхъ, дабы, отнявъ между тѣмъ рыбные промыслы и лиша до 200.000 человѣкъ пропитанія, тѣмъ скорѣе принудить ихъ къ открытію съ нами торга, къ которому они обязаны будутъ".

На это донесеніе Резановъ не получилъ никакого отвѣта, но не отказался отъ своей мысли. 27 іюля 1806 года онъ вышелъ съ двумя судами изъ Новоархангельска, лично принявъ на себя руководство всѣмъ предпріятіемъ. Будучи уже близко отъ береговъ Японіи, Резановъ внезапно перемѣнилъ свое намѣреніе: „Юнонѣ" съ Хвостовымъ было приказано идти въ Охотскъ (самъ онъ также былъ на „Юнонѣ"), а „Авосю" съ Давыдовымъ — въ Аниву, — заливъ въ южной части

[1] Подробности см. въ „Двукратномъ путешествіи въ Америку Хвостова и Давыдова". Спб. 1810.

[2]) Ник. Алек. Хвостовъ 1776—1809. Свѣдѣнія о немъ имѣются въ Русск. Біогр. Слов.

[3]) Гавр. Иван. Давыдовъ ум. 1809 г. лейт.

остр. Сахалина. Въ Охотскѣ Резановъ вновь передумалъ, вновь рѣшилъ напасть на берега Японіи, но уже лично отказался принимать въ ней участіе и, оставивъ двусмысленныя инструкціи Хвостову, уѣхалъ въ Россію. Въ силу данной ему инструкціи Хвостовъ осенью 1806 года разорилъ въ зал. Анивѣ японскія прибрежныя селенія и то же самое повторилъ и весною 1807 года. Никакихъ послѣдствій въ смыслѣ установленія торговыхъ сношеній съ Японіей эти нападенія не имѣли и остались для исполнителей ихъ безнаказанными, если не считать нѣкотораго неудовольствія имп. Александра I-го и кратковременнаго арестованія Давыдова и Хвостова (въ іюлѣ 1807 г.) командиромъ Охотскаго порта капитаномъ 2-го ранга Бухаринымъ [1]). 1-го марта 1807 г. умеръ Николай Петровичъ Резановъ, одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ, просвѣщенныхъ и дальновидныхъ членовъ Россійско-Американской компаніи. Смерть не дала ему времени для осуществленія всѣхъ его широкихъ и смѣлыхъ плановъ. Можетъ быть и справедливъ отзывъ о немъ извѣстнаго Головнина (въ запискѣ, относящейся къ 1818 г.), что „сей человѣкъ былъ болѣе способенъ сочинять мечтательныя предначертанія въ кабинетѣ, нежели къ великимъ дѣламъ, происходящимъ на свѣтѣ“, но въ видахъ справедливости слѣдуетъ воздать должное способности Резанова заглядывать въ будущее, отдаваться всецѣло тому дѣлу, которое ему было поручено, и его стремленію всегда избѣгать шаблонныхъ путей и рутинныхъ пріемовъ.

III.

Со смертью Резанова проекты его объ установленіи и обезпеченіи постоянныхъ торговыхъ сношеній россійско-американскихъ владѣній съ Калифорніею и объ основаніи вблизи ея русскихъ поселеній не заглохли. Главное правленіе Россійско-Американской компаніи неоднократно обращалось къ правительству съ просьбой исходатайствовать у испанскаго двора разрѣшенія на торговлю компаніи съ испанскими колоніями въ Америкѣ. На первое представленіе главнаго правленія по этому предмету, сдѣланное въ 1808 году, оно получило увѣдомленіе отъ государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцева, что на переданное испанскому правительству представленіе отъ него не послѣдовало отвѣта. На вторичное представленіе главнаго правле-

[1]) Объ этомъ Бухаринѣ—знаменитомъ охотскомъ и камчатскомъ „сатрапѣ“ и взяточникѣ, см. интересныя данныя у г. Сгибнева. Мор. сб. 1869 г. № 11.

нія—въ 1809 году, гр. Румянцевъ отвѣтилъ компаніи по высочайшему повелѣнію, чтобы „она сама себѣ прокладывала дорогу въ торговлѣ съ Калифорніею". Тотчасъ же было предписано Баранову послать въ С.-Франциско судно съ грузомъ наиболѣе употребительныхъ Калифорнскими жителями товаровъ при прокламаціи отъ главнаго правленія о желаніи Россійско-Американской компаніи доставлять необходимые для тамошнихъ обитателей предметы въ обмѣнъ на произведенія самой Калифорніи. Въ 1812 году Барановъ отправилъ въ Монтерей своего уполномоченнаго, американскаго шкипера Эрса, и поручилъ ему довести предложеніе компаніи до мексиканскаго вице-короля. Эрсъ привезъ отвѣтъ, что мѣстные жители были бы весьма рады завести торговлю, но не смѣютъ нарушить запретъ безъ согласія центральной власти и просятъ компанію исходатайствовать въ Мадридѣ соотвѣтствующее дозволеніе. Испанскій консулъ въ Петербургѣ Сеа де Бермудесъ докладывалъ своему правительству пользу для колоніи домогательствъ компаніи; главное правленіе въ третій разъ повторило свою просьбу Румянцеву съ представленіемъ отзыва Калифорнскихъ властей,—но испанское правительство упрямо не хотѣло измѣнять своимъ традиціямъ.

Неудачи въ попыткахъ установить постоянныя торговыя отношенія, въ видахъ обезпеченія русскихъ владѣній продовольствіемъ, заставили компанію перейти къ попыткамъ осуществленія другихъ предположеній Резанова — объ основаніи земледѣльческихъ колоній. Имѣя въ виду совершенную невозможность завести земледѣліе въ какой-либо изъ мѣстностей, принадлежащихъ компаніи, по чрезвычайному обилію дождей, препятствующихъ созрѣванію хлѣбныхъ растеній, и по другимъ климатическимъ условіямъ, главное правленіе рѣшило устроить компанейское поселеніе въ болѣе благопріятномъ климатѣ, а именно въ мѣстности, о которой уже думалъ и Резановъ, на близкихъ къ русскимъ владѣніямъ берегамъ Новаго Альбіона. Берега эти получили свое названіе отъ англійскаго мореплавателя Дрэка; Испанія, хотя и претендовала на принадлежность ей сѣверозападнаго берега Америки до пролива Жуанъ де Фука, но такъ какъ доказательства ея правъ на эту территорію основывались только на томъ обстоятельствѣ, что въ 1788 году два испанскихъ судна плавали въ водахъ сопредѣльныхъ берегамъ Новаго Альбіона и пытались основать поселеніе въ заливѣ Нутка, то такія права подлежали сильному сомнѣнію. Непрочность испанскихъ правъ на названные берега подтверждалась и фактами: такъ испанцы захватили въ заливѣ Нутка англійское коммерческое судно, но по требованію англійскаго правительства должны были заплатить собственникамъ судна убытки, и въ 1790 году, по договору между Испаніей и Англіей, было уни-

чтожено самое испанское поселеніе въ заливѣ Нутка, всѣ же порты къ сѣверу отъ С.-Франциско были открыты для свободной торговли подданныхъ обѣихъ державъ. Учрежденіе же впослѣдствіи американцами укрѣпленія и факторіи на р. Колумбіи безъ всякаго возраженія со стороны Испаніи рѣшительно исключало всякія притязанія испанцевъ на безспорное обладаніе берегами Америки къ сѣверу отъ Калифорніи.

Въ 1809 году главнымъ правленіемъ было испрошено черезъ гр. Румянцева соизволеніе императора Александра Павловича на учрежденіе компанейскаго заселенія на берегахъ Новаго Альбіона и объ оказаніи всемилостивѣйшей защиты въ случаѣ противодѣйствія со стороны иностранцевъ. При этомъ компаніей было изложено о выгодахъ, если таковое заселеніе будетъ учреждено самимъ русскимъ правительствомъ.

Государемъ было повелѣно: „предоставить компаніи учредить такое заселеніе отъ себя и обнадежить ее при томъ высочайшей защитой во всякомъ случаѣ“.

Съ развѣдочною цѣлью обозрѣнія мѣстности и избранія пункта для устройства будущаго поселенія, Барановъ осенью 1809 г. послалъ подъ начальствомъ своего помощника—Кускова, два судна—„Кадьякъ“ и шк. „Св. Николай“.

25 d 82.

„Кадьякъ“ съ Кусковымъ направился къ порту Гавръ де Грей, „Св. Николай“—съ командиромъ этой шкуны Булыгинымъ—къ устью р. Колумбіи. При дальнѣйшемъ слѣдованіи на соединеніе съ „Кадьякомъ“ шкуна была разбита бурею у порта Гавръ де Грей, на ея выброшенный волнами экипажъ напали туземцы, многихъ убили, остальныхъ захватили въ плѣнъ. Эти плѣнные были лишь черезъ годъ выручены Кусковымъ. Кусковъ, воротившись въ Ситху, указалъ Баранову на облюбованное имъ для заселенія мѣсто — по сосѣдству съ зал. Румянцева (Мал. Бодего).

Въ 1810 году Кусковъ вновь отправился къ зал. Бодего на кораблѣ „Юнона“ съ намѣреніемъ основать заселеніе, но эта поѣздка окончилась неудачею: нападеніе на „Юнону“ у острова Корол. Шарлотты хорошо вооруженныхъ туземцевъ разстроило его планы, и онъ былъ вынужденъ воротиться въ Новоархангельскъ.

Наконецъ, въ 1811 году Кусковъ прибылъ къ намѣченному имъ мѣсту и началъ подготовительныя работы по устройству поселка. Проведя всю зиму у зал. Мал. Бодего, онъ сблизился съ вліятельнѣйшими изъ туземцевъ, обласкалъ, одарилъ ихъ и добился согласія на уступку русскимъ нужнаго количества земли. Затѣмъ, съѣздивъ къ Баранову для окончательныхъ совѣщаній, въ мартѣ 1812 г. Кусковъ привезъ къ берегамъ Новаго Альбіона грузъ матеріаловъ для первоначальнаго обзаведенія.

Мѣстомъ для заселенія была избрана небольшая бухта, расположенная около 15 ит. миль отъ зал. Румянцева (Мал. Бодего), на широтѣ 38°15′ и 123°15′ вост. долг. Ко дню тезоименитства императора Александра I—30 авг. 1812 г.—русское укрѣпленіе со всѣми службами было готово, въ этотъ день торжественно освящено и получило названіе „Россъ“. Ядро поселка Россъ состояло изъ крѣпостцы, обнесенной тыномъ и рогатками, площадью 42×49 саж. Крѣпостца была построена на пригоркѣ (выше уровня моря на 110 фут.), вооружена 10 пушками. На склонахъ пригорка находились жилища переселенныхъ сюда алеутовъ и русскихъ. Внутри укрѣпленія находился домъ правителя и нѣкоторыя кладовыя; уже впослѣдствіи (въ 1814 году) вблизи землянокъ и домиковъ поселенцевъ были построены казармы для служащихъ, продовольственные магазины, сараи, кладовыя, мастерскія, бани, кожевенный заводъ, вѣтряная мельница, скотный дворъ. Постройки всѣ были деревянныя, матеріаломъ для нихъ главнымъ образомъ служила красная сосна (чага, похожая на лиственницу), которую легко было доставать изъ окрестности Бодего. Въ расположеніи частныхъ построекъ не замѣчалось опредѣленнаго плана: онѣ то безпорядочно жались въ кучу, то были разбросаны на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Такое отсутствіе плана въ устройствѣ Росса современныя данныя объясняютъ тѣмъ, что Кусковъ якобы не хотѣлъ мѣшаться во „вкусы“ алеутовъ, не привыкшихъ къ стройности и планомѣрности; вѣрнѣе объяснить это явленіе тѣмъ, что Кусковъ самъ не могъ уяснить себѣ необходимости и полезности какой-либо распланировки.

При заселеніи не было хорошаго рейда, такъ что суда могли стоять безопасно въ бухтѣ лишь при NN вѣтрахъ; вблизи берега было много подводныхъ камней. На половинѣ разстоянія между Россомъ и зал. Мал. Бодего протекала рѣчка, называемая мѣстными жителями Шабакой, переименованная русскими въ Славянку. Рѣка эта вытекала изъ большаго озера, устье же ея преграждалось баромъ и при SW вѣтрахъ, сопровождаемыхъ большей частью дождями, засыпалась пескомъ въ такомъ количествѣ, что теченіе рѣки еле пробивало себѣ узкій проходъ. По рѣкѣ, на большомъ уже разстояніи отъ моря, было много подводныхъ и надводныхъ камней, изъ числа которыхъ одинъ, замѣчательный по величинѣ, имѣлъ въ срединѣ большое отверстіе, получившее названіе Славянскихъ воротъ.

Пристань находилась въ малой губѣ, къ югу отъ укрѣпленія. Возлѣ нея была устроена верфь для постройки судовъ, сараи и кузницы. Между пристанью и укрѣпленіемъ, въ долинѣ были расположены огороды. Разведенію овощей, изъ которыхъ особенно успѣшно

произросталъ картофель (2 раза въ годъ, самъ 10, 11), мѣшали многочисленные кроты. Продовольствіемъ жителей служило мясо сивучей и мѣстной птицы аръ, для охоты—были зубры, дикія козы, бараны. Въ морѣ и рѣкѣ водилось большое количество рыбы; пушныхъ звѣрей—было очень мало. Изъ домашняго скота—возможно было разведеніе лошадей, коровъ, овецъ,—мѣстной и привозныхъ породъ.

Главною цѣлью вновь устроенной колоніи было заведеніе въ ней земледѣлія въ обширныхъ размѣрахъ. Но достиженіе этой цѣли было крайне затруднено по многимъ причинамъ.

Главною была сильная степень влажности воздуха и морскіе туманы, сильно отражавшіеся на урожаяхъ; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о нерасположеніи къ обрабатыванію земли у алеутовъ, креоловъ и русскихъ промышленниковъ, всячески старавшихся уклониться отъ этого занятія и предпочитавшихъ ему всякое другое.

О земледѣльческихъ опытахъ въ первые годы по устройству заселенія Россъ даютъ понятіе слѣдующія цифры:

	Пшеницы	
Годы.	Посѣяно:	Получено:
1813 г.	1 п. 25 фун.	4 п. 5 фун.
1814 „	5 п.	22 п. 2 фун.
1815 „	5 п.	8 п.
1816 „	14 п. 14 фун.	48 п. 23 фун.
1817 „	ничего не собрано вслѣдствіе сильныхъ тумановъ	

Неудовлетворительность этихъ опытовъ ясно показала неудобство выбора мѣста для заселенія Кусковымъ; нужно впрочемъ имѣть въ виду, что, основывая заселеніе Россъ, Барановъ и Кусковъ видѣли въ этомъ лишь первый шагъ для пріобрѣтенія болѣе плодородныхъ и подходящихъ мѣстностей, но слѣдующаго крупнаго шага въ этомъ направленіи не было сдѣлано не по ихъ винѣ...

Уже вскорѣ послѣ основанія Росса (въ октябрѣ 1812 г.) испанцы обратили вниманіе на новыхъ сосѣдей: къ Кускову изъ С.-Франциско явился испанскій офицеръ съ 7 солдатами, просилъ разрѣшенія осмотрѣть укрѣпленіе, внимательно его осмотрѣлъ, спрашивалъ подробно о цѣляхъ поселенія. Ему было объяснено, что поселеніе устроено для обезпеченія россійско-американскихъ владѣній въ продовольственномъ отношеніи, и что русскимъ крайне желательно развитіе постоянныхъ торговыхъ отношеній съ Калифорніею, обѣщающихъ обѣимъ сторонамъ лишь однѣ выгоды. Офицеръ обѣщалъ исхлопотать у губернатора разрѣшеніе на торговлю и удалился.

Въ началѣ 1813 года явился въ Россъ тотъ же офицеръ съ бра-

томъ коменданта и словесно сообщилъ, что до оффиціальнаго разрѣшенія вопроса о торговлѣ губернаторъ рѣшилъ взять на свою отвѣтственность ее допустить съ нѣкоторыми ограниченіями; при этомъ посѣщеніи испанцы привезли въ подарокъ русскимъ колонистамъ 20 головъ рогатаго скота и 3 лошадей.

Но скоро со стороны испанцевъ начались дѣйствія не дружелюбнаго характера. Прежде всего Кусковъ получилъ отъ губернатора дона Аргильяго письмо, въ которомъ тотъ по приказанію мексиканскаго вице-короля требовалъ обстоятельныхъ свѣдѣній о причинахъ и цѣляхъ устройства русскаго поселенія и отъ кого получено на такое устройство разрѣшеніе. Кусковъ уклонился отъ отвѣта подъ предлогомъ неимѣнія хорошаго переводчика и поспѣшилъ войти въ сношенія съ Барановымъ на предметъ полученія отъ послѣдняго инструкцій для отвѣта. Послѣ же послѣдовавше й вскорѣ послѣ этого смерти дона Аргильяго, дружественно расположеннаго къ русскимъ, испанцы стали прямо требовать уничтоженія поселка Россъ, выражая при этомъ удивленіе, что въ своей прокламаціи (упомянутой выше) компанія обращалась съ своими предложеніями непосредственно къ жителямъ Калифорніи, а не къ начальствующему надъ ними вицекоролю. Кусковъ отвѣчалъ, что до полученія соотвѣтствующихъ распоряженій изъ Петербурга онъ не можетъ предпринять что-либо своею властью для выполненія желаній испанской администраціи. Вслѣдъ засимъ послѣдовало оффиціальное извѣщеніе Кускову о запрещеніи испанскаго правительства всѣмъ иностранцамъ вести торговлю съ Калифорніей и распоряженіе всѣмъ судамъ, прибывшимъ изъ русскихъ владѣній, оставить немедленно испанскіе порты. Еще хуже стали отношенія къ русскимъ мѣстныхъ властей въ 1815 году, съ прибытіемъ въ Калифорнію новаго губернатора полковника Пабло Винсенте де Сола. По его распоряженію русскіе подданные, попавшіе на испанскую территорію, были арестованы и заключены подъ стражу. Тамъ содержали ихъ весьма дурно, употребляли принудительно на работы и принуждали къ переходу въ католичество. На свои требованія объ освобожденіи захваченныхъ Кусковъ не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, Барановъ былъ вынужденъ для выручки несчастныхъ плѣнниковъ въ 1816 году отправить въ Монтерей компанейское судно съ лейт. Подушкинымъ, которому поручилъ разъяснить дону де Сола законность учрежденія поселенія Россъ и настоятельно потребовать освобожденія арестованныхъ русскихъ торговцевъ и промышленниковъ. Губернаторъ любезно принялъ Подушкина, отпустилъ 15 человѣкъ изъ захваченныхъ, обѣщалъ распорядиться освободить остальныхъ, находящихся въ далекомъ разстояніи отъ Монтерея, обѣщалъ ходатайствовать о разрѣшеніи торговли съ рус-

скими, но въ то же время настаивалъ на уничтоженіи Росса. Настойчивости испанскихъ властей весьма содѣйствовало нетактичное вмѣшательство въ дѣла бывшаго въ то время въ Калифорніи извѣстнаго русскаго моряка капит.-лейт. Коцебу [1]), отправленнаго на бригѣ „Рюрикъ“ Румянцевымъ для изслѣдованія сѣверной части Великаго океана. Не имѣя никакихъ основаній, не будучи никѣмъ уполномоченъ, Коцебу подтверждалъ Кускову, что испанскія владѣнія на западномъ берегу Америки идутъ отъ С.-Франциско къ сѣверу непрерывно до залива Жуанъ де Фука, требовалъ у него объясненій, какъ смѣли русскіе безъ разрѣшенія своего правительства устраивать заселеніе, отказывался принять всѣхъ освобожденныхъ губернаторомъ русскихъ подданныхъ и т. д.

Въ 1817 г. гр. Нессельроде получилъ ноту мадридскаго правительства, въ которомъ оно упрекало русскихъ въ насильственномъ присвоеніи изъ коммерческихъ видовъ чужаго берега и просило уничтожить поселеніе Россъ. Главное правленіе Россійско-Американской компаніи горячо вступилось за свои права, и послѣ этого требованія объ удаленіи русскихъ съ береговъ Новаго Альбіона на нѣкоторое время прекратились.

Въ томъ же году отправленному въ колоніи кап.-лейтенанту фонъ Гагемейстеру [2]) главнымъ правленіемъ было поручено войти въ переговоры съ калифорнскимъ губернаторомъ и осмотрѣть Россъ. По осмотрѣ русскаго заселенія Гагемейстеръ призналъ необходимость его расширенія, и ему удалось получить согласіе отъ туземныхъ князьковъ на продажу добавочной территоріи компаніи. Вообще отношенія русскихъ поселенцевъ и алеутовъ къ туземцамъ Новаго Альбіона были все время хорошими, русскій способъ дѣйствія и политика Кускова были слишкомъ отличны отъ испанскаго режима съ его строгостями, гнетомъ монаховъ, эксплоатаціей труда населенія. Затѣмъ Гагемейстеръ и Кусковъ предприняли поѣздку въ С.-Франциско и имъ удалось получить отъ губернатора разрѣшеніе торговать въ испанскихъ портахъ съ русскими судами.

Въ концѣ 1818 г. мексиканскіе инсургенты заняли Калифорнію и объявили ее независимою подобно другимъ испанскимъ владѣніямъ въ Америкѣ. Эта перемѣна правленія была болѣе благопріятна для русскаго дѣла.

Съ занятіемъ большаго пространства состояніе земледѣлія въ Россѣ улучшилось. Послѣдніе годы управленія колоніею Кускова

---

[1]) Отт. Евст. Коцебу 1787—1846. Описаніе его пут. изд. въ Пет. въ 1821 г.

[2]) Леон. Андр. Гагемейстеръ 1833 г. Былъ главнымъ правителемъ Росс.-Амер. колоніи послѣ Баранова съ 1818 по 1820 г.

(1818—1821) урожаи пшеницы были самъ-третей и самъ-четвертъ, а въ 1821 г.—даже самъ-шесть, а ячменя—около самъ-третей.

Первыя десять лѣтъ земледѣльческихъ опытовъ въ Россѣ не принесли компаніи ожидавшихся запасовъ хлѣба, всѣ эти годы издержки значительно превышали доходы; выгоды владѣнія Россомъ состояли главнымъ образомъ въ облегченіяхъ плаванія компанейскихъ судовъ при слѣдованіи изъ Ситхи въ Калифорнію. Съ отдѣленіемъ отъ Испаніи Калифорніи торговля съ этой страной стала вестись безпрепятственно и съ каждымъ годомъ росла, и хлѣбные запасы въ Новоархангельскѣ могли постоянно быть пополняемы вывозомъ изъ Калифорнскихъ портовъ и по сравнительно недорогой цѣнѣ: пудъ пшеницы покупали въ С.-Франциско отъ 3 р. 60 к.—до 4 руб. на ассиг., пудъ пшеничной муки—9 руб.

Но все же главному правленію было необходимо время отъ времени организовать кругосвѣтныя экспедиціи изъ портовъ Балтійскаго моря, для снабженія мукой и припасами какъ Ситхи, Аляски и Алеутскихъ острововъ, такъ и Охотска; иначе обстоятельства ставили иногда населеніе россійско-американскихъ владѣній въ крайне трудное положеніе. Особенно тяжелое положеніе продовольственнаго дѣла было въ русскихъ колоніяхъ въ 1823 — 1824 гг. Полученная главнымъ правителемъ колоній кап.-лейт. Матв. Иван. Муравьевымъ [1]) депеша изъ Петербурга, что ожидавшееся въ колоніяхъ судно съ запасами изъ Россіи не придетъ, повергло въ отчаяніе жителей. Въ Калифорніи въ это время былъ неурожай и иныя кормовыя затрудненія въ видѣ крупнаго повышенія вывозныхъ торговыхъ пошлинъ и соперничества англійскихъ торговыхъ компаній. Муравьевъ рѣшилъ искать другихъ рынковъ и имъ была организована экспедиція на Сандвичевы острова подъ управленіемъ к—ра брига „Головкинъ“ Этолина, которому удалось пріобрѣсти тамъ 1.500 фанегъ [2]) пшеницы и иныхъ товаровъ. „Нельзя описать радости всѣхъ жителей Ситхи при приходѣ судовъ съ богатымъ грузомъ“, доносилъ главному правленію Муравьевъ, описывая возвращеніе Этолина изъ этой экспедиціи.

Частые политическіе перевороты въ Мексикѣ (съ которой была тѣсно связана Калифорнія)—правленіе юнты изъ 7 членовъ—провозглашеніе и отреченіе отъ престола императора Августина (ген. Штур-

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ Матв. Ив. Муравьевымъ-Апостоломъ, извѣстнымъ декабристомъ (1783—1886), и тоже съ адм. Матв. Мих. Муравьевымъ (1754—1823), бывшимъ впослѣдствіи директоромъ морскаго аудиторіатскаго департамента. Кап.-лейт. Матв. Ив. Муравьевъ былъ главнымъ правителемъ россійско-американскихъ колоній съ 1821 по 1825 г.

[2]) Испанская мѣра сыпучихъ тѣлъ; фанега пшеницы вѣс. ок. $3^1/_2$ пуд.; фанега ячменя—3 п.; гороха—4 пуда.

бида) въ 1822—23 гг., президентство ген. Санта-Анны, съ сопутствовавшими этимъ переворотамъ измѣненіями торговаго режима, рѣзкое колебаніе пошлинъ, закрытіе для иностранной торговли многихъ портовъ—эти обстоятельства заставляли главныхъ правителей россійско-американскихъ владѣній постоянно заботиться объ обезпеченіи продовольствія колоній помимо Калифорніи. Кромѣ сношеній съ Сандвичевыми островами, о которыхъ отчасти упоминалось выше и о которыхъ будетъ подробнѣе разсказано дальше, приходилось предпринимать и весьма отдаленныя экспедиціи: таковы, напр., поѣздки въ Чили Этолина въ 1829 г. (на „Байкалѣ“) и 1836 г. (на „Еленѣ“). Оба раза русскимъ удалось весьма выгодно сбыть свои грузы—издѣлія русскихъ фабрикъ и лѣсные матеріалы—и дешево пріобрѣсти большое количество пшеницы. Торговыя сношенія русскихъ съ Чили заставили калифорнскія власти изъ боязни потерять постоянныхъ покупателей своего хлѣба болѣе внимательно относиться къ русскимъ требованіямъ относительно уменьшенія пошлинъ и предоставленія большихъ торговыхъ льготъ. Въ 1828 году было учреждено въ С.-Франциско агентство компаніи. Первымъ агентомъ состоялъ мѣстный негоціантъ Гартманъ, защищавшій русскіе торговые интересы за плату 10% коммиссіи, послѣ него былъ агентомъ Костромитиновъ (одинъ изъ правителей Росса).

IV.

Въ 1839—1840 гг. главному правленію компаніи удалось вполнѣ обезпечить продовольственное дѣло въ россійско-американскихъ владѣніяхъ, но эта цѣль была достигнута слишкомъ дорогою цѣною, такъ какъ компанія отказалась вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякой политической роли въ водахъ Тихаго океана, которая единственно оправдывала ея существованіе, какъ собственника обширныхъ, богатыхъ и географически-важныхъ для будущаго Россіи территорій въ Америкѣ. Актомъ, положившимъ начало самоуничтоженію Россійско-Американской компаніи, былъ договоръ съ Гудсонбайскою торговою компаніею [1]). Эта послѣдняя обязалась доставлять въ русскія владѣнія опредѣленное количество всевозможныхъ припасовъ—хлѣбныхъ и мясныхъ—по недорогимъ, сравнительно, цѣнамъ и взамѣнъ этихъ обязательствъ получила въ долгосрочную аренду полосу земли, принадлежавшую Рос.-Амер. компаніи, для промысловъ. Польстившись на ближайшія тор-

[1]) Нѣкоторыя детали приведены ниже въ выдержкахъ изъ путеш. Лапласа.

говыя выгоды, отказавшись отъ иниціативы и самостоятельности, связавъ себя договоромъ, Рос.-Ам. компанія несомнѣнно должна была въ недалекомъ будущемъ уступить свое дѣло болѣе предпріимчивымъ и настойчивымъ иностранцамъ. Не оказалось и среди русскаго правительства того времени лица, способнаго повліять на компанію въ смыслѣ охраненія его отъ наложенія на себя руки и способнаго предвидѣть важное значеніе для будущихъ поколѣній Россіи владѣній ея на Великомъ океанѣ, въ Новомъ Свѣтѣ... Невольно вспоминаются слова Великаго Петра: „Упущенное время смерти безвозвратной подобно“...

Послѣ договора 1839 г. дни Росса были сочтены. Доскажемъ кратко исторію существованія этой русской колоніи съ 1820 по 1841 гг.

Въ 1820 г. правителемъ Росса былъ сдѣланъ „вольный мореходъ“ Шмидтъ; онъ обратилъ особое вниманіе на распространеніе и улучшеніе земледѣлія, на пріохочиваніе поселенцевъ къ обработкѣ земли посредствомъ помощи всякаго рода ихъ частнымъ хозяйствамъ, на увеличеніе площади посѣвовъ. Благодаря заботамъ Шмидта за 1826—1833 гг. изъ Росса было вывезено въ Ситху до 6.000 пуд. пшеницы, т. е. около 800 пуд. ежегодно въ среднемъ.

Но все же это количество было весьма невелико для удовлетворенія цѣли, съ которой было основано заселеніе. Въ 1833 г. по иниціативѣ главнаго правителя колоній бар. Врангеля была выбрана новая мѣстность для посѣвовъ у устья р. Славянки, и эта мѣра улучшила добычу хлѣба: за четыре послѣдніе года существованія колоніи Россъ изъ нея было вывезено уже 9.918 пуд. пшен. и около 1.500 пуд. другихъ хлѣбовъ и овощей.

Гораздо лучше земледѣлія въ Россѣ развивалось скотоводство. Въ 1821 г. въ Россѣ числилось 187 головъ рогатаго скота, 736 гол. овецъ, 124 свиньи. Въ 1833 г. было уже 1.300 гол. рогатаго скота. За послѣднія 15 лѣтъ изъ Росса было вывезено въ Новоархангельскъ болѣе 6.000 пуд. солонины и 500 пуд. масла, не считая сала, кожъ, шерсти и т. п. продуктовъ. Затѣмъ обитатели Росса занимались въ небольшомъ количествѣ охотою и промыслами, кораблестроеніемъ, которое пришлось впрочемъ оставить по непригодности для морскихъ построекъ мѣстнаго лѣса, рубкою лѣса, садоводствомъ (разводились персики яблоки, груши, виноградъ, арбузы, овощи) и т. п.

По даннымъ, приводимымъ однимъ изъ современниковъ — К. Т. Хлѣбниковымъ—стоимость содержанія заселенія Россъ за 1825—1830 гг. была въ среднемъ ок. 45.000 руб. асс. въ годъ, оттуда же компанія получала припасовъ въ среднемъ на сумму ок. 13.000 руб. Не нужно забывать, что въ 30-хъ гг. вывозъ изъ колоніи увеличился, такъ что убытки компаніи отъ Росса были невелики и при болѣе раціональ-

номъ и внимательномъ отношеніи къ дѣлу могли смѣло замѣниться впослѣдствіи даже доходами.

Попытки бар. Врангеля [1]) присоединить къ русскому заселенію мѣстность, находившуюся за кряжемъ горъ, состоявшую изъ плодородной долины шириною около 20 верстъ, не удались и вызвали протестъ со стороны мексиканскаго правительства.

Русское министерство иностранныхъ дѣлъ не желало предпринимать никакихъ мѣръ къ формальному утвержденію за Россіей занятыхъ компаніею земель въ Новомъ Альбіонѣ. Въ 1827 г. главное правленіе съ грустью констатировало въ сообщеніи Чистякову, что „старанія о формальномъ утвержденіи за русскими мѣста, гдѣ утверждено заселеніе, остаются безъ успѣха, и по нынѣшнимъ обстоятельствамъ пока надежды на благопріятное рѣшеніе его имѣть нельзя".

Въ 1829 г. правленіе пришло къ болѣе категорическому выводу, что „всякую надежду... на расширеніе заселенія поддерживать было бы безполезно".

Съ другой стороны, мексиканское правительство еще съ 1822 г. настоятельно требовало черезъ своего лондонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ дона Августа де Винсенте объ уничтоженіи Росса. Хотя это правительство и убѣдилось потомъ въ невозможности угрозами заставить русскихъ покинуть Россъ, но не теряло все-таки надежды и выжидало событій. Слѣдуетъ добавить, что мѣстныя калифорнскія власти относились къ русскому сосѣдству иначе. Когда въ Монтерей прибылъ военный шлюпъ „Аполлонъ", то калифорнскіе депутаты освѣдомлялись у коммиссара Русско-Америк. компаніи Хлѣбникова, справедливы ли имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о требованіяхъ мексиканской дипломатіи, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, заявили, „что таковыя требованія ими уничтожаются, о чемъ и будетъ ими доведено до свѣденія высшаго мексиканскаго правительства".

Весьма непріятнымъ явленіемъ для развитія русскаго заселенія являлись устроенныя возлѣ него кругомъ католическія миссіи—въ 1816 г. С. Рафаель, въ 1822—Солино и Сономи и др.,—которыя мало по малу отрѣзывали Россъ отъ Калифорніи и заключали его все въ болѣе и болѣе тѣсные предѣлы.

Но былъ моментъ, когда виды компаніи на окончательное закрѣпленіе за собой Росса были близки къ осуществленію. Въ 1834 г. мексиканскій генералъ Фигероа обратился съ письмомъ къ бар. Врангелю о принятіи посредничества въ сношеніяхъ мексиканскаго каби-

---

[1]) Бар. Ферд. Петр. Врангель. 1796—1870. Былъ главнымъ правителемъ росс.-ам. колоній съ 1830 по 1836 г. Описаніе его путеш. издано въ 1836—1841 гг.

пета съ петербургскимъ, что̀ давало надежду на обоюдное соглашеніе.

Ген. Фигероа писалъ:

„Мексиканская нація, сбросивъ съ себя владычество Испаніи и желая поддерживать со всѣми націями союзъ и согласіе, заключила со многими державами трактаты; но какъ дипломатическія сношенія съ Россіей еще не имѣли мѣста, то и желательно было бы знать, признаетъ ли русское правительство независимость Мексиканской республики".

Главное правленіе довело объ этомъ черезъ министра финансовъ гр. Канкрина до свѣдѣнія государя Николая Павловича и просило разрѣшенія на сношенія съ Мексикой, „на подобіе берлинскаго кабинета". На это представленіе компанія получила отвѣтъ, что „государь императоръ не изволилъ признать еще возможнымъ такое признаніе", но разрѣшилъ продолженіе торговыхъ сношеній съ Калифорніей и поручилъ бар. Врангелю войти въ переговоры съ Мексиканской республикой о формальной уступкѣ земель, а также съ цѣлью разузнать, въ какой степени актъ русскаго признанія могъ бы повліять въ смыслѣ уступки. Бар. Врангель предпринялъ путешествіе въ гор. Мексику, имѣлъ частныя свиданія съ и. д. президента ген. Бараганомъ и съ министрами Карро и Менастеріо, которые, въ случаѣ оффиціальнаго признанія Россіей мексиканскаго правительства, соглашались на уступку занятыхъ русскими земель и на присоединеніе къ русскому заселенію долины, но требовали оффиціальныхъ переговоровъ въ Лондонѣ между уполномоченными Россіи и Мексики. Въ подтвержденіе словесныхъ увѣреній Врангель получилъ даже отъ мексиканскаго правительства слѣдующую ноту:

„Мексиканское правительство, видя съ удовольствіемъ желаніе русскихъ колоній распространить торговыя сношенія съ Калифорніей, вполнѣ расположено утвердить ихъ формальнымъ трактатомъ съ е. в. императоромъ всероссійскимъ, почему и поручило своему министру въ Лондонѣ заключить означенный трактатъ, если русское правительство будетъ одушевлено тѣмъ же желаніемъ". По возвращеніи въ Петербургъ, бар. Врангель передалъ эту ноту гр. Нессельроде, а также сообщилъ словесно о результатахъ переговоровъ. Но государь вновь не призналъ удобнымъ дать всему этому дѣлу ходъ [1]).

[1]) Бар. Врангель, лично докладывая о своей миссіи императору Николаю Павловичу, указалъ на примѣръ Пруссіи, которая, не признавая Мексиканской республики, все же заключила черезъ своего генеральнаго консула выгодный торговый трактатъ. Государь, прервавъ Врангеля, сказалъ: „Для Пруссіи выгоды впереди чести, а у меня—наоборотъ". См. ст. Ф. Ф. Врангеля Энц. сл. Брок., т. VII, 338.

Въ 1836 г., вслѣдствіе донесенія главнаго правителя колоніи Куприянова о появленіи вблизи отъ Росса хуторовъ американскихъ выходцевъ — ранчей и о препятствіяхъ посему къ расширенію земледѣлія, главное правленіе получило отъ министра иностр. д. отзывъ, въ которомъ рекомендовалось колоніальному начальству „сообразоваться въ дѣйствіяхъ своихъ съ мѣстными обстоятельствами, употребляя впрочемъ всѣ способы, коими оно можетъ располагать на означенномъ пунктѣ, къ тому, чтобы удержать уже занятыя нами мѣста и устроенныя на нихъ заведенія".

Отказавшись въ виду рѣшенія заключить договоръ съ Гудсонбойской компаніей отъ всякихъ дальнѣйшихъ политическихъ видовъ, ограничившись ближайшими коммерческими интересами, Рос.-Амер. компанія неизбѣжно пришла къ мысли ликвидировать свои дѣла въ Калифорніи. Въ іюнѣ 1839 г. компанія вошла съ представленіемъ къ министру финансовъ объ упраздненіи заселенія Россъ, и 15 октября того же года послѣдовало высочайшее повелѣніе—„оставить поселеніе Россъ, упразднить его контору, служащихъ и промышленниковъ выселить, орудія, товары и пр.—продать".

Въ 1851 г. всѣ земледѣльческія заведенія компаніи при заселеніи со скотомъ и строеніями были проданы владѣльцу поселенія при р. Сакраменто швейцарцу Суттеру за 30.000 піастровъ съ ручательствомъ мексиканскаго правительства въ исправности платежа въ теченіе 4 лѣтъ.

V.

Не безъинтересно привести отрывки изъ путешествій русскихъ и иностранныхъ моряковъ, побывавшихъ лично въ Россѣ.

Осенью 1818 г. Россъ посѣтилъ на кораблѣ „Кутузовъ" извѣстный Головнинъ [1]). По его описанію, „крѣпость Россъ составляетъ четвероугольный изъ толстыхъ и высокихъ бревенъ палисадъ, съ двумя по сторонамъ деревянными башнями, и защищается 13 пушками: внутри оной находится весьма хорошее строеніе: домъ начальника, казармы и магазины. Внѣ крѣпости—баня и скотные дворы. Гарнизонъ состоитъ изъ 26 человѣкъ русскихъ и 102 алеутъ, изъ коихъ многіе отлучаются на промыслы". „Въ нашу бытность, про-

---

[1]) Вас. Мих. Головнинъ 1776—1831 гг. Дальнѣйшее описаніе заимствовано изъ его сочиненія: „Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное на шлюпѣ „Камчатка" въ 1817—1819 гг.". 2 части, Спб. 1822 г.

должаетъ Головнинъ, 74 алеута находились у мыса Мендосино для ловли бобровъ, которые водятся между симъ мысомъ и мысомъ Троицы (Trinidad), хотя и не въ большемъ количествѣ. И съ такою-то силою здѣшній правитель, коммерціи совѣтникъ Кусковъ, не страшится испанцевъ и пренебрегаетъ ихъ угрозами". Излагая уже приведенныя отношенія мѣстныхъ испанскихъ властей къ русскимъ поселенцамъ, Головнинъ касается испанскихъ правъ на берега Новаго Альбіона и на отношенія туземцевъ къ испанцамъ и русскимъ: „Русскіе имѣли, по всѣмъ обычаямъ народнымъ, полное право поселиться на здѣшнихъ берегахъ, а испанцы хотятъ изгнать ихъ по неосновательнымъ и совершенно пустымъ притязаніямъ. Русскіе основали селеніе свое съ добровольнаго согласія коренныхъ жителей сей страны, съ дозволенія народа, не признающаго власти испанцевъ и въ вѣчной враждѣ съ нимъ пребывающаго. Дружеское расположеніе сего народа, до сего дня продолжающееся къ русскимъ, явно свидѣтельствуетъ, что они не насильно завладѣли сею землею. Русскіе промышленники по одному и по два ходятъ стрѣлять въ лѣса дикихъ козъ, часто ночуютъ у индѣйцевъ и возвращаются, не получивъ отъ нихъ ни вреда, ни обиды. Напротивъ того, испанцы въ маломъ числѣ и безъ оружія показаться между ними не смѣютъ, иначе всѣ будутъ убиты. Индѣйцы сіи охотно отдаютъ дочерей своихъ въ замужество за русскихъ и алеутъ, поселившихся у нихъ, и въ крѣпости Россъ теперь ихъ много. Чрезъ сіе составилось не только дружество, но и родственныя связи. Сверхъ того, русскіе поселились на такомъ берегу, который никогда никакимъ европейскимъ народомъ занятъ не былъ: ибо, кромѣ Лаперуза и Ванкувера, много другихъ послѣ ихъ здѣсь бывшихъ англійскихъ и американскихъ торговыхъ мореплавателей можно привести въ свидѣтели, что далѣе президіи св. Франциска къ сѣверу испанцы никогда никакого селенія не имѣли; въ сѣверной же сторонѣ пространнаго залива сего имени основали они миссію св. Рафаила, спустя 3 года послѣ нашего заселенія, и основали оную на землѣ, принадлежащей къ Новому Альбіону, а не къ Калифорніи; индѣйцы сожгли сіе ихъ заведеніе. Вотъ права русскихъ на занятіе Новаго Альбіона".

Указавъ далѣе иронически, что испанцы съ такимъ же основаніемъ „могли бы утверждать, что вся Америка отъ мыса Горна до Сѣвернаго полюса имъ принадлежитъ", и что они „даже на Восточную Сибирь могутъ предъявить свои права, ибо они славу открытія Берингова пролива себѣ присвоиваютъ и называютъ его именемъ какого-то испанца (Anian), который по всей вѣроятности никогда тамъ не плавалъ, а можетъ быть и вовсе не существовалъ", Головнинъ разсказываетъ свое свиданіе съ туземнымъ старшиной (тойономъ-хойбо) Валенилою, который просилъ его „чтобы болѣе русскихъ по-

селилось между ними, дабы могли они жителей защищать отъ притѣсненій испанцевъ" и просилъ „Россію взять ихъ подъ свою защиту". Портъ Румянцева (38°18′ с. ш.) Головнинъ не считаетъ удобнымъ и безопаснымъ, хотя онъ закрытъ отъ вѣтровъ: онъ мелководенъ, и въ немъ могутъ стоять только самыя малыя суда; рейдъ его съ юга совсѣмъ открытъ.

Также не вполнѣ удобными путешественникъ считаетъ зал. Бол. Бодего, Троицы и Дрека; изъ рѣкъ Новаго Альбіона онъ описываетъ Колумбію (у испанцевъ Ріо де лосъ Рейсъ) и Славянку (Шабакай).

Въ 1827—28 гг. въ Россѣ на шлюпѣ „Сенявинъ" былъ капитанъ Литке [1]). По его свѣдѣніямъ „селеніе Россъ имѣетъ до 90 десятинъ удобной земли, на которой высѣвается въ годъ пшеницы до 90 четв., ячменю до 15 четв. и снимается первой до 450 четв., послѣдняго до 65 четв. Въ лучшіе годы бываетъ урожай лучше, но среднимъ числомъ не болѣе, какъ самъ-пятъ или самъ-шестъ. Огородныя овощи родятся весьма хорошо. Скота отъ небольшаго числа въ теченіе 10 лѣтъ расплодилось до 500 гол. рогатаго, до 250 лошадей и до 600 овецъ; но, не имѣя пастбищъ, не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Въ Ситху доставляется солонины до 150 пуд. и до 100 пуд. масла, до 50 пуд. кожъ, выдѣланныхъ на мѣстѣ".

Въ 1839 г. въ Россѣ былъ французскій морякъ, капитанъ Лаплассъ [2]) на фрегатѣ „Артемида".

Описаніе его пребыванія въ русской колоніи заслуживаетъ быть подробно приведеннымъ, такъ какъ оно даетъ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о жизни Росса и его значеніи:

„Въ 1839 г., во время моего пребыванія на Гавайскихъ островахъ, говоритъ кап. Лаплассъ, я много слышалъ о поселеніи, основанномъ Россійско-Американскою компаніею въ 35° с. ш. сѣверной части Нижней Калифорніи. Этимъ селеніемъ управлялъ тогда человѣкъ (г. Ротчевъ), о которомъ мои знакомые въ Гонолулу часто отзывались съ похвалою, выставляя его образованіе и его любезный и благосклонный характеръ..." Утромъ 12 августа (1839 г.), продолжаетъ г. Лаплассъ, мы подошли къ форту Россъ. Продержавшись вдоль берега въ продолженіе двухъ часовъ, я уже рѣшился поворотить, чтобъ дождаться полуденной обсерваціи, какъ вдругъ нѣчто похожее на укрѣпленіе обратило на себя мое вниманіе. На нашъ пушечный выстрѣлъ мы

---

[1]) Гр. Ѳед. Петр. Литке, впосл. президъ. Имп. Ак. Н., 1797—1882 гг. Описаніе путеш. въ Аляску вышло въ 1835 г. въ 3 частяхъ: „Путешествіе вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ „Сенявинъ" въ 1826—1829 гг."

[2]) Кириллъ-Пьеръ-Теодоръ Лаплассъ, извѣстн. франц. путеш. 1793—1875 гг. Его опис. путеш. изд. въ Парижѣ въ 1854 г. въ 6 частяхъ: „Campagne de circumnavigation de la frégate l'Arthemise pendant les années 1837—1840".

вскорѣ получили отвѣтъ и едва успѣли лечь въ дрейфъ, какъ явились къ намъ двѣ лодки съ русскимъ конторщикомъ и двумя алеутами, которые по моей просьбѣ тотчасъ взялись вести фрегатъ въ Бодего.

„На крутомъ выступѣ, выдававшемся въ море въ видѣ полуострова, лежало русское селеніе. За стѣною форта виднѣлись крыши зданій и церковь съ греческимъ крестомъ; мельница съ выбѣленными стѣнами и огромными крыльями, вертѣвшимися съ быстротою; ниже у самаго берега справа и слѣва двѣ лощины, въ которыхъ лежали вытащенныя на песокъ нѣсколько гребныхъ судовъ — все это составляло передній фонъ прекрасной картины, тогда какъ на заднемъ находились холмы, отлогія покатости которыхъ были покрыты зеленью, а хребты — соснами. Но цѣлое лишено было жизни и носило въ себѣ отпечатокъ уединенія“.

„Фрегатъ быстро пролетѣлъ 21 милю, раздѣлявшихъ Россъ отъ Бодего, гдѣ бросили якорь возлѣ судна Россійско-Американской компаніи, пришедшаго незадолго передъ нами за грузомъ“.

Съѣхавъ на берегъ, французскій путешественникъ познакомился съ Ротчевымъ. Онъ нашелъ въ немъ „человѣка еще молодаго, пріятной наружности, свѣтскаго, повидимому, съ обширными познаніями и говорящаго превосходно по-французски. На слѣдующій день было рѣшено верхами отправиться въ Россъ, посвятивъ этотъ день осмотру мѣстности у зал. Бодего. Описаніе зданій у Бодего, принадлежавшихъ компаніи, крайне любопытно:

„Мы взошли сперва въ большой деревянный сарай, въ которомъ жили служители компаніи, какъ русскіе, такъ и креолы, среди болѣе чѣмъ сомнительной, по правдѣ сказать, чистоты. Алеутки, съ которыми живутъ эти служители, своею отвратительною безобразностью и нечистотою, давали жалкое понятіе о вкусѣ и привычкахъ хозяевъ сарая. Часть этого сарая, нѣсколько лучше устроенная, служила помѣщеніемъ самому начальнику, на случай, когда, оставляя Россъ, онъ пріѣжаетъ или наблюдать за погрузкою продуктовъ колоніи на суда, отвозящія ихъ въ Новоархангельскъ, или слѣдить за снабженіемъ экипажей этихъ же судовъ свѣжею провизіею. Далѣе Ротчевъ показалъ гостямъ „обширные магазины съ грузомъ, приготовленнымъ для судна, стоявшаго на рейдѣ“.

„Грузъ этотъ состоялъ изъ множества боченковъ съ солониною, приготовленною на самомъ мѣстѣ въ особенномъ сараѣ, выстроенномъ исключительно для этого предмета, и въ которомъ лежало нѣсколько большихъ грудъ бѣлой соли, доставленной изъ Санъ-Блаза; другіе были наполнены коровьимъ масломъ, яйцами, сыромъ, или капустою, морковью, рѣпою, дынями, тщательно укупоренные и приго-

товленные къ перевозкѣ на мѣсто назначенія. Подлѣ боченковъ лежали мѣшки съ мукою, далѣе тюки дубленыхъ бычачьихъ или замшевыхъ кожъ, назначенныхъ на обувь промышленниковъ. По мѣрѣ того, какъ эти различные товары исчезали изъ магазина и направлялись къ берегу, гдѣ ихъ ожидали гребныя суда, эти послѣднія выгружали огромное количество копченыхъ и соленыхъ лососей, посланныхъ для снабженія Бодего и Росса главнымъ правителемъ изъ Новоархангельска, гдѣ жители, какъ русскіе, такъ и туземные, живутъ преимущественно рыбою".

На другой день, съ восходомъ солнца, начальникъ колоніи, капитанъ Лаплассъ и старшій врачъ фрегата верхомъ на коняхъ вдоль морскаго берега направились къ Россу.

Спустя нѣсколько часовъ путники достигли устья р. Славянки „незначительной рѣчки, превращающейся въ зимніе мѣсяцы въ бурный потокъ, увлекающій въ своихъ глубокихъ и быстрыхъ водахъ обломки каменьевъ и деревья съ горъ, гдѣ она беретъ начало, и равнинъ, гдѣ она протекаетъ". Мѣстность у устья Славянки, хотя и опаленная лѣтнимъ жаромъ, представляла однакожъ менѣе печальный видъ, чѣмъ окрестности Бодего. „Обращаясь въ противоположную сторону „отъ печальнаго и каменистаго морскаго берега", можно было видѣть „небольшія пространства, покрытыя зеленью, пространства, все чаще и чаще принимавшія видъ плодородныхъ оазисовъ, по которымъ можно было судить, что далѣе внутрь земли, вверхъ по Славянкѣ должны быть чудные лѣса и равнины, покрытыя роскошною растительностью". Ротчевъ, во время пути, разсказалъ своимъ спутникамъ слѣдующее:

„Вы не должны судить о нашей колоніи по печальному образчику, видѣнному вами этимъ утромъ. Ваше строгое сужденіе было бы основательно, если бъ вы прошлись по берегу океана, начиная съ нѣсколькихъ миль отъ Росса къ сѣверу, гдѣ лежитъ довольно широкая безплодная полоса земли, простирающаяся довольно далеко къ устью рѣки Колумбіи. Но здѣсь, въ небольшомъ отъ насъ разстояніи, находится превосходная почва, которая считается лучшею въ Калифорніи. Рѣчка, протекающая передъ нами, орошаетъ чудныя мѣстности, и ея воды утоляютъ жажду огромныхъ табуновъ оленей (cerfs), быковъ и даже дикихъ лошадей, за которыми наши промышленники въ обществѣ туземцевъ часто охотятся и берутъ ихъ живьемъ, или убиваютъ для кожи. Самыя тѣ мѣста, которыя вы по справедливости находите печальными, безплодными, не всегда таковы, ибо, когда послѣ лѣтнихъ палящихъ жаровъ, высушивающихъ здѣшнюю страну, подобно тому, какъ это бываетъ въ южныхъ провинціяхъ Франціи, являются осенніе дожди, тогда земля покрывается, какъ бы волшеб-

ною силою, превосходною растительностью. Растительность эта, благодаря хорошимъ днямъ, продолжающимся даже до конца года, пропадаетъ лишь въ январѣ отъ утренниковъ, но снова появляется въ мартѣ, такъ что въ Калифорніи и южномъ Орегонѣ эпоха, раздѣляющая два противоположныя времени года, считается всѣми жителями по справедливости самою лучшею и пріятнѣйшей въ продолженіе всего года. Тогда сѣверо-западный вѣтеръ, этотъ бичъ нашего побережья, замѣняется горными вѣтрами, при которыхъ растенія всюду быстро оживляются отъ благодѣтельныхъ дождей. Даже среди самой зимы температура обыкновенно бываетъ болѣе сырая, чѣмъ холодная, и ежели сильные вѣтры производятъ переворотъ въ атмосферѣ, то штили и маловѣтрія, иногда довольно продолжительныя, возвращаютъ воздуху прежнее его спокойствіе. Скоро достигнемъ мы равнинъ, окружающихъ Россъ; онѣ лучше обработаны, чѣмъ равнины около Бодего, гдѣ ощутителенъ недостатокъ воды. По этой причинѣ Бодего, не взирая на выгоду прибрежнаго расположенія, уступилъ первенство Россу".

Послѣ 9-ти-часоваго путешествія кап. Лаплассъ и его спутники прибыли въ Россъ.

Весь третій день пребыванія въ русскихъ владѣніяхъ любознательный путешественникъ посвятилъ личному осмотру крѣпостцы и ея окрестностей.

„Селеніе, сгруппированное на вершинѣ крутой возвышенности и казавшееся мнѣ съ моря значительнымъ, вблизи совершено потеряло свой грозный видъ. Стѣны состояли изъ частокола, вышиною не болѣе 4 метровъ; церковь, дома и магазины были небольшіе, деревянные и, слѣдовательно, непрочные, но спѣшу прибавить, что всѣ зданія были хорошо расположены и содержались превосходно. Цѣлое имѣло даже военный видъ, чему тоже способствовали полевыя орудія, поставленныя на небольшой эспланадѣ, окружающей вышеупомянутыя строенія. Сверхъ того у двухъ воротъ форта находились пушки бо́льшаго калибра, обстрѣливавшія мастерскія, магазины, мельницу и даже главнѣйшую ферму, между тѣмъ какъ фортъ былъ неприступенъ съ трехъ другихъ сторонъ по вышинѣ и крутизнѣ морскаго берега".

Осмотрѣвъ ферму Росса, кап. Лаплассъ нашелъ ее вполнѣ европейской по устройству.

Свое описаніе Росса г. Лаплассъ заканчиваетъ замѣчаніемъ, что „въ Россѣ каждый промышленникъ—воинъ, и всѣ занимаются тамъ сельскими работами съ тою же дисциплиною, съ какой они несутъ военную службу; людей, независящихъ отъ компаніи, она не терпитъ въ своихъ владѣніяхъ".

Спустя нѣсколько лѣтъ своего пребыванія въ Калифорніи г. Лапласъ узналъ, что фортъ Россъ былъ упраздненъ русскими.

Соображенія Лапласса о значеніи этого событія и замѣчанія его о причинахъ его заслуживаютъ полнаго вниманія:

„Поистинѣ происшествія обнаружили въ дѣйствіяхъ компаніи и близорукость въ отношеніи интересовъ, какъ Россіи, такъ и ея собственныхъ, и отсутствіе дѣятельности въ ея предпріятіяхъ. Отсутствіе это тѣмъ непонятнѣе, что въ то время съ одной стороны ей были возобновлены высокимъ покровительствомъ монарха ея старыя привилегіи и дарованы новыя, между прочимъ монополія морской торговли съ Китаемъ, а съ другой ей были даны офицеры императорскаго флота съ порученіемъ изслѣдовать сѣверо-восточные берега Татаріи (?)[1]) и основать тамъ селенія. Подобныя политическія соображенія и быстрота ихъ выполненія доставили бы Россіи военныя и коммерческія точки, которыя въ настоящее время очень важны“.

Далѣе приводится разсказъ о столкновеніи Россійско-Американской компаніи съ Гудзонбайской:

„Не въ дальнемъ разстояніи къ югу отъ острова Ситхи впадаетъ въ море рѣка Стахонъ, которая беретъ свое начало далеко внутри материка, имѣя вдоль своего теченія дикарей, занимающихся довольно значительнымъ промысломъ пушныхъ звѣрей. Давно уже Россійско-Американская компанія, для обезпеченія монополіи торговли, содержала тамъ вооруженное судно, съ тѣмъ, чтобы оно не допускало иностранцевъ раздѣлять ея барыши. Въ 1834 г. передъ входомъ въ Стахонъ является судно Гудсонбайской торговой компаніи. Шкиперъ проситъ позволенія подняться вверхъ по рѣкѣ, подъ предлогомъ основать колонію въ ея верховьяхъ; онъ не могъ сомнѣваться ни въ безуспѣшности подобнаго предпріятія среди многочисленнаго и дикаго народонаселенія, ни въ непреодолимыхъ затрудненіяхъ плаванія большаго судна по мелководіямъ этой рѣки. На дѣлѣ же, какъ оно впослѣдствіи и оказалось, все порученіе, данное этому шкиперу, состояло единственно въ томъ, чтобы произвести столкновеніе, которое заставило бы русскихъ или согласиться, въ ущербъ своихъ интересовъ, на требуемое и признать этою уступкою ничтожность своихъ правъ, или же запрещеніемъ входа въ рѣку объявить себя исключительными владѣтелями этихъ мѣстъ. Шкиперъ получилъ отказъ, и начальникъ станціи угрожалъ стрѣлять по его судну, если онъ попытается выполнить свое намѣреніе. Онъ снялся съ якоря безъ большихъ возраженій и поспѣшилъ отдать отчетъ о данномъ ему порученіи въ Куткѣ, гдѣ его ожидали, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ, ибо черезъ годъ послѣ

[1]) Вѣроятно, Лапласъ подъ этимъ терминомъ разумѣетъ остр. Сахалинъ.

этого главное правленіе въ С.-Петербургѣ получило отъ Гудсонбайской компаніи приглашеніе заплатить ей 15.000.000 франк. [1]) за убытки, понесенные судномъ отъ недопущенія его въ р. Стахонъ. Русское правительство признало это требованіе справедливымъ и приказало немедленно выплатить эту сумму. Ясно, прибавляетъ г. Лаплассъ, что при этомъ рѣшеніи были приняты въ разсчетъ политическія соображенія болѣе чѣмъ право [2]). Дѣйствуя такъ, правительство имѣло въ виду избѣжать политическихъ осложненій.

Эти-то самыя причины обязывали компанію заплатить требуемую сумму, ничтожную, впрочемъ, въ сравненіи съ ея огромными капиталами и ежегодными доходами. Компанія могла бы замять дѣло небольшимъ пожертвованіемъ и обезпечить себя въ будущемъ. „Но ея директоры, не сумѣвшіе принести жертву во́ время и не понимавшіе эпохи и ея требованій, вообразили, вѣроятно, подъ вліяніемъ ограниченнаго воззрѣнія на бережливость, что заключаютъ весьма выгодную сдѣлку, предложивъ противной сторонѣ уступки, на которыя англичане не замедлили согласиться. Такимъ образомъ селеніе у устья р. Стахонъ [3]) и свободное плаваніе по этой рѣкѣ были уступлены на 10 лѣтъ съ условіемъ ежегоднаго взноса 2.000 бобровъ. Далѣе Россійско-Американская компанія обязалась получать только отъ одной Гудсонбайской компаніи, въ продолженіе тѣхъ же десяти лѣтъ, всѣ тѣ мануфактурные и другіе предметы, въ которыхъ русскія колоніи нуждались и которые получались до сихъ поръ или изъ Россіи или изъ Бодега (муку, овощи, солонину и пр.). Наконецъ, и самый заливъ Бодега съ его поселеніями былъ оставленъ компаніи къ вящшему удовольствію англійской компаніи. Новый владѣлецъ Росса, гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Суттеръ (переселенецъ изъ Швейцаріи, служившій въ гвардіи Карла X), уничтожилъ земледѣльческія заведенія и устроилъ вмѣсто нихъ большое число паровыхъ лѣсопиленъ.

„Итакъ, заключаетъ безпристрастный иностранецъ, съ цѣлью экономіи, впрочемъ предосудительной, Россійско-Американская компанія пожертвовала двумя пунктами, незначительными въ отношеніи числа жителей и зданій, но важными по своему положенію: Стахонскимъ постомъ, господствовавшимъ надъ рѣкою, посредствомъ которой имѣлось единственное сообщеніе съ материкомъ, и бухтою Бодега; послѣдняя, находясь на границахъ Орегона и Калифорніи, служила

[1]) По русскимъ источникамъ—21.500 фун. стерл. (около 135.000 руб. сереб.)

[2]) Причиною этого рѣшенія могли быть крайне неудачная редакція и неясность постановленій Конвенціи 16—28 февраля 1825 г. между Россіей и Англіей о торговлѣ и мореплаваніи на Тихомъ океанѣ.

[3]) Фортъ Діонисьевскій.

Россіи передовымъ постомъ въ странѣ, гдѣ теперь (начало 50-хъ гг.) совершаются чудныя дѣла"...

Констатируя затѣмъ, несмотря на всѣ благопріятныя условія, поразительный застой въ колоніальныхъ и торговыхъ дѣлахъ Россійско-Американской компаніи, Лаплассъ находитъ причину всего этого „единственно въ сонливости директоровъ въ Петербургѣ".

„Это, замѣчаетъ онъ, обыкновенное послѣдствіе большихъ барышей, получаемыхъ безъ труда и риска посредствомъ монополіи и подъ защитою власти".

Свѣдѣнія о Россѣ есть также въ запискахъ другаго французскаго путешественника—атташе французскаго посольства въ Мексикѣ Дюфло де Мофра (1840—1842),[1]) который подтверждаетъ, что ни Мексиканское правительство, ни правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не оспаривали русскихъ правъ на ихъ заселенія въ сѣверной Калифорніи.

VI.

Ранѣе уже упоминалось о торговыхъ сношеніяхъ Россійско-Американской компаніи съ Сандвичевыми островами. Теперь остановимся подробнѣе на указанныхъ отношеніяхъ, едва не повлекшихъ за собою утвержденіе русскаго владычества на этихъ островахъ.

Первыя подробныя, лично собранныя свѣдѣнія о Сандвичевыхъ островахъ доставилъ въ Новоархангельскъ Гагемейстеръ, посѣтившій ихъ въ 1809 г. на кораблѣ „Нева". Гагемейстеръ былъ пораженъ природными богатствами этихъ острововъ и писалъ, что „любой изъ нихъ могъ бы доставлять все необходимое для русскихъ колоній и портовъ на Восточномъ океанѣ: сахарный тростникъ для выдѣлки рому и сахару, сорочинское пшено, туземное хлѣбное растеніе—таро, ничѣмъ не уступающее обыкновенной мукѣ". Королемъ Сандвичевыхъ острововъ, объединившимъ почти всѣхъ ихъ, былъ въ то время Томеомеа I (по болѣе распространенной у канаковъ транскрипціи Katehateha)[2]). Прибытіе русскаго судна сперва испугало короля, котораго американцы увѣряли въ намѣреніи русскихъ основать факторію въ его владѣніяхъ, но затѣмъ онъ отнесся очень довѣрчиво и любезно

---

[1]) „Exploration du territoire de l'Oregon, de Californies et de la mer Vermelle, executée pendant les années 1840—1842 par M. Duflot de Mofras, attaché à la légation de France à Mexico. 1844.

[2]) Томеомеа I 1795—1819.

къ Гагемейстеру и продалъ ему большое количество соли и сандальнаго дерева, несмотря на то, что избѣгалъ заводить торговлю съ иностранцами.

Въ 1812 г. Сандвичевы острова вновь посѣтило пріобрѣтенное у американцевъ Барановымъ судно, на которомъ находился уполномоченный главнаго правителя Слободчиковъ. Кор. Томеомеа принялъ его очень благосклонно и послалъ Баранову въ знакъ своего особеннаго уваженія почетный шишакъ и плащъ изъ разноцвѣтныхъ птичьихъ перьевъ. Слободчикову удалось пріобрѣсти для русскихъ колоній запасы провизіи въ обмѣнъ на мѣха.

Въ 1814 г., имѣя въ виду поддержать дальнѣйшія дружественныя связи съ Сандвичевыми островами, Барановъ вновь снарядилъ туда экспедицію на компанейскомъ суднѣ „Берингъ“ подъ начальствомъ шкипера Беннета, съ порученіемъ закупки съѣстныхъ припасовъ. Судно это у остр. Кауаи (Kaouai)—называвшагося русскими Атуай—отъ бури разбилось и большая часть груза была выброшена на берегъ. Король остр. Кауаи Томари (по туземному иному произношенію Kaumualii) не былъ склоненъ возвращать русскимъ выброшенный моремъ грузъ, хотя и далъ русскому экипажу скудное количество съѣстныхъ продуктовъ, благодаря представленіямъ пріютившаго у себя русскихъ американскаго шкипера Шмидта.

Для выручки захваченнаго имущества Барановъ отправилъ въ 1815 г. на Сандвичевы острова въ качествѣ своего уполномоченнаго доктора Шеффера, который на американскомъ суднѣ „Изабелла“ благополучно достигъ остр. Оаху—резиденціи кор. Томеомеа. Для удачнаго выполненія своей миссіи Шефферъ имѣлъ въ виду воспользоваться враждебными отношеніями Томеомеа и Томари, изъ которыхъ послѣдній былъ единственнымъ политическимъ соперникомъ короля Томеомеа [1]). Томеомеа принялъ Шеффера сперва очень благосклонно, но слухи, распускаемые изгнанными изъ Новоархангельска американцами, будто Шефферъ подосланъ русскими съ цѣлью развѣдать о томъ, какъ бы легче овладѣть островами, измѣнили расположеніе короля. Обстоятельство это заставило доктора Шеффера, съ согласія, впрочемъ, короля Томеомеа, удалиться на остр. Кауаи къ королю Томари. Удачное лѣченіе Томари отъ водяной болѣзни и любимой его супруги отъ лихорадки пріобрѣло доктору расположеніе и неограниченное довѣріе короля острова Кауаи. Томари не только согласился возвратить Баранову захваченный имъ русскій грузъ съ судна „Берингъ“, но заключилъ съ Шеффером договоръ, въ кото-

[1]) Кор. Томари кромѣ острова Кауаи владѣлъ еще половиной остр. Оаху и еще двумя небольшими островами къ сѣверу отъ Оаху.

ромъ ставилъ себя въ полную зависимость отъ Россійско-Американской компаніи. Договоръ этотъ заключалъ въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) корабль „Берингъ“ и захваченный на немъ грузъ должны быть возвращены русскимъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ, нужныхъ для короля вещей, за которыя онъ обязывался заплатить сандальнымъ деревомъ. 2) Король обязуется доставлять ежегодно въ русскія колоніи полный корабль сушенаго таро. 3) Все сандальное дерево на островахъ отдается въ распоряженіе д-ра Шеффера, и торговля этимъ предметомъ производится только съ компаніей. 4) Русскіе имѣютъ право учреждать факторіи во всѣхъ мѣстахъ владѣній Томари. Д-ръ Шефферъ съ своей стороны обѣщалъ доставить Томари для завладѣнія островами, находившимися во владѣніи Томеомеа, 500 человѣкъ и нѣсколько судовъ съ приличнымъ вооруженіемъ. За это король обязывался уплатить компаніи сандальнымъ деревомъ. Сверхъ того Шефферъ принималъ на себя командованіе войсками короля Томари, и компаніи должна быть уступлена во владѣніе половина острова Оаху, послѣ того какъ онъ весь будетъ отнятъ у короля Томеомеа. Наконецъ, по особому соглашенію, король Томари со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ отдавался покровительству русскаго императора.

Еще до полученія извѣстій отъ Шеффера, Барановъ послалъ къ нему, для подкрѣпленія требованій, два судна „Открытіе“ и „Ильмень“, на которыхъ находилось до полусотни алеутовъ, предназначенныхъ для заселенія ими факторіи, если Шефферу удастся получить разрѣшеніе на ихъ постройку. Дальше этого планы Баранова не простирались. Получивъ донесеніе о договорѣ Шеффера съ Томари, Барановъ испугался послѣдствій и пареканій за самовольно предпринятую экспедицію. Онъ немедленно написалъ Шефферу, что безъ разрѣшенія главнаго правленія не можетъ одобрить заключенныя имъ условія, тѣмъ болѣе, что Сандвичевы острова, по слухамъ, состоятъ подъ покровительствомъ Англіи, убѣждая Шеффера возвратить въ Новоархангельскъ бригъ „Ильмень“.

Между тѣмъ Шефферъ получилъ отъ короля Томари долину Гапалеи на сѣв. сторонѣ острова Кауаи и еще рядомъ два или три участка превосходной земли (у бухты Гонолулу) и построилъ небольшой редутъ, вооруженный пушками; на фортѣ развѣвался русскій флагъ; кромѣ того Шефферъ принялся вооружать фортъ въ Куаимеа (Quaimea),—резиденціи короля Томари. Чтобы еще болѣе склонить послѣдняго на свою сторону, Шефферъ купилъ американскую шкуну „Cydia“ и подарилъ ее королю.

Къ сожалѣнію, предпріимчивость Шеффера не была поддержана и въ Петербургѣ, хотя можно смѣло сказать, что небольшая дипло-

матическая переписка могла оградить русскія притязанія отъ соперничества иностранцевъ, и не нужно было сколько-нибудь значительной вооруженной силы, чтобы помочь компаніи пріобрѣсти важнѣйшій опорный пунктъ въ Тихомъ океанѣ. По докладѣ Александру I просьбы короля Томари о покровительствѣ, государь призналъ неудобнымъ ея исполненіе, почему компаніи было поручено отклонить по возможности дружелюбнымъ образомъ желаніе короля, возвративъ ему постановленный на сей предметъ съ Шеффером актъ, и ограничиться поддержаніемъ съ островомъ мирныхъ и торговыхъ сношеній. Что же касается до земель, уступленныхъ королемъ Томари компаніи, то было разрѣшено ей пользоваться ими, если это признается выгоднымъ.

Впослѣдствіи возвращеніе королю акта о покровительствѣ было отмѣнено. Государь пожаловалъ королю Томари золотую медаль на лентѣ ордена Св. Анны съ надписью: „Владѣтелю Сандвичевыхъ острововъ Томари, въ знакъ дружбы его къ Россіянамъ“, и сверхъ того кортикъ въ дорогой оправѣ и кармазинный плащъ съ золотыми кистями и позументомъ.

Король Томеомеа не оставался равнодушнымъ къ дѣйствіямъ д-ра Шеффера. Точно также не бездѣйствовали американскіе купцы, производившіе правильную торговлю съ Сандвичевыми островами, весьма опасавшіеся соперничества и захвата острововъ русскими. Въ 1816 г. имъ удалось пріобрѣсти у кор. Томари участки земли и построить на нихъ свои факторіи и затѣмъ, достигнувъ вліянія на короля, уничтожить факторіи Шеффера. Въ виду двухъ враговъ—американцевъ, успѣвшихъ овладѣть волею короля Томари, и короля Томеомеа, пославшаго противъ русскихъ нарядъ своихъ войскъ, европейски вооруженныхъ, подъ начальствомъ своего перваго министра Калаиману—Шефферъ и бывшіе съ нимъ русскіе, потерявъ все свое имущество, должны были спасаться бѣгствомъ на русскомъ суднѣ „Кадьякѣ“. Шеффера туземцы чуть-чуть не утопили по совѣту американцевъ, онъ лишь чудомъ спасся отъ смерти. Удаленіе Шеффера съ Сандвичевыхъ острововъ происходило въ серединѣ 1817 г. Послѣ его отъѣзда на островахъ оставалась еще горсть русскихъ на остр. Оаху во главѣ съ промышленникомъ Таракановымъ, и ей удалось возвратиться въ Новоархангельскъ лишь въ слѣдующемъ (1818) году.

Необходимо отмѣтить то отсутствіе взаимной выручки и поддержки, ту несогласованность отдѣльныхъ дѣйствій различныхъ русскихъ дѣятелей въ данное время, которое навряд-ли возможно было у какой-либо другой національности. Этимъ явленіемъ розни и отсутствія координированныхъ дѣйствій вполнѣ объясняется неудача, постигшая такъ блестяще начатую попытку русскихъ утвердиться на Сандви-

чевыхъ островахъ. Какъ на фактъ, подтверждающій вполнѣ эту мысль, можно указать на посѣщеніе кап. Коцебу [1]) въ 1816 (въ самомъ концѣ года) этихъ острововъ. Когда корабль „Рюрикъ" прибылъ въ Гонолулу, то Коцебу не только заявилъ королю Томеомеа о томъ, что образъ дѣйствій Шеффера не одобряется русскимъ правительствомъ, не только не принялъ никакихъ мѣръ для оказанія помощи Шефферу и другимъ соотечественникамъ хотя бы для поддержанія престижа русскаго имени, но даже подарилъ Томеомеа двѣ восьми фунтовыхъ мортиры съ большимъ числомъ снарядовъ, пороха и т. д. [2]), точно приглашая туземцевъ разрушить русскія поселенія и сбить русскій флагъ... Благодаря этому кап. Коцебу, правда, пріобрѣлъ почти даромъ у Томеомеа съѣстныхъ припасовъ для „Рюрика" и былъ очень радушно принятъ самимъ королемъ, но не избѣжалъ столкновенія съ островитянами, которые подобно ему не умѣли отличать однихъ русскихъ отъ другихъ...

Въ 1818 г. Шефферъ вошелъ съ запискою къ министру внутренних дѣлъ (Б. П. Козодавлеву), въ которой объяснялъ весьма подробно всѣ выгоды отъ торговли съ Сандвичевыми островами и отъ занятія одного изъ нихъ для учрежденія русской факторіи и указывалъ на то число судовъ и людей, которое необходимо для успѣшнаго выполненія предпріятія. Министръ потребовалъ мнѣнія компаніи. Совѣтъ компаніи вмѣстѣ съ главнымъ правленіемъ признавалъ справедливыми доводы Шеффера о выгодахъ, которыя могутъ предстоять колоніямъ, Камчаткѣ и Охотску отъ снабженія ихъ произведеніями Сандвичевыхъ острововъ, въ особенности, если имѣть въ владѣніи одинъ изъ нихъ, но что для приведенія въ исполненіе предпріятія, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ признано удобнымъ, компанія будетъ ожидать распоряженій правительства.

По докладѣ объ этомъ государю, имъ было повелѣно: объявить компаніи нижеслѣдующее: „повелѣвъ компаніи при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, то есть при полномъ расположеніи Томари къ русскимъ и добровольной просьбѣ его о покровительствѣ Россіи, отклонить это предложеніе и ограничиться только дружественными и торговыми сношеніями съ Сандвичевыми островами. Его величество основывалъ свою волю на твердомъ убѣжденіи о неудобствахъ ближайшихъ отношеній къ означенному владѣльцу, оправдавшихся впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ, слѣдовательно, тѣмъ болѣе находитъ въ настоящее время, что мысль о водвореніи русскихъ на одномъ изъ

[1]) Путеш. въ Южный океанъ и Беринговъ проливъ на кор. „Рюрикъ" въ 1815—1817 гг. 3 части, Спб. 1821.

[2]) По гавайскимъ источникамъ самъ Коцебу объ этомъ въ путешествіи своемъ не разсказываетъ.

Сандвичевыхъ острововъ имѣетъ весьма мало основанія, но при томъ, одобряя намѣреніе компаніи возстановить дружественныя связи съ сандвическими владѣтелями и желая ей успѣха, его величество надѣется, что при благоразумныхъ распоряженіяхъ и осмотрительномъ выборѣ исполнителей порученій компаніи, она пріобрѣтаетъ тѣ же самыя выгоды, что и при водвореніи на островахъ—и что всѣмъ начальникамъ кругосвѣтныхъ казенныхъ судовъ будетъ предписано объявлять вездѣ въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, что компанія пользуется покровительствомъ его величества. Что же касается до подарковъ, назначенныхъ отъ высочайшаго имени владѣльцу Сандвичевыхъ острововъ Томари, то компаніи предоставляется употребить ихъ по своему усмотрѣнію".

Такимъ образомъ мечты Баранова и предпріятіе д-ра Шеффера [1]) окончательно не удались. По замѣчанію Дюфло де Мофра, „вѣроятно опасности и издержки, сопряженныя съ утвержденіемъ на Сандвичевыхъ островахъ, были въ глазахъ русскаго правительства и Россійско-Американской компаніи преувеличены, и недостаточно выставлены выгоды, которыя проистекли бы впослѣдствіи отъ подобнаго занятія".

Дальнѣйшія сношенія русскихъ съ Сандвичевыми островами ограничивались лишь случайными торговыми экспедиціями, подобными тѣмъ, о которыхъ упоминалось выше, съ цѣлями пріобрѣтенія тамъ тѣхъ или иныхъ продовольственныхъ запасовъ и въ особенности соли, да стоянками въ гавайскихъ портахъ нашихъ военныхъ судовъ во время кругосвѣтныхъ плаваній для освѣженія запасовъ.

Благопріятный моментъ для пріобрѣтенія первоклассной морской станціи на Тихомъ океанѣ, столь важной при предстоявшемъ появленіи во флотѣ паровыхъ судовъ и способной играть громадную роль въ нынѣшнихъ міровыхъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ,—былъ навсегда упущенъ.

Отказавшись отъ всякихъ политическихъ плановъ, довольствуясь

---

[1]) Д-ръ Шефферъ первоначально служилъ врачемъ при московской городской полиціи; въ 1812 г. принималъ участіе въ изготовленіи аэростата, предназначавшагося для пораженія французскихъ войскъ. Въ 1813 г. отправился въ качествѣ врача въ кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ Рос.-Ам. компаніи „Суворовъ" подъ начальствомъ лейт. М. П. Лазарева. При внезапномъ уходѣ послѣдняго изъ Новоархангельска, во избѣжаніе серьезныхъ послѣдствій отъ неблагоразумныхъ распоряженій Баранова, открывшаго съ береговыхъ батарей огонь по уходящему судну, Шефферъ, какъ „лицо, не терпимое на суднѣ", былъ высаженъ на берегъ (дѣло департ. Морск. Мин., арх. Морск. Мин. связка 163, 1816 г. № 49). Послѣ своего приключенія на Сандвичевыхъ островахъ, Шефферъ отправился въ Бразилію, гдѣ достигъ титула графа Франкентальскаго. Въ качествѣ уполномоченнаго бразильскаго императора онъ ѣздилъ потомъ въ Европу для набора солдатъ въ бразильскую гвардію.

безъ хлопотъ полученіемъ барышей, Россійско-Американская компанія не рѣшалась болѣе повторить попытки пріобрѣтенія вліянія на Сандвичевыхъ островахъ.

Въ заключеніе остановимся на эпизодѣ, относящемся къ попыткамъ вольной русской колонизаціи на островахъ Великаго океана [1]).

Въ 1809 г. нѣсколько изъ служащихъ компаніи въ Новоархангельскѣ, недовольные строгимъ режимомъ управленія колоніями Баранова, составили противъ него заговоръ. Главными руководителями заговора были промышленники Наплавковъ (изъ сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе приказныхъ) и Поповъ (изъ крестьянъ). Наплавковъ ранѣе былъ въ Камчаткѣ и тамъ ознакомился по наслышкѣ съ подробностями возмущенія Беневскаго [2])—изъ ссыльно поляковъ,—конфедератовъ,—убившаго окружнаго начальника капитана Нилова, разграбившаго казенныя деньги и имущество и на суднѣ ушедшаго благополучно въ Кантонъ. Намѣреніемъ заговорщиковъ было убить Баранова, жившаго у него въ домѣ штурмана Васильева, американца Кларка, а также сыновей Баранова, захватить деньги, оружіе, крѣпость, съѣстные запасы, взять съ собой на судно женщинъ и подъ общимъ начальствомъ Попова, получившаго у нихъ званіе хорунжаго, при содѣйствіи штурмановъ Шехова, Ворошилова и Линкена на новомъ суднѣ „Открытіе“ уйти въ открытое море.

На захваченномъ кораблѣ было предположено слѣдовать къ остр. Пасхи, или къ Разбойничьимъ и Маріанскимъ, или же вообще къ какимъ-либо малонаселеннымъ островамъ въ горной части Тихаго океана, и поселиться тамъ, основавъ вольную русскую колонію. По пути предполагалось заѣхать на Сандвичевы острова, куда раньше ихъ не могла придти вѣсть о событіи, тамъ продать не безъ выгоды различные компанейскіе товары и пріобрѣсти себѣ запасовъ продовольствія на первое время. Планъ этотъ не удался, заговоръ въ самомъ началѣ былъ открытъ Барановымъ. Одинъ изъ заговорщиковъ, полякъ Лещинскій, боясь неуспѣха, выдалъ Баранову остальныхъ товарищей, и они всѣ были арестованы при составленіи письменнаго акта, который они готовились подписать. Шестеро главныхъ иниціаторовъ предпріятія были Барановымъ отправлены въ оковахъ въ Охотскъ для преданія суду. Дальнѣйшая участь ихъ неизвѣстна.

Такъ окончилась безъ успѣха, убитая въ самомъ зародышѣ, попытка образованія „казацкой“ вольной колоніи на одномъ изъ острововъ Тихаго океана.

Н. Вишняковъ.

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ разсказываетъ также С. Шашковъ въ своихъ „Историческихъ этюдахъ“ Спб. 1872, т. II.

[2]) Беневскій (или Беніовскій) 1741—1786. О его бѣгствѣ изъ Камчатки въ 1771 г. см. въ его запискахъ, изданныхъ въ Парижѣ въ 1791 г. (на франц. яз.), также см. ст. А. Сгибнева, „Рус. Ст.“ 1876 №№ 3 и 4.

Горнозаводская служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время.

VIII [1]).

Нѣкоторою оригинальностью, проявлявшеюся въ особо-безцеремонномъ и грубоватомъ обращеніи съ служащими лицами и съ членами своей семьи, выдѣлялся, среди горныхъ начальниковъ прежняго времени, Карлъ Ѳедоровичъ Мейснеръ [2]).

Изъ многихъ, дошедшихъ до меня, разсказовъ объ этой личности, въ памяти моей удержались три слѣдующіе:

Въ день своихъ именинъ, онъ обыкновенно, кромѣ обѣда, на который приглашались исключительно мужчины и при томъ только инженеры, лѣсничіе, артиллеристы и высшіе горные чиновники, онъ устраивалъ также и балъ.

На послѣдній приглашались, кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, съ ихъ семействами, и нѣсколько болѣе мелкихъ чиновниковъ.

Тщательно одѣтые въ мундиры и усердно напомаженные, аккуратно, къ назначенному часу, являлись они въ домъ начальника, робко и нерѣшительно входили въ залъ и, почтительно раскланявшись съ хозяиномъ, тотчасъ же, по его указанію, направлялись въ особо отведенныя для нихъ, въ нижнемъ этажѣ, комнаты.

Тамъ, для этихъ, второстепенныхъ гостей, уже были приготовлены ломберные столы и столики съ шашками; тамъ же, накрывались для нихъ и особые столы для закуски и ужина, одновременно

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1905 г.

[2]) Фамилія вымышлена.

съ таковыми же въ залѣ верхняго этажа, предназначавшимися для членовъ высшаго круга общества.

Угощеніе для маленькихъ чиновниковъ хотя и отличалось обиліемъ закусокъ, кушаній, настоекъ, наливокъ и дешевыхъ, мѣстнаго разлива, винъ, но, тѣмъ не менѣе, значительно уступало угощенію, которое предлагалось гостямъ верхняго этажа.

Вверху лилось рѣкою шампанское, а внизу—дешевенькое донское, сидящіе за ужиномъ вверху были только въ нѣсколько приподнятомъ и игривомъ настроеніи духа, внизу же кой-кто обрѣтался уже въ невмѣняемомъ состояніи. Только въ одномъ верхъ и низъ мало разнились другъ отъ друга: какъ тамъ, такъ и тутъ было одинаково шумно.

Въ числѣ другихъ приглашенныхъ, изъ мелкой, канцелярской братіи находился также одинъ субъектъ, недавно занявшій должность, дававшую ему право на приглашеніе, и въ первый еще разъ попавшій на балъ къ начальнику.

Незнакомый съ обычаями дома и непредувѣдомленный о нихъ сослуживцами, онъ большую часть вечера торчалъ въ верхнемъ этажѣ, съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ наблюдая, какъ танцуютъ и веселятся многочисленные гости хозяина-именинника.

Такъ шло время до ужина. Вотъ, наконецъ, всѣ дамы и кавалеры двинулись изъ разныхъ пріемныхъ комнатъ и парами направлялись къ нѣсколькимъ, сервированнымъ для ужина, въ большой и просторной залѣ, столамъ. Въ числѣ ихъ, какъ-бы замыкая это шествіе, двигался туда же и маленькій чиновникъ. Онъ уже хотѣлъ занять свободное мѣстечко въ концѣ одного изъ столовъ, какъ былъ замѣченъ, случайно, Мейснеромъ.

Быстро пробравшись сквозь толпу гостей, Карлъ Ѳедоровичъ подошелъ къ злополучному чиновнику и, ухвативъ его за руку, громко и рѣзко спросилъ.

— Ты куда это залѣзъ, любезный?

Чиновникъ вздрогнулъ и, вытянувшись, руки по швамъ, недоумѣло глядѣлъ въ глаза начальнику.

— Удостоенъ... пригласили, ваше превосходительство, робко и едва слышно нашелся онъ пробормать въ отвѣтъ на вопросъ хозяина.

— Пригласили! А ты и обрадовался и лѣзешь куда не слѣдуетъ, тѣмъ же тономъ продолжалъ говорить Мейснеръ: Да развѣ здѣсь тебѣ мѣсто? Маршъ туда, внизъ! Тамъ для вашей братьи особый столъ приготовленъ, скомандовалъ онъ и, повернувъ гостя налѣво кругомъ, указалъ ему, жестомъ, дорогу.

Страшно переконфуженный и совершенно растерявшійся чиновникъ, спотыкаясь и задѣвая за стулья, чуть не бѣгомъ устремился изъ зала, по указанному хозяиномъ направленію.

Картина получалась поистинѣ весьма комичная.

Но гости, привыкшіе уже къ подобнымъ выходкамъ Карла Ѳедоровича, отнеслись къ ней довольно равнодушно, и только нѣкоторыя дамы не выдержали и довольно громко разсмѣялись.

Другой казусъ произошелъ за оффиціальнымъ, по какому-то торжественному случаю, даннымъ Мейснеромъ обѣдомъ. На немъ, по обыкновенію, присутствовали одни мужчины, а изъ дамъ находились только жена и сестра хозяина.

Во время застольной бесѣды, зашла, между прочимъ, рѣчь и о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ.

Жена Карла Ѳедоровича, женщина не особенно далекая, мало образованная и отчасти забитая нѣсколько деспотическимъ и суровымъ правомъ супруга, обыкновенно, во время такихъ обѣдовъ молчавшая, на этотъ разъ вздумала принять участіе въ разговорѣ и пренаивно спросила у мужа:

— А гдѣ этотъ Кавказъ, Карлъ Ѳедоровичъ?

— Въ Турціи! У, дура! Молчала бы лучше, коли Богъ умомъ обидѣлъ, грубо и рѣзко оборвалъ Мейснеръ свою дражайшую половину.

А вотъ и третья выходка этого господина.

Въ его домѣ, на Святкахъ, устраивался большой, костюмированный вечеръ, приглашенія на который были разосланы чуть не за цѣлый мѣсяцъ.

Всѣ дамы и барышни заблаговременно хлопотали и заботились о нарядахъ, выбирали и придумывали различные костюмы и, гдѣ бы ни встрѣтились, заводили неизмѣнно однѣ и тѣ же рѣчи, все объ этомъ излюбленномъ ими развлеченіи.

У Карла Ѳедоровича жила постоянно, со дня выпуска изъ пансіона, его младшая сестра, дѣвушка уже не первой молодости и собой не особенно красивая, но страстная любительница всевозможныхъ общественныхъ удовольствій. Предстоящій костюмированный вечеръ озабочивалъ ее едва-ли не болѣе, чѣмъ другихъ заводскихъ дѣвушекъ. Но она была прихотлива и разборчива, а потому долго не могла выбрать для себя такого костюма, который былъ бы и оригиналенъ, и шелъ ей къ лицу.

А между тѣмъ время шло, и до костюмированнаго вечера оставалось не болѣе недѣли. Однажды у Мейснера, совершенно случайно, собралось довольно большое общество. Играли въ карты и танцовали.

Сестра его, все еще не выбравшая себѣ костюма, была сильно этимъ озабочена и уже ко многимъ изъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ обращалась съ просьбами указать ей какой-либо подходящій костюмъ. Ей охотно указывали, но всѣ эти указанія, повидимому, ее не удовлетворяли.

И вотъ, она, въ концѣ концовъ, рѣшается просить совѣта у брата, который, въ это время, занятъ былъ какимъ-то серьезнымъ разговоромъ съ мужчинами. Около нихъ образовался цѣлый кружокъ внимательныхъ слушателей.

— Посовѣтуйте, пожалуйста, братецъ,—кѣмъ бы мнѣ замаскироваться? подбѣгая къ Мейснеру, развязно спросила дѣвушка.

— Ахъ, отвяжись! Почемъ я знаю, сердито пробурчалъ онъ.

— Ну, нѣтъ, все-таки, придумайте что-нибудь, продолжала она, не обращая вниманія на недовольный тонъ, звучавшій въ его отвѣтѣ.

— Говорятъ, отстань. Не по моей части. Въ вашихъ, бабьихъ, дѣлахъ я ничего не смыслю.

— Неправда. Вы опытнѣе, вы должны знать. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ скажите, какой костюмъ пойдетъ ко мнѣ больше, не переставала приставить къ брату дѣвушка.

— Ну, коли не можешь ничего выбрать, такъ задери подолъ на голову. Вотъ тебѣ и костюмъ подходящій будетъ, громко отрѣзалъ Карлъ Ѳедоровичъ и отвернулся отъ надоѣдливой сестрицы.

Крайне обиженной и сконфуженной такимъ неделикатнымъ отвѣтомъ барышнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ поспѣшно, съ невольно выступившими на глазахъ слезами, удалиться отъ сердитаго братца и скрыться на время въ свою комнату.

Не удивительны сами по себѣ подобныя грубыя и оскорбительныя выходки, но удивительно, что человѣкъ, ихъ себѣ позволявшій, былъ далеко не глупый и не злой, а скорѣе добрый и общительный, но только немножко деспотъ и самодуръ.

Помощники горныхъ начальниковъ никакой особенной роли въ заводской администраціи не играли. Они, какъ упомянуто выше, участвовали въ коллегіальномъ рѣшеніи извѣстной части дѣлъ, въ присутствіи главной конторы, въ качествѣ перваго ея члена, и, сверхъ того, исполняли обязанности инспектора заводскихъ школъ и презуса военнаго суда.

Хотя, въ отсутствіе горныхъ начальниковъ, уѣзжавшихъ куда-либо изъ завода на болѣе или менѣе продолжительное время, помощники ихъ и исправляли временно обязанности главы округа; но и, въ этомъ случаѣ, они дѣйствовали не самостоятельно, а на основаніи заранѣе полученныхъ инструкцій, и, если встрѣчались серьезныя дѣла, не предусмотрѣнныя инструкціей, то рѣшеніе по нимъ всегда откладывали до возвращенія горнаго начальника.

Все это, вмѣстѣ взятое, служило, вѣроятно, причиной тому, что помощниками горныхъ начальниковъ назначались, большею частью, такіе инженеры, которые не обладали достаточными способностями для занятія самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ, административныхъ

должностей, а между тѣмъ, по своему усердію и долголѣтней службѣ, заслуживали повышенія. Эти же должности давали право на полученіе, при отставкѣ, чина полковника, съ соотвѣтствующею ему пенсіей..

Большая часть помощниковъ горнаго начальника очень долго, лѣтъ по десяти и по пятнадцати, занимали свои должности и такъ свыкались съ ними, что, по выходѣ въ отставку, начинали скучать, опускаться, терять постепенно бодрость и силы и, сравнительно, скоро поканчивать всѣ свои разсчеты съ земною жизнью.

Привыкнувъ ежедневно, въ теченіе четырехъ-пяти часовъ, просиживать въ конторѣ, на мягкомъ и удобномъ креслѣ, перекидываясь, время отъ времени, парой—другой фразъ со вторымъ членомъ или секретаремъ; привыкнувъ, покуривая трубку, перебирать лежащую передъ ними кучку бумагъ и подписывать ихъ, не прочтя предварительно, а удостовѣрившись только, что онѣ подписаны уже секретаремъ и столоначальникомъ; привыкнувъ, въ извѣстные дни, посѣщать школы, вызывать и спрашивать кого-нибудь изъ учениковъ и сдѣлать, если окажется нужнымъ, замѣчаніе учителю, или тамъ же, во время годичныхъ испытаній, засѣдать во главѣ экзаменаціонной коммиссіи и ставить отмѣтки учащимся; привыкнувъ, наконецъ, въ качествѣ презуза военнаго суда, вершить, подготовленныя заранѣе аудиторомъ, уголовныя дѣла; привыкнувъ ко всему этому и вдругъ очутиться не у дѣлъ и не знать,—какъ убить, чѣмъ заполнить предстоящіе впереди цѣлые часы совершенно свободнаго времени.

Если бъ еще питали они страстишку къ картамъ, или къ чтенію, то все же могли бы, за этими занятіями, скоротать часокъ—другой своего досуга; но положеніе не привыкшихъ ни къ тому, ни къ другому роду занятій становилось дѣйствительно безотраднымъ и тяжелымъ и легко способствовало упадку ихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Не мудрено, что такія личности, оставшись не у дѣлъ, вскорѣ же сходили въ преждевременную могилу.

Привычка большинства помощниковъ горнаго начальника подписывать дѣла, не читая, была извѣстна всѣмъ ихъ сослуживцамъ; но сами они никогда въ этомъ не сознавались, хотя, подъ-часъ, и бывали жестоко уличаемы.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ помощниковъ, Николай Петровичъ Бѣловъ [1]), жаловался однажды своимъ знакомымъ на массу, подлежащихъ его подписи, дѣловыхъ бумагъ, которыя предварительно требовалось прочесть и прочесть внимательно.

— Ну, этого-то вы, положимъ, не дѣлаете, замѣтилъ ему прія-

---

[1]) Фамилія вымышлена.

тель его, лѣсничій, а подмахиваете себѣ все, что вамъ ни подсунутъ, не читая.

— Извините-съ, это неправда: какая бы пустая бумаженка ни была, я ужъ не подпишу ее, не прочитавши, возражалъ Бѣловъ на замѣчаніе пріятеля.

— А я вамъ фактически докажу противное, стоялъ на своемъ лѣсничій.

— Нѣтъ-съ, не докажете.

— Хотите пари?

— Извольте, на что угодно.

— На полдюжины шампанскаго?

— Идетъ.

И они ударили по рукамъ.

Дѣйствительно, въ первые, вслѣдъ за состоявшимся пари, дни Бѣловъ аккуратно прочитывалъ каждую бумагу; но вскорѣ это ему надоѣло, и онъ снова вернулся къ прежней привычкѣ—подписывать не читая.

Этого только и дожидался лѣсничій и, недѣли черезъ двѣ, зайдя пораньше въ контору, всунулъ въ пачку дѣловыхъ бумагъ, подлежавшихъ подписи Николая Петровича, заранѣе приготовленную бумагу; затѣмъ попросилъ секретаря, когда эта бумага будетъ подписана, передать ее къ нему, въ канцелярію.

Секретарь охотно исполнилъ просьбу лѣсничаго, который, заполучивъ нужную бумагу, въ тотъ же день отправился вечеркомъ къ Бѣлову.

— Ну-съ, Николай Петровичъ, посылайте за шампанскимъ. Вы проиграли пари, заявилъ онъ, здороваясь съ хозяиномъ.

— Какъ? Что? Я проигралъ... Не можетъ быть, протестовалъ Бѣловъ.

— А вотъ и доказательство. Не угодно ли? продолжалъ лѣсничій, передавая ему листъ бумаги.

А на листѣ было изложено, подписанное Николаемъ Петровичемъ, слѣдующее предписаніе управителю:

„Главная контора покорнѣйше проситъ ваше высоблагородіе возможно внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и отнюдь не подписывать дѣловыхъ бумагъ, не прочитавши [ихъ предварительно, какъ это обыкновенно дѣлаетъ помощникъ горнаго начальника“.

Бѣловъ прочелъ и страшно сконфузился.

— Ну, развѣ бъ вы подписали такую бумагу, если бы знали ея содержаніе? спросилъ лѣсничій.

— Да, дѣйствительно... поддѣли, долженъ былъ, наконецъ, сознаться Николай Петровичъ, хотя, конечно, былъ очень недоволенъ выходкой пріятеля и долго, послѣ того, на него сердился.

IX.

Во главѣ управленія каждаго отдѣльнаго завода стоялъ управитель. Онъ считался болѣе или менѣе самостоятельнымъ хозяиномъ своего завода. На немъ, какъ и на горномъ начальникѣ, хотя и въ меньшей степени, лежали почти тѣ же самыя, разнообразныя обязанности.

Онъ вѣдалъ одновременно административную, техническую, хозяйственную, полицейскую и судную части.

Непосредственнымъ помощникомъ его, преимущественно по технической части, считался заводскій смотритель. Въ случаѣ отлучки изъ завода управителя, онъ временно вступалъ въ отправленіе его обязанностей.

Управителю были подчинены всѣ остальные чиновники, за исключеніемъ артиллерійскаго пріемщика.

Добросовѣстно исполнявшій свои обязанности управитель, подобно горному начальнику, имѣлъ не особенно много свободнаго времени, употребляя бо́льшую часть его на служебныя занятія.

По свойству характера и въ отношеніи служебной дѣятельности, всѣхъ прежнихъ управителей можно подраздѣлить на нѣсколько категорій.

Къ первой изъ нихъ принадлежали инженеры, всецѣло преданные горно-заводскому дѣлу и внимательно слѣдившіе за всѣми улучшеніями и усовершенствованіями, какія только вносили въ него современные техники. Они, по мѣрѣ силъ и умѣнія, неустанно стремились къ одной цѣли—принести возможно большую пользу, считая это и прямымъ и священнымъ своимъ долгомъ.

Эти инженеры, еще въ стѣнахъ корпуса, учились не изъ подъ палки, не ради отмѣтокъ, а съ желаніемъ пріобрѣсти побольше необходимыхъ, научныхъ знаній и возможно всестороннѣе развить свои духовныя силы.

Конечно, такихъ личностей встрѣчалось, сравнительно, не много. Да много ли ихъ, строго говоря, найдется и въ настоящее время на разныхъ поприщахъ служебной дѣятельности? Какъ преобладала въ старину, такъ и нынѣ преобладаетъ всюду золотая посредственность.

Къ слѣдующей категоріи можно отнести хотя и знающихъ свое дѣло инженеровъ, но апатичныхъ, съ лѣнцой, которые, проживая въ отдѣльномъ заводѣ и пользуясь отсутствіемъ надъ собою высшаго начальства, стремились посибаритничать и провести время болѣе пріятно и разнообразно, чѣмъ высиживать, по цѣлымъ часамъ, въ неприглядной и казенной обстановкѣ заводскихъ конторъ, или таскаться по мрачнымъ мастерскимъ и фабрикамъ, подъ неумолчный

стукъ молотовъ и лязгъ желѣза. А этотъ фабричный воздухъ, наполненный миріадами угольныхъ пылинокъ, которыя набьются вамъ и въ глаза, и въ ротъ, и въ уши и за воротникъ платья!

Да и ради чего, собственно, усердствовать черезъ мѣру? Работы все не новыя, идутъ себѣ заведеннымъ порядкомъ, а надзиратели и мастера свое дѣло знаютъ и присмотрятъ за всѣмъ не хуже его, управителя.

Конечно, можно бы было сдѣлать кое-какія улучшенія въ техникѣ производства: уменьшить процентъ угара и брака, сократить нѣкоторые расходы, увеличить производительность, удешевить издѣлія. Да, разумѣется, все это возможно, стоитъ только побольше и посерьезнѣе заниматься, пораньше вставать, почаще заглядывать въ фабрики. Быть можетъ, и мелькнутъ порой подобныя мысли въ умѣ управителя, но вскорѣ же и исчезнутъ. Къ чему? Изъ-за чего? Задаетъ онъ себѣ вопросы и тотчасъ же разрѣшаетъ ихъ: чтобы получить какую-либо награду или повышеніе по службѣ; но для этого надо совершить что-либо значительное, видное, что не такъ-то легко, да еще и не всегда удастся. Очередныя же награды и повышенія и такъ придутъ въ свое время.

И дома и въ школѣ такіе субъекты выучивали свои уроки лишь изъ боязни наказанія, да чтобы, хоть съ грѣхомъ пополамъ, окончить курсъ и добиться того чина и званія, которые доставятъ имъ извѣстное мѣсто на служебномъ поприщѣ.

Представители третьей категоріи состояли изъ личностей развитыхъ, способныхъ и большихъ любителей разныхъ изящныхъ искусствъ, словомъ, изъ натуръ, такъ сказать, артистическихъ. Но, не обладая устойчивымъ характеромъ, они легко поддавались всевозможнымъ увлеченіямъ и большимъ и малымъ, людскимъ страстишкамъ и слабостямъ. Все у нихъ дѣлалось какими-то порывами. Отъ занятій техникой они переходили къ литературѣ, живописи, музыкѣ и ни въ чемъ не находили полнаго удовлетворенія. Прочтя, напримѣръ, въ спеціальномъ журналѣ о какомъ-нибудь новомъ усовершенствованіи въ заводскомъ производствѣ, примутся они горячо за примѣненіе прочитаннаго къ своему заводу и, если оно туго и не скоро осуществляется, теряютъ терпѣніе и бросаютъ начатое, не доведя его до конца. Иногда такимъ личностямъ и удавалось совершить что-либо хорошее и полезное, но, большею частію, затѣи и замыслы ихъ оставались безрезультатными.

Отъ скуки и недостатка интеллегентнаго общества и полнаго отсутствія какихъ-либо общественныхъ развлеченій, стремясь такъ или иначе поразнообразить свою обыденную жизнь, занимались они и охотою, и игрою въ карты, и кутежами, и любовными похожде-

ніями. Всему этому предавались они съ увлеченіемъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуютъ охлажденія; а послѣднее у такихъ натуръ ждать себя долго не заставляло.

При этихъ условіяхъ, большинство инженеровъ несомнѣнно могло бы сильно опуститься и погрязнуть въ тинѣ захолустной, заводской жизни, если бъ не спасала ихъ женитьба. Она оказывала на нихъ большею частію самое благотворное вліяніе и невольно устанавливала болѣе регулярный образъ жизни, а хлопоты и заботы о семьѣ, заполняя часть свободнаго времени, отвлекали ихъ отъ пагубныхъ и вредныхъ наклонностей.

По этимъ уважительнымъ причинамъ, въ прежнее время, не только управители, но и смотрители маленькихъ заводовъ женились весьма рано. Изъ тѣхъ же немногихъ, которые почему-либо остались холостяками, значительный процентъ погибалъ нравственно.

Отъ скуки и одиночества они позволяли себѣ выпивать лишнее, обзаводились метрессами изъ мѣстныхъ Дульциней, которыя, забравъ слабохарактерныхъ субъектовъ въ грубыя и цѣпкія руки, постепенно и незамѣтно низводили ихъ до своего нравственнаго уровня.

Результатомъ подобнаго образа жизни являлись запой, совершенное разстройство здоровья и ранняя, преждевременная смерть.

Упомяну еще кстати объ управителяхъ-бѣлоручкахъ. Хотя они представляли рѣдкое исключеніе, но все же встрѣчались.

Это были люди не глупые, знавшіе свое дѣло и толково его исполнявшіе, но крайне чистоплотные, франтоватые и не выносившіе ничего грубаго и грязнаго.

Посѣщая заводскія фабрики, они проходили по нимъ спѣшно и осторожно, чтобы грязь, сало и угольный мусоръ не успѣли оставить какихъ-либо слѣдовъ на ихъ лицѣ, рукахъ и одеждѣ. Прежде, чѣмъ занять свое обычное мѣсто въ конторѣ, они внимательно осматриваютъ и кресло и столъ,—нѣтъ ли на нихъ пыли, и не рискуютъ ли они запачкать свое платье.

У такихъ управителей конторы содержались всегда въ безукоризненной чистотѣ. Сторожа хорошо знали требованія начальства и усердно слѣдили за ихъ исполненіемъ.

Бывало, прямо изъ заводскихъ фабрикъ заѣдетъ такой управитель къ кому-либо изъ знакомыхъ и явится передъ ними такимъ опрятнымъ и чистенькимъ, въ бѣлыхъ, безъ пятнышка, перчаткахъ, словно, только-что выѣхалъ изъ своей квартиры.

— Откуда это вы? спрашиваетъ хозяинъ.

— А-а прямо изъ завода, черезъ полчаса надо къ начальнику, и, вотъ, я завернулъ къ вамъ на перепутьи.

— Какъ? Такимъ чистенькимъ и прямо изъ завода? Какъ это вы ухитрились?

— А-а очень просто. Я аккуратно и скоро по этимъ фабрикамъ... Такъ, знаете, à vol d'oiseau.

Для пріема мастеровъ и рабочихъ, являвшихся къ нему на домъ съ разными просьбами, у него имѣлась передъ кабинетомъ особая пріемная комната. Прежде чѣмъ ввести въ нее перепачканныхъ въ сажѣ и прокопченныхъ дымомъ просителей, лакей тщательно ихъ осматривалъ и предварительно заставлялъ обтереть обувь и вообще нѣсколько пообчиститься. Затѣмъ, попрыскавъ въ комнатѣ оде-колономъ, докладывалъ уже о прибывшихъ управителю.

Когда же, по окончаніи пріема, мастеровые уходили, пріемная комната провѣтривалась, и всѣ слѣды пребыванія въ ней нечистоплотныхъ просителей тщательно уничтожались.

Всѣ, безъ исключенія, прежніе управители, а также и высшіе горные чиновники держали себя съ низшими должностными лицами нѣсколько свысока, но не рѣзко и грубо, а скорѣе степенно и благодушно; въ служебныхъ разговорахъ обращались къ нимъ неизмѣнно на „ты“, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли уже классные чины и носили званіе личнаго дворянина.

Впрочемъ, подобное обращеніе начальниковъ съ подчиненными было, въ старину, обычнымъ явленіемъ не только въ горномъ, но и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, и нисколько не шокировало и не унижало служащихъ.

Вся суть заключалась не въ мѣстоименіи, а въ самомъ тонѣ, которымъ произносилось это мѣстоименіе. Иное „ты“, сказанное ласково и привѣтливо, куда какъ пріятнѣе звучало въ ушахъ подчиненныхъ, чѣмъ болѣе вѣжливое „вы“, произнесенное съ ироніей, сарказмомъ, или явнымъ презрѣніемъ.

Въ общемъ же всѣ прежніе управители болѣе или менѣе удовлетворительно исполняли свои обязанности и если не всегда вносили что-либо новое въ технику заводскихъ производствъ, то по крайней мѣрѣ поддерживали и не запускали уже существующихъ.

Какъ единственное исключеніе, выдѣлялся среди нихъ и оставилъ по себѣ не особенно лестную память Сергѣй Петровичъ Бергасовъ [1]). Этотъ горный инженеръ стоялъ далеко не на высотѣ своего положенія. Неглупый и способный, но питавшій неудержимую страсть къ картамъ, онъ посвящалъ имъ слишкомъ много времени, а потому, естественно, частенько неглижировалъ своими служебными обязанностями.

---

[1]) Фамилія вымышлена.

Эта несчастная страсть неблагопріятно отражалась не только на успѣшномъ ходѣ заводскаго дѣла, но и на нѣкоторыхъ подчиненныхъ служащихъ и знакомыхъ Бергасова инженерахъ и чиновникахъ, проживавшихъ въ ближайшихъ заводахъ. Особенно вредно вліяла она на молодежь, обладавшую неустойчивымъ характеромъ и слабою волею.

У Бергасова процвѣтали преимущественно азартныя игры.

На карточные вечера, или, вѣрнѣе, дни, ибо иногда цѣлая компанія игроковъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ просиживала за ломберными столами, собирались не только свои, мѣстные партнеры, но довольно часто пріѣзжали таковые и изъ болѣе дальнихъ заводовъ смежнаго округа.

Этотъ, такъ сказать, безпросыпный картежъ представлялъ собою слѣдующую картину:

Просторная комната, съ десяткомъ игроковъ и зрителей, сидящихъ и стоящихъ за ломберными столами, полна клубами дыма отъ трубокъ, съ табакомъ Жукова, и рижскихъ или гаванскихъ сигаръ; весь полъ усыпанъ цѣлыми и изорванными картами, между которыми валялись пробки, окурки, спички, и все это было покрыто мѣстами пепломъ и пылью; на большомъ столѣ, у стѣны, стоитъ громадный подносъ съ тарелками разныхъ закусокъ, а рядомъ—другой, съ цѣлой батареей бутылокъ, окруженныхъ рюмками и стаканами.

Игра идетъ горячо, азартно. Груда ассигнацій, серебра и золота лежитъ передъ банкометомъ. Безпрестанно слышатся возгласы играющихъ: „Уголъ! дана! бита! на двѣнадцать кушей! транспортъ! по червонцу очко“ и т. п.

Чѣмъ дальше продолжается игра, тѣмъ замѣтнѣе измѣняетъ свой видъ лежащая передъ банкометомъ груда денегъ. Она то значительно уменьшается, то снова достигаетъ такой же величины и затѣмъ начинаетъ расти все болѣе и болѣе, вмѣщая въ себя, помимо денегъ, и разныя цѣнныя вещи. Одна за другой присоединяются къ ней и часы, и кольца, и перстни, и табакерки, и портъ-сигары, и даже такіе предметы, которые не могли помѣститься на ломберномъ столѣ и частію лежали въ углу комнаты, а частію—внѣ ея, въ каретникѣ и конюшнѣ, какъ, напримѣръ: пистолеты, ружья, экипажи, лошади, словомъ, все, чѣмъ только могли располагать, продувшіеся въ пухъ и прахъ, картежники.

И курьезную же картину представляло собою иногда возвращеніе домой такихъ игроковъ, за 60, 80, 100 и болѣе верстъ уѣхавшихъ изъ своихъ заводовъ—отвести душу за картами.

Одни ѣхали въ чужомъ тарантасѣ, безъ копѣйки въ карманѣ, безъ часовъ, перстней, портъ-сигара и вообще безъ всѣхъ тѣхъ ве-

щей, которыя были съ ними при выѣздѣ изъ дому и перешли въ другія руки.

Другіе же, наоборотъ, возвращались домой, подобно побѣдителямъ, сопровождаемые цѣлымъ обозомъ изъ многочисленныхъ трофеевъ, отнятыхъ у враговъ, во время жаркой и продолжительной схватки съ ними на зеленомъ полѣ.

Тутъ были дорожные и городскіе экипажи, упряжныя и верховыя лошади, сбруя, сѣдла, ружья и т. п.

Само собой, страсть Бергасова къ картамъ не мало вредила процвѣтанію завода, который, сравнительно съ другими, весьма тихо двигался по пути прогресса, а хозяинъ его частенько навлекалъ на себя справедливыя нареканія высшаго, горнаго начальства.

X.

Уральскіе заводы занимали громадную территорію и представляли собою какъ-бы отдѣльную область, совершенно изолированную, во всѣхъ служебныхъ отношеніяхъ, отъ окружающихъ ее городовъ и мѣстечекъ, подвѣдомственныхъ губернской администраціи.

Занесенные въ нее, силою обстоятельствъ, чиновники прочно утверждались въ ней, пуская глубоко свои корни и, плодясь и множась, послѣдовательно доставляли ей, этой области, свой кровный контингентъ кандидатовъ на многочисленныя и разнообразныя должности мѣстныхъ учрежденій. Удаленные отъ столицы на двѣ тысячи верстъ и лишенные удобныхъ путей сообщенія, заводскіе служащіе безвыѣздно, по десяткамъ лѣтъ, проживали въ своихъ горныхъ городкахъ и заводахъ, не переступая черты, или границы района Уральскихъ заводовъ. Очень немногіе разокъ-другой, въ теченіе всей своей жизни, заглядывали въ ближайшій губернскій или уѣздный городъ но прокатиться, на свой счетъ, въ Петербургъ представлялось чѣмъ-то невѣроятнымъ, немыслимымъ, не говоря уже о крайней затруднительности и неудобствѣ такой поѣздки, самые расходы, потребные на нее, были бы не по карману большинству чиновниковъ.

Командировки же служебныя, на казенный счетъ, давались чрезвычайно рѣдко и преимущественно высшимъ начальствующимъ лицамъ. Для остальныхъ же представлялись, въ этомъ отношеніи, весьма рѣдкіе случаи, а именно—сопровожденіе, такъ называвшихся, золотаго и дѣтскаго каравановъ.

Съ первымъ, подъ начальствомъ караваннаго смотрителя и его помощника, доставлялось изъ Екатеринбурга на петербургскій монет-

ный дворъ, добытое на уральскихъ золотыхъ промыслахъ и сплавленное въ лабораторіи, въ слитки, золото.

Со вторымъ, также подъ начальствомъ караваннаго и его помощника, доставлялись съ Уральскихъ заводовъ дѣти горныхъ инженеровъ и чиновниковъ въ столичные корпуса и училища.

Первый караванъ отправлялся съ Урала два раза въ годъ, зимою и лѣтомъ, а второй—однажды въ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Слѣдовательно, въ теченіе года могло съѣздить, на казенный счетъ въ Петербургъ только шесть чиновниковъ, что̀ изъ общаго ихъ числа составляло процентъ весьма ничтожный.

Хотя ежегодно контингентъ заводскихъ служащихъ нѣсколько и обновлялся прибывавшей изъ Петербурга молодежью,—горными инженерами, техниками [и чиновниками,—но молодежь эта, проведшая 8—10 лѣтъ въ стѣнахъ столичныхъ корпусовъ и училищъ, гдѣ жила большею частію замкнуто и изолированно, не много новаго и интереснаго могла привезти съ собою заводскому обществу.

Всѣ эти условія дѣлали заводскую жизнь горныхъ чиновниковъ также болѣе или менѣе замкнутою въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ тою только разницею, что предѣлы эти были несравненно обширнѣе, чѣмъ у воспитанниковъ корпусовъ и училищъ.

Большинство изъ членовъ высшаго заводскаго общества воспитывалось въ корпусахъ и другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, а остальная часть ихъ представляла собою лицъ, съ домашнимъ или среднимъ образованіемъ, полученнымъ въ разныхъ второстепенныхъ училищахъ и гимназіяхъ.

Прежнія спеціальныя учебныя заведенія были устроены по образцу военныхъ корпусовъ, и въ нихъ господствовала одна и та же строгая, военная дисциплина.

Всѣ учащіеся проводили, почти безвыходно, по нѣсколько лѣтъ въ этихъ заведеніяхъ, среди товарищей, подъ постояннымъ и неослабнымъ контролемъ начальства. Только счастливчики, имѣвшіе въ городѣ родныхъ, пользовались правомъ уходить къ нимъ по праздникамъ.

Помимо знаній, соотвѣтствующихъ извѣстной спеціальности, большая часть воспитанниковъ очень мало пріобрѣтала другихъ, такъ сказать, общежитейскихъ свѣдѣній, способствовавшихъ къ болѣе полному и всестороннему умственному развитію.

Ученическія библіотеки были очень скудны; доставать книги для чтенія на сторонѣ могли очень немногіе, а если кому и удавалось раздобыться какимъ-нибудь романомъ, то и его приходилось читать украдкой, остерегаясь зоркихъ глазъ дежурнаго офицера или класснаго наставника, которые не преминутъ тотчасъ секвестровать книгу.

Да и, строго говоря, русская литература въ то время, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ еще только начинала пробивать дорогу и догонять ушедшую отъ нея впередъ иностранную. Журналовъ и вообще періодическихъ изданій выходило, сравнительно, немного, а въ учебныхъ заведеніяхъ обрѣтались они въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Поэтому, для жаждавшихъ духовной пищи ощущался замѣтный недостатокъ въ необходимыхъ источникахъ.

Зато большинство воспитанниковъ учебныхъ заведеній прежняго типа пріобрѣтали и военную выправку, и нѣкоторый свѣтскій лоскъ, и умѣнье держать себя въ обществѣ. Уроки танцевъ, музыки, пѣнія и фехтованія, а равно и ученическіе спектакли, балы и концерты также не мало способствовали къ выработкѣ изъ нихъ пріятныхъ и полезныхъ членовъ общества. А постоянная, совмѣстная въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, жизнь воспитанниковъ, строго порицавшихъ и преслѣдовавшихъ разныя неприглядныя свойства, какъ-то: подхалюзничаніе, ябедничество, фанфаронство и многія другія, оказывала на большинство изъ нихъ самое благотворное вліяніе. Благодаря этому, обладавшіе вышеприведенными свойствами воспитанники успѣвали со временемъ нравственно исправиться, а другіе тщательно скрывать ихъ и проявлять при случаѣ, по возможности, осторожно и незамѣтно.

Такимъ образомъ, можно сказать, что мужской персоналъ высшаго круга заводскаго общества состоялъ, въ общемъ, изъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе достаточное, по тогдашнему времени, образованіе, особенно по спеціальнымъ предметамъ.

Что же касается женскаго персонала, то онъ въ этомъ отношеніи значительно уступалъ мужскому.

Кончившихъ курсъ въ институтахъ или частныхъ губернскихъ пансіонахъ насчитывалось весьма немного. Большинство же получало болѣе или менѣе поверхностное домашнее образованіе, подъ руководствомъ гувернантокъ,—что случалось, сравнительно, гораздо рѣже,—или мѣстныхъ учителей и учительницъ, услуги которыхъ требовались чаще и которымъ, въ большинствѣ случаевъ, родители всецѣло поручали образованіе и воспитаніе своихъ дѣтокъ.

Подводя подъ общій уровень умственнаго и нравственнаго развитія всѣ элементы высшаго заводскаго общества, мы придемъ къ заключенію, что оно представляло собою болѣе или менѣе образованныхъ, недурно воспитанныхъ и обладавшихъ свѣтскими манерами и кое-какими салонными талантами личностей.

Что же касается до болѣе широкаго и всесторонняго умственнаго развитія, то имъ, въ строгомъ смыслѣ, ни одна изъ нихъ не обла-

дала. Да и откуда, какимъ образомъ могли бы онѣ пріобрѣсти подобное развитіе? Одна, двѣ газетки, неизмѣнный календарь и почти полное отсутствіе книгъ и журналовъ не давали возможности слѣдить за современнымъ состояніемъ не только иностранной, но и своей, отечественной жизни, со всѣми ея запросами и требованіями. У очень немногихъ, среди книгъ по ихъ спеціальности, можно было найти десятокъ—другой романовъ и повѣстей современныхъ авторовъ, Массальскаго, Кукольника, Зотова, Марлинскаго, Дюма, Сю, Поля Феваля и т. п. Имена же Канта, Шопенгауэра, Гегеля, Огюста Конта, а позднѣе—Лассаля, Джона-Стюарта Милля, Дарвина и другихъ мыслителей и ученыхъ были совершенно незнакомы заводскому обществу. О ихъ трудахъ и ученіи не имѣли тамъ ни малѣйшаго понятія.

О томъ, что творилось не только за границей настоящей, но и за границей горнозаводскаго района, до мѣстнаго заводскаго общества доходили урывками лишь самыя поверхностныя, самыя скудныя свѣдѣнія. Да и эти свѣдѣнія воспринимались имъ какъ бы случайно безъ всякаго особаго интереса, благодаря оброненному въ разговорѣ газетному сообщенію, или извѣстію, почерпнутому изъ письма, полученнаго изъ Петербурга или какого-нибудь другаго города Россійской Имперіи.

Поэтому наши отцы и дѣды жили большею частію личными и мѣстными интересами, жили просто, не мудрствуя лукаво, безъ особыхъ запросовъ и требованій; ретиво или умѣренно трудились на служебномъ поприщѣ и, такъ или иначе, смотря по достаткамъ, старались разнообразить свои досуги различными общественными развлеченіями.

Повседневный образъ жизни высшихъ горнозаводскихъ служащихъ былъ почти одинаковъ.

Всѣ члены семьи вставали довольно рано, часовъ въ 8—9 утра, и очень немногіе раньше или позже этого времени; обѣдали въ 3—4 часа по полудни, въ 7—8 часовъ вечера пили чай, въ 10—11 ужинали и до 12 часовъ ночи уже отправлялись на боковую.

Каждое воскресенье и въ большой церковный или царскій праздникъ, высшіе чиновники, послѣ молебна, прямо изъ собора, а не бывшіе въ послѣднемъ, изъ дому отправлялись къ горному начальнику.

Въ воскресенье и обыкновенные, праздничные дни, эти утренніе визиты дѣлались въ повседневной формѣ; въ царскіе же дни—въ полной парадной.

Они длились приблизительно часа полтора или два; время это визитеры проводили или въ игрѣ на билліардѣ, или въ разговорахъ, касавшихся разныхъ служебныхъ дѣлъ и общественныхъ новостей и событій.

Наговорившись, наигравшись и вышивъ, между прочимъ, по стакану кофе или чая, гости расходились по домамъ. Затѣмъ, въ четыре часа дня, тѣ же самыя лица, по приглашенію начальника, являлись къ обѣду, а въ восемь часовъ—провести запросто вечеръ.

Вечеромъ, обыкновенно, всѣ семейные служащіе пріѣзжали съ женами и взрослыми дочерями.

Обычай принимать у себя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ своихъ сослуживцевъ соблюдался всѣми горными начальниками, въ теченіе всего крѣпостнаго времени и почти совершенно вывелся съ уничтоженіемъ послѣдняго.

Дни именинъ хозяина и хозяйки и взрослыхъ дочерей ихъ всюду и въ каждой семьѣ праздновались болѣе или менѣе торжественно.

Кромѣ большихъ, именинныхъ вечеровъ, на которые съѣзжалось все мѣстное общество и сослуживцы изъ другихъ заводовъ округа, устраивались еще въ семейныхъ домахъ маленькія вечеринки. На послѣднія собирались запросто болѣе короткія и близкія между собою лица и проводили время подобно тому, какъ и на обычныхъ воскресныхъ и праздничныхъ вечерахъ горнаго начальника.

Не мало удовольствія и развлеченія доставляли заводскому обществу и любительскіе спектакли.

Любителей драматическаго искусства въ каждомъ горномъ городѣ находилось достаточно. Для устройства сцены всегда представлялась возможность временно занять какое-либо изъ обширныхъ казенныхъ зданій, недостатка въ которыхъ не было. Декораторы, режиссеры и гримеры почти всегда имѣлись подъ рукою. Это—бывшіе воспитанники корпусовъ, гдѣ, въ свое время, они имѣли не одинъ случай пріобрѣсти достаточно свѣдѣній по театральной части.

И, дѣйствительно, какъ устройство сцены, такъ и самая постановка спектаклей, въ нѣкоторыхъ городахъ, отличались всегда и художественнымъ вкусомъ и прекраснымъ ансамблемъ актеровъ-любителей. А нѣкоторые изъ нихъ исполняли свои роли прямо-таки артистически.

Не такъ давно вспоминали еще заводскіе старожилы о выдававшейся игрѣ горныхъ инженеровъ Г. А. Іосса, М. Н. Хирьякова и И. В. Любарскаго, изъ которыхъ первый, еще бывши въ корпусѣ, превосходно исполнялъ роли старухъ.

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ развлеченій, на святкахъ, было—костюмироваться.

У горнаго начальника, въ Новый годъ или наканунѣ его, устраивался обыкновенно грандіозный костюмированный вечеръ, отличавшійся разнообразіемъ и оригинальностью прекрасно исполненныхъ костюмовъ.

Не довольствуясь однимъ этимъ вечеромъ, молодежь, въ болѣе простыхъ костюмахъ, небольшими компаніями ѣздила по вечерамъ изъ дома въ домъ къ своимъ знакомымъ. При этомъ соблюдался такой порядокъ, чтобы, объѣхавъ нѣсколько, по пути лежащихъ, домовъ, остаться на остальную часть вечера въ заранѣе намѣченномъ. Обыкновенно избирался такой семейный домъ, гдѣ имѣлся просторный залъ, съ фортепіано или органомъ, чтобы можно было вволю и съ удовольствіемъ поплясать и повеселиться.

Святочныя гаданья также играли не послѣднюю роль въ забавахъ всѣхъ слоевъ женскаго общества.

Заводскія барышни и дѣвушки гадали разнообразными способами, но всѣ преслѣдовали при этомъ одну и ту же цѣль—узнать, что сулитъ имъ судьба въ будущемъ и скоро ли и какой именно суженый достанется на ихъ долю.

Такимъ образомъ, зимній сезонъ на Уральскихъ заводахъ проводился, въ общемъ, довольно пріятно и разнообразно.

XI.

Четырехъ-мѣсячный періодъ, съ 1-го мая по сентябрь, считался лѣтнимъ сезономъ и имѣлъ свои особыя развлеченія.

Въ теченіе полутора или двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда рабочій людъ увольнялся на полевыя работы, и заводскія фабрики или вовсе прекращали или значительно сокращали свои дѣйствія, всѣ служащіе пользовались болѣе или менѣе свободнымъ временемъ и употребляли его на удовлетвореніе своихъ разнородныхъ склонностей.

Одни предавались охотѣ, другіе—рыбной ловлѣ, третьи устраивали катанья въ лодкахъ по заводскому пруду или поѣздки за городъ, пикникомъ, въ какое-либо живописное мѣстечко, недостатка въ которыхъ никогда не было.

Пользовались этимъ временемъ и коллекціонеры, старательно пополняя свои коллекціи новыми или лучшими экземплярами. Нѣкоторые инженеры и чиновники успѣвали составить, за время своей службы, весьма полныя и тщательно подобранныя коллекціи минераловъ, растеній и насѣкомыхъ. Изъ первыхъ встрѣчались иногда на столько цѣнныя, что желавшіе пріобрѣсти ихъ предлагали коллекціонерамъ очень крупныя суммы, отъ трехъ, пяти и до десяти тысячъ рублей.

Пикники бывали двухъ родовъ: съ участіемъ дамъ и исключительно мужскіе.

На первыхъ собирали ягоды, грибы, играли въ разныя игры: въ

горѣлки, въ жмурки. На разостланныхъ на травѣ коврахъ пили чай, а потомъ, позднѣе, закусывали. Около ковровъ горѣли костры и отгоняли дымомъ комаровъ и мошекъ.

Совсѣмъ другую картину представляли собою пикники мужскіе.

Объ одномъ изъ нихъ пріятель и сослуживецъ моего отца, Зварковскій, разсказалъ мнѣ однажды слѣдующее:

— Большой компаніей, человѣкъ изъ двадцати, отправились мы въ просторныхъ лодкахъ, версты за три, вверхъ по заводскому пруду. Мѣстечко облюбовали прекрасное, ровное, нѣсколько возвышенное, окруженное деревьями и кустами и всего въ какихъ-нибудь сорока саженяхъ отъ берега. Всякихъ закусокъ и винъ захватили съ собой въ изобиліи. День выдался чудный, не особенно жаркій и безвѣтренный. Среди насъ добрая половина состояла изъ бывшихъ кадетъ. Намъ невольно припомнилась былая кадетская жизнь, и мы задумали поразвлечься незабытыми еще нами прежними юношескими забавами. Играли въ городки, лапту, чехарду, свайку; бѣгали, школьничали, пѣли, не забывая въ то же время и подкрѣплять свои силы. А въ источникахъ для этого недостатка не было, уже не говоря о всевозможныхъ закускахъ и яствахъ, въ видѣ паштетовъ, кулебякъ, дичи и только-что сваренной, изъ наловленной неводомъ рыбы, ухи.

Большихъ охотъ со сворами гончихъ, выжлятниками, доѣзжачими и цѣлымъ штатомъ загонщиковъ и другой охотничьей прислуги, какъ это водилось въ старину среди богатыхъ помѣщиковъ, въ заводахъ не было.

Охотились преимущественно за болотною и лѣсною дичью, или въ одиночку, или небольшими компаніями, какъ, напримѣръ, на тягѣ вальдшнеповъ. Въ послѣдней охотѣ принимали иногда участіе и дамы, но только въ качествѣ зрительницъ.

Устраивались временами и облавы на зайцевъ, дикихъ козъ, лисицъ, оленей, волковъ и другихъ, дикихъ животныхъ. Звѣрей этихъ выгоняли изъ лѣса на охотниковъ цѣлыя артели рабочихъ и подростковъ, вспугивая ихъ своимъ крикомъ и трещетками.

Встрѣчались среди служащихъ и охотники на крупнаго звѣря— медвѣдя.

Его или поднимали въ берлогѣ и убивали, по выходѣ изъ нея, изъ ружья, или же, принимали на рогатину и приканчивали ножомъ.

Послѣдній способъ преимущественно употреблялся мастеровыми— медвѣжатниками.

Били медвѣдей и съ лабаза, т. е. съ устроеннаго на древесныхъ вѣтвяхъ помоста, недалеко отъ котораго клалась на землю какая-либо падаль. Этотъ родъ охоты, какъ наиболѣе безопасный, практиковался, сравнительно, чаще.

Медвѣдей, въ прежнее время, особенно въ дачахъ Богословскаго и Гороблагодатскаго округовъ, водилось множество. Они бывали иногда на столько нахальны, что появлялись у самыхъ селеній и даже забирались въ ограды жилыхъ домовъ, гдѣ давили коровъ, овецъ и другую домашнюю скотину.

Не разъ заводскія женщины и дѣвушки, отправляясь въ лѣсъ за ягодами, особенно за малиной, встрѣчались съ косолапымъ Мишкой. Но почти не было случая, чтобы которая-нибудь изъ нихъ сдѣлалась его жертвою. Или звѣрь, завидя людей, уходилъ прочь, или люди спѣшили отъ него скрыться.

Между прочимъ, я слышалъ разсказъ о такомъ случаѣ:

Одна изъ женщинъ, уединясь отъ подругъ, забралась въ глухой уголокъ лѣса и, безпечно напѣвая пѣсенку, срывала спѣлую и сочную ягоду съ густыхъ и высокихъ кустовъ малинника. Вотъ, видитъ она надъ собою цѣлую вѣтку крупныхъ ягодъ, потянулась за нею и нагибаетъ ее къ себѣ; но вѣтка вырывается изъ рукъ и отклоняется въ противоположную сторону. Предположивъ, что это одна изъ ея подругъ, пробравшись за нею, вздумала ее поддразнивать, женщина снова хватается за вѣтку, но послѣдняя вторично вырывается.

— Ой, кто это тамъ балуетъ? проговорила она:—не трожь, это мои ягоды, я первая, ихъ запримѣтила.

Но отвѣта изъ-за кустовъ не послѣдовало.

Желая узнать притаившуюся соперницу, собирательница ягодъ осторожно раздвинула кусты, заглянула и, громко вскрикнувъ, безъ чувствъ свалилась на траву.

Тамъ, по ту сторону малинника, стоялъ на заднихъ лапахъ не кто иной, какъ самъ г. Топтыгинъ. Онъ, какъ извѣстно, большой лакомка и любитель плодовъ этого кустарника.

Удивленный и даже нѣсколько испуганный крикомъ, а затѣмъ наступившимъ молчаніемъ, Михаилъ Ивановичъ подошелъ къ женщинѣ, обнюхалъ ее и, забравъ въ свои лапы, отнесъ шаговъ за двадцать въ сторону. Затѣмъ положилъ на траву и, накидавъ на нее цѣлый ворохъ разнаго, сухаго хвороста, удалился въ лѣтную трущобу.

Черезъ нѣсколько времени женщина пришла въ себя, осмотрѣлась и, съ ужасомъ припомнивъ случившееся, начала неистово кричать и звать на помощь.

Къ этому крику присоединился другой, дѣтскій. Оказалось, что одна изъ собирательницъ ягодъ, дѣвочка-подростокъ была свидѣтельницей вышеописанной сцены: она собирала ягоды какъ разъ близъ того мѣста, на которое перетащилъ медвѣдь упавшую въ обморокъ женщину.

Находившіеся не особенно далеко остальныя товарки, услыхавъ

призывные крики, прибѣжали къ мѣсту происшествія и, освободивъ изъ-подъ груды хвороста перепуганную подругу, всѣ вмѣстѣ поспѣшили скорѣй выбраться на дорогу и избѣжать встрѣчи съ непріятнымъ конкуррентомъ по сбору ягодъ.

Одно изъ развлеченій заводскаго общества не признавало никакихъ сезоновъ и во всякое время года одинаково процвѣтало повсемѣстно. Это—карточная игра.

Играли во всевозможныя коммерческія и азартныя игры. Къ первымъ предпочтительно принадлежали бостонъ, а затѣмъ—ералашъ и пикетъ. Къ послѣднимъ—банкъ, цвикъ, трынка и, позднѣе, стуколка.

Помимо исключительно карточныхъ вечеровъ, на которыхъ составлялось два-три столика, играли и на балахъ, и на семейныхъ вечерахъ, въ особо отведенныхъ для того комнатахъ.

Въ коммерческія игры играли, сравнительно, по довольно скромному кушу, и онѣ оканчивались обыкновенно 10-ю, 20-ю рублями и весьма рѣдко болѣе.

Въ азартныя же выигрывались и проигрывались сотни, тысячи и даже десятки тысячъ рублей.

Такая особенно крупная игра велась, главнымъ образомъ, въ Екатеринбургѣ, среди золотопромышленниковъ и купечества, къ которымъ присоединялись довольно часто и кое-кто изъ горныхъ инженеровъ и чиновниковъ.

Когда случалось такой компаніи азартныхъ игроковъ сражаться на зеленомъ полѣ въ семейныхъ домахъ или даже у главнаго начальника, во время большихъ, именинныхъ вечеровъ или баловъ, то одинъ изъ постоянныхъ членовъ ея, купчикъ Зарѣзовъ, являлся туда, каждый разъ, съ изрядnымъ запасомъ винъ и шампанскаго. Онъ прекрасно зналъ привычку своихъ партнеровъ—подкрѣплять, время отъ времени, свои силы живительною влагою.

Корзины и кульки такихъ запасовъ лежали въ экипажѣ Зарѣзова, подъ охраной, всѣмъ извѣстнаго кучера его, Митрофана.

Во время краткихъ антрактовъ карточной баталіи, всѣ ея участники, съ Зарѣзовымъ во главѣ, выходили въ ограду и вдохновлялись, для дальнѣйшихъ подвиговъ, разнообразнымъ содержимымъ нещадно опустошаемыхъ корзинъ и кульковъ.

Въ мундирахъ и фракахъ нѣкоторые даже безъ шляпъ, окруживши экипажъ, стояли картежники и подставляли свои стаканы Митрофану, который, отбивъ горлышко у бутылки, наполнялъ ихъ разными винами, сообразуясь съ извѣстнымъ ему вкусомъ каждаго. Въ темныя ночи сцена эта освѣщалась стоявшимъ на козлахъ фонаремъ и представляла собою довольно оригинальную жанровую картинку.

Исключительно карточные вечера устраивались большею частію въ квартирахъ холостяковъ и не всегда проходили спокойно и миролюбиво. Иногда, хотя и очень рѣдко, изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, а подъ-часъ и изъ-за болѣе или менѣе крупнаго и не совсѣмъ благовиднаго поступка, совершеннаго кѣмъ-либо изъ партнеровъ, возникали шумныя пререканія, горячіе споры и даже чувствительныя потасовки.

Подобные инциденты проявлялись, впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ числѣ партнеровъ, попадались личности съ не совсѣмъ чистоплотными замашками, личности, не стѣснявшіяся, подъ шумокъ, и передернуть карту во время метки банка, и припрятать въ рукавъ лишняго туза, въ стуколкѣ или трынкѣ, словомъ, такъ или иначе сплутовать и незаконно поживиться на счетъ ближняго.

Слышалъ я, между прочимъ, объ одномъ весьма комичномъ эпизодѣ, дѣйствующими лицами котораго были горный чиновникъ и заводскій священникъ съ своею благовѣрною супругою, а зрителями—хозяинъ дома, командиръ полуроты и денщикъ его, солдатъ.

Это было раннимъ, лѣтнимъ утромъ.

Съ вечера и всю ночь у ротнаго командира человѣкъ пять-шесть партнеровъ дулись цѣлую ночь въ стуколку; трое изъ нихъ разошлись по домамъ почти на разсвѣтѣ, а двое—чиновникъ и священникъ, затѣяли еще сыграть вдвоемъ нѣсколько королей въ пикетъ.

Попику сильно не везло, и вотъ онъ вздумалъ сплутовать и подмѣнить карту, но сдѣлалъ это такъ неловко и неудачно, что былъ накрыть и уличенъ своимъ партнеромъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Оба они, въ эту минуту, подкрѣпляя силы въ теченіе ночи живительною влагою, изъ стоявшихъ въ сторонкѣ бутылокъ и графинчиковъ, находились уже въ замѣтно возбужденномъ состояніи.

Не говоря лишнихъ словъ, горный чиновникъ, мужчина плотный и крѣпко сложенный, ухватилъ за рѣдкую, клинообразную бороденку малорослаго и тщедушнаго отца Ивана, вытащилъ его изъ-за стола и сталъ водить по комнатѣ, хладнокровно проговаривая:

— Батя, не плутуй! Батя, не плутуй!

Попикъ упирается, кричитъ, стонетъ, а хозяинъ и денщикъ, глядя на эту сцену, помираютъ со смѣху.

Между тѣмъ, не задолго до этого, отзвонили къ обѣднѣ, которую, какъ очередной священникъ, долженъ былъ служить отецъ Иванъ. И вотъ въ самый разгаръ только-что приведенной сцены въ комнату врывается его жена, шустрая и бойкая попадья. Увидѣвъ, въ какомъ унизительномъ и жалостномъ положеніи находится ея супругъ, она, съ визгомъ и крикомъ, кидается ему на помощь. Но чиновникъ, при появленіи попадьи, выпустилъ изъ рукъ еще бо-

лѣе порѣдѣвшую бороду отца Ивана, а попадья, ухвативъ его за рясу, потащила домой, осыпая на прощанье и хозяина и гостя самою изысканною и отборною бранью.

Картина получилась, по истинѣ, презабавная и грустная.

Но случай этотъ не пошелъ въ прокъ отцу Ивану. Онъ не переставалъ проводить дни и ночи за картами; не переставалъ, въ минуты несчастія, передергивать карты; все больше и больше продолжалъ манкировать своими обязанностями и, въ концѣ концовъ, былъ разстриженъ и лишенъ духовнаго сана.

Въ общемъ, результаты азартной игры были неблагопріятны для большинства картежниковъ. Солидные, переходившіе изъ одного кармана въ другой, куши никого изъ нихъ не обогатили, но матеріальное состояніе подорвали многихъ, особенно семейныхъ.

Зато для лакеевъ, державшихъ карты въ домахъ хозяевъ картежниковъ, гдѣ чаще всего велись азартныя игры, эти послѣднія представляли постоянную и обильную жатву, которую, безъ всякихъ затратъ, снимали они съ драгоцѣннаго, зеленаго поля.

Въ теченіе одного вечера тратилась нерѣдко цѣлая масса картъ: чуть кому не повезетъ, онъ кидаетъ на полъ колоду и беретъ новую. Къ утру, на полу комнаты, валялись онѣ дюжинами. А за каждую дюжину, обходившуюся при покупкѣ въ ихъ шесть рублей, игроки уплачивали двѣнадцать. Слѣдовательно, лакеи выгадывали на картахъ сто процентовъ чистаго барыша.

Не мудрено поэтому, что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, нѣкоторые, долго служившіе на одномъ мѣстѣ, лакеи имѣли полную возможность сколотить весьма изрядный капиталецъ.

Въ случаѣ безденежья хозяевъ, они охотно снабжали ихъ, заимообразно, довольно крупными суммами, которыя при первомъ же благопріятномъ результатѣ игры возвращались имъ съ процентами. Но, случалось иногда, что хозяева, въ концѣ концовъ, прогорали и оставались неоплатными должниками своихъ лакеевъ. Послѣдніе, впрочемъ, безропотно мирились съ этимъ, ибо, и помимо пропавшихъ въ долгу денегъ, у нихъ все же оказывались на столько солидные капиталы, что они вскорѣ же мѣняли свое низкое, лакейское званіе на болѣе высокое и видное.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ лакеевъ открылъ большую, прилично обставленную гостиницу, съ прекраснымъ буфетомъ, хористками, отдѣльными кабинетами и тому подобными удобствами, и, управляя ею, до самой смерти, жилъ себѣ припѣваючи.

XII.

Мелкое чиновничество также доставляло себѣ, въ праздничные и торжественные семейные дни, разнаго рода развлеченія, подражая, въ этомъ отношеніи, своему начальству. Только именинныя празднества и вечеринки его отличались большею простотою и непринужденностью и устраивались, разумѣется, въ значительно меньшихъ и скромныхъ размѣрахъ.

Простой рабочій людъ, въ свою очередь, тоже не оставался безъ развлеченій.

Въ осеннее и зимнее время играми, среди нихъ, первенствующую роль, такъ называемыя, посидѣнки. Болѣе или менѣе значительная компанія знакомыхъ между собою дѣвушекъ и парней собиралась у кого-либо изъ сосѣдей, имѣвшихъ лишнюю комнату, или горницу. Тамъ, при свѣтѣ горящей лучины, сидя за прялками, молодыя дѣвушки и женщины распѣвали хоровыя пѣсни, балагурили, въ антрактахъ, съ парнями и угощались разнымъ, незатѣйливымъ лакомствомъ: пряниками, орѣхами и сѣмечками отъ подсолнуховъ.

Угощеніе это пріобрѣталось обыкновенно любезными кавалерами, въ складчину, и радушно предоставлялось въ полное распоряженіе прекраснаго пола.

Среди кавалеровъ всегда находились и музыканты, развлекавшіе собравшееся общество игрою на балалайкѣ или гармоникѣ. При этомъ болѣе веселые и удалые пускались въ плясъ и ловко отхватывали трепака.

Во время Святокъ, по вечерамъ, ходили по улицамъ и заходили въ знакомыя избы толпы ряженыхъ.

На масляницѣ устраивались общественныя, ледяныя горы, или катушки, съ которыхъ мужчины, на небольшихъ санкахъ, скатывали знакомыхъ женщинъ и дѣвушекъ.

Кромѣ того, любимыми забавами подростковъ и молодыхъ мастеровыхъ были игры въ снѣжки и города, или крѣпости.

Послѣдняя состояла въ томъ, что, на пруду, на нѣкоторомъ разстояніи одна противъ другой, расчищались двѣ четырехъ-угольныя площадки и огораживались, со всѣхъ сторонъ, довольно высокими и толстыми, сдѣланными изъ снѣга, стѣнами.

Сооруженія эти назывались крѣпостями, или городами.

Каждая изъ нихъ имѣла свой гарнизонъ и свои снаряды, состоявшіе изъ плотно скатанныхъ, снѣжныхъ комьевъ.

Во главѣ гарнизоновъ стояли особые начальники-коменданты, которые распоряжались ими во время штурма крѣпости, занятой противникомъ, или при защитѣ, отъ нападенія послѣдняго, своей собственной.

Приступая къ штурму, толпа мастеровыхъ стремительно, съ громкимъ гиканьемъ и криками ура, бросалась на непріятельскую крѣпость, нещадно осыпая противника снѣжною картечью и стараясь всѣми силами пробить снѣжныя стѣны и ворваться внутрь крѣпости.

Само собою, что если, по окончаніи военныхъ дѣйствій, и не оказывалось убитыхъ, то легко раненыхъ насчитывалось каждый разъ весьма не мало.

Весною, на Пасхѣ, въ Троицынъ и Духовъ день, а лѣтомъ, въ Петровки, устраивались на площадяхъ общественныя качели, обыкновенныя и вращающіяся.

Большая часть мужскаго персонала не прибѣгала, въ этихъ случаяхъ, къ возбуждающимъ средствамъ, полштофамъ и шкаликамъ, хотя, конечно, встрѣчались среди него и слегка выпившіе; но ихъ, сравнительно, бывало немного, а совершенно пьяные насчитывались единицами.

А между тѣмъ, въ прежнее время, когда процвѣталъ откупъ, не только въ горныхъ городкахъ, маленькихъ заводахъ, но и въ болѣе или менѣе людныхъ селеніяхъ недостатка въ питейныхъ заведеніяхъ не было. Но или пили умѣреннѣе, или вели себя скромнѣе, или строже былъ надзоръ за общественнымъ порядкомъ и благочиніемъ, только такого пьянаго разгула, такихъ безобразій и безчинствъ, какіе въ послѣдніе годы наблюдались и наблюдаются, въ праздничные дни среди заводскаго и фабричнаго люда, въ прежнее крѣпостное время, по крайней мѣрѣ, на Уральскихъ заводахъ, замѣтно не было.

Ни о какихъ хулиганахъ, ни о какой расправѣ ножами, ни о безпрестанныхъ увѣчьяхъ и даже убійствахъ, совершаемыхъ нынѣ пьяными ордами, тамъ и не слыхивали. А если и случалось порой что-либо подобное, то уже представляло собою нѣчто исключительное и чрезвычайное.

Это тѣмъ удивительнѣе, что, во-первыхъ,—въ крѣпостное время кабаки, какъ извѣстно, процвѣтали всюду, а откупщики, съ ихъ громаднымъ штатомъ довѣренныхъ, цѣловальниковъ и сидѣльцевъ, страшно богатѣли и благоденствовали, и, во-вторыхъ, — уровень умственнаго развитія прежнихъ заводскихъ мастеровыхъ былъ значительно ниже, чѣмъ нынѣшнихъ, и большинство ихъ не знало даже грамоты.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ скорѣе долженъ былъ выработаться болѣе грубый элементъ горно-заводскаго населенія, чѣмъ современное его поколѣніе. И это несомнѣнно имѣло бы мѣсто, если бы каждая семья рабочаго люда не стояла, въ старину, на крѣпкихъ устояхъ, освященныхъ обычаемъ и преданіемъ.

Воспитанная въ страхѣ Божіемъ, повиновеніи родителямъ и уваженіи къ старшимъ, прежняя, заводская молодежь была, естественно,

и сдержаннѣе, и почтительнѣе, и скромнѣе нынѣшней и не предъявляла, подобно ей, какихъ-то особыхъ и подъ-часъ несуразныхъ требованій.

Познакомивъ читателя съ разнородными развлеченіями всѣхъ слоевъ общества, упомяну, кстати, еще объ одномъ изъ нихъ, которое доставлялъ и чиновникамъ и рабочему люду сплавъ заводскаго весенняго каравана.

Каждый заводъ устраивался при такой рѣкѣ, которая удовлетворяла бы слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, чтобы она, при запруженіи ея плотиною, давала возможность образованію такого скопа воды, котораго было бы достаточно для приведенія въ дѣйствіе водяныхъ двигателей заводскихъ фабрикъ, въ теченіе цѣлаго года. Во-вторыхъ, чтобы рѣка эта, или непосредственно, или посредствомъ другой, въ которую она впадаетъ, сообщалась съ какою-либо значительною и судоходною, если и не въ теченіе всего лѣта, то хотя въ весеннюю пору, рѣкою.

На первой или второй изъ нихъ, смотря по тому, гдѣ оказывалось болѣе удобное и подходящее для стоянки барокъ мѣстечко, возводилась плотина съ шлюзами и устраивался небольшой прудъ.

По берегамъ рѣчки и пруда селились рабочіе, занимавшіеся постройкой барокъ и входившіе въ составъ судовыхъ командъ каравана.

Такимъ образомъ, возникали поселки, носившіе названіе пристанскихъ селеній, или просто заводскихъ пристаней.

Въ каждомъ изъ нихъ имѣлся приличный, заводскій домъ, на случай пріѣзда начальства, и нѣсколько просторныхъ зданій магазиновъ, для склада и храненія доставляемыхъ съ завода металловъ и издѣлій.

Завѣдываніе пристанью поручалось особому смотрителю изъ урядниковъ или мелкихъ чиновниковъ, съ небольшимъ штатомъ вахтеровъ, писцовъ и сторожей.

До пристаней заводскія производства доставлялись гужемъ, на лошадяхъ.

Берега горныхъ рѣчекъ, по которымъ сплавлялись барки, состояли мѣстами на довольно значительномъ протяженіи изъ высокихъ, самыхъ прихотливыхъ формъ, скалъ, то совсѣмъ голыхъ, то густо покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, и считались чрезвычайно живописными.

Поэтому нѣкоторые инженеры и чиновники, пользуясь весеннимъ караваномъ, устраивали нѣчто въ родѣ пикниковъ, спускаясь цѣлой компаніей изъ мужчинъ, дамъ и дѣтей, на главной баркѣ-казенкѣ, верстъ за шестьдесятъ и болѣе, внизъ по рѣкѣ до какой-либо деревни, связанной съ заводомъ грунтовою дорогою. Отсюда, въ поданныхъ изъ домовъ экипажахъ, возвращались въ заводъ уже на лошадяхъ.

На палубѣ казенки всегда имѣлись каюты для караванныхъ служащихъ. Въ болѣе просторныхъ и удобныхъ изъ нихъ располагались обыкновенно всѣ, участвовавшія въ пикникѣ, лица. За недостаткомъ помѣщенія въ каютахъ, разбивались на палубѣ временныя холщевыя палатки.

Вотъ насталъ день, назначенный для отвала каравана отъ пристани.

Рядъ барокъ, нагрузка которыхъ заводскими произведеніями была окончена еще наканунѣ, съ своими лоцманами, рулевыми и прочими судорабочими, стоялъ уже вдоль берега, ожидая сигнала тронуться въ далекій путь.

Раннимъ утромъ, одинъ за другимъ, подкатило къ пристани нѣсколько экипажей, съ участниками пикника, которые тотчасъ же взошли, по сходнямъ, на казенку и расположились на ея палубѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, появился на ней и священникъ съ причтомъ и началъ служить напутственный молебенъ.

Только-что онъ окончился, какъ раздались одинъ за другимъ три залпа изъ небольшой, мѣдной пушки, укрѣпленной на носу казенки.

Это—сигналъ къ отвалу каравана.

Вся посторонняя публика спѣшила сойти съ барокъ, и, послѣднія, одна за другой, во главѣ съ казенкой, стали отходить отъ пристани и, то медленно, то быстро, смотря по скорости теченія воды, понеслись внизъ по рѣкѣ, по хорошо извѣстному лоцманамъ фарватеру.

Пока барки проходили по знакомымъ еще мѣстамъ, собравшееся на казенкѣ общество занималось чаепитіемъ. Одна изъ старшихъ дамъ принимала на себя обязанность хозяйки и усердно угощала всю компанію. За утреннимъ чаемъ слѣдовали завтракъ, обѣдъ, вечерній чай и ужинъ.

Въ антрактахъ велись разговоры, затѣвались игры и уже непремѣнно составлялась партія въ бостонъ или ералашъ.

Во время остановокъ на ночевку, желающіе сходили на берегъ, гуляли, любовались окрестностями, охотились, ловили рыбу и вообще время даромъ не теряли.

Такимъ образомъ, въ знакомой, дружной компаніи, весело и непринужденно, небольшое общество проводило два—три дня, а иногда и болѣе. Послѣднее зависѣло отъ разныхъ, непредвидѣнныхъ и неизбѣжныхъ порой, при всякаго рода путешествіяхъ, обстоятельствъ.

Случалось иногда, что одна изъ барокъ, уклонившись отъ фарватера, становилась на мель и останавливала на время дальнѣйшее движеніе остальныхъ барокъ. Тогда всѣ судовыя команды являлись на помощь замелѣвшей баркѣ и, общими усиліями, старались какъ можно скорѣе снять ее съ мели.

Общество, пользуясь подобнымъ обстоятельствомъ, высаживалось на берегъ и съ интересомъ слѣдило за ходомъ работъ, дружно и толково производившихся рабочими.

Достигнувъ намѣченнаго пункта, участники пикника, хотя нѣсколько и утомленные непривычнымъ, водянымъ путемъ-дорогой, но все же довольные, что совершили его, усаживались въ поданные имъ экипажи и, кружнымъ путемъ, возвращались домой.

Караванъ же, съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ благополучіемъ, направлялся далѣе и вступалъ въ Каму. Изъ Камы, смотря по мѣсту, куда назначена доставка заводскихъ произведеній, часть барокъ шла внизъ по Волгѣ, пользуясь попутнымъ теченіемъ, или поднималась бечевой, а впослѣдствіи пароходомъ, вверхъ по рѣкѣ, до Нижняго-Новгорода.

Случалось, что нѣкоторыя барки, не доходя до мѣста назначенія, разбивались о крутые и скалистые берега горныхъ рѣчекъ, особенно Ая и Чусовой, довольно частые, чуть не подъ прямымъ угломъ, изгибы и страшная быстрина теченія которыхъ, несмотря на опытность лоцмановъ, нерѣдко служили главною причиною аварій заводскихъ барокъ.

Добытые, по спадѣ весеннихъ водъ, изъ затонувшихъ барокъ металлы и издѣлія складывались на берегъ и уже значительно позднѣе, въ срединѣ лѣта, доставлялись къ мѣстамъ ихъ сбыта.

Для этого сооружался особый, такъ называемый, дополнительный караванъ, состоявшій изъ судовъ значительно ме́ньшихъ размѣровъ, называемыхъ полубарками.

И для пристанскихъ жителей дни, предшествовавшіе отвалу каравана, представляли собою особые мѣстные праздники. Ихъ родственники и знакомые, отправляясь на цѣлые пять мѣсяцевъ, въ качествѣ судовой команды, въ Нижній-Новгородъ и заполучивъ впередъ извѣстную часть довольно высокой рабочей платы, считали долгомъ доставить на прощаніе своимъ односельчанамъ возможно больше удовольствій предложеніемъ обильнаго угощенія водкой, закуской и лакомствами.

У караванныхъ рабочихъ, подобно рекрутамъ, было въ обычаѣ—послѣдніе дни передъ уходомъ каравана вволю попировать и повеселиться. Устраивались качели и скакульки, разбивались палатки торговцевъ; водились хороводы; раздавались звуки балалаекъ и гармоникъ, и весь небольшой контингентъ пристанскаго населенія проводилъ, около недѣли, такъ же шумно и весело, какъ и во время праздниковъ Пасхи.

Такъ текла цѣлые десятки лѣтъ ровною и тихою струею общественная жизнь на Уральскихъ заводахъ.

Только три крупныя событія, и то на короткій срокъ, нарушили за все это время ровное и спокойное ея теченіе.

Два изъ нихъ заключались въ посѣщеніи Уральскихъ заводовъ высокими гостями, а именно: герцогомъ Максиміліаномъ Евгеніевичемъ Лейхтенбергскимъ—въ началѣ 40-хъ и наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ—въ началѣ 50-хъ годовъ.

Герцогъ, сколько помнится, посѣтилъ всѣ главные заводы, за исключеніемъ Богословскаго, а наслѣдникъ цесаревичъ—только Екатеринбургъ и Міясскіе золотые промыслы.

Изъ посѣщенія герцогомъ Кушвинскаго завода я смутно припоминаю слѣдующій эпизодъ:

Часть улицы и стоявшій на ней домъ горнаго начальника, въ которомъ помѣщался его высочество съ своею свитою, были прекрасно иллюминованы. Толпы народа тѣснились около дома и, по появленіи на балконѣ герцога, привѣтствовали его дружными и громкими криками ура. Его высочество выходилъ на балконъ нѣсколько разъ и кидалъ въ толпу мелкія серебряныя монеты, которыя подхватывались ею, при чемъ, разумѣется, не обходилось безъ свалки и неизбѣжныхъ послѣдствій ея—толчковъ, тумаковъ, а порой чувствительныхъ зуботычинъ.

Третьимъ событіемъ, случившимся лѣтомъ 1845 года, было землетрясеніе. Оно ощущалось, въ бо́льшей или мéньшей степени, въ разныхъ мѣстахъ Гороблагодатскаго округа и представляло собою едва-ли не единственный случай этого сейсмическаго явленія на Уралѣ.

Мнѣ было тогда около пяти лѣтъ, и случай этотъ до сихъ поръ прекрасно сохранился въ моей памяти.

Отца и матери не было дома. Я игралъ въ залѣ, а моя бывшая кормилица, продолжавшая жить у насъ въ качествѣ няни, сидѣла въ дѣтской у кровати спавшаго брата. Вдругъ послышался какой-то странный глухой шумъ. Стѣны и оконныя стекла дома замѣтно дрогнули, всѣ легкіе предметы, какъ, напримѣръ, розетки на подсвѣчникахъ и на висѣвшихъ по стѣнамъ бра затрепетали и зазвенѣли, какъ будто какая-то, невидимая рука полегоньку ихъ встряхивала; небольшіе столики, стулья и прочая легкая мебель чуть замѣтно но все же явственно, колебались; даже полъ, словно палуба судна во время качки, слегка покачивался.

Не постигая, что все это значитъ, не столько напуганный, сколько удивленный, я оставилъ игрушки и стоялъ среди зала въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Изъ него вывела меня вбѣжавшая ко мнѣ няня. Блѣдная, страшно перепуганная, она схватила меня за руку и, бросившись на колѣни передъ образомъ, крикнула:

— Свѣтопреставленіе! Молись! Молись!

Она истово закрестилась и стала класть земные поклоны. Я послѣдовалъ ея примѣру и, также ставъ на колѣни, началъ усердно молиться.

Землетрясеніе продолжалось очень недолго, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, а потому навѣянные имъ, на большинство заводскихъ жителей, страхи и ужасы вскорѣ же разсѣялись.

Не безъинтересно узнать, какіе мизерные оклады получали наши отцы и дѣды, и какимъ образомъ ухищрялись они, при этихъ условіяхъ, не только сводить концы съ концами, но и жить домовито, на широкую ногу и даже съ нѣкоторымъ комфортомъ

Принимая въ расчетъ всѣ суммы, входившія въ общій окладъ содержанія по должности, т. е. жалованье, столовыя и квартирныя деньги [1]), по штату 1847 года, инженеры получали въ годъ:

Горные начальники отъ	1.500 р.	до	1.800 р.
Ихъ помощники			900 „
Управители заводовъ отъ	540 „	„	825 „
Ихъ помощники и смотрители отъ.	300 „	„	480 „
Механики			420 „

Въ настоящее же время горные начальники получаютъ 6.000—7.000 р., управители—3.000—3.600 р., смотрители—1.500—2.400 р., высшіе конторскіе служащіе—1.200—2.400 и низшіе—300—600 руб.

По сравненіи нынѣшнихъ окладовъ съ прежними, увидимъ, что первые увеличены болѣе, чѣмъ въ четыре раза противъ послѣднихъ, а жизненные припасы вздорожали, сравнительно съ прежними, самое большее въ $2^1/_2$ или 3 раза, и то собственно мѣстные, а все, привозимое издалека, не только не вздорожало, но, благодаря пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, даже нѣсколько подешевѣло.

А между тѣмъ нынѣшніе, значительно увеличенные оклады только что обезпечиваютъ семейнымъ служащимъ болѣе или менѣе скромную, безъ особыхъ затѣй и излишествъ, жизнь и возможность дать своимъ дѣтямъ высшее образованіе.

Поэтому и общественная жизнь заводскаго общества стала нынѣ совсѣмъ иною.

Прежнія требованія ея постепенно и незамѣтно съуживались, а частые и многолюдные балы и вечера, широкое хлѣбосольство и гостепріимство давно уже уступили мѣсто значительно болѣе скромнымъ, рѣдкимъ и менѣе люднымъ вечеринкамъ.

Не мало способствовалъ этому и наплывъ въ заводскую среду разновѣдомственныхъ элементовъ, которые стали держаться особня-

---

[1]) Квартирныя деньги не полагались имѣвшимъ квартиры въ натурѣ.

комъ и составлять свои отдѣльные кружки изъ прямыхъ своихъ сослуживцевъ.

Такимъ образомъ, если принять въ расчетъ все вышесказанное, то окажется, что нашимъ дѣдамъ и отцамъ, при ихъ скромныхъ окладахъ жалованья и широкихъ замашкахъ, было бы немыслимо сводить концы съ концами, если бы не имѣлось у нихъ подъ рукою добавочныхъ средствъ изъ иныхъ побочныхъ источниковъ.

Источники эти дѣйствительно существовали и были извѣстны не только главному мѣстному, но и высшему петербургскому горному начальству.

Впрочемъ, подобные источники, какъ всѣмъ извѣстно, обрѣтались въ старину и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, чиновники которыхъ, также получавшіе весьма скудныя жалованья, не упускали случая пользоваться ими самопроизвольно и черпать изъ нихъ такія суммы, какія оказывались необходимыми для удовлетворенія потребностей приличной извѣстному чину и положенію жизни.

Мало того, само высшее начальство нерѣдко предоставляло кому-либо изъ подчиненныхъ, такъ называемое, хлѣбное мѣстечко, съ единственною цѣлью—дать возможность поправить на немъ разстроенное состояніе или удовлетворить приставшихъ съ ножомъ къ горлу кредиторовъ, которымъ задалживались порой чиновниками весьма крупныя суммы.

Поэтому не ради обличенія и обличенія, вдобавокъ, безполезнаго, ибо въ настоящее время не найдется ни одной, служившей при крѣпостномъ правѣ, личности, а единственно ради полноты картины былой заводской жизни, я позволю себѣ указать тѣ источники, которые служили, въ старину, горнымъ инженерамъ и чиновникамъ значительнымъ подспорьемъ къ ихъ мизернымъ окладамъ.

XIV.

Источники эти можно подраздѣлить на постоянные и временные.

Къ первымъ относились:

1) Оброкъ, взимавшійся съ мастеровыхъ и работниковъ за освобожденіе ихъ на годичный срокъ отъ заводскихъ работъ и увольненіе въ разныя мѣста для частныхъ заработковъ.

Число мастеровыхъ, конныхъ и пѣшихъ работниковъ, въ каждомъ округѣ почти всегда болѣе или менѣе превышало потребность ихъ для выполненія назначенныхъ по смѣтѣ заводскихъ работъ. Вотъ

этотъ-то излишекъ рабочаго люда, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ разнаго рода ремесленниковъ, и увольнялся заводскимъ начальствомъ для сторонних заработковъ.

Эта чисто экономическая операція, не принося особаго ущерба дѣлу, доставляла между тѣмъ обоюдную выгоду: заводское начальство пріобрѣтало болѣе или менѣе изрядную сумму, а мастеровые и работники зарабатывали на сторонѣ значительно болѣе, чѣмъ своею работою на заводѣ, принимая въ расчетъ и уплату оброка.

2) Всѣ сбереженія, какія только удавалось сдѣлать заводоуправленію въ матеріалахъ и припасахъ, назначенныхъ по смѣтѣ на разныя заводскія производства.

Количество этихъ сбереженій представляла разность между дѣйствительными остатками припасовъ и матеріаловъ, къ концу заводскаго года, и тѣми, которые выводились въ бухгалтеріи, по конторскимъ книгамъ, на основаніи приходо-расходныхъ документовъ.

Разность эта считалась экономіей или сбереженіемъ и, будучи реализирована, поступала въ личное, безконтрольное распоряженіе начальства. Послѣднее, само собою, удѣляло изъ нея извѣстный процентъ въ пользу нѣкоторыхъ служащихъ, такъ или иначе причастныхъ къ хозяйственной части завода.

3) Излишекъ въ выдѣланныхъ заводомъ металлахъ.

Излишекъ этотъ происходилъ отъ похода, который полагался смотрителю металлическаго магазина, при ежедневномъ пріемѣ съ вѣсу отъ рабочихъ выдѣланныхъ ими металловъ.

На вѣсовую скалку накладывалось заразъ до 50-ти пудовъ, изъ которыхъ одинъ процентъ, т. е. около 10-ти фунтовъ вычитался, что̀, къ концу года, при выдѣлкѣ, напримѣръ, въ 60.000 пудовъ, давало до 600 пудовъ излишка.

Послѣдній сдавался обыкновенно, частнымъ образомъ, караванному смотрителю, который, по прибытіи въ Нижній Новгородъ, сбывалъ его желѣзоторговцамъ, а вырученныя деньги, за удержаніемъ извѣстнаго коммиссіоннаго процента, вручалъ, по возвращеніи домой, или управителю или смотрителю металлическаго магазина, смотря по тому, какой степенью довѣрія пользовался послѣдній у перваго.

4) Вскрышка пустыхъ породъ на золотыхъ промыслахъ.

Дѣйствительная стоимость добычи изъ нѣдръ земли золота, главнымъ образомъ, зависѣла отъ количества его, содержащагося въ одномъ пудѣ пустой породы.

Чѣмъ значительнѣе было это содержаніе, тѣмъ меньше, для добычи извѣстнаго количества его приходилось вскрывать пустой породы, а самая добыча обходилась гораздо дешевле.

При составленіи ежегодныхъ смѣтъ назначалось впередъ, какое именно количество золота должно быть добыто и сколько кубическихъ саженъ пустыхъ породъ вскрыто и свезено къ мѣстамъ ихъ свалки. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялась приблизительно и средняя стоимость золотника золота.

Само собою, что смѣты составлялись крайне осторожно, съ нѣкоторымъ запасцемъ и ужъ, конечно, не въ ущербъ промысловымъ служащимъ.

Поэтому вскрышки пустыхъ породъ производилось въ натурѣ значительно менѣе, чѣмъ это значилось по смѣтамъ.

А между тѣмъ работа эта требовала наибольшихъ расходовъ, въ которыхъ, естественно, являлись довольно изрядныя сбереженія. Послѣднія, какъ подспорье къ скудному содержанію, шли въ пользу служащихъ и дѣлились между ними, сообразно съ служебнымъ положеніемъ каждаго, по усмотрѣнію мѣстнаго управителя, которому, разумѣется, доставалась львиная доля.

Хозяйственные и лично во все входившіе управители получали, въ этомъ случаѣ, значительно болѣе, чѣмъ менѣе хозяйственные и слишкомъ довѣрявшіе пріисковымъ смотрителямъ и надзирателямъ.

Усчитать же послѣднихъ, какъ непосредственно завѣдывавшихъ работами на золотыхъ пріискахъ, было чрезвычайно трудно и даже, пожалуй, совершенно невозможно.

Отвалы пустой породы, сваленные на неровной, съ ямами и оврагами, мѣстности, имѣли самыя разнообразныя и неправильныя формы, для вычисленія объемовъ которыхъ даже высшая математика оказалась бы безсильной.

5) Заводскіе караваны, или доставка водою, съ заводовъ ихъ произведеній къ мѣстамъ сбыта.

Операція эта представляла свои доходныя статьи, которыми пользовались исключительно караванные смотрители и ближайшіе ихъ помощники. Развѣ только небольшія крупицы изъ этихъ доходовъ удѣлялись ими бухгалтерамъ, охотно помогавшимъ составлять надлежащіе, по формѣ, отчеты въ израсходованіи суммъ, отпущенныхъ авансомъ на разныя караванныя потребности.

Главную статью караванныхъ доходовъ представляли разнаго рода аваріи.

Сядутъ ли барки на мель, разобьются ли онѣ о подводные камни и погрузятся со всѣмъ своимъ содержимымъ на дно рѣки, потерпятъ ли путемъ-дорогою какія-либо значительныя поврежденія, тотчасъ же вызываются смотрителемъ цѣлыя артели рабочаго люда, плотниковъ, кузнецовъ и чернорабочихъ, изъ ближайшихъ къ мѣсту аварій се-

леній. Дружными усиліями такихъ артелей или поднимаются замелѣвшія барки, или разгружаются затонувшія и все ихъ содержимое добывается изъ воды и складывается по близости на берегу, или тщательно исправляются и починяются поврежденныя части барокъ.

За всѣ эти работы смотритель расплачивался съ артелями наличными деньгами, отбирая отъ мѣстныхъ сельскихъ властей надлежащія, въ полученіи выданныхъ суммъ, росписки.

Само собою, что каждый смотритель показывалъ въ этихъ составленныхъ имъ роспискахъ значительно большее число работавшихъ людей, а недовыданныя такимъ образомъ суммы оставлялъ въ свою пользу.

Чѣмъ больше случалось въ пути каравана разныхъ несчастій, тѣмъ выгоднѣе было это для смотрителя.

Поэтому часть, изъ числа всѣхъ указанныхъ въ отчетѣ его, аварій была порою вымышлена, но обставлена и оформлена какъ слѣдуетъ, съ приложеніемъ надлежащихъ росписокъ и тому подобныхъ документовъ.

Уличить въ такихъ неправильныхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ караваннаго смотрителя было чрезвычайно трудно и даже, пожалуй, невозможно. Находившіеся въ его распоряженіи низшіе служащіе и судорабочіе никогда бы его не выдали, ибо такъ же пользовались при этомъ кое-какими, не лишними для нихъ выгодами.

Каждый заводъ имѣлъ своего караваннаго смотрителя, завѣдывавшаго сплавомъ судовъ до того пункта воднаго пути, гдѣ всѣ отдѣльные заводскіе караваны соединялись вмѣстѣ и поступали въ вѣдѣніе и управленіе одного или двухъ главныхъ караванныхъ.

Чины окружной и заводской полиціи имѣли также свои доходы. Первые отъ частныхъ заводоуправленій, которымъ за это, разумѣется, гдѣ только можно, мирволили; а послѣдніе—отъ лицъ торговаго и промышленнаго сословія, а также и отъ откупа.

Конторскіе чиновники, игравшіе нѣкоторую роль въ заводской, судебной и хозяйственной части, получали, въ свою очередь, извѣстную мзду, въ видѣ благодарности просителей за совѣты по разнымъ исковымъ, тяжебнымъ и инымъ дѣламъ и дѣлишкамъ.

Словомъ, не было такого заводскаго учрежденія, въ которомъ не нашлось бы кое-какихъ, хотя самыхъ маленькихъ источниковъ для извлеченія добавочныхъ средствъ къ получавшемуся чинами этихъ учрежденій казенному жалованью.

Временнымъ источникомъ служила только одна ежегодная командировка на Нижегородскую ярмарку для закупки тамъ на весь округъ мелочныхъ припасовъ, которыхъ расходовалось каждый годъ

на десятки тысячъ рублей, и которыхъ нельзя было пріобрѣсти у мѣстныхъ торговцевъ.

Командировка эта давалась преимущественно чиновнику для разныхъ порученій, но временно пользовались ею и другіе горные чиновники, въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ встрѣчалась насущная нужда въ особомъ пособіи, какъ, напримѣръ, для сооруженія приданаго къ свадьбѣ дочери, или покрытія другихъ подобныхъ, вызванныхъ житейскими обстоятельствами, временныхъ и непредвидѣнныхъ расходовъ.

Одновременно съ оффиціально полученною такимъ чиновникомъ изъ главной конторы вѣдомостью о количествѣ подлежащихъ закупкѣ на ярмаркѣ мелочныхъ припасовъ, уже частно передавался ему смотрителемъ припаснаго магазина особый списокъ тѣхъ же припасовъ, оказавшихся въ экономіи.

Количества послѣднихъ включались въ число закупленнаго, а слѣдующія за нихъ по среднесправочнымъ цѣнамъ деньги удерживались при расчетѣ съ продавцами аккуратно доставлялись по принадлежности.

Справка о средне-справочныхъ цѣнахъ выдавалась особымъ ярмарочнымъ учрежденіемъ, при чемъ, благодаря взяткѣ, цѣны эти показывались выше дѣйствительныхъ.

Такимъ образомъ чиновникъ имѣлъ возможность удѣлить въ свою пользу болѣе или менѣе кругленькую сумму, несмотря на то, что въ благодарность за командировку привозилъ всегда своему начальству, какъ бы въ видѣ гостинца, изрядные запасы разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ и снадобій.

Всѣ высшіе горные чиновники и вообщее разныя, второстепенныя начальствующія лица пользовались еще безмездно и личнымъ трудомъ рабочаго люда.

Кромѣ полагавшихся горнымъ инженерамъ и лѣсничимъ денщиковъ, штабъ-офицерамъ по два и оберъ-офицерамъ по одному, предоставлялись еще въ полное ихъ и другихъ чиновниковъ распоряженіе, по одному или болѣе мастеровыхъ, преимущественно изъ столяровъ, портныхъ, сапожниковъ и тому подобныхъ ремесленниковъ, а также и изъ простыхъ рабочихъ, для исполненія обязанностей кучеровъ, сторожей, лакеевъ и прочей домашней прислуги.

На счетъ заводскихъ же суммъ содержался въ каждомъ горномъ городѣ довольно многочисленный и весьма недурной струнный оркестръ. Музыканты формировались изъ состава низшихъ чиновъ, которые номинально числились на разныхъ, мелкихъ конторскихъ и заводскихъ должностяхъ и получали, присвоенное тѣмъ должностямъ, содержаніе.

Расходъ на пріобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ относился обыкновенно или въ счетъ какихъ-либо заводскихъ работъ, или въ счетъ расходовъ по ремонту казенныхъ зданій и механизмовъ.

Кромѣ казеннаго жалованья, музыканты получали еще болѣе или менѣе приличную плату отъ членовъ общества за игру на ихъ балахъ, вечерахъ и любительскихъ спектакляхъ.

Изъ этой платы извѣстная, болѣе значительная, доля шла капельмейстеру, а остальная часть распредѣлялась между прочими музыкантами, сообразно искусству каждаго.

Но, если горные чиновники и пользовались разнаго рода доходами, то пользовались умѣренно и лишь на столько, чтобы имѣть возможность вести съиздавна установившійся на заводахъ образъ жизни. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что, по смерти или выходѣ въ отставку большинства инженеровъ и чиновниковъ, не оказывалось у нихъ ни крупныхъ капиталовъ, ни цѣнныхъ, недвижимыхъ имѣній.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, чиновники, занимавшіе доходныя должности въ другихъ вѣдомствахъ, сплошь да рядомъ наживали, въ старину, солидныя состоянія и пріобрѣтали прекрасныя, въ сотни душъ, помѣстья.

Не замѣчалось на казенныхъ заводахъ и той чрезмѣрной эксплоатаціи крѣпостнаго люда, какая наблюдалась въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и районахъ прежнихъ окружныхъ управленій, гдѣ изъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ выжимались подчасъ послѣдніе соки, а сами они доводились нерѣдко до полнаго разоренія.

А если и встрѣчались на казенныхъ заводахъ случаи притѣсненія меньшей братіи, то это всегда было, есть и будетъ всюду, гдѣ только существуютъ начальники и подчиненные, сильные и слабые, богатые и неимущіе.

Въ подтвержденіе умѣреннаго пользованія въ старину на заводахъ разными доходами можно привести тѣ благопріятныя условія, при которыхъ приходилось служить нашимъ отцамъ и дѣдамъ.

Всѣ, безъ исключенія, заводскіе служащіе жили хозяйственно и домовито. Каждый держалъ лошадей, коровъ, козъ, овецъ и разную домашнюю птицу; каждый имѣлъ и огородъ, и покосъ, а порой и пашню, доставлявшіе ему и всѣ потребныя для домашняго обихода овощи и необходимый для скота кормъ.

Все это, вмѣстѣ съ дешевизной прочихъ предметовъ первой необходимости, позволяло имъ, при небольшихъ, сравнительно, денежныхъ затратахъ, не только вполнѣ прилично содержать семью, но и позволять себѣ болѣе или менѣе широкое радушіе—хлѣбосольство и гостепріимство.

Если послѣднія и требовали болѣе дорогихъ, привозныхъ продук-

ковъ, каковы: вина, десертъ и закуски, то и въ этомъ отношеніи заводское общество дѣйствовало разсчетливо и экономно. Всѣ эти продукты пріобрѣтались изъ первыхъ рукъ, съ Нижегородской ярмарки, черезъ посредство заводскаго чиновника-коммиссіонера, и обходились несравненно дешевле, чѣмъ если бы были куплены въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ, у которыхъ къ тому же иныхъ изъ нихъ и вовсе не было.

Да и относительно винъ, можно сказать, что, кромѣ шампанскаго, часто и при каждомъ случаѣ употреблявшагося, остальные сорта ихъ подавались очень рѣдко, во время большихъ вечеровъ и обѣдовъ. Вообще же разныя столовыя вина съ успѣхомъ замѣняли домашнія наливки и запеканки, изъ всевозможныхъ ягодъ, между которыми особенно выдѣлялась и славилась на Уралѣ княженичная, какъ болѣе вкусная, ароматная и, сравнительно, рѣдкая.

Наливки въ каждомъ семейномъ домѣ заготовлялись въ изобиліи и обходились крайне дешево, ибо водка, на которой онѣ настаивались, отпускалась всѣмъ, занимавшимъ болѣе или менѣе видныя должности, горнымъ чиновникамъ безплатно. Мѣстный откупъ, въ этотъ случаѣ, отдавалъ распоряженіе своимъ довѣреннымъ—доставлять ежемѣсячно извѣстное количество ведеръ, или частей ихъ, каждому отдѣльному лицу, сообразно съ занимаемымъ имъ служебнымъ положеніемъ.

По поводу княженичной наливки сохранился на Уралѣ слѣдующій разсказъ.

Однажды, за обѣдомъ, въ домѣ управителя Т—ва, Глинка, въ первый разъ, попробовалъ этой наливки и пришелъ отъ нея въ восторгъ.

— Что за прелесть, выпивая и смакуя ее, проговорилъ Владиміръ Андреевичъ:—настоящій нектаръ. Откуда она у тебя, любезнѣйшій? спросилъ онъ хозяина.

— Домашняго приготовленія, ваше превосходительство, отвѣчалъ послѣдній:—лѣтъ восемь лежала въ подвалѣ. Все приберегалъ на черный день, вотъ и пригодилась.

— На черный день? Это къ моему-то пріѣзду? Вотъ такъ комплиментъ. Удружилъ, любезнѣйшій!

И Глинка громко и благодушно расхохотался.

Смѣялись и остальные гости, кромѣ хозяина, который страшно сконфузился и даже струсилъ; онъ вообразилъ, что неудачное выраженіе его можетъ повредить ему по службѣ, чего, конечно, не случилось, ибо Глинка прекрасно понималъ, что выраженіе это вырвалось у Т—ва невольно и совершенно неумышленно.

Болѣе значительные расходы, которые приходится нынѣ затрачивать отцу семейства на среднее и высшее образованіе сыновей, въ

доброе старое время, можно сказать, почти совсѣмъ не существовали.

Сыновья съ 10—12-ти лѣтняго возраста отправлялись, на казенный счетъ, въ горный или лѣсной корпуса, въ техническую школу, пробирное и Лисинское училища, гдѣ, на казенный же счетъ, не только давалось имъ среднее и высшее образованіе, но и всѣ они, за весь 8—10-ти лѣтній учебный періодъ времени пользовались тамъ и полнымъ содержаніемъ.

Слѣдовательно, родителямъ оставалось только подготовить мальчиковъ къ поступленію въ эти учебныя заведенія. А какъ подготовка эта требовала весьма немногаго, то обыкновенно поручалась какому-нибудь болѣе подходящему лицу изъ мѣстнаго учительскаго персонала.

Такіе учителя получали за свой трудъ отъ 2-хъ до 4-хъ рублей въ мѣсяцъ, смотря по тому, съ однимъ или большимъ числомъ учениковъ приходилось имъ заниматься.

Для ознакомленія дѣтей съ иностранными языками, первоначальныя знанія которыхъ требовались при поступленіи въ корпуса, родители прибѣгали или къ помощи молодыхъ инженеровъ, или гувернантокъ, всегда почти имѣвшихся въ домахъ высшихъ начальниковъ.

Послѣдніе охотно разрѣшали своимъ гувернанткамъ давать уроки постороннимъ дѣтямъ, въ домахъ ихъ родителей, и даже у себя на дому, одновременно съ своими дѣтьми.

А если еще принять въ разсчетъ, что, благодаря даровымъ ремесленникамъ, горнымъ чиновникамъ не приходилось платить за работу платья, обуви, мебели, экипажей и части разной хозяйственной утвари, которые поэтому обходились очень дешево или даже совсѣмъ ничего не стоили, то станетъ понятно, что на удовлетвореніе всѣхъ домашнихъ потребностей, включая въ ихъ число и частые пріемы гостей, и балы, и прочія общественныя развлеченія, расходовались каждымъ изъ нихъ, сравнительно, весьма скромныя суммы, далеко уступающія тѣмъ, которыя затрачиваются, при гораздо менѣе широкомъ образѣ жизни, современными заводскими служащими.

XV.

Контингентъ заводскаго общества, въ крѣпостное время, въ теченіе полстолѣтія, состоялъ почти изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ служилаго чиновнаго люда.

Плодясь и множась, послѣдній доставлялъ заводамъ поколѣніе за

поколѣніемъ, такъ сказать, плоть отъ плоти и кровь отъ крови своей. Поколѣнія эти, выросшія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, сохраняли и передавали изъ рода въ родъ всѣ обычаи и нравы своихъ предковъ.

Новыхъ постороннихъ элементовъ появлялось въ заводахъ, сравнительно, такъ мало, что они естественно, не внося въ общественную жизнь ничего своего новаго, вскорѣ же поглощались ею и невольно подчинялись всѣмъ ея издавна установившимся условіямъ и требованіямъ.

Поэтому среди заводскихъ служащихъ не выдѣлялось, за все крѣпостное время, никакихъ чѣмъ-либо особеннымъ прославившихъ себя личностей.

Встрѣчались умные и не особенно далекіе, талантливые, безталанные, способные и не очень способные, но обладавшихъ выдающимися способностями въ какихъ-либо профессіяхъ или искусствахъ не встрѣчалось ни одного.

И это понятно.

Какъ и чѣмъ человѣкъ съ артистическими или научными наклонностями имѣлъ бы возможность усовершенствовать и развить ихъ въ заводахъ, или горныхъ городахъ, гдѣ почти безвыѣздно приходилось коротать ему цѣлые годы и гдѣ не существовало ни театра, ни оперы, ни библіотекъ, ни музеевъ, ни художественныхъ галлерей, словомъ, рѣшительно ничего, что могло бы служить ему необходимыми и желанными источниками.

Положеніе такихъ людей было поистинѣ печально и почти всегда влекло за собою крайне неблагопріятныя и пагубныя для нихъ послѣдствія.

Положимъ, подобныхъ личностей, благодаря одинаковымъ условіямъ воспитанія, встрѣчалось весьма немного; но все же онѣ изрѣдка проявлялись и влачили иногда долгіе годы въ совершенно чуждой имъ средѣ и обстановкѣ.

Случалось, что, не находя выхода изъ своего положенія, они предавались разнымъ вреднымъ развлеченіямъ, выкидывали рядъ всевозможныхъ эксцентричностей и слыли между сослуживцами какими-то чудаками и оригиналами.

Къ числу такого рода субъектовъ принадлажалъ, между прочимъ, и горный инженеръ Семенъ Ивановичъ Горскій [1]).

Способный, развитой, остроумный, страстный любитель литературы, музыки и пѣнія, словомъ, обладавшій разными артистическими наклонностями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нетерпѣливый и легко увлекающійся, онъ не только не любилъ, но даже ненавидѣлъ свою спе-

[1]) Фамилія вымышлена.

ціальность и манкировалъ ею при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Вмѣсто того, чтобы посвящать свое время служебнымъ занятіямъ, онъ употреблялъ его на свои излюбленныя занятія: игралъ на гитарѣ и віолончели, распѣвалъ романсы и аріи, писалъ разнаго рода стихи и сатиры, на выдававшіеся общественные и служебные случаи, или на кого-либо изъ сослуживцевъ и знакомыхъ, принималъ горячее участіе въ любительскихъ спектакляхъ и всему этому отдавался всецѣло, но не на долго и какими-то порывами.

Не встрѣчая въ окружавшихъ его лицахъ должнаго сочувствія къ своимъ артистическимъ забавамъ, онъ нерѣдко раздражался, хандрилъ и прибѣгалъ къ обычному, въ этихъ случаяхъ, средству,—помогающему людямъ забывать на время ихъ горести и печали. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе пристращался къ дарамъ Бахуса, подъ вліяніемъ которыхъ характеръ его дѣлался постепенно еще нетерпѣливѣе и несдержаннѣе.

Къ несчастію, въ одну изъ минутъ увлеченія онъ сдѣлалъ предложеніе, женился и, еще не достигши тридцати-лѣтняго возраста, былъ уже семьяниномъ. Къ женѣ, обыкновенной заводской барышнѣ, съ скуднымъ домашнимъ образованіемъ и ограниченнымъ развитіемъ, онъ вскорѣ же охладѣлъ, и семейная жизнь ихъ шла очень не гладко и оставляла желать многаго.

Не любившій горнаго дѣла и крайне нерадиво къ нему относившійся, Горскій естественно не могъ преуспѣвать по службѣ и постепенно отставалъ, въ этомъ отношеніи, отъ своихъ товарищей и сверстниковъ. Это еще болѣе раздражало и на столько озлобляло его, что онъ спѣшилъ скорѣй излить свою злобу въ остроумныхъ сатирахъ, безпощадно громившихъ всѣхъ, безъ разбора, и товарищей, и начальство.

А сколько всевозможныхъ, забавныхъ, нелѣпыхъ, а подъ-часъ и дикихъ выходокъ, и по службѣ, и въ обществѣ, и дома, выкидывалъ онъ въ своей жизни—трудно и перечесть.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Помощникомъ управителя промысловъ, гдѣ Семенъ Ивановичъ уже нѣсколько лѣтъ занималъ должность смотрителя, былъ назначенъ Андрей Петровичъ Карышевъ [1]), который былъ значительно моложе его по выпуску.

Согласно прежней военной дисциплины и субординаціи, всѣ смотрители, по пріѣздѣ новаго помощника управителя, спѣшили ему представиться. Но Горскій не поѣхалъ. Это показалось обиднымъ Карышеву, и онъ пожаловался управителю.

---

[1]) Фамилія вымышлена.

— Вѣроятно, онъ не былъ извѣщенъ о вашемъ пріѣздѣ, сказалъ на это послѣдній.

— Этого я не знаю.

— Навѣрно. Я распоряжусь.

И, вотъ, по приказанію управителя, изъ заводской конторы было послано Горскому предписаніе, съ увѣдомленіемъ, что вновь назначенный помощникъ управителя, капитанъ Андрей Петровичъ Карышевъ, прибылъ къ мѣсту служенія и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Семенъ Ивановичъ, получивъ это предписаніе, прочелъ его, усмѣхнулся и настрочилъ слѣдующій рапортъ:

„Изъ предписанія конторы, отъ такого-то числа, за такимъ-то номеромъ, мнѣ стало извѣстно, что сюда прибылъ нѣкій Андрей Петровъ Карышевъ, о чемъ и имѣю честь донести конторѣ“.

Отославъ такой рапортъ, самъ же, все-таки, не поѣхалъ явиться къ Карышеву.

Къ этой выходкѣ, которая не прошла бы безслѣдно для всякаго другаго, ближайшее начальство отнеслось крайне снисходительно и только невольно усмѣхнулось.

Въ другой разъ, будучи командированъ на развѣдки, нѣсколько недѣль прожилъ онъ въ небольшой деревнѣ, занимая горницу при избѣ промысловаго рабочаго.

Одолѣваемый, въ часы досуга, страшною скукою, онъ сталъ чудить тамъ, не переставая.

Подкрадется осторожно къ какой-нибудь одиноко сидѣвшей бабѣ и пугнетъ ее выстрѣломъ изъ пистолета; или заберется ночью въ огородъ и закричитъ дикимъ голосомъ „караулъ“ и тѣмъ взбаламутитъ и подниметъ на ноги чуть не всю деревню.

А однажды, зайдя въ избу къ хозяйкѣ, старушкѣ Маремьянѣ, и, не заставъ ее, вздумалъ отъ нечего дѣлать произвести у нея нѣчто въ родѣ ревизіи.

Осмотрѣвъ всѣ уголки, всю домашнюю утварь, подошелъ онъ, наконецъ, къ русской печи, открылъ заслонку и заглянулъ въ ея внутренность. Печь оказалась уже истопленной, оставшіеся и частью еще раскаленные угли загребенными къ сторонкѣ, а на поду печи стояли пирогъ, горшокъ съ щами и латка съ курицей, которые готовились хозяйкой къ обѣду своего постояльца.

„Постой-ка, подумалъ Горскій: я тебѣ сюрпризъ устрою“, и, быстро сбѣгавъ въ свою горницу, вернулся съ небольшой картонной коробкой пороха, уложилъ ее въ печь, за горшокъ, а самъ скрылся на палатяхъ.

Ничего не подозрѣвавшая старуха является въ избу, подходитъ

къ печи, беретъ ухватъ и начинаетъ подвигать горшокъ съ щами къ жару, т. е. къ углямъ, а вмѣстѣ съ нимъ къ нимъ же придвигаетъ и коробку съ порохомъ.

Едва успѣла Маремьяна отойти отъ печи и закрыть заслонку, какъ вдругъ раздался сильный взрывъ, и все содержимое печи полетѣло изъ нея вонъ, разбивая оконныя стекла и разсыпаясь всюду по избѣ.

Старуха страшно перепугалась, стоитъ, трясется вся и недоумѣло бормочетъ:

— Съ нами крестная сила! Мать, Пресвятая Богородица!

А Горскій лежитъ на палатяхъ и заливается хохотомъ.

А то еще возвращался онъ, темной зимней ночью, въ крытой кибиткѣ изъ дальняго пріиска домой. Дорога была скверная; лошади шли вяло, и терпѣніе Семена Ивановича стало истощаться.

Вынувъ часы, чтобы разсчитать,—долго ли еще придется ѣхать,—онъ, въ темнотѣ, кромѣ чуть бѣлѣвшагося циферблата, конечно, ничего не увидѣлъ. Ужъ онъ вертѣлъ часы и такъ и этакъ, усиленно напрягая зрѣніе, но все напрасно: стрѣлокъ на часахъ различить не было никакой возможности. Сильно раздраженный и безъ того скверной дорогой и медленной ѣздою, тутъ ужъ Горскій не выдержалъ и страшно раскипятился.

— На кой-же вы чортъ, проклятые, коли времени указать не можете! крикнулъ онъ и швырнулъ часы, вмѣстѣ съ цѣпочкой, въ лежавшіе по краямъ дороги, сугробы снѣга.

Хотя на другой день и послано было ихъ разыскивать, но напрасно: они такъ и пропали.

Не мало продѣлывалъ Семенъ Ивановичъ подобныхъ эксцентричностей; не мало выпустилъ на свѣтъ Божій прекрасныхъ и остроумныхъ стиховъ и сатиръ, мѣткихъ словечекъ и эпитетовъ, награждая ими, кого придется—и знакомыхъ, и родныхъ и ближайшихъ начальниковъ.

Немудрено, что такія наклонности и свойства характера мало способствовали служебнымъ успѣхамъ Горскаго.

Изъ этой артистической, крайне способной и даже, можно сказать, талантливой натуры могъ бы выработаться, при иныхъ условіяхъ, недурной поэтъ, сатирикъ, музыкантъ, актеръ, словомъ, все, что угодно, но только не горный инженеръ, которымъ сдѣлала его судьба совершенно случайно.

Прослуживъ двадцать лѣтъ и не достигнувъ за это время даже капитанскаго чина, Семенъ Ивановичъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и распроститься навсегда съ горнозаводскою службою.

Конечно, какъ въ семьѣ встрѣчаются порой уроды, такъ и среди

заводскаго общества встрѣчались разные чудаки и оригиналы, но такихъ, какъ Горскій, не было ни одного.

Но вотъ наступила знаменитая эпоха—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Большая часть разныхъ отдѣльныхъ частей управленія, которыя, въ крѣпостное время, были подчинены одному только горному начальству, распредѣлились уже между другими вѣдомствами. Стали появляться на заводахъ новыя лица, съ новыми взглядами, привычками, требованіями, а одновременно съ этимъ стала постепенно видоизмѣняться и заводская общественная жизнь, которая, въ концѣ концовъ, сдѣлалась неузнаваемой и почти во всемъ одинаковой съ общественною жизнью всѣхъ вообще большихъ и малыхъ городовъ Россійской Имперіи.

Ал. Корельскій.

2 марта 1905 г. г. Пермь.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

VII [1]).

Новыя вѣянія.—Товарищество „Общественная Польза“.—Хрулевъ.—Представленіе моихъ туманныхъ картинъ въ Зимнемъ дворцѣ.—Занятія мои въ морскомъ вѣдомствѣ.—Двадцативосьмилѣтній Комитетъ.—Служба въ военномъ министерствѣ.—Заключеніе.

Наступала пора новаго вѣянія. Всюду заговорили о прогрессѣ, и прогрессъ сталъ проявляться во всѣхъ видахъ распоряженій. Совершилось освобожденіе крестьянъ. Образовались комитеты для составленія положеній о равноправности и гласности суда и мѣстномъ самоуправленіи. Вернулся изъ-за границы Татариновъ съ богатымъ запасомъ матеріаловъ для преобразованія системы государственнаго счетоводства и съ проектомъ составленія безсекретныхъ и толковыхъ финансовыхъ смѣтъ. „Морской Сборникъ“ выпустилъ трактатъ Пирогова о необходимости измѣненія системы образованія, съ цѣлью отдѣленія образованія общаго отъ спеціальнаго; ну и пошли всѣ прогрессировать; при чемъ, отъ избытка новыхъ ощущеній, обнаружились и забродившія дрожжи: заподозрѣнъ былъ въ своей благонадежности при самомъ началѣ кружокъ воскресныхъ школъ;—явились объявленія редактора журнала „Современное слово“ о выдачѣ своимъ подписчикамъ, въ видѣ преміи, перевода существующихъ конституцій и, между прочими и многими новостями, появилось изобиліе такъ называвшихся стрижекъ. Множество дѣвочекъ подростковъ появились, какъ по формѣ, остриженными по-мужски, по возможности въ очкахъ. Большею частью съ воротничками и рукавичками не первой чистоты

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1905 г.

и съ манерами удальства и ухарства. Много погибло этихъ бѣднягъ и много семействъ перенесло горя съ этимъ продуктомъ начала шестидесятыхъ годовъ.

Вотъ, какъ очевидецъ, припоминаю, не говоря о большинствѣ, одну изъ типичныхъ выходокъ такой барышни. Въ обширной залѣ военнаго министерства, въ которой собирались нуждавшіяся видѣть Милютина, ожидало его множество лицъ отъ высокопоставленныхъ до частныхъ просителей безразлично. Всѣ обратили вниманіе на развалившуюся на стулѣ молоденькую особу—стриженую, въ очкахъ, черное полуотрепаное платье, засаленные воротнички и чуть не мужскіе, выставленные на показъ сапоги.

Вошелъ Милютинъ, встрѣченный общимъ поклономъ, кромѣ обрисованной особы—она не встала. Милютинъ памятный своею вѣжливостью ввелъ обычай здороваться со всѣми безразлично, подавая руку. Дошла очередь и до барышни. Она, не вставая, сама протянула Милютину руку и подала бумагу. Милютинъ прочиталъ и сказалъ, что предметъ, о которомъ говорится въ бумагѣ, не его вѣдомства, а потому онъ сдѣлать ничего не можетъ.—А мнѣ сказали, что вы министръ, возразила барышня.—Да, вамъ сказали правду.—Я думала, что разъ министръ, такъ онъ уже все можетъ.—Вы ошиблись.—Ну, не можете, такъ и не надо, отвѣтила барышня, выхватила бумагу и, размахивая руками, двинулась черезъ залъ къ выходу, постукивая своими каблучищами. Всѣ улыбнулись.

Многія изъ такихъ стрижекъ, кромѣ бѣды себѣ и горя своимъ семействамъ, повліяли и на строй общества. Сдѣлавшись участницами сходокъ учащейся молодежи, увлекаясь идеями свободы и экзальтируя съ своей стороны эту молодежь готовностью на всякое самопожертвованіе, начиная съ признанія права гражданскаго брака, эти стрижки во многихъ кружкахъ развили идеи права на полученіе большаго, чѣмъ давалось обществу. Тотъ же духъ развивался и внѣ этихъ кружковъ. Куда бы ни пришли, всюду какое-то болѣзненное напряженіе и разговоръ на одну и ту же тему. Мѣстами перешли черезъ край. Горючій матеріалъ накоплялся изъ разныхъ случайностей.

По иниціативѣ Платона Павлова, съ участіемъ двухъ братьевъ графовъ Ростовцевыхъ и Павла Васильевича Анненкова, составился домашнимъ образомъ кружокъ для развитія воскресныхъ чтеній народу. Одинъ изъ соревнователей этого кружка, въ порывѣ юношеской учености, выступилъ на лекціи въ публичное пререканіе со священникомъ о правильности объясненія причинъ появленія радуги, что́ было признано неумѣстнымъ, и кружокъ долженъ былъ умѣрить свои стремленія, а потомъ воскресныя чтенія и совсѣмъ прекратились. Сочув-

ствовавшей кружку молодежи было много. Собирались у Михаила Ростовцева. Читались рефераты книгъ, которыя желательно было проводить въ народъ. Обсуждались мѣры къ развитію кружковъ воскресныхъ школъ и въ губерніяхъ, при установленіи связи этихъ кружковъ съ центральнымъ и т. д. Казалось все хорошо, и потому разрушеніе всѣхъ предположеній по независящимъ обстоятельствамъ вызвало массу неудовольствій, передававшихся на сходкахъ оскорбившейся молодежи въ различныхъ формахъ.

Распространился слухъ о днѣ выдворенія изъ Петербурга Чернышевскаго. Народу къ мѣсту отправленія собралось множество. Сходка приняла демонстративный характеръ. Крики, бросаніе букетовъ и т. п.; потребовалось насильственное удаленіе участниковъ, что̀ дало поводъ молодежи еще разъ выражать негодованіе противъ стѣснительныхъ распоряженій.

Образовалось прекрасное товарищество Похитонова, Во́дова и Струговщикова подъ фирмою—„Общественная Польза“, съ солиднымъ капиталомъ для распространенія научныхъ свѣдѣній, преимущественно по естествовѣдѣнію. Товарищество открыло собственную типографію. Начались многочисленныя изданія переводовъ лучшихъ авторовъ и выдающихся сочиненій русскихъ, при чемъ охотно допускались къ труду, въ особенности переводовъ, даже только начинающіе работать молодые люди. Въ галлереяхъ зала, за колоннами, размѣстился громадный запасъ физическихъ и химическихъ принадлежностей и вообще приборовъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, а центръ зала обращенъ въ аудиторію для публичныхъ чтеній. Къ участію въ этихъ чтеніяхъ были привлечены лучшія въ то время ученыя силы; читали: Пеликанъ—целюлярную патологію, Цинковскій—ботанику, Ленцъ—физику, Ходневъ—химію, Загорскій—физіологію, Михайловъ—метеорологію, Пузыревскій—геологію, Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій—механику, и другіе, съ платою, безразлично, по 25 р. за лекцію. Публика охотно посѣщала лекціи и у большей части лекторовъ постоянно наполняла аудиторію. Такъ, напримѣръ, Ходневъ читалъ химію съ опытами по четвергамъ. Первый день Рождества и Новаго года пришлись въ четвергъ. Принцъ Ольденбургскій, постоянно присутствовавшій на этихъ лекціяхъ, прислалъ заранѣе узнать—не будутъ ли онѣ отмѣнены по случаю праздниковъ? и получивъ отвѣтъ, что не будутъ отмѣнены, пріѣхалъ въ оба дня и нашелъ залъ переполненный слушателями. Дѣло шло отлично.

Товарищество, воспользовавшись пріѣздомъ въ Петербургъ Погодина, просило его прочитать что-либо. Погодинъ согласился, избравъ для лекціи судъ царя Петра надъ его сыномъ. Тема зажигательная и тогда современная. Передъ самымъ началомъ лекціи пріѣхалъ

шефъ жандармовъ, кн. Долгоруковъ и, отозвавъ Погодина за драпировку, спросилъ его: не можетъ ли онъ пропустить нѣкоторыя обстоятельства? Погодинъ отвѣчалъ, что если князь только совѣтуетъ, то онъ этого совѣта принять не можетъ, а если князь этого желаетъ, то онъ, Погодинъ, объявитъ, что отъ чтенія отказывается. Читайте все, сказалъ князь и самъ занялъ въ первомъ ряду кресло.

Представивъ Петра, какъ отца, въ очень грубыхъ краскахъ, Погодинъ закончилъ лекцію воззваніемъ: вотъ, какъ видите, слава Богу, мы дожили до того времени, что можемъ оцѣнять правдиво дѣйствія своихъ царей. Раздался громъ аплодисментовъ, а когда показались и двѣ бѣлыя перчатки шефа жандармовъ—стекла задрожали отъ единодушнаго браво, при чемъ раздались съ хоръ крики: „браво Долгоруковъ“.

Оказалось множество желавшихъ повторенія лекціи, но разрѣшеніе не послѣдовало.

Разрѣшеніе лекціи и отказъ въ ея повторенія были двѣ новыя будирующія капли въ бурливую массу.

Въ университетахъ начались вспышки, при чемъ такая вспышка въ Москвѣ закончилась избіеніемъ студентовъ мясниками Охотнаго ряда.

Стали появляться подметныя письма, угрожавшія пожарами, а, за тѣмъ, случайно или нѣтъ, начались частые пожары, за которыми послѣдовали огромные пожары—въ Ямской и въ Толкучемъ рынкѣ. Обнаружилась паника, отвлекшая вниманіе общества въ другую, а тутъ подоспѣло польское возстаніе, и броженіе какъ будто притихло; но впослѣдствіи, принявъ съ 4 апрѣля, болѣе опредѣленный характеръ, неоднократно о себѣ напоминало!...

Воскресныя школы и товарищество „Общественная Польза“ были мнѣ близки по участію, которое я принималъ въ нихъ лично по исключительнымъ условіямъ.

Я увлекался расширеніемъ значенія, бывшей до того игрушки—волшебнаго фонаря, съ цѣлью включить его въ число учебныхъ пособій. Началъ съ приготовленія фотографическимъ путемъ до 200 раскрашенныхъ предметовъ по зоологіи, которые были одобрены такими звѣздами первой величины, какъ Брандтъ и Бэръ. Это мнѣ польстило, и я пошелъ далѣе.

Въ виду моего пристрастія къ волшебному фонарю, товарищество „Общественная Польза“ пригласило меня завѣдывать его проектирными приборами при лекціяхъ, что̀ дало мнѣ пріятное право, какъ участнику дѣла, присутствовать на всѣхъ лекціяхъ, безъ исключенія.

Около этого времени пріѣхалъ въ Петербургъ съ прекраснымъ приборомъ и отличными рисунками нѣкто Роде и показалъ въ театрѣ

картины геологическихъ переворотовъ, съ древнѣйшими обитателями нашей планеты, что́ вызвало такое четверостишіе:

Господинъ Роде,
Прибором въ новомъ родѣ,
Показалъ, что въ природѣ
Живетъ уродъ на уродѣ.

Дѣла Роде пошли отлично, и онъ уже выработалъ тысячъ до десяти рублей, какъ ему вдругъ запретили продолжать представленія. Не имѣя знакомыхъ, Роде пріѣхалъ ко мнѣ, только по сходству профессіи, съ просьбою, пельзя ли пособить. Я рискнулъ двинуться прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ статск. совѣтн. Ланскому, къ которому получилъ свободный доступъ, когда онъ занималъ предшествующее мѣсто предсѣдателя опекунскаго совѣта. Какъ одинъ изъ представителей вымиравшаго масонства и сохранившій качества мистика, онъ, какъ выражался самъ, любилъ отвести душу, поговоривъ о чертикахъ. Мнѣ приходилось выслушивать цитаты изъ Сведенборга, а, затѣмъ, сообща трактовать Месмера, Эккарсгаузена, Гюбера, Корбека и др.

Ланской сказалъ мнѣ, что для Роде ничего сдѣлать не можетъ, такъ какъ прекращеніе чтеній исходитъ отъ митрополита.

Между тѣмъ я, соблазнившись программою Роде, затѣялъ составить для домашняго употребленія коллекцію геологическихъ рисунковъ, съ болѣе серьезнымъ объясненіемъ, для чего собралъ какія могъ сочиненія по геологіи: Лейля, Циммермана, Гартлига, Котта и взялся за составленіе популярнаго изложенія геологическихъ явленій.

Платонъ Павловъ и его товарищи по устройству воскресныхъ школъ, узнавъ о моей работѣ, предложили мнѣ устроить нѣсколько публичныхъ чтеній въ пользу тѣхъ школъ, для чего предводитель дворянства давалъ зало Дворянскаго собранія.

Не довѣряя достоинству собственной компиляціи, и при томъ для такого назначенія, я обратился къ содѣйствію спеціалистовъ, которые, отнесясь сочувственно къ моему предположенію, кое-что исправили и подсказали, впрочемъ, вспоминаю не безъ гордости, весьма не много.

При участіи и по совѣту К. Д. Кавелина, я направилъ свою работу для разсмотрѣнія въ университетъ и чрезъ нѣсколько дней былъ обрадованъ увѣдомленіемъ Кавелина, что факультетъ университета, разсматривавшій мою работу, призналъ ее удовлетворительною для своего назначенія; а затѣмъ она прошла черезъ цензурный комитетъ и была имъ одобрена.

Далѣе, для права публичнаго чтенія, оказалась надобность соблю-

сти еще множество формальностей—получить разрѣшеніе по учебному вѣдомству, потомъ отъ полиціи и еще что-то.

Отвезъ я свою работу къ Ивану Давидовичу Делянову, который не замедлилъ разрѣшеніемъ. Скоро разрѣшилъ и оберъ-полицеймейстеръ. Казалось, все сладилось. Оставался одинъ собственный страхъ появиться передъ публикою на эстрадѣ въ залѣ Дворянскаго собранія съ собственными рисунками и собственною компиляціею для объясненія рисунковъ; но судьба выручила.

Возвратясь какъ-то домой, я нашелъ у себя карточку Делянова и при ней пакетъ съ бумагою отъ 31 января 1861 г. № 524, въ которой, по указанію министра народнаго просвѣщенія, Ковалевскаго, сообщалось, что предполагаемыя мною объясненія, по содержанію своему, не могутъ принадлежать къ числу предметовъ, которые было бы удобно допускать къ публичному чтенію массѣ слушателей, весьма часто не столько подготовленной, чтобы излагаемыя гипотезы служили лишь нѣкоторымъ поясненіемъ науки, не порождая тѣхъ неумѣстныхъ толкованій, которыя возможны при неясномъ или превратномъ пониманіи предмета; почему въ разрѣшеніи чтеній мнѣ отказано.

Такимъ образомъ дѣло не выгорѣло, что, впрочемъ, меня не очень опечалило; и хотя вслѣдъ за тѣмъ въ журналѣ „Христіанское чтеніе“, издававшемся Духовною академіею, появилась обширная статья, кажется, священника Никольскаго, въ которой было поставлено эпиграфомъ, что современная геологія не опровергаетъ, а подтверждаетъ книгу бытія, но я не счелъ нужнымъ и впослѣдствіи возобновлять ходатайство о разрѣшеніи публичныхъ чтеній, преслѣдуя одну предвзятую мысль: нельзя ли популяризировать употребленіе волшебнаго фонаря въ видѣ научнаго пособія для школъ и, въ особенности, для народныхъ чтеній.

Первымъ препятствіемъ къ этому дѣлу была дороговизна рисунковъ при изготовленіи ихъ ручнымъ способомъ. Англійскіе рисунки Карпентера или Негретти стоили отъ 3 до 6 руб. и болѣе, а мнѣ хотѣлось понизить цѣну, буде можно, до единицъ копѣекъ.

Въ это время появились первые зачатки распространившейся впослѣдствіи декалькоманіи, т. е. печатные красками рисунки, которые можно переводить на другую бумагу или на дерево и стекло, и тогда эта новость составляла привилегію храбраго на войнѣ и предпріимчиваго коммерсанта въ мирное время, Степана Александровича Хрулева, и была названа имъ метахромотипіею. Тоже рисунки, напечатанные на бумагѣ, которые съ помощью кипятка и лака можно было переводить на что угодно; но рисунки эти печатались красками безъ разбора, а мнѣ, въ предположеніи примѣнить этотъ способъ къ

рисункамъ для волшебнаго фонаря, нужно было употребленіе однѣхъ прозрачныхъ красокъ. Ожидая справиться съ этимъ дѣломъ, я сообщилъ Хрулеву свою мысль объ изготовленіи коллекцій рисунковъ по возможно большему числу научныхъ отдѣловъ.

Хрулевъ изъявилъ готовность посодѣйствовать выполненію моего намѣренія и предложилъ мнѣ взять подъ его ручательствомъ у Кокорева до пяти тысячъ рублей, но съ тѣмъ, чтобы рисунки выполнялись не иначе, какъ въ мастерской его, Хрулева, по назначенной имъ цѣнѣ, съ полученіемъ имъ денегъ непосредственно изъ кредита, какой будетъ открытъ мнѣ Кокоревымъ, безъ процентовъ, а взамѣнъ ихъ, по мѣрѣ продажи рисунковъ, которая должна быть подъ контролемъ Хрулева, ему должны принадлежать 25% изъ разницы цѣнъ—заготовительной и продажной, а мнѣ оставлялось 75% на всѣ расходы по пріобрѣтенію оригиналовъ, на уплату долга Кокореву и проч., не говоря вовсе о вознагражденіи за трудъ и хлопоты по направленію операціи.

Какъ я ни былъ неопытенъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, но мнѣ показалось, что я, изъявивъ согласіе на такое предложеніе, попаду въ безвыходную кабалу къ генералу Хрулеву, почему на требованіе его заключить условіе нотаріальнымъ порядкомъ и при томъ въ кратчайшій срокъ, въ виду якобы скораго отъѣзда Кокорева, я отъ заключенія условія отказался, высказавъ намѣреніе повести дѣло самостоятельно. Тогда Хрулевъ, не скрывая своего неудовольствія, напомнилъ мнѣ, что для меня необходима переводная бумага, а такъ какъ на способъ приготовленія такой бумаги онъ имѣетъ привилегію, то, въ случаѣ злоупотребленія мною этою привилегію, онъ уступитъ свое право не дешево. Чтобы я это зналъ и помнилъ.

Изслѣдовавъ бумагу Хрулева, я нашелъ въ ней крахмалъ и клей. Я попробовалъ употребить осажденный бѣлкомъ отваръ дикстрина. Приготовленіе оказалось проще, бумага чаще и переводъ легче. Я показалъ Хрулеву эту новую бумагу, доказавъ химически разницу въ способѣ приготовленія. Онъ сознался, что мой способъ лучше, и кончилъ вопросомъ, не хочу ли я—или войти съ нимъ въ компанію или продать ему мой способъ. Я отказался отъ того и другаго и, приготовивъ при немъ бумагу, предоставилъ ему пользоваться ею какъ хочетъ, не желая препятствовать ему и стѣснять себя. И мы разстались.

Устранивъ такимъ образомъ препятствіе къ пользованію бумагою, оставалось искать путь къ приготовленію рисунковъ. Въ это время появилась первая въ Россіи хромолитографія. Имѣвшій свою литографію, академикъ Сѣмячкинъ издалъ снимокъ съ иконы Казанской Божьей Матери. Думаю, чего же лучше, отправился къ Сѣмячкину.

Сталъ онъ высчитывать свои труды и расходы и высказывать условія. Я привезъ двадцать рисунковъ, большею частью сдѣланныхъ уже на стеклѣ красками, работы хорошихъ мастеровъ, такъ что оставалось только копировать, а частью гравюры. Всѣ рисунки слѣдовало помѣстить на одномъ листѣ. Вычертили размѣры. Все хорошо. Тутъ Сѣмячкинъ заявилъ, что собственно для меня нужно пріобрѣсти 10 или 12 камней, бумагу и получить отъ меня сколько-нибудь денегъ на эти расходы. Началъ заборъ денегъ и прежде, чѣмъ я увидѣлъ начало работы, съ меня было взято около 600 руб. Это за одинъ листъ, а торговаться съ академикомъ я стѣснялся, въ особенности, когда, по неопытности, было выдано уже много денегъ. Наконецъ, появился первый, сохраненный понынѣ, оттискъ. Оказался дрянь, никуда не годный. Неопрятно, безъ вкусу и вмѣсто обѣщанныхъ, по числу камней, 10—12 красокъ отпечатанъ съ четырехъ — пяти камней, съ отталкивающимъ однообразіемъ. Въ заключеніе, послѣ вынужденныхъ поправокъ, удалось получить, вмѣсто условленныхъ 500 листовъ, всего 100 листовъ, и все-таки плохенькихъ. Тутъ я понялъ, какъ трудно вести затѣянное дѣло, но не падалъ духомъ потому, что, участвуя и самъ въ работахъ литографіи Сѣмячкина, узналъ технику и понялъ, что другой разъ меня надуть будетъ труднѣе, а хорошіе граверы были въ виду. Возможность имѣть дешевые рисунки для меня казалась вѣроятною, но при условіи сбыта ихъ въ большомъ числѣ.

Много времени спустя, встрѣтилъ я на какой-то выставкѣ, въ манежѣ около Зимняго дворца, одного изъ распорядителей, милѣйшаго Николая Васильевича Черняева. Сошлись мы около препаратовъ Озу. Черняевъ, разговорившись со мною, сталъ высказывать свое мнѣніе, какъ бы хорошо было сдѣлать такіе препараты доступными низшимъ учебнымъ заведеніямъ, но, къ сожалѣнію, такъ дороги, что объ этомъ и думать нельзя. Тогда я разсказалъ исторію моихъ работъ, направленныхъ къ той же цѣли. Черняевъ, выразивъ желаніе познакомиться со мною и посмотрѣть мои запасы, спросилъ мой адресъ и въ тотъ же день вечеромъ явился ко мнѣ. Познакомившись съ моими коллекціями, вызвалъ мое полномочіе содѣйствовать моимъ намѣреніямъ всѣми способами, какіе найдетъ подходящими для предвзятой цѣли.

Въ это время министромъ народнаго просвѣщенія былъ уже Александръ Васильевичъ Головнинъ.

Не прошло недѣли послѣ свиданія съ Черняевымъ, какъ я получилъ приглашеніе отъ Головнина побывать у него. Догадываясь, въ чемъ дѣло, я, отправляясь по приглашенію, взялъ съ собою нѣсколько рисунковъ и собственной работы, и приготовленныхъ Сѣмячкинымъ, чтобы показать, какъ трудно у насъ приготовить что-нибудь новенькое, несмотря на готовность пожертвованія трудомъ и деньгами.

Головнинъ выказалъ большое сочувствіе моему предположенію и высказался въ такомъ смыслѣ: я искренно желаю быть пособникомъ къ выполненію вашихъ намѣреній, но для того, чтобы я могъ принять оффиціально участіе, мнѣ необходима оффиціальная поддержка, для чего я предлагаю вамъ мои комнаты, если васъ не стѣснитъ мое предложеніе привезти сюда приборъ съ рисунками, по вашему выбору, и тогда прикажите сдѣлать всѣ приспособленія, какія для васъ необходимы. Все будетъ исполнено, а когда все будетъ готово, дайте мнѣ знать заблаговременно, въ какой день вы свободны, и я приглашу господъ преподавателей по естествовѣдѣнію, чтобы они высказали свое мнѣніе по вашему предложенію, и если голосъ ихъ будетъ въ вашу пользу, то разсчитывайте на мое всестороннее содѣйствіе. Большаго я и самъ бы не могъ придумать. Уѣхалъ въ восторгѣ.

Въ назначенный вечеръ присутствующихъ оказалось множество. Сколько можно было подслушать отзывы, качество рисунковъ было признано всѣми удовлетворительнымъ. Тѣмъ вечеръ и кончился. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали ко днѣ проф. Кесслеръ и извѣстный преподаватель зоологіи Михайловъ, отъ которыхъ я узналъ, что, по сложившемуся мнѣнію, чтеніе лекцій съ волшебнымъ фонаремъ въ классахъ, по театральности обстановки, признано неудобнымъ; при чемъ, шутя, оба прибавили: не отбивайте хлѣбъ у честныхъ тружениковъ, для которыхъ изданіе иллюстрированныхъ учебниковъ составляетъ вопросъ безбѣднаго существованія.

Такимъ образомъ мои рисунки, какъ пособіе школьное, провалились. Оставалась надежда на публичныя чтенія; но тутъ я получилъ новое служебное назначеніе, при которомъ уже не могъ увлекаться своею идеею и работами, и потому счелъ дѣло, съ которымъ возился такъ долго, совсѣмъ потеряннымъ.

Но, черезъ нѣсколько лѣтъ уже, пріѣхалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ Арсеньевъ съ приглашеніемъ показать мои работы при высочайшемъ дворѣ. Положеніе мое было для меня уже очень новымъ и казалось не легкимъ. Пріѣхалъ въ Зимній дворецъ, забравъ съ собою образцы разныхъ серій рисунковъ, не исключая и шаловливыхъ для дѣтей. Меня встрѣтила воспитательница бывшей тогда еще великою княжною, Маріи Александровны, Анна Ѳедоровна Тютчева, впослѣдствіи супруга Аксакова. Не зная цѣли вечера и вкуса ожидаемыхъ зрителей, я передалъ Аннѣ Ѳедоровнѣ коллекціи рисунковъ, именно дѣтскихъ, желая знать, не будутъ ли нѣкоторые изъ нихъ неумѣстными. Рисунки эти были отнесены камеръ-лакеемъ на подносѣ куда-то и по возвращеніи съ Анною Ѳедоровною, сопровождавшею великую княжну, было сообщено, что все, что я привезъ, показывать можно.

Наступалъ назначенный день. Для меня устроена была темная комната изъ числа собственныхъ аппартаментовъ ихъ величествъ. Собрались и усѣлись дѣти. Когда почувствовалось приближеніе государя, я открылъ по направленію къ двери одну сторону фонаря, дабы освѣтить входъ, и освѣтилъ чудную, незабываемую сцену. Приглашенныя дѣти бросились къ государю, и я видалъ, съ какою отеческою нѣжностью каждый изъ нихъ получалъ ласки и поцѣлуи. Это была какая-то святая картина.

Послѣ перваго отдѣленія, во время чая, пріѣхали гр. Перовскій и кн. Гагаринъ, которые попросили показать имъ особо скульптуру. Тѣмъ вечеръ и кончился.

Вскорѣ за тѣмъ появилось въ газетахъ, что при участіи главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Исакова и градоначальника Трепова предполагается для полезнаго развлеченія распространить употребленіе волшебнаго фонаря для популярныхъ чтеній. Вѣдомство военно-учебныхъ заведеній выписало фонари и рисунки изъ Лондона, собственно для своихъ заведеній. Потомъ стали пріобрѣтать приборы войска, а затѣмъ и многія общественныя учрежденія, для народныхъ чтеній. Показались въ продажѣ дешевые, но иностранные переводные рисунки: французскіе—нимфы да амуры. Нѣмецкіе, юмористическіе, большею частью по поводу преобразованія свиней и ихъ похожденій или по воспитанію дѣтей съ поощреніями и внушеніями различныхъ системъ, а русскіе рисунки ограничились фотографіями, очень дорогими, а приготовленіе научныхъ, систематическихъ и при томъ дешевыхъ коллекцій такъ и не осуществилось.

Чувствую, что я, быть можетъ, черезъ край много удѣлилъ мѣста воспоминаніямъ о своемъ участіи въ распространеніи волшебнаго фонаря, но я любилъ эту идею, посвятивъ этому дѣлу болѣе восьми лѣтъ свободнаго отъ службы времени, да и теперь еще не теряю надежды, что онъ когда-нибудь сослужитъ народу свою службу, коечему научитъ и въ праздничное время доставитъ дешевое развлеченіе, въ ущербъ любимой чарочкѣ зелена вина.

Увлекаясь этими воспоминаніями, я, въ порядкѣ ихъ изложенія, ушелъ много впередъ, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, фонарь былъ самъ по себѣ, а служба и общественная дѣятельность—сами по себѣ. И моя личная служба не оставалась безъ движенія.

Какъ-то Анненковъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что случайно освободилось лучшее, какимъ онъ можетъ располагать, мѣсто делегата со стороны контроля при главномъ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, подъ начальствомъ его высочества великаго князя Михаила Николаевича, и что онъ предлагаетъ это мѣсто мнѣ. Конечно, я принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ, въ чемъ и не

раскаявался, вспоминая цѣлую жизнь день этого назначенія, какъ начало счастливо сложившейся всей, послѣдовавшей затѣмъ служебной карьеры.

Но вскорѣ, подъ давленіемъ духа времени и общаго стремленія къ преобразованіямъ, обозначалось, что и главному штабу военно-учебныхъ заведеній предстоитъ реформа. Его высочество получилъ назначеніе намѣстника на Кавказѣ, и около того же времени Анненковъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ.

Главный штабъ военно-учебныхъ заведеній переименованъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній (деликатное переименованіе въ департаментъ) съ непосредственнымъ подчиненіемъ военному министру, и начальникомъ этого управленія назначенъ, бывшій попечителемъ Московскаго учебнаго округа генералъ-маіоръ Исаковъ, а на мѣсто Анненкова—доброй памяти, неусыпный труженикъ, Валерьянъ Алексѣевичъ Татариновъ, съ готовымъ уже проектомъ упорядоченія государственнаго счетоводства, правильнаго составленія финансовыхъ смѣтъ, болѣе осмысленнаго контроля и введенія единства кассы. При этомъ министерство финансовъ становилось, впервые, дѣйствительнымъ хозяиномъ государственнаго сундука. Несмотря на то, однако же, если бы министромъ финансовъ былъ не Рейтернъ, или, хотя бы и онъ, но не былъ бы подъ такимъ вліяніемъ великаго князя Константина Николаевича, подъ какимъ былъ Рейтернъ, то и эти, предложенныя Татариновымъ реформы, единственныя изъ всѣхъ реформъ того времени, не потребовавшія впослѣдствіи коренныхъ измѣненій, пожалуй, не удались бы, такъ какъ многіе министры высказывали свои опасенія за успѣшность новаго порядка составленія и исполненія финансовыхъ смѣтъ, ссылаясь на канцелярскія и разныя техническія затрудненія, при чемъ сквозило несочувствіе къ налагаемому новымъ порядкомъ ограниченію прежней свободы министерскихъ распоряженій. Противъ единства кассы были почти всѣ, находя это невыполнимымъ на практикѣ. Но упорство Татаринова взяло верхъ, и реформа сразу и безповоротно показала свои достоинства, за что́ по смерти Татаринова, семейство его получило исключительную, по иниціативѣ Государственнаго Совѣта награду, въ видѣ ста тысячъ рублей. Кажется, такъ.

Морское министерство, подъ главенствомъ великаго князя Константина Николаевича, прогрессировало вообще впереди другихъ учрежденій, по вопросамъ, возбуждавшимся и администраціею, и обществомъ. Такъ ему обязано возрожденіе эмеритуры, и оно же, выразивъ сочувствіе проектамъ Татаринова, взяло на себя пробу—нельзя ли примѣнить къ государственному счетоводству предварительный контроль, т. е. контрольную повѣрку разрѣшаемыхъ расхо-

довъ прежде выдачи денегъ, и примѣнить къ казеннымъ счетамъ итальянскую бухгалтерію?

Въ то же время данъ толчокъ къ развитію серьезнаго педагогическаго вопроса о системѣ умственнаго развитія юношества, въ статьѣ Пирогова о необходимости отдѣлять въ дѣтскомъ возрастѣ общее развитіе отъ спеціальнаго, не злоупотребляя этимъ послѣднимъ въ ущербъ первому. Статья эта не осталась безслѣдною въ особенности въ примѣненіи къ военно-учебнымъ заведеніемъ, вызвавъ коренной переворотъ во всемъ ихъ строѣ; объ этомъ, быть можетъ, придется сказать въ другомъ мѣстѣ.

Для испытанія новаго способа контроля Татариновъ выбралъ меня, а вопросъ о возможности примѣненія итальянской бухгалтеріи поручилъ Хитрово, и мы оба были командированы въ морское министерство и оба представили отвѣты отрицательные, не въ силу рутины и канцелярскаго консерватизма, а встрѣтивъ непреодолимыя препятствія въ существѣ порядка. Обширныя объясненія наши были, вѣроятно, достаточно основательны, судя потому, что Татариновъ сразу отказался поддерживать и ту и другую идеи.

Скажу только о пробѣ предварительнаго контроля, т. е. такого порядка, чтобы контроль санкціонировалъ правильность разрѣшаемаго мѣстною властью расхода, прежде выдачи денегъ изъ кассы и, затѣмъ, всю отвѣтственность за правильность расхода уже принималъ бы на себя. По прибытіи въ морское министерство, я взялъ, на выдержку, два дѣла, по которымъ была уже разрѣшена выдача денегъ считая себя обязаннымъ примѣнить къ пересмотру этихъ дѣлъ весь тотъ порядокъ и законы, какими долженъ руководствоваться контроль при ревизіи денежныхъ расходовъ. Татариновъ чуть не обнялъ меня за мои записки, найдя мою ревизію такою, какой желательно было достигнуть; но когда я ему показалъ счетъ употребленнаго мною времени, въ который вошло именно только то время, которое я дѣйствительно работалъ и что при этомъ понадобилось до 12 часовъ, или около четырехъ присутственныхъ дней, то Татариновъ согласился съ моимъ выводомъ, что при такомъ порядкѣ ревизіи контроль не только задержитъ, но просто остановитъ всѣ денежныя распоряженія администраціи. Къ этому я прибавилъ свое мнѣніе, что даже и послѣдовательный контроль, для успѣшнаго хода дѣла, долженъ потребовать громаднаго личнаго состава контрольныхъ учрежденій; иначе ревизія можетъ затянуться на столько, что придется ревизовать большею частью дѣйствія покойниковъ. Татариновъ все-таки съэкономничалъ въ штатахъ донельзя, а мое мнѣніе оправдалось. Ревизія въ восьмидесятыхъ годахъ затянулась уже лѣтъ на десять и болѣе, въ ущербъ спокойствію, а иногда и чести лицъ,

участвовавшихъ въ операціяхъ, но лишенныхъ возможности давностью времени давать контролю оправдательные отвѣты на его вопросы.

По окончаніи работы въ морскомъ вѣдомствѣ, Татариновъ назначилъ меня членомъ отъ контроля въ образовавшійся при Государственномъ Совѣтѣ комитетъ для пересмотра законовъ о казенныхъ подрядахъ и о способахъ казенныхъ заготовленій вообще.

Хочется упомянуть о сохранившемъ для меня, какъ чиновника, свою свѣжесть пріятномъ случаѣ.

Комитету предоставлено было исключительное право направлять свои работы прямо въ Государственный Совѣтъ при условіи, чтобы члены комитета свои работы, предварительно внесенія ихъ въ комитетъ, представляли на одобреніе своихъ министровъ, но Татариновъ сообщилъ государственному секретарю Буткову, что, назначивъ меня, онъ по особому довѣрію уполномочилъ меня представлять мои работы безъ предварительнаго представленія ему, Татаринову.

Кто зналъ Татаринова, тотъ согласится со мною, что я, именно какъ подчиненный ему чиновникъ, могъ считать такой отзывъ его лучшею и наиболѣе лестною для себя изъ всѣхъ поощреній оцѣнкою моей служебной дѣятельности. А я, поневолѣ, очень дорожилъ службою.

Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ бывшій главнымъ интендантомъ Черноморскаго флота и, кажется, управлявшій министерствомъ, членъ Государственнаго Совѣта, адмиралъ Метлинъ. Мѣстомъ засѣданій для комитета указано было помѣщеніе департамента государственной экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ, по правдѣ сказать, очень мизерное, да и очень не щеголеватое. Засѣданія назначались по вечерамъ. Отъ двора предлагался нарядный и замысловато сервированный чай. Все хорошо. Принялись за работу, какъ всегда бываетъ для начала, горячо, сознавая важность работы и дѣйствительную потребность многихъ измѣненій въ дѣйствовавшихъ законахъ. Члены начали приводить, каждый по своему министерству, примѣры въ доказательство несостоятельности нѣкоторыхъ законоположеній. Казалось, завели пружину какъ слѣдуетъ. Усердствуя скорѣйшему ходу дѣла, согласились изъ членовъ образовать кружки и законы раздѣлить на части съ тѣмъ, чтобы каждый кружокъ разработывалъ свою часть и потомъ передавалъ на обсужденіе другаго кружка, дабы, по общемъ соглашеніи, приходить къ окончательнымъ выводамъ уже въ общемъ собраніи комитета.

Но скоро сказка сказывается, а дѣло дѣлается, какъ судьбѣ угодно. Такъ и у насъ, мало-по-малу, работы пошли медленнѣе и самыя засѣданія стали назначаться все рѣже, да рѣже. Назначенный при открытіи комитета дѣлопроизводителемъ его помощникъ статсъ-секре-

таря въ Государственномъ Совѣтѣ, молодой дѣйствительный статскій совѣтникъ Пановъ успѣлъ дослужиться до ордена Александра Невскаго и до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а объ работахъ комитета все не было ни слуху, ни духу; и только черезъ 28 лѣтъ послѣ образованія комитета, и именно въ 1887 г., поступило въ продажу новое изданіе законовъ о казенныхъ подрядахъ; но и въ немъ существенными измѣненіями оказалось то, что законы о подрядахъ выдѣлены изъ прежнихъ законовъ въ особую книжку, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнена и нумерація статей.

Мнѣ пришлось состоять въ комитетѣ только первыя пять лѣтъ, такъ какъ сперва я получилъ новое служебное назначеніе, а потомъ и выѣхалъ изъ Петербурга—и конецъ этого пятилѣтія неожиданно перевернулъ къ лучшему всѣ мои служебныя мечтанія.

Несмотря на обязательныя для меня контрольныя работы по главному управленію военно-учебныхъ заведеній и работы по комитету, Татариновъ, пригласивъ меня къ себѣ, указалъ мнѣ на бывшую на столѣ тетрадь въ полъ-стопы толщиною. Эта тетрадь оказалась первою, составленною по новой формѣ финансовою смѣтою министерства внутреннихъ дѣлъ.—Разсмотрите, сказалъ мнѣ Татариновъ, и недѣли черезъ двѣ, не болѣе, доставьте мнѣ ваши замѣчанія и соображенія. Рѣшился спросить, какъ по дѣлу для всѣхъ новому, въ чемъ должна заключаться моя работа? Нужно ли провѣрять правильность исчисленія въ цифрахъ (нѣсколько тысячъ статей), повѣрять ли законы, оправдывающіе требованія кредитовъ (ихъ нѣсколько сотенъ) или удовольствоваться одною оцѣнкою достоинства требованій по существу.—Это я предоставляю вашему усмотрѣнію, но помните, что изложенныя вами замѣчанія должны мнѣ служить матеріаломъ при дебатахъ въ Государственномъ Совѣтѣ при разсмотрѣніи настоящей смѣты, а слѣдовательно и общаго бюджета, такъ какъ я одинъ не могу разсмотрѣть всѣхъ отдѣльныхъ смѣтъ множества учрежденій. Я отношусь къ вамъ съ довѣріемъ и напоминаю, что болѣе двухъ недѣль, по порядку засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, я ждать вашей работы не могу.

Пришелъ домой. Пересмотрѣлъ поверхностно нѣсколько листовъ ужасающей смѣты и въ первый разъ почувствовалъ себя въ безвыходномъ положеніи. Убѣдился, что съ настоящимъ дѣломъ незнакомъ вовсе. Посовѣтоваться не съ кѣмъ, а самъ не справлюсь. Въ счетахъ съ первыхъ же статей оказались невѣрности, которыхъ не только исправленіе, но самое указаніе было, видимо, невозможно безъ составленія особой и при томъ обширной записки, детали которой могли быть полезны Татаринову, мнѣ же были необходимы какъ оправдательный документъ, а времени на составленіе такой записки вовсе

не было. Ссылокъ на спеціальные законы и внутреннія по министерству распоряженія—цѣлыя сотни, а добыть всѣ такіе законы и предписанія для повѣрки ихъ и при томъ въ данный мнѣ короткій срокъ было бы не подъ силу и самому Аллаху. Признаться же Татаринову въ невозможности выполнить его задачу значило наклеить себѣ бубноваго туза, съ лишеніемъ всякой надежды на улучшеніе службы. Совершенно упалъ духомъ, задавшись вопросомъ—нельзя ли сбѣжать хотя куда-нибудь, лишь бы уйти отъ работы при сознательной неспособности ее выполнить, а тутъ, на глазахъ, семья, при которой страшно было выпустить изъ рукъ хотя и синицу, не зная, удастся ли еще поймать журавля въ небѣ.—Ужели Богъ меня оставилъ? думалось неотвязно. Что дѣлать?

Навязанная мнѣ работа не давалась вовсе, а дни шли за днями, и срокъ страшнаго суда приближался.

Въ одинъ изъ такихъ жестокихъ дней, хотя и не было нужды идти въ управленіе военно-учебныхъ заведеній, я пошелъ, чтобы только освободить на время семью отъ лицезрѣнія моей удрученной и нервно-расхлябанной фигуры—да и самому хотѣлось воздуху и чужихъ лицъ.

Меня встрѣтилъ начальникъ отдѣленія съ бумагою, на которой Исаковъ, по неопытности въ канцелярскомъ дѣлѣ, положилъ такую резолюцію, которая только по несоблюденію формы должна была вызвать со стороны контроля замѣчаніе и требованіе объясненій.—Что же вы не доложили Исакову это дѣло?—спросилъ я.—Да, онъ человѣкъ новый. Еще не выяснился,—получилъ я отвѣтъ, почему никто идти не рѣшается, и мы остановились на томъ, что вамъ, какъ представителю контроля, удобнѣе другихъ переговорить съ Исаковымъ. Я у него, послѣ общаго представленія, на которомъ онъ очень любезно напомнилъ наше однокашничество, еще ни разу не былъ, но, желая устранить щекотливую для его самолюбія переписку, я взялъ бумагу и пошелъ къ нему. Засталъ дома одного и, высказавъ, въ чемъ дѣло, вызвалъ, конечно, согласіе на перемѣну резолюціи, послѣ чего, считая мой визитъ оконченнымъ, взялся за шляпу; но тутъ-то и вышло нѣчто, совершенно для меня неожиданное.

— Знаете, началъ Исаковъ, что въ вашемъ приходѣ ко мнѣ, именно сегодня, есть какой-то пріятный для меня фатумъ, и я порадуюсь, если это подтвердится и съ вашей стороны. Я получилъ только-что утвержденный штатъ нашего управленія. По этому штату мнѣ назначенъ вице-директоръ. Васъ я самъ знаю съ дѣтства, какъ хорошаго человѣка да, кромѣ того, много слышалъ лестнаго для васъ отъ непосредственнаго вашего принципала—Татаринова, какъ о чиновникѣ и работникѣ, и знаю также объ умѣніи вашемъ, не нарушая строго-

сти требованій службы, сохранять добрыя отношенія съ вашими сослуживцами моего управленія. Вы знаете ихъ, и они васъ знаютъ, почему первымъ лицомъ, въ которомъ я думалъ найти хорошаго и ближайшаго помощника въ званіи вице-директора, мнѣ представились вы; но, не приди вы сегодня, я, мнѣ кажется, не рѣшился бы пригласить васъ для объясненій, опасаясь моимъ предложеніемъ нарушить спокойное ожиданіе вами какой-либо лучшей карьеры по контролю. Теперь же, благо мы встрѣтились случайно, я предлагаю вамъ открывшееся у меня мѣсто и порадуюсь, если вы не откажетесь принять его. Могу предложить условія, которыя по сравненію съ настоящимъ вашимъ служебнымъ положеніемъ, по моему мнѣнію, для васъ не безвыгодны. Вы можете занять обширную и прекрасную квартиру со всѣми пріятными свойствами казенныхъ квартиръ. Содержаніе, со включеніемъ имѣющихся въ распоряженіи управленія суммъ, не менѣе 4.000 р. Въ отдаленномъ будущемъ—право на хорошую эмеритуру, а до этого времени разные виды поощреній, щедрость которыхъ по военному вѣдомству пользуется завидною для другихъ вѣдомствъ извѣстностью.

— Откровенно скажу, отвѣчалъ я, что никогда, самыя розовыя фантазіи не рисовали мнѣ на службѣ въ контролѣ такого будущаго, какое вы предлагаете мнѣ теперь же, почему я съ величайшею благодарностью и съ такою же радостью принимаю ваше предложеніе (послѣдовало обоюдное и искреннее рукопожатіе); но, имѣя еще не оконченными возложенныя на меня Татариновымъ порученія, я счелъ бы нужнымъ, чтобы предотвратить какія-либо противодѣйствія съ его стороны къ моему выходу изъ его вѣдомства, повидаться съ нимъ предварительно окончательнаго рѣшенія вопроса, о которомъ идетъ дѣло.— Я, перебилъ меня Исаковъ, считаю нужнымъ сказать, что могу сего же дня получить, быть можетъ, даже и не одно письмо, частью съ просьбами, а—частью съ рекомендаціями лицъ на открывшееся мѣсто и въ числѣ рекомендацій могутъ быть такія, на которыя по разнымъ обстоятельствамъ отвѣчать отказомъ неудобно, и тогда время на переговоры ваши съ Татариновымъ можетъ перевернуть все къ невыгодѣ для насъ обоихъ. Нельзя ли рѣшить теперь?, а тамъ, случись что, я самъ уже буду говорить съ Татариновымъ. Я согласился.

Исаковъ подошелъ къ письменному столу и написалъ двѣ записки. Одну запечаталъ, а другую открытую, позвалъ курьера и приказалъ— конвертъ отвезти къ военному министру, а открытую записку передать въ управленіе.

— Ну, теперь поздравьте меня съ новымъ сослуживцемъ, а васъ поздравляю съ новымъ мѣстомъ службы и желаю вамъ не каяться о вашемъ согласіи, сказалъ Исаковъ. Чтобы предупредить разныя слу-

чайности, я, какъ видите, поспѣшилъ увѣдомить военнаго министра, что мѣсто вице-директора уже занято по моему приглашенію, а управленію приказалъ составить немедленно представленіе о внесеніи васъ въ проектъ приказа. И такъ, на сей день прощайте.

Когда я вернулся въ управленіе, тамъ было уже всѣмъ извѣстно полученное приказаніе. Начались поздравленія и пожеланія. Покуда продолжались разные разговоры, мнѣ поднесли показать уже подписанное Исаковымъ и форменное представленіе о внесеніи меня въ приказъ. И такъ, дѣло было окончено.

Выйдя изъ управленія, я, признаюсь чистосердечно, испыталъ на себѣ дѣйствительность выраженія, что человѣкъ можетъ подъ собою земли не чувствовать. Я не чувствовалъ.

Если бы мнѣ сталъ кто-нибудь разсказывать, что съ нимъ случилось то, что пережилъ я самъ, то призналъ бы въ этомъ на половину прикрашенную побасенку.

Выйдя изъ дому удрученный и упавшій духомъ до отчаянія съ предрѣшенною вѣрою въ потерю надежды на всякое улучшеніе по службѣ и, слѣдовательно, осужденный на вѣчное сидѣніе на одномъ мѣстѣ, я, черезъ какихъ-нибудь два часа, возвращался домой не съ однѣми только радостными надеждами не потерять настоящее или съ однимъ ожиданіемъ улучшенія въ будущемъ, а чувствовалъ себя почетно и отлично уже устроеннымъ и лучше, чѣмъ мечталъ когда-либо, получивъ даже выше всего, что могъ бы сдѣлать для меня Татариновъ при самомъ пристрастномъ доброжелательствѣ, если бы я могъ чѣмъ-либо вызвать въ немъ такое побужденіе.

Ну, не пойди я въ управленіе, просто съ горя; не подверпись поданная мнѣ совершенно случайная, исключительная бумага; не согласись я снести, внѣ всякой моей обязанности, бумагу къ Исакову—и ничего бы не было; а тутъ неожиданно вся жизнь перевернулась. Какъ не сказать—судьба!!..

Теперь мнѣ 73 года. Со времени только-что описаннаго объясненія съ Исаковымъ прошло болѣе 30 лѣтъ, и за все это время я ежедневно благодарилъ Бога за тотъ счастливый день, въ который попалъ на новую служебную дорогу. Во все время, довольствуясь тѣмъ, что имѣлъ и не желалъ по службѣ ничего лучшаго,—я былъ вполнѣ счастливъ.

Вступивъ въ управленіе военно-учебныхъ заведеній къ началу проектированныхъ реформъ этихъ заведеній и при томъ одновременно съ введеніемъ новаго порядка государственнаго счетоводства, на мою долю выпало работы множество, но было молодо и потому работалось легко, тѣмъ болѣе, что работа, по существу своему, представляла много интереснаго.

При такой усиленной работѣ я кончилъ свою спеціальную миссію

въ пять лѣтъ и такъ какъ къ этому времени приготовлялось измѣненіе штатовъ по военному министерству вообще, то мое мѣсто было упразднено и мнѣ предложили занять, съ сохраненіемъ прежняго содержанія, открывшееся мѣсто члена военно-окружнаго совѣта въ Казани.

Не предвидя надобности переселиться когда-либо въ провинцію, сдѣланное мнѣ предложеніе, на первыхъ порахъ, меня и огорчило и сконфузило; а тутъ еще, какъ на бѣду, встрѣтилъ я академика Юлія Ивановича Симашко.—Не поздравляю васъ, сказалъ онъ мнѣ, услыхавъ о полученномъ мною предложеніи; я знакомъ съ Казанью. Знаю ваши склонности и связи съ нашими кружками, Казань вамъ не понравится и васъ не удовлетворитъ. Пусть университетскій городъ, но въ томъ университетѣ еще сто лѣтъ не выродятся плевелы, посѣянные Магницкимъ. Рознь повсюду. Партій не оберетесь—и по національностямъ, и по спеціальностямъ, по чинамъ, по близости къ начальству, по бабьимъ отношеніямъ и пр. и пр. Въ концѣ концовъ, никакого кружка, въ понятномъ для насъ смыслѣ, вы не найдете вовсе. Объ обществѣ же и говорить не хочется. На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ, т. е. на рубль амбиціи, хотя на грошъ аммуниціи. Претензіи восточной столицы, какъ называли Казань мѣстные бояре, остались прежнія, а силенки уже не хватаетъ, и чѣмъ это безсиліе становится чувствительнѣе, тѣмъ они становятся злѣе, какъ мухи передъ смертью. Въ каждомъ переулкѣ свои гвельфы и гиббелины. Самопризнанное всевѣдѣніе и самое безшабашное порицаніе всего и вся—составляетъ лучшее препровожденіе времени, кромѣ картъ, конечно. Общественной жизни никакой. Ну, просто своего рода клоповникъ. Не поздравляю.

Я было и носъ повѣсилъ, но нашлись другіе, бывалые люди, которые разсказывали, что Казань все-таки въ числѣ первыхъ шести—семи городовъ въ Россіи, и если нужно ѣхать въ провинцію, то Казанью брезговать не слѣдуетъ, такъ какъ она, не будучи хуже другихъ городовъ, имѣетъ преимущество по дешевизнѣ жизни.

Видя, что по слухамъ ни до чего вѣрнаго не доберешься, я поѣхалъ въ канцелярію военнаго министерства и объявилъ, что согласенъ ѣхать въ Казань. Это было въ концѣ Великаго поста.

На Страстной недѣлѣ мнѣ пришлось четыре дня сряду принимать отъ фельдъегерей пакеты съ извѣщеніями о различныхъ напутственныхъ любезностяхъ. Сына моего, котораго женѣ моей не хотѣлось оставлять въ Петербургской военной гимназіи, зачислили (въ видѣ изъятія) пажемъ-экстерномъ. Назначили усиленныя подъемныя деньги отъ военнаго министерства само по себѣ и отъ управленія военно-учебныхъ заведеній само по себѣ. Наконецъ, на Пасху прислали орденъ Анны 1-й степени.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ прогоны и окончательно простился съ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

Уготовленное мнѣ мѣсто въ Казани оказалось мѣсто злачное, спокойное, безмятежное и безначальственное—благодать сущая. И прослужилъ я на немъ, по настоящее время, 25 лѣтъ припѣваючи.

Я говорю, что служилъ припѣваючи, но не могу вспомнить, чтобы и жилось въ Казани также. Рекомендація Симашко часто оказывалась не пристрастною; а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже сдержанною. Въ 25 лѣтъ я не могъ привыкнуть къ гг. казанцамъ, разумѣя, конечно, претендующихъ на мѣсто въ сферѣ мѣстной интеллигенціи и въ руководящемъ слоѣ. Возродись бы новый Боккачіо и коснись казанцевъ перо Щедрина да Гоголя — сколько бы они нашли новыхъ типовъ, ищущихъ и по сіе время своихъ воспроизводителей. Мнѣ же подобная работа вовсе не по силамъ, почему я и обхожу воспоминаніе о Казани, по недостатку творчества. А вотъ о времени службы въ главномъ управленіи я могъ бы записать много интереснаго, въ особенности въ виду собиравшихся мною и сохранившихся у меня матеріаловъ о совершавшейся на моихъ глазахъ частью реформѣ, а частью ломкѣ военно-учебныхъ заведеній, но это дѣло серьезное и говорить о немъ слегка считаю грѣхомъ. Пусть оно всецѣло принадлежитъ исторіи извѣстной эпохи вообще и кадетскихъ корпусовъ въ частности, тѣмъ болѣе, что бывшія реформы во многомъ оказались временными, такъ какъ, благодаря участію военнаго министра Ванновскаго кадетскимъ корпусамъ было возвращено многое, что было упразднено военнымъ министромъ Милютинымъ.

Послѣ всего написаннаго мнѣ остается проектировать собственную эпитафію. Да, кажется, и пора.

Всю жизнь служилъ. Справилъ свой пятидесятилѣтній юбилей, получивъ на память табакерку съ алмазами. Изъ этого времени просидѣлъ 25 лѣтъ въ Казанскомъ военно-окружномъ совѣтѣ, въ которомъ, при составѣ его изъ семи лицъ, за это время перемѣнилось 42 лица. Былъ въ чинѣ тайнаго совѣтника 18 лѣтъ, имѣлъ пять звѣздъ, изъ которыхъ послѣднюю (Бѣлаго Орла) носилъ 15 лѣтъ. Дожилъ до большой рѣдкости — попасть въ число пенсіонеровъ по ордену Анны 1-й степени (которыхъ полагается на всю имперію 34), и службою вообще, и какъ средствомъ къ жизни оставался доволенъ, находя всегда свой кусокъ хлѣба сладкимъ, какъ не наслѣдственный, не краденый и не отъ бабы полученный, а трудомъ добытый. Аминь.

ДѢЛО ПЕТРАШЕВСКАГО,

какъ эпизодъ въ исторіи общественнаго движенія въ Россіи.

Въ исторіи русской общественной мысли и въ пестрой лѣтописи русскихъ политическихъ процессовъ однимъ изъ выдающихся эпизодовъ является извѣстное дѣло Петрашевскаго, ставшее при томъ знаменитымъ и въ исторіи русской литературы участіемъ въ немъ творца „Записокъ изъ мертваго дома“, Ѳедора Михайловича Достоевскаго.

Пользуясь документальными данными, приведу эпизоды этого дѣла.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. дошло до свѣдѣнія шефа жандармовъ, что проживавшій въ С.-Петербургѣ титулярный совѣтникъ Буташевичъ-Петрашевскій „обнаруживаетъ большую наклонность къ коммунизму и съ дерзостью провозглашаетъ свои правила“. За Петрашевскимъ былъ учрежденъ надзоръ. Въ то же время таковыя же свѣдѣнія о политической неблагонадежности Петрашевскаго дошли и до министра внутреннихъ дѣлъ, учредившаго и со своей стороны наблюденіе надъ нимъ. Съ цѣлью сосредоточить наблюденіе въ однѣхъ рукахъ, графъ Орловъ вошелъ въ соглашеніе съ графомъ Перовскимъ о передачѣ всего дѣла сему послѣднему.

Девятимѣсячныя наблюденія за Петрашевскимъ дали въ общемъ весьма скудныя данныя. Было лишь установлено, что Петрашевскій, отличаясь „либеральнымъ образомъ мыслей“, имѣлъ „большой кругъ знакомства около 800 человѣкъ“ и устраивалъ еженедѣльно по пятницамъ у себя на дому собранія своихъ знакомыхъ, въ 15—30 человѣкъ, которые, „оставаясь до 3-хъ и до 4-хъ часовъ за полночь, въ карты не играли, а читали, говорили и спорили“.

Подобная безрезультатность наблюденія заставила прибѣгнуть къ попыткѣ помѣщенія въ общество Петрашевскаго съ января 1849 г.

„благонадежнаго агента“, каковая задача выпала на долю сына живописца Антонелли, окончившаго курсъ Петербургскаго университета и опредѣленнаго для этой цѣли въ одинъ съ Петрашевскимъ департаментъ. Свою миссію Антонелли исполнилъ столь успѣшно, что уже 11-го марта 1849 г. ему удалось, войдя въ довольно близкія отношенія къ Петрашевскому, присутствовать на его собраніи. Тотчасъ послѣ этого собранія Антонелли донесъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ, учитель главнаго инженернаго училища Толь, говорилъ рѣчь „о религіи, доказывая, что будто она не только не нужна, но даже вредна, потому что убиваетъ нравственность и подавляетъ развитіе ума“. Антонелли присутствовалъ и на слѣдующихъ собраніяхъ. По его донесеніямъ, 18-го марта говорилъ рѣчь титулярный совѣтникъ Ястржембскій, состоявшій помощникомъ инспектора классовъ въ Технологическомъ институтѣ; рѣчь имѣла предметомъ разборъ различныхъ государственныхъ системъ; 25-го марта происходили пренія о „пользѣ“ возмущенія подчиненныхъ противъ начальства; 1-го апрѣля имѣли мѣсто дебаты о свободѣ книгопечатанія, измѣненіи судопроизводства и освобожденіи крестьянъ; 8-го апрѣля разбирались сочиненія Фурье и Прудона; 15-го апрѣля Ѳ. М. Достоевскій читалъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, вызвавшее „множество восторженныхъ одобреній“, при чемъ положено было „распустить это письмо въ нѣсколькихъ экземплярахъ“; наконецъ, собраніе 22-го апрѣля было посвящено вопросу о цензурѣ и о той роли, которую долженствовала бы принять литература въ развитіи общественной мысли.

Въ то же время отъ зоркаго вниманія агента Антонелли не ускользнуло свободомысліе студента Толстова, за которымъ поэтому было учреждено наблюденіе посредствомъ агентовъ Шапошникова и Наумова. Эти агенты установили связь Толстова съ содержателемъ табачнаго магазина Шапошниковымъ, литераторомъ Катеневымъ, студентомъ Данилевскимъ и купеческимъ сыномъ Утинымъ; поименованныя лица собирались въ квартирѣ Шапошникова, гдѣ имѣли разговоры о желательности республиканскаго образа правленія въ Россіи.

Такимъ образомъ агентскія наблюденія на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ, и 22-го апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе объ арестованіи и отправленіи въ С.-Петербургскую крѣпость какъ Петрашевскаго и Шапошникова, такъ и лицъ, посѣщавшихъ ихъ собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ была учреждена, по высочайшему повелѣнію, секретная слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости генералъ-адъютанта Набокова; членами же коммиссіи были назначены дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Гагаринъ; генералъ-лейтенантъ Дубельтъ и генералъ-адъютанты князь Долгоруковъ и Ростовцевъ.

Кромѣ самого Петрашевскаго, Шапошникова и четырехъ лицъ, имѣвшихъ связь съ послѣднимъ, было арестовано тридцать три человѣка [1]).

Приступивъ къ опросу всѣхъ арестованныхъ лицъ, слѣдственная коммиссія убѣдилась въ томъ, что „донесенія агентовъ о характерѣ собраній у Петрашевскаго и о происходившихъ на оныхъ разсужденіяхъ, касающихся политическихъ вопросовъ, большею частью достовѣрны". Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссіи удалось, благодаря этимъ допросамъ, открыть другихъ лицъ, состоявшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ арестованными; эти лица также были подвергнуты личному задержанію [2]).

Продолжая слѣдственныя дѣйствія, коммиссія установила, что, кромѣ Петрашевскаго, собранія происходили у Кашкина, Дурова и Пальма, жившихъ вмѣстѣ, и у Плещеева. У Кашкина собранія про-

---

[1]) Кандидатъ С.-Петербургскаго университета Дмитрій Ахшарумовъ, титулярный совѣтникъ Василій Головинскій, поручикъ л.-гв. конно-гренадерскаго полка Николай Григорьевъ, коллежскій совѣтникъ Дебу 1, коллежскій секретарь Дебу 2, отставной инженеръ поручикъ Ѳедоръ Достоевскій, отставной коллежскій ассесоръ Сергѣй Дуровъ, титулярный совѣтникъ Николай Кашкинъ, штабсъ-капитанъ л.-гв. Егерскаго полка Ѳедоръ Львовъ, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Николай Момбелли, поручикъ л.-гв. Егерскаго полка Александръ Пальмъ, неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ, помѣщикъ Курской губерніи Николай Спѣшневъ, учитель въ главномъ инженерномъ училищѣ Феликсъ Толь, студентъ С.-Петербургскаго университета Павелъ Филипповъ, титулярный совѣтникъ Ястржембскій, служащій въ коммиссіи описанія одеждъ и вооруженія россійскихъ войскъ свободный художникъ Алексѣй Берестовъ, старшій архиваріусъ главнаго с.-петербургскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ надворный совѣтникъ Александръ Баласогло, отставной подпоручикъ Михаилъ Достоевскій, бывшій вольнослушатель С.-Петербургскаго университета сынъ коллежскаго совѣтника Платонъ Дѣевъ, служащій въ департаментѣ внѣшней торговли титулярный совѣтникъ Николай Кайдановъ, штабсъ-капитанъ 1-го кадетскаго корпуса Дмитрій Кропотовъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Павелъ Кузьминъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Кузьминъ, служащій въ департаментѣ внѣшней торговли губернскій секретарь Порфирій Ламанскій, вольнослушатель С.-Петербургскаго университета однодворецъ Александръ Мадерскій, кандидатъ того же университета Александръ Михайловъ, служащій въ государственномъ заемномъ банкѣ коллежскій ассесоръ Карлъ Ольденопъ, служащій въ департаментѣ податей и сборовъ коллежскій секретарь Николай Серебряковъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Тимковскій, служащій въ государственномъ заемномъ банкѣ надворный совѣтникъ Михаилъ Чириковъ, служащій въ канцеляріи С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора коллежскій секретарь Алексѣй Щолковъ и учитель рисованія въ гимназіяхъ Евстафій Бернардскій.

[2]) Студентъ С.-Петербургскаго университета Александръ Ханыковъ, уволенный отъ службы коллежскій секретарь Александръ Европеусъ, чиновники особыхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ титулярный совѣтникъ

исходили еженедѣльно съ октября 1848 г. до новаго года, прекратившись съ пріѣздомъ къ Кашкину его родителей, когда они были перенесены къ чиновнику, и снова возобновившись въ февралѣ 1849 г. На собраніяхъ присутствовали Спѣшневъ, Ахшарумовъ, Ханыковъ, Европеусъ, Дебу 1-й и 2-й. По мнѣнію коммиссіи, въ этихъ собраніяхъ было „гораздо болѣе стройности и единомыслія, чѣмъ въ кружкѣ Петрашевскаго"; цѣлью ихъ было изученіе „системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, преимущественно системы Фурье". На собраніяхъ было приступлено къ составленію библіотеки „изъ соціальныхъ и либеральныхъ книгъ"; библіотекаремъ былъ выбранъ Дебу 1, выписывавшій книги чрезъ посредство Петрашевскаго; состоялся также обѣдъ въ честь Фурье, 7-го апрѣля, въ день его рожденія; на обѣдѣ, по предложенію Дебу 2-го, было постановлено перевести на русскій языкъ сочиненіе Фурье. На собраніяхъ у Дурова и Пальма, происходившихъ въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1849 г., были прочитаны: Милюковымъ—переводъ изъ Paroles d'un croyant, подъ заглавіемъ „новое откровеніе митрополиту Антонію", Достоевскимъ—письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и Дуровымъ—два письма Плещеева къ нему и Достоевскому. Появлялась мысль и о заведеніи собственной литографіи, но она осталась безъ осуществленія. Наконецъ, на собраніяхъ у Плещеева, бывавшихъ не въ установленные дни, разбирался вопросъ о возможности печатанія за границею книгъ, не разрѣшенныхъ русскою цензурою.

Далѣе коммиссія пришла къ заключенію, что кружокъ Петрашевскаго былъ ярымъ послѣдователемъ Фурье, который, являясь сторонникомъ равенства между людьми, избиралъ для достиженія этого состоянія путь „ученія и примѣра, безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ" и видѣлъ идеалъ общественной жизни не въ государствѣ, а въ „фалангахъ", въ 800 — 1800 человѣкъ, устраивающихъ „фаланстеріи съ особымъ дворцомъ для общаго жительства съ великолѣпными садами".

Засимъ коммиссія открыла подозрѣніе о существованіи въ Россіи тайнаго общества, о желаніи Черносвитова произвести возмущеніе въ Сибири и о стремленіи Момбелли образовать тайное братство взаимной помощи.

Разслѣдованіемъ коммиссіи была между тѣмъ установлена „малая

Константинъ Тимковскій, надворный совѣтникъ Беклемишевъ, отставной подпоручикъ Рафаилъ Черносвитовъ, титулярный совѣтникъ Есаковъ, коллежскій регистраторъ Ващенко, коллежскій секретарь Данилевскій и коллежскій ассесоръ Барановскій. Изъ послѣднихъ девяти лицъ шестеро были арестованы въ С.-Петербургѣ, а трое—внѣ столицы, Тимковскій и Беклемишевъ—въ Ревелѣ, а Черносвитовъ—близъ Омска.

виновность" многихъ арестованныхъ лицъ, и къ дѣлу Петрашевскаго было причислено, кромѣ него самого, еще 27 человѣкъ: Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ, Дебу 1-й, Григорьевъ, Филипповъ, Ахшарумовъ, Ханыковъ, Тимковскій, Данилевскій, Шапошниковъ, Катеневъ, Баласогло, Кашкинъ, Дуровъ, Черносвитовъ, Головинскій, Толь, Ястржембскій, Пальмъ. Дебу 2-й, Достоевскій Ѳедоръ, Плещеевъ, Европеусъ, Есаковъ, Ващенко и Беклемишевъ; остальныя лица были освобождены.

По высочайшему повелѣнію 24-го сентября 1849 г. для сужденія кружка Петрашевскаго была назначена военно-судная коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго; ассесорами въ коммиссію были назначены: генералъ-адъютанты графъ Строгановъ 2-й, Анненковъ 2-й и Толстой, сенаторы: князь Лобановъ-Ростовскій, Веймарнъ и Дурасовъ.

Вскорѣ, однако, 27-го сентября, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ суда Ващенко, Есакова и Беклемишева, а затѣмъ по ходатайству суда были освобождены еще Баласогло и Данилевскій. Такимъ образомъ подъ судомъ оставалось 23 человѣка.

Обращаясь къ личностямъ отдѣльныхъ подсудимыхъ и касавшихся ихъ обстоятельствъ дѣла, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Петрашевскаго.

Петрашевскому было 27 лѣтъ; его отецъ былъ штадтъ-физикомъ, воспитывался Петрашевскій въ Александровскомъ лицеѣ, по окончаніи курса котораго въ 1840 г. поступилъ на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ; въ 1841 г. выдержалъ экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Проникнувшись идеями Фурье, Петрашевскій въ 1844 г. желалъ получить должность воспитателя и преподавателя лицея, но желаніе его не осуществилось, такъ какъ директоръ лицея „не нашелъ въ немъ надлежащихъ свойствъ къ занятію этихъ должностей". Тогда, съ цѣлью воздѣйствія на молодежь, Петрашевскій сталъ приглашать къ себѣ на домъ воспитанниковъ-лицеистовъ; одинъ изъ нихъ, Унковскій, „какъ склонный къ увлеченіямъ и могущій быть вреднымъ для другихъ воспитанниковъ", исключенъ изъ лицея. Въ 1846 и 1847 гг. Петрашевскій сталъ собирать у себя на дому знакомыхъ, гдѣ разбирались сочиненія Фурье и обсуждались правительственныя дѣйствія. Въ февралѣ 1848 г. Петрашевскій роздалъ петербургскому дворянству двѣсти экземпляровъ своей литографированной записки, озаглавленной „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній". Содержаніе не соотвѣтствовало заглавію брошюры: въ брошюрѣ Петрашевскій высказывалъ широкіе взгляды о необходимости соціальныхъ преобразованій, для того, чтобы „въ народѣ, находящемся понынѣ въ дремотномъ состояніи, положить начало самосо-

знанія". Въ разговорахъ съ агентомъ Антонелли Петрашевскій явился сторонникомъ республиканскаго образа правленія, находилъ необходимость введенія суда присяжныхъ и признавалъ, что перемѣнить правительственный режимъ нужно „не вдругъ, а исподволь, приготовляя какъ можно осторожнѣе и вѣрнѣе средства къ возстанію, такимъ образомъ, чтобы идея о перемѣнѣ правительства не заронилась въ головы двумъ-тремъ-десяти лицамъ, но утвердилась бы въ массахъ народа и казалась не внушенною, а естественно рожденною, по положенію дѣлъ". При этомъ пропаганду своихъ идей Петрашевскій думалъ вести чрезъ помѣщеніе своихъ приверженцевъ въ учителя.

Судя по отзывамъ лицъ—кружковцевъ Петрашевскаго, послѣдній пользовался большимъ нравственнымъ вліяніемъ на нихъ. Такъ, по показанію Модерскаго, онъ поселился у Петрашевскаго для веденія хозяйства и для переводовъ и переписокъ; между тѣмъ Петрашевскій, не ограничившись простою ролью хозяина и желая „перевоспитать" Модерскаго, сталъ „разрушать его религіозныя вѣрованія" и зародилъ въ немъ искру соціализма, давалъ ему читать соціальныя сочиненія и познакомилъ его съ системой Фурье. По показанію же Тимковскаго, крайнія не религіозныя воззрѣнія Петрашевскаго сперва приводили его въ ужасъ, но затѣмъ „совершенно поколебали его вѣру"; Тимковскій „впалъ въ бездну невѣрія и злочестія".

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Петрашевскій, называя себя фурьеристомъ, призналъ, что онъ желалъ „улучшеній въ отечествѣ", что онъ считаетъ законы — хорошими, но исполнителей — дурными и что ученіе Фурье не утопія. Будучи арестованнымъ, Петрашевскій думалъ продолжать свое вліяніе на своихъ товарищей, прибѣгнувъ для этого къ оригинальному способу: отломавъ въ своемъ казематѣ кусочекъ штукатурки, онъ написалъ на немъ жестянымъ обломкомъ вентилятора наставленія, приглашая подсудимыхъ не робѣть, требовать очной ставки, не вѣрить письменнымъ показаніямъ; исписанный кусокъ штукатурки онъ попытался положить во время прогулки подъ дерево, но былъ въ этомъ усмотрѣнъ часовымъ.

Въ письменномъ своемъ показаніи Петрашевскій излагалъ, что для разбора его дѣла слѣдовало бы назначить не слѣдственную, а ученую коммиссію, „которая могла бы разобрать всѣ предметы обвиненій въ видахъ науки, чтобы затѣмъ дать ему, Петрашевскому, средства доказать, что мысль его стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ не была подобіе попытки Икара, что нѣтъ солнца, которое бы могло опалить его крылья". Бунта онъ не желалъ, но хотѣлъ бы „полной и совершенной реформы быта общественнаго и фаланстеръ считалъ ключемъ, пробнымъ камнемъ такой реформы.

Не безъ доли болѣзненнаго самолюбія Петрашевскій выражался: „что вамъ угодно, господа слѣдователи, то и дѣлайте, а передъ вами стоитъ человѣкъ, который съ колыбели чувствовалъ свою силу и, какъ Атлантъ, думалъ нести землю на плечахъ своихъ". Какою-то таинственностью звучитъ отъ его строкъ: „развѣется ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ ли изъ груди моей слабый вздохъ конца тишины подземнаго заточенія, его услышитъ тотъ, кому услышать слѣдуетъ, упадетъ капля крови моей на землю, выростетъ зорюшка, мальчикъ сдѣлаетъ дудочку, дудочка заиграетъ, прійдетъ дѣвушка и повторится та же исторія".

Въ дополнительномъ показаніи Петрашевскій требовалъ вознагражденія себѣ и своимъ товарищамъ, предоставляя сдѣлать вычетъ лишь за казенный ущербъ—за обломанную имъ въ казематѣ штукатурку для написанія на ней наставленія арестованнымъ. По предложенію коммиссіи, онъ же говорилъ, что реформа могла бы произойти мирнымъ путемъ, если бы можно было составить капиталъ въ 15 м. р. и на эти деньги основать первый фаланстеръ, по примѣру котораго завелись бы и другіе фаланстеры.

Въ особой запискѣ, поданной Петрашевскимъ, онъ излагаетъ, что не можетъ признать себя виновнымъ, а потому, обращаясь къ судьямъ, говоритъ: „не будьте же Тарквиніями, не наводите въ общество тишины могилы и безмолвія кладбища; будьте не инквизиторами, а друзьями человѣчества; за вашимъ рѣшеніемъ блюдетъ геній человѣчества, а въ лицѣ Западной Европы еще при жизни ждетъ васъ судъ потомства". Тутъ же Петрашевскій просилъ судить его черезъ присяжныхъ, въ открытыхъ судебныхъ засѣданіяхъ, со свободнымъ допускомъ всѣхъ желающихъ слушать дѣло.

Въ числѣ опечатанныхъ у Петрашевскаго бумагъ обращаетъ вниманіе черновикъ рѣчи, произнесенной на обѣдѣ въ честь Фурье. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ, о трудности соціалистической дѣятельности въ Россіи по невѣжеству самихъ русскихъ фурьеристовъ и по складу русской общественной жизни и восклицаетъ: „соціализмъ и Россія, вотъ двѣ крайности, вотъ два понятія, которыя другъ на друга волкомъ воютъ, сказалъ бы Прудонъ, и согласить эти двѣ крайности должно быть нашей задачей"... Въ проектѣ письма, составленнаго, по мнѣнію суда, въ опроверженіе ошибочныхъ мнѣній, высказанныхъ однимъ изъ членовъ вечернихъ собраній у Петрашевскаго, послѣдній, опровергая девизъ разрушенія, пишетъ: „мы не пытаемся никого знакомить съ соціализмомъ прежде, нежели разрушимъ совершенно союзъ съ его наслѣдственными предразсудками, не увлечемъ тѣхъ, надъ кѣмъ тяготѣетъ рука семейственности и общественныхъ приличій. На насъ лежитъ трудъ, трудъ примѣненія общихъ

началъ, которыя выработала наука на западѣ, къ нашей дѣйствительности, высшихъ формулъ быта общественнаго, осуществленія въ фактахъ жизни дѣйствительной, внѣдреніе въ общественное сознаніе тѣхъ общихъ понятій, которыя и могутъ дать человѣческому общежитію надлежащій цвѣтъ и движеніе. Но вспомнимъ, что мы стоимъ на дикой почвѣ нашего отечества, что все въ нашей общественной жизни являетъ слѣды восточной патріархальности и варварства, что разумѣніе народа русскаго еще не пробуждалось, что мы, не только какъ соціалисты, но даже какъ люди, отбросившіе въ сторону предразсудки и умѣющіе глядѣть въ глаза истинѣ, не можемъ надѣяться единственно за такія наши достоинства мгновенно возбудить къ себѣ и къ нашимъ убѣжденіямъ сочувствія въ массахъ. Кто ждетъ мгновеннаго успѣха сочувствія, тотъ пусть остудитъ свой жаръ; тѣ перевороты, которые остаются на памятѣ вѣковъ, въ видѣ миріадъ разрушенныхъ созданій, или обозначаются рядомъ новыхъ совершеннѣйшихъ созданій, долго и медленно вырабатываются на нѣдрахъ природы. Рядъ творческихъ преобразованій можетъ и быть незамѣтенъ взгляду близорукаго наблюдателя. Вездѣ повторяется законъ постепенности и логической связи. Уподобимся же и мы въ отношеніи къ несозданной массѣ нашего быта общественнаго живой и творческой силѣ природы, вдохнемъ въ него жизнь, и тогда, дотолѣ разрозненные, члены быта общественнаго будутъ являть гармоничность въ своихъ движеніяхъ, и явленія общественной жизни не будутъ, какъ доселѣ, поражать насъ нестройностью. Нашъ путь дологъ, но маршрутъ хорошъ у насъ. На распутьи, въ глухую полночь, мы не повѣсимъ унылую голову, въ раздумьѣ, куда идти; не будемъ поджидать счастливой нечаянности запоздалаго прохожаго, чтобы во имя Христа и того, чему не вѣримъ, указалъ намъ милостиво путь; не будемъ сѣтовать на то, что версты въ 500, а не въ 250 саженъ, а будемъ, не истомляя своихъ силъ чрезмѣрной поспѣшностію, по-маленьку, неукоснительно подвигаться и черепашьимъ шагомъ, быть можетъ, обгонимъ быстроногихъ ахилловъ. Если исторія дѣлаетъ людей, то люди дѣлаютъ исторію. Этимъ толково заняться—не пирогъ съ кашей ѣсть. Намъ не годится вашъ девизъ—разрушеніе. Наша сила не въ числѣ, а въ истинѣ, прямотѣ нашихъ убѣжденій. Все въ природѣ ратуетъ въ пользу истины, чтобы свершилось торжество истины; не надо умалять ея силы и значенія примѣсью къ ней своихъ личныхъ разсчетовъ; не надо подчинять ее интересамъ своей личности, но надо для истины принести въ жертву самолюбивыя притязанія своей личности, не гнаться за мелочными торжествами своего самолюбія ко вреду общаго дѣла“. Въ „афоризмахъ“ Петрашевскій высказывается за выборность должностныхъ лицъ, за равноправность вѣроисповѣданій и пр.

а также высказываетъ предположеніе о томъ, что въ будущемъ въ Сибири суждено возникнуть „народности русской, безъ примѣси“.

Далѣе, въ бумагахъ Петрашевскаго было найдено много листовъ съ оглавленіями, для составленія разныхъ статей, подъ общимъ названіемъ „Запасъ общеполезнаго“. Въ ряду этихъ оглавленій обращаютъ на себя вниманіе: о негодности Свода законовъ, о преобразованіи монастырей въ богадѣльни, о необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизиторскимъ образомъ, о введеніи національной одежды, о введеніи мирныхъ судей.

Слѣдующій за Петрашевскимъ подсудимый, Спѣшневъ, былъ курскимъ помѣщикомъ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и С.-Петербургскомъ университетѣ, но курса въ обоихъ заведеніяхъ не кончилъ; ему было ко времени ареста 28 лѣтъ.

Въ его бумагахъ нашелся черновикъ подписки для лицъ, вступающихъ въ русское тайное общество. Черновикъ былъ писанъ самимъ Спѣшневымъ. „Я, нижеподписавшійся,—было изложено въ подпискѣ,—добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду: 1) когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ, т. е., что по извѣщенію отъ комитета обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мнѣ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и какъ только могу споспѣшествовать успѣху возстанія; 2) я беру на себя обязанность увеличивать силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ; впрочемъ, согласно съ правиломъ русскаго общества, обязываюсь самъ лично больше пятерыхъ не афильировать; 3) афильировать, т. е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ обязываюсь не на-обумъ, а по строгомъ соображеніи только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, если бы даже и отступились послѣ отъ меня, что они исполнятъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ; вслѣдствіе чего я обязуюсь, съ каждаго, мною афильрованнаго, взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, все, съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ; я же, запечатавъ его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе; для сего я и переписываю

для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ". Кромѣ сего, у Спѣшнева былъ найденъ экземпляръ „Солдатской бесѣды", сочиненной подсудимымъ Григорьевымъ.

По поводу обнаруженія изложенной выше подписки, Спѣшневъ объяснилъ, что она представляетъ изъ себя не копію, а эскизъ, имъ составленный еще четыре года назадъ, въ бытность его за границей, въ то время, когда онъ еще занимался разработкой вопроса объ исторіи тайныхъ обществъ; подписка никогда никому не предъявлялась и осталась неуничтоженною лишь случайно.

Третій подсудимый, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Момбелли, 27 лѣтъ, воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ полку. У него при обыскѣ найденъ также рядъ рукописей компрометтирующаго характера. Записка о римлянахъ, по мнѣнію коммиссіи, обнаруживаетъ „самыя преступныя мысли въ отношеніи Россіи и наполнена демагогическими выраженіями". Описывая бѣдность Россіи, Момбелли пишетъ: „теперь еще пробѣгаетъ трепетъ по жиламъ, при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи; мука вовсе не вошла въ его составъ, онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжеле пуху, и видомъ похожей на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанной съ соломою". Записка подписана по-французски: par le citoyen Nicolas. Далѣе у него обнаружены: переводъ Мицкевичскаго стихотворенія: „Къ друзьямъ Россіи" (декабристамъ), копія письма Бѣлинскаго къ Гоголю, его дневникъ, гдѣ онъ высказываетъ враждебныя военному сословію мысли и пр.

Четвертый подсудимый, штабсъ-капитанъ л.-гв. Егерскаго полка Львовъ, 25 лѣтъ, воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и съ 1847 г. былъ назначенъ репетиторомъ химіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Пятый подсудимый, коллежскій совѣтникъ Дебу 1-й, 38 лѣтъ, былъ по происхожденію дворяниномъ и воспитывался въ институтѣ корпуса путей сообщенія.

Шестой подсудимый, поручикъ л.-гв. Конногренадерскаго полка Григорьевъ, 27 лѣтъ, былъ питомцемъ Пажескаго корпуса, откуда былъ выпущенъ въ Сибирскій уланскій полкъ; въ 1844 г. онъ былъ переведенъ въ гвардію.

Въ бумагахъ Григорьева было найдено сочиненіе „Солдатская бесѣда" возмутительнаго содержанія.

Относительно своего сочиненія Григорьевъ показалъ, что оно было имъ написано „во время болѣзненнаго припадка желчи, по неудовольствію на иноземцевъ, на ихъ вліяніе и обиды полковаго на-

чальника"; первая же часть сочиненія „вылилась отъ негодованія на развратныхъ помѣщиковъ и вслѣдствіе жалости къ отставнымъ солдатамъ".

Седьмой подсудимый, Тимковскій, 34 лѣтъ, воспитывался въ С.-Петербургскомъ университетѣ и институтѣ восточной словесности, служилъ сперва во флотѣ, а затѣмъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ ярый фурьеристъ, готовый проповѣдывать это ученіе, по его словамъ, „на крышахъ и на перекресткахъ", но отрицавшій цѣлесообразность бунтовъ и кровавыхъ политическихъ переворотовъ.

Восьмой подсудимый, Ястржембскій, 34 лѣтъ, дворянинъ по происхожденію, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Къ своимъ общимъ соціальнымъ воззрѣніямъ онъ примѣшивалъ польскій вопросъ, являясь въ душѣ полякомъ; онъ говорилъ, что „за свободу Польши позволитъ выпустить себѣ всю кровь по каплѣ"; однако, если бы онъ былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вредна развитію общечеловѣческой идеи, то первый бы однимъ взмахомъ топора отрубилъ ей голову".

Девятый подсудимый, учитель Толь, 26 лѣтъ, воспитывался въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ бумагахъ Толя были найдены переводъ лекцій Бидермана о соціализмѣ и историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ.

Десятый подсудимый, титулярный совѣтникъ Головинскій, 20 лѣтъ, сынъ генералъ-маіора, воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія. Присутствуя на собраніяхъ у Петрашевскаго, Головинскій, между прочимъ, говорилъ, что „болѣе прочихъ противится освобожденію крестьянъ графъ Панинъ"; самъ же онъ горячо возставалъ противъ крѣпостнаго права.

Одиннадцатый подсудимый, титулярный совѣтникъ Кашкинъ, 20 лѣтъ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ. У него также были сборы фурьеристовъ, но самъ онъ смотрѣлъ на это ученіе, какъ на „безвредную экономическую систему".

Двѣнадцатый подсудимый, кандидатъ Ахшарумовъ, 26 лѣтъ, окончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета. Онъ, на обѣдѣ въ честь Фурье, читалъ рѣчь собственнаго сочиненія. „Сегодня, господа—такъ начиналась рѣчь—мы даемъ обѣдъ въ честь мыслей и чувствъ истины, которыя соединяютъ насъ, поглощая всѣ личности". „Жизнь, какова она теперь, тяжела, гадка, не представляется согласною съ природой—говорилъ Ахшарумовъ—мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ; тамъ, за столицей, ползутъ города, единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ, апогея ихъ величія недо-

сягаемаго сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица; а еще пониже, десятки милліоновъ работниковъ цѣлый день лѣтомъ на солнцѣ и дождѣ возятся съ землей".

Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ Ахшарумовъ являлся противникомъ соединенія людей въ государства.

Тринадцатый подсудимый, Ханыковъ, 23 лѣтъ, былъ приватнымъ слушателемъ университета. Онъ также произнесъ рѣчь на обѣдѣ въ честь Фурье.

Четырнадцатый подсудимый, коллежскій секретарь Европеусъ, 22 лѣтъ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ.

Пятнадцатый подсудимый, коллежскій секретарь Дебу 2-й, 25 лѣтъ, воспитывался въ с.-петербургскомъ университетѣ.

Шестнадцатый подсудимый, отставной коллежскій ассесоръ Дуровъ, 33 лѣтъ, воспитывался въ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ, служилъ ранѣе въ государственномъ коммерческомъ банкѣ, а затѣмъ въ канцеляріи морскаго министерства. Бывая у Петрашевскаго, Дуровъ въ свою очередь устраивалъ собранія фурьеристовъ у себя на дому.

Семнадцатый подсудимый, поручикъ л.-гв. Егерскаго полка Пальмъ, 26 лѣтъ, воспитывался въ Дворянскомъ полку, откуда былъ выпущенъ фельдфебелемъ.

Восемнадцатый подсудимый, студентъ С.-Петербургскаго университета Филипповъ, только 23 лѣтъ отъ роду.

Девятнадцатымъ по счету подсудимымъ былъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Въ то время Достоевскому было 27 лѣтъ. По донесенію агента Антонелли, Достоевскій былъ на собраніяхъ у Петрашевскаго 1-го и 15-го апрѣля; на послѣднемъ собраніи онъ читалъ переписку Гоголя съ Бѣлинскимъ. При первоначальныхъ допросахъ, Достоевскій показалъ, что онъ никогда не былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ Петрашевскимъ, посѣщая однако его собранія. У него онъ говорилъ три рѣчи, двѣ изъ нихъ—о литературѣ и одну—„о личности и человѣческомъ эгоизмѣ", и не помнитъ, чтобы было въ словахъ его „что-нибудь политическое и вольнодумное". Если же—по словамъ Достоевскаго—желать лучшаго есть либерализмъ, то въ этомъ смыслѣ онъ, Достоевскій, можетъ быть названъ вольнодумцемъ. Ему, Достоевскому, было грустно, что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительства и принимается разбирать его рукопись уже съ очевиднымъ предъубѣжденіемъ. Признаваясь, что онъ читалъ переписку Гоголя съ Бѣлинскимъ, онъ удостовѣрялъ, что „не только въ сужденіяхъ его, но даже въ интонаціи голоса, или жестѣ, во время чтенія не было ничего способнаго вы-

казать пристрастіе къ которому-либо изъ переписывавшихся". Письмо Бѣлинскаго, по мнѣнію Достоевскаго, написано слишкомъ странно, чтобы возбудить къ себѣ сочувствіе, оно наполнено ругательствами, написано желчно и потому отвращаетъ сердце; читалъ же онъ его, какъ замѣчательнѣйшій литературный памятникъ.

Двадцатый подсудимый, дворянинъ Плещеевъ, имѣлъ въ то время 23 года отъ роду. Бывая у Петрашевскаго, Плещеевъ и у себя собиралъ людей свободнаго образа мыслей. Здѣсь онъ читалъ рѣчь Феликса Піа изъ газеты La presse, а у Дурова онъ читалъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Въ бумагахъ Щелкова отыскалось письмо Плещеева къ Дурову изъ Москвы; въ этомъ письмѣ, между прочимъ, онъ характеризуетъ тогдашнихъ профессоровъ университета и особенно хвалитъ Грановскаго и Кудрявцева, какъ прекрасныхъ лекторовъ и имѣющихъ большое вліяніе на студентовъ; наоборотъ, какъ любимъ всѣми Грановскій, такъ, по словамъ Плещеева, ненавидимъ Шевыревъ, педантъ и низкопоклонникъ, другъ всѣхъ губернаторовъ, распоряжающійся маскарадами графа Закревскаго, у котораго онъ въ передней сидитъ вмѣсто конторщика и записываетъ, кто желаетъ участвовать".

Двадцать первый подсудимый, московскій мѣщанинъ Шапошниковъ, былъ 28 лѣтъ отъ роду.

Двадцать второй подсудимый, сынъ купца, Катеневъ, 19 лѣтъ, воспитывался въ коммерческомъ училищѣ и Ларинской гимназіи; во время слѣдствія онъ обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей и былъ помѣщенъ въ лѣчебное заведеніе.

Отставной подпоручикъ Черносвитовъ, двадцать третій по счету подсудимый, отзывавшійся съ восторгомъ о Сибири, мечталъ о выдѣленіи этой страны въ самостоятельное государство и о производствѣ тамъ бунта помощью уральскихъ рабочихъ.

Предметомъ обсужденія коммиссіи была также записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди, имѣвшаго наблюденіе за Петрашевскимъ. Въ этой запискѣ Липранди смотритъ крайне пессимистично на все дѣло, признавая, что сообщество Петрашевскаго было весьма многочисленнымъ, далеко превышая тѣхъ лицъ, кои были указаны агентомъ Антонелли, что сообщество, имѣя центръ въ Петербургѣ, располагало своими сочленами въ провинціи, которые являлись какъ бы миссіонерами; члены общества старались идти къ намѣченной ими цѣли путемъ, хотя и медленнымъ, но вѣрнымъ,— путемъ пропаганды; планъ кружка—были „планъ всеобъемлющій, общаго движенія, переворота и разрушенія"; составъ членовъ былъ весьма разнородный: тутъ были гвардейскіе офицеры, чиновники, студенты, даже мѣщане.

*

Разсмотрѣвъ записку Липранди, слѣдственная коммиссія отнеслась къ ней критически и журналомъ 31-го августа постановила, что съ мнѣніями этой записки коммиссія не могла согласиться.

Коммиссія, наоборотъ, признала, что организованнаго тайнаго общества не существовало и что лица, жившія въ провинціи, не являлись миссіонерами. Однако, коммиссія пришла къ заключенію, что „и открытаго уже совершенно достаточно, дабы обратить на себя вниманіе правительства". Поэтому она представила на высочайшее возрѣніе особую записку съ изложеніемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя могли бы способствовать устраненію возможности для появленія впредь подобныхъ общественныхъ движеній. Во-первыхъ, надлежало обратить особое вниманіе на „общественное обученіе, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія"; во-вторыхъ, нужно было усилить наблюденія за ввозомъ въ Россію иностранныхъ книгъ; въ-третьихъ, требовался „самый осмотрительный цензурный надзоръ надъ русской журналистикой, такъ какъ, по мнѣнію коммиссіи, „многіе выпущенные изъ высшихъ учебныхъ гражданскихъ заведеній молодые люди, недовольствуясь служебными окладами, для подкрѣпленія своихъ средствъ, обращались къ составленію журнальныхъ статей, а въ числѣ сихъ статей, при недостаткѣ бдительной цензуры, нерѣдко прорывались такія, коихъ направленіе явственно вредно и посредствомъ сего легкаго способа, зараженные уже вольнодумствомъ сочинители разливали ядъ свой во внутренность государства и въ умы, чуждые еще пагубныхъ шатаній"; наконецъ, коммиссія указывала на неотложность „возможно бдительнаго наблюденія со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ за сборищами и собраніями, дабы не могли изъ нихъ постепенно образоваться тѣ анархическіе союзы и клубы, которыхъ печальные плоды разрушили благоденствіе запада".

Генералъ-аудиторіатъ полагалъ всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ Черносвитова и Катенева, подвергнуть смертной казни чрезъ разстрѣляніе, Черносвитова—выслать въ Вятку, а Катенева—по выздоровленіи, вновь предать суду. Однако, генералъ-аудиторіатъ принялъ во вниманіе уменьшающія вину обстоятельства и полагалъ вышеуказанныя наказанія замѣнить болѣе легкими, приговоривъ Петрашевскаго—къ безсрочной каторгѣ, Григорьева и Момбелли—къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ, Спѣшнева—на 12 лѣтъ, Львова, Филиппова и Ахшарумова—на 12 лѣтъ, Ханыкова—на 10 лѣтъ, Достоевскаго, Дурова и Дебу 1—на 8 лѣтъ, Дебу 2, Толя и Ястржембскаго—на 4 года, Плещеева—къ ссылкѣ въ Сибирь, Кашкина—къ ссылкѣ въ г. Холмогоры, Головинскаго—къ написанію въ рядо-

вые, въ баталіоны Оренбургскаго корпуса, Пальма—къ переводу въ армію, Тимковскаго—къ высылкѣ въ Олонецъ, Европеуса—къ высылкѣ въ Вятку, Шапошникова—къ отдачѣ въ арестантскія роты на 6 лѣтъ и опредѣленію затѣмъ на службу въ отдаленныя войска.

По дѣлу состоялся высочайшій докладъ генералъ-аудиторіата, на который 19-го декабря 1849 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „быть по сему, но съ тѣми отмѣтками, которыя означены на выпискѣ“. Высочайшія же отмѣтки на выпискѣ, принесшія подсудимымъ облегченіе ихъ участи, гласили нижеслѣдующее: статьи о Петрашевскомъ, Григорьевѣ, Львовѣ, Головинскомъ и Пальмѣ были конфирмованы резолюціями—„быть по сему“; противъ статьи о Момбелли стояла помѣтка—„на десять лѣтъ“, о Филипповѣ и Ахшарумовѣ—„Филиппова и Ахшарумова на 4 года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые на Кавказъ“; Ханыкова—„рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны“; о Дуровѣ—„на четыре года, а потомъ рядовымъ“; о Достоевскомъ—„на четыре года, а потомъ рядовымъ“; о Дебу 1—„на четыре года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые“; о Дебу 2—„въ военные арестанты на два года, а потомъ рядовымъ“; о Ястржембскомъ и Толѣ—„Ястржембскаго на 6 лѣтъ и Толя на два года“ (здѣсь царская резолюція, увеличивъ Ястржембскому срокъ наказанія на 2 года, явилась суровѣе генералъ-аудиторіатскаго заключенія); о Плещеевѣ—„рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны“; о Кашкинѣ—„рядовымъ въ Кавказскіе линейные баталіоны“; о Тимковскомъ и Европеусѣ—„Тимковскаго на шесть лѣтъ въ арестантскія роты, а Европеуса—рядовымъ въ Кавказскіе линейные баталіоны“; наконецъ, о Шапошниковѣ—„рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны“.

Нѣкоторыя царскія резолюціи, въ виду ихъ неполноты, вызвали необходимость новаго доклада генералъ-аудиторіата отъ 20 декабря. Генералъ-аудиторіатъ спрашивалъ высочайшихъ указаній на то, слѣдуетъ ли считать Европеуса приговореннымъ къ лишенію дворянства и нужно ли Пальма, какъ приговореннаго лишь къ переводу въ армію, и Черносвитова выводить на Семеновскій плацъ для выслушанія приговора. Сомнѣнія генералъ-аудиторіата разрѣшились резолюціею отъ 20 декабря: „Европеуса безъ лишенія дворянства; Пальма выводить тоже на площадь и тамъ объявить прощеніе; Черносвитова отправить прямо въ крѣпость съ фельдъегеремъ въ Кексгольмъ“.

Михаилъ Соколовскій.

Объ увольненіи императоромъ Николаемъ I въ отставку сенаторовъ, рѣдко посѣщавшихъ собранія Сената.

Сенатъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ Петромъ Великимъ для управленія во время отлучекъ государя. Положеніе Сената, какъ временнаго замѣстителя высшей власти, было очень значительно. Въ сенаторы назначались люди опытные, дѣльные и къ труду способные. Затѣмъ въ послѣдующія царствованія, Сенату пришлось дѣлить власть съ учрежденіями, болѣе близко стоявшими у монаршаго престола, какъ Верховный тайный совѣтъ, Кабинетъ министровъ, Государственный Совѣтъ, а съ теченіемъ времени власть эта еще болѣе умалилась. Теперь, по повелѣнію государя императора отъ 17 января 1905 г., поднятъ вопросъ о пересмотрѣ существующаго положенія этого высокаго государственнаго учрежденія. Само собою разумѣется, что во время его упадка въ сенаторы стали попадать хотя и опытные и не мало принесшіе пользы родинѣ люди, но не рѣдко, по преклонному возрасту, подверженные болѣзнямъ и утратившіе большую долю прежнихъ силъ и энергіи и занятые, кромѣ того, другими обязанностями. Императоръ Николай Павловичъ, желая сократить излишніе расходы государства и, вслѣдствіе сего, обратившій вниманіе на положеніе существовавшихъ въ Имперіи учрежденій, не обошелъ и Сената. 11 декабря 1846 года министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ получилъ отъ его императорскаго величества собственноручное повелѣніе:

„Озабочиваясь очищеніемъ списковъ служащихъ по военной части, но не несущихъ должностныхъ обязанностей, и потому безполезныхъ, нахожу справедливымъ то же сдѣлать и по гражданскому вѣдомству, начавъ съ Сената; прошу мнѣ прислать списокъ однимъ тѣмъ сенаторамъ, которые службы не несутъ, въ Сенатъ не ѣздятъ и потому безполезны—съ отмѣткой, что каждый нынѣ получаетъ содержанія, и что ему слѣдуетъ въ пенсіонъ по уставу“.

12 декабря графъ Панинъ вошелъ къ государю съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ:

„Въ исполненіе высочайшей вашего императорскаго величества воли, имѣю счастіе представить списокъ тѣмъ сенаторамъ, которые, по болѣзненному состоянію или по занятіямъ въ другомъ вѣдомствѣ, часто не присутствуютъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

„Къ числу послѣднихъ принадлежатъ преимущественно тѣ, кои состоятъ въ званіи почетныхъ опекуновъ, и потому я вмѣняю себѣ въ обязанность обратить вниманіе вашего величества на сіе обстоятельство, полагая, что государыня императрица встрѣтила бы нѣкоторое затрудненіе въ замѣщеніи должностей, возлагаемыхъ на почетныхъ опекуновъ, если бы занятія ихъ признаны были несовмѣстными съ исполненіемъ обязанностей по Сенату. Впрочемъ, если на то послѣдуетъ высочайшее соизволеніе, то я полагалъ бы войти въ сношеніе въ статсъ-секретаремъ Гофманомъ о средствахъ къ соглашенію на будущее время занятій означенныхъ лицъ по Сенату и опекунскому совѣту.

„Относительно увольненія отъ службы съ пенсіонными окладами на будущее время всѣхъ тѣхъ сенаторовъ, кои, по болѣзненному состоянію или по преклонности лѣтъ, не въ состояніи исполнять обязанности свои наравнѣ съ младшими и менѣе заслуженными сенаторами, считаю долгомъ повергнуть въ милостивое благоусмотрѣніе вашего величества, что могутъ представиться случаи, въ коихъ обыкновенный пенсіонный окладъ будетъ совершенно недостаточенъ къ удовлетворенію самыхъ неприхотливыхъ потребностей заслуженнаго старца съ многочисленнымъ семействомъ. На сіи лишь случаи осмѣливаюсь испрашивать разрѣшенія ходатайствовать о включеніи нѣкоторыхъ сенаторовъ, согласно послѣдовавшему уже на сей предметъ въ прежнее время разрѣшенію вашего величества, въ число не присутствующихъ сенаторовъ, съ сохраненіемъ окладовъ.

„Къ сему ходатайству я побуждаюсь еще слѣдующими причинами. Вашему величеству извѣстно, что я исполнилъ въ точности волю вашу о неувеличеніи издержекъ безъ необходимости, и вообще издержки на содержаніе сенаторовъ, назначаемыхъ по моему представленію, не увеличивались, потому что въ департаментахъ состояло только необходимое число присутствующихъ. Симъ правиламъ можно дать еще болѣе твердости, постановивъ негласнымъ образомъ, что въ департаментахъ должно быть не болѣе четырехъ сенаторовъ, когда ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ постороннихъ занятій въ другомъ вѣдомствѣ, и пяти—въ семъ послѣднемъ случаѣ, не включая въ сіе число назначаемыхъ на производство ревизій или на исполненіе другихъ порученій. Но при семъ положительномъ ограниченіи числа сенаторовъ, необходимо, на случай болѣзни или другихъ обстоятельствъ, имѣть возможность пригласить къ присутствію тѣхъ, кои,

въ небольшомъ числѣ, будутъ отъ онаго освобождены. При сохраненіи же симъ послѣднимъ окладовъ жалованья, полагаю принять въ уваженіе время ихъ службы, преклонность ихъ лѣтъ, состояніе ихъ здоровья, семейное или безсемейное ихъ положеніе и, въ особенности, незначительность или неимѣніе собственнаго состоянія.

„Сверхъ того, имѣя въ виду необходимости сокращенія издержекъ, я полагалъ бы также постановить негласнымъ образомъ, что съ наступающаго года никакой сенаторъ, какую бы онъ ни занималъ прежде того должность и какіе бы онъ ни получалъ по оной оклады, не долженъ получать болѣе шести тысячъ рублей серебромъ въ годъ, дабы такимъ образомъ пресѣчь домогательства о сохраненіи высшихъ окладовъ, коихъ, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, отвергать я былъ не въ правѣ, и сокративъ нѣкоторыя излишнія издержки, оставить однакожъ достаточныя средства къ существованію тѣмъ, кои, по исполненіи важныхъ обязанностей генералъ-губернаторовъ и начальниковъ губерній, или послѣ многолѣтняго и труднаго управленія департаментомъ, несутъ полезную службу въ званіи сенаторовъ.

„Повергая сіи предположенія во всемилостивѣйшее воззрѣніе вашего величества, я буду ожидать повелѣній вашихъ объ увольненіи тѣхъ сенаторовъ, коихъ угодно будетъ вамъ назначить въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, донося, что впереди помѣщены тѣ, кои рѣже являются къ должности. Если о состоящихъ въ различныхъ вѣдомствахъ не послѣдуетъ повелѣнія, то я полагалъ бы въ указъ объ увольненіи прочихъ включить, что они „по болѣзненному состоянію всемилостивѣйше уволены отъ присутствія въ Правительствующемъ Сенатѣ“, предоставляя имъ самимъ просить объ увольненіи отъ службы и о назначеніи пенсіи“.

Въ приложенномъ къ представленію спискѣ были показаны сенаторы: тайн. сов. Меркуловъ, генер.-лейт. Броневскій, президентъ комитета о просящихъ милостыни и членъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, тайн. сов. Нечаевъ, членъ военнаго совѣта, генер.-лейт. Михайловскій-Данилевскій, почетный опекунъ С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта и управляющій экспедиціею ссудной казны, тайн. сов. графъ Апраксинъ, оберъ-гофмейстеръ, дѣйств. камергеръ, членъ Госуд. Совѣта и президентъ Московской дворцовой конторы князь Урусовъ и тайн. сов. Даниловъ.

Отвѣтомъ на это представленіе было новое собственноручное, отъ 18 декабря 1846 г., повелѣніе графу Панину:

„По запискѣ вашей полагаю на-дняхъ съ вами лично переговорить. Въ спискѣ сенаторовъ, что вы прислали, не пояснено получаемое ими нынѣ содержаніе, заготовьте подобный списокъ, но не

однимъ этимъ, а всѣмъ сенаторамъ. Полагаю, что найдутся еще многіе, которыхъ дальнѣйшее сохраненіе въ службѣ безъ пользы. Я отнюдь не намѣренъ ихъ бросить въ нищету, но уваживъ лѣта службы и достоинство тѣхъ, коихъ уволить рѣшу, опредѣлю имъ пенсіоны по собственному усмотрѣнію, не придерживаясь устава. О прочемъ переговоримъ при свиданіи".

Требуемый его величествомъ списокъ былъ представленъ, при чемъ въ особой графѣ было показано и число дней, которые тотъ или другой сенаторъ къ присутствованію въ Сенатѣ по разнымъ причинамъ не пріѣзжалъ. Вмѣстѣ съ симъ графъ Панинъ вошелъ къ государю съ представленіемъ о выработанныхъ имъ правилахъ увольненія сенаторовъ.

Правила эти заключались въ слѣдующемъ:

„1) Не увольнять сенаторовъ въ званіе неприсутствующихъ съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ окладовъ, по служенію въ Сенатѣ имъ присвоенныхъ, если они не занимаютъ какой-либо другой должности по особому высочайшему назначенію.

2) Состоящихъ въ семъ званіи неприсутствующихъ сенаторовъ, съ сохраненіемъ прежнихъ окладовъ, или съ производствомъ какого-либо другаго содержанія, и не исправляющихъ какой-либо другой обязянности, а равно и сенаторовъ, присутствующихъ въ одномъ общемъ собраніи, уволить отъ службы, предоставивъ имъ самимъ подать о томъ прошенія, но если они отъ того будутъ уклоняться, то сдѣлать распоряженіе объ увольненіи ихъ по преклоннымъ лѣтамъ или болѣзненному состоянію.

3) Сенаторамъ, увольняемымъ отъ службы по собственному прошенію, или по особому распоряженію, назначать пенсіи по уставу, если они состояли въ званіи сенатора менѣе пятнадцати лѣтъ.

Тѣмъ же изъ нихъ, кои состояли въ званіи сенатора болѣе 15 лѣтъ, назначать пенсіи по особому ходатайству, повергнутому въ непосредственное благоусмотрѣніе его величества, принявъ главнымъ къ тому основаніемъ время службы въ званіи сенатора.

4) Вѣдомости о присутствованіи сенаторовъ представлять его величества дважды въ годъ, сперва до наступленія вакантнаго времени, а потомъ въ концѣ года, вмѣстѣ съ росписаніемъ сенаторовъ на слѣдующій годъ, которое повергнуто уже будетъ на непосредственное усмотрѣніе его величества, вмѣстѣ съ донесеніемъ о тѣхъ сенаторахъ, кои по преклонности лѣтъ или по болѣзненному состоянію, не могутъ исполнять съ надлежащимъ раченіемъ всѣхъ обязанностей своего званія.

5) Число сенаторовъ въ департаментахъ ограничить четырьмя, когда ни одинъ изъ нихъ не служитъ въ другомъ вѣдомствѣ или не

имѣетъ другихъ обязанностей, или пятью въ семъ послѣднемъ случаѣ. Умноженіе числа сенаторовъ противъ означеннаго можетъ быть допущено только въ случаѣ увольненія ихъ отъ присутствія, по откомандировкѣ, по долговременной, но не хронической болѣзни, или по увольненію въ продолжительные отпуски свыше 4-хъ мѣсяцевъ съ высочайшаго соизволенія.

6) При назначеніи содержанія сенаторамъ, получавшимъ въ прежнемъ званіи или въ прежней должности болѣе 4 тыс. руб., никогда не превышать размѣра 6 тыс. руб. с., исключивъ излишки противъ сего высшаго оклада.

7) Изъ смѣты министерства юстиціи исключить тѣ оклады, кои производятся сенаторамъ, служащимъ въ другихъ вѣдомствахъ и не присутствующимъ въ департаментахъ Правительствующаго Сената, включивъ сіи статьи, по надлежащемъ сношеніи съ другими вѣдомствами и министромъ финансовъ, въ смѣты главныхъ управленій или высшихъ государственныхъ установленій, въ коихъ присутствуютъ лица, которымъ производятся сіи оклады".

Представленіе свое гр. Панинъ заключилъ словами:

„Въ сихъ правилахъ заключаются, какъ я смѣю думать, всѣ предметы, разрѣшенные Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и я не премину, по увольненію отъ службы сенаторовъ Меркулова и Броневскаго, представить на Всемилостивѣйшее утвержденіе росписаніе на будущій годъ, не ожидая послѣдствій сношенія съ сенаторами неприсутствующими и съ намѣстникомъ Кавказскимъ относительно князя Эристова, дабы не замедлить распредѣленія, соотвѣтственнаго ограниченію числа присутствующихъ сенаторовъ. Изустныя мои объясненія съ нѣкоторыми изъ нихъ будутъ соотвѣтствовать волѣ Вашего Величества, и я надѣюсь, что многіе изъ тѣхъ, кои въ семъ случаѣ испытаютъ милостивое Ваше снисхожденіе къ ихъ лѣтамъ или недугамъ, оправдаютъ впослѣдствіи усердіемъ и трудами вниманіе Вашего Величества къ прежнимъ ихъ заслугамъ".

Государь императоръ правила эти утвердилъ, съ условіемъ, чтобы имъ не было дано гласности; по отношенію же къ Варшавскому Сенату велѣлъ предварительно послать ихъ на заключеніе къ генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ прямо его императорскому величеству свои соображенія, какъ примѣнить сіи правила къ варшавскимъ департаментамъ.

Сообразивъ сіи правила съ мѣстными положеніями, князь Варшавскій сообщилъ министру юстиціи: „что 1 и 4 пунктъ оныхъ могутъ быть вполнѣ примѣнены къ варшавскимъ департаментамъ Правительс. Сената. Изъ 2 пункта слѣдуетъ выключить сенаторовъ, присутствующихъ въ одномъ общемъ собраніи: ибо по учрежденію Сената

въ Царствѣ Польскомъ въ тамошнемъ общемъ собраніи полагаются для присутствія отдѣльные сенаторы въ числѣ 7, кромѣ предсѣдателя. 3, 6 и 7 пункты вовсе не могутъ быть примѣнены къ варшавскимъ департаментамъ Прав. Сената: ибо тамъ существуетъ особое положеніе о пенсіяхъ, которому подлежатъ и сенаторы, а также штаты, которыми опредѣлены постоянные оклады для сенаторовъ и членовъ Сената; наконецъ, 5-й пунктъ долженъ подлежать измѣненію сообразно съ учрежденіемъ варшавскихъ департаментовъ Сената, которымъ, для непремѣннаго комплекта, въ общемъ собраніи, положены предсѣдатель и 7 сенаторовъ, а въ департаментахъ и отдѣленіяхъ по одному первоприсутствующему и 4-ти сенаторовъ или членовъ Сената".

Не считая себя въ правѣ, за состоявшимся повелѣніемъ, лично входить съ докладомъ по этому предмету къ государю, графъ Панинъ увѣдомилъ объ этомъ князя Варшавскаго, при чемъ добавилъ, что, съ своей стороны, не встрѣчаетъ препятствій къ приведенію предположеній князя въ исполненіе.

Были ли примѣнены предполагаемыя мѣры въ Варшавскомъ Сенатѣ, и къ кому именно изъ сенаторовъ, намъ неизвѣстно, но С.-Петербургскимъ же и Московскимъ департаментамъ Правительствующаго Сената мѣру, указанную государемъ императоромъ, предположено было примѣнить къ сенаторамъ: Меркулову, Броневскому, Болгарскому, Мордвинову, Батюшкову, Муравьеву-Апостолу, Огареву, Писареву, Протасову, Бологовскому, князю Голицыну и князю Эристову.

Когда означеннымъ сенаторамъ сдѣлалось извѣстнымъ предположеніе уволить ихъ отставку, то нѣкоторые сами вошли въ переписку съ министромъ, другимъ же пришлось получить отъ всесильнаго въ то время министра юстиціи гр. Панина письменныя предложенія о подачѣ прошеній объ увольненіи отъ службы. Такъ, 20 декабря 1846 г. сенаторъ Броневскій писалъ графу Панину:

„Несчастное свойство моей болѣзни, упорно продолжаясь, дѣлаетъ меня неспособнымъ исполнять служебныя обязанности. Имѣю честь представить вашему сіятельству всеподданнѣйшую мою просьбу, для поднесенія Государю Императору, о увольненіи меня отъ службы. Всепокорнѣйше испрашиваю у васъ, милостивый государь, благосклоннаго предстательства о назначеніи мнѣ пристойнаго содержанія за 43-лѣтнюю службу, по причинамъ бѣднаго моего состоянія.

„Испытанныя возвышенность чувствъ и правота вашего сіятельства оставляютъ мнѣ лучъ надежды, что вы не лишите меня покровительства при горькой разлукѣ моей съ службою, которую любилъ выше всего на свѣтѣ и которой пожертвовано невозвратно все, что человѣкъ имѣетъ драгоцѣннаго.

„Во всякомъ случаѣ, я по благодушію вашему увѣренъ, что от-

ставка послѣдуетъ въ такомъ только случаѣ, если не представится никакой возможности отсрочить мнѣ время, на годъ, для излѣченія, которое продолжается дѣятельно и не безъ видимаго успѣха, оставя меня въ настоящемъ положеніи".

По докладѣ государю просьбы Броневскаго, его величество, указомъ, даннымъ Правит. Сенату 1 января 1847 г., высочайше повелѣлъ Броневскаго отъ службы, за болѣзнію, по прошенію, уволить. Того же 1 января 1847 г. военный министръ князь Чернышевъ сообщилъ графу Панину, что государь императоръ, обративъ всемилостивѣйшее вниманіе на 43-лѣтнюю службу сенатора Броневскаго и на заслуги, оказанныя имъ въ продолженіе 29-лѣтняго служенія въ Сибири, особенно по образованію Сибирскаго линейнаго казачьяго войска и по устройству киргизовъ средней орды,—всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему пенсію, не въ примѣръ другимъ, по три тысячи рублей серебромъ въ годъ".

25 декабря того же 1846 г. графъ Панинъ получилъ отъ сенатора Меркулова письмо:

„Г. оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената 8-го департамента,—получа отношеніе г. директора вашей канцеляріи, объявилъ мнѣ лично, что на увольненіе меня отъ присутствія съ получаемыми мною окладами Высочайшей воли не послѣдовало, а вмѣстѣ съ симъ дано мнѣ знать, что я объ увольненіи совершенно отъ службы къ 30 декабря сего года могу прислать прошеніе, и вы, ваше сіятельство, обѣщаете ходатайствовавать у Монарха объ увеличеніи мнѣ пенсіона. Вполнѣ чувствую благосклонность вашего сіятельства и съ должнымъ уваженіемъ приношу мою благодарность, но почитаю долгомъ и нынѣ повторить, что если я утруждалъ ваше сіятельство просьбою, то единственно потому, что положительно не имѣю такого состоянія, чтобы содержать себя и семейство, лишась получаемыхъ окладовъ.

Въ будущемъ 1847 г. я долженъ получить знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ. Несмотря на преклонность лѣтъ моихъ и на разстроенное здоровье, призывая Бога помощь, рѣшаюсь продолжать службу до конца моей жизни, поручая себя милостивому покровительству вашего сіятельства".

Въ виду такого отзыва Меркулова и неприсылки имъ до января просьбы объ увольненіи, гр. Панинъ 4 января 1847 г. сообщилъ оберъ-прокурору 8 д-та Сената Зубкову:

„Сенаторъ Меркуловъ написалъ мнѣ, что вы ему объявили отъ имени моего, что на увольненіе его въ неприсутствующіе сенаторы высочайшаго соизволенія не послѣдовало и что онъ можетъ прислать прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Къ сему Петръ Кирилловичъ присовокупилъ, что просьба его имѣла единственнымъ основа-

ніемъ неимѣніе достаточнаго состоянія для содержанія себя и семейства безъ получаемаго нынѣ оклада, и что онъ рѣшается служить до конца жизни. Въ предупрежденіе дальнѣйшихъ недоразумѣній, я нахожу необходимымъ войти, чрезъ ваше посредство, въ полное и откровенное объясненіе съ Петромъ Кирилловичемъ по всѣмъ симъ предметамъ. Дѣйствительно, вамъ поручено было, милостивый государь, вслѣдствіе распоряженія моего, предупредить сенатора Меркулова о томъ, что онъ, не занимая никакой другой должности, кромѣ сенаторской, не могъ быть включенъ въ число неприсутствующихъ, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ. Еще менѣе возможно, чтобы сенаторъ, неприсутствовавшій въ продолженіе 160 дней, считался на дѣйствительной службѣ и пользовался преимуществами, сопряженными съ исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей.

„Уважая лично Петра Кирилловича и прежнюю его службу, я находилъ, что было бы и приличнѣе и удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы онъ самъ просилъ, по разстроенному здоровью, увольненія отъ службы, и тогда полагалъ бы возможнымъ ходатайствовать о нѣкоторомъ увеличеніи слѣдующей ему по закону пенсіи, которая составляетъ токмо 381 руб. 15 коп. сер. Правительство не въ состояніи обезпечить содержанія всѣхъ лицъ, увольняемыхъ отъ службы, въ такомъ размѣрѣ, который бы соотвѣтствовалъ вполнѣ ожиданію, которое основано не на правѣ, а на собственномъ расчетѣ. Въ недавнее еще время жалованье гг. сенаторовъ на службѣ не превышало почти того размѣра, который назначенъ для производства пенсій, и потому увеличеніе сего послѣдняго не можетъ равняться возвышенію окладовъ, предназначенныхъ для служащихъ.

„Покорнѣйше прошу ваше превосходительство прочесть сіе письмо въ подлинникѣ Петру Кирилловичу, убѣждая его, по возможности, прислать, безъ потери времени, прошеніе, въ установленной формѣ, объ увольненіи отъ службы, или сообщить мнѣ рѣшительный отзывъ по сему предмету, оставивъ ему нѣсколько дней на представленіе онаго, дабы избѣгнуть, по возможности, весьма непріятной для меня необходимости представить государю императору объ увольненіи сенатора отъ службы, безъ его просьбы“.

На это письмо Зубковъ отвѣтилъ, что онъ былъ два раза у сенатора Меркулова, показывалъ ему письмо, и что сенаторъ объявилъ ему о намѣреніи непремѣнно отправить 14 января прошеніе о своемъ увольненіи.

20 января 1847 г. было, наконецъ, получено министромъ всеподданнѣйшее прошеніе Меркулова, при письмѣ къ графу Панину объ исходатайствованіи ему усиленной пенсіи, въ виду ограниченности его средствъ для поддержанія себя и семейства.

24 января 1847 г. статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ графу Панину, что государь императоръ, изъявивъ соизволеніе на увольненіе сенатора Меркулова, согласно прошенію его, по болѣзненному состоянію, вовсе отъ службы, всемилостивѣйше повелѣть изволилъ, во вниманіе къ долговременной и усердной его службѣ, производить ему въ пенсіонъ по 1.200 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Сенаторъ Болгарскій прислалъ министру юстиціи 27 декабря 1846 г. слѣдующее письмо:

„По порученію вашего сіятельства, былъ у меня 24 сего декабря г. вице-директоръ департамента министерства юстиціи, съ словеснымъ отъ вашего имени объявленіемъ, что, такъ какъ государю императору благоугодно, чтобы сенаторы, по росписанію неприсутствующіе въ Сенатѣ, равно и тѣ, которые, не принадлежа къ департаментамъ Сената, присутствуютъ только въ общемъ онаго собраніи, къ коему и я причисленъ, на будущее время размѣщены были по департаментамъ, или, по состоянію нездоровья, просили объ увольненіи ихъ отъ службы, то чтобъ и я сдѣлалъ отзывъ вашему сіятельству: могу ли я продолжать служеніе въ департаментѣ, или чувствую себя, по болѣзни, къ тому неспособнымъ. На это сдѣлавъ короткій отзывъ вице-директору, имѣю честь относительно сего объясниться предъ вами, милостивый государь, подробнѣе.

„Хотя исполнилось мнѣ 78 лѣтъ, въ томъ числѣ 60 лѣтъ моему служенію престолу и отечеству и хотя раны и убои, назадъ тому 52 года полученные мною въ дѣлѣ противъ варшавскихъ мятежниковъ, съ претерпѣніемъ семимѣсячнаго въ рукахъ ихъ тяжкаго плѣна, много сдѣлали вреднаго вліянія на мое здоровье, особенно на зрѣніе и слухъ, но не ослабили душевныхъ моихъ способностей и рвенія къ службѣ. Сіе доказывается моимъ послѣ того участіемъ въ Персидскомъ походѣ, служеніемъ на Кавказѣ и тѣмъ, по переходѣ моемъ изъ военной службы въ гражданскую, что былъ я 4 года губернаторомъ и 23 года присутствую въ Правительствующемъ Сенатѣ, находившись и первоприсутствовавшимъ во временномъ общемъ собраніи до самаго закрытія его. Кромѣ того, по высочайшей волѣ въ бозѣ почивающаго государя императора, подтвержденной и его императорскимъ величествомъ государемъ, благополучно царствующимъ, 17 лѣтъ провелъ я въ общемъ служеніи съ военнымъ министромъ въ Донскомъ комитетѣ; болѣе 10 лѣтъ находился предсѣдателемъ медицинскаго совѣта, два года ревизоромъ бывшаго при министерствѣ финансовъ департамента госуд. имуществъ и за успѣшныя дѣйствія по всѣмъ симъ назначеніямъ многократно удостоенъ былъ лестныхъ знаковъ особеннаго монаршаго благоволенія и милостей.

„Все же сіе свидѣтельствуетъ, что, несмотря на раны мои и склоненіе къ старости, я не переставалъ быть дѣятельнымъ и существенно полезнымъ для службы.

„Въ настоящее время, хотя образовавшійся на глазахъ моихъ катарактъ оказывается чѣмъ далѣе, тѣмъ примѣтнѣе, но врачующій меня медикъ, признавая сіе знакомъ близкаго созрѣнія его, тѣмъ болѣе надѣется счастливо окончить операцію и не позже слѣдующаго лѣта возвратить мнѣ полное зрѣніе. Посему, если то возможно, я всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство о исходатайствованіи мнѣ предъ милосерднымъ монархомъ той только милости, чтобы съ причисленіемъ меня къ которому-либо изъ департаментовъ Сената, могъ я быть до лѣта свободенъ отъ присутствія въ общемъ собраніи, имѣя въ предметѣ употребить это время для окончательнаго пользованія себя“.

Получивъ такое сообщеніе, графъ Панинъ поѣхалъ къ Болгарскому для личныхъ переговоровъ, послѣдствіемъ которыхъ было другое письмо послѣдняго, отъ 5 января 1847 года:

„Послѣ того посѣщенія, которымъ ваше сіятельство вчера изволили меня почтить, я тотчасъ занялся обсужденіемъ моей жизни, моей службы и моихъ ранъ, и соображеніемъ сего съ тѣмъ по отношенію къ службѣ состояніемъ, въ какое благоугодно его императорскому величеству поставить сенаторовъ на будущее время, и, наконецъ, убѣдился, что дѣйствительно не по силамъ своимъ я брался въ точности исполнять всѣ ихъ обязанности; а потому спѣшу увѣдомить васъ, милостивый государь, что я отступаю отъ прежней мысли и совершенно покоряюсь судьбѣ, будучи въ полномъ упованіи, что при вашемъ свидѣтельствѣ предъ милосерднымъ монархомъ, 60-ти-лѣтнія мои заслуги и необезпеченная 78-ми-лѣтняя старость моя, со всемилостивѣйшимъ увольненіемъ меня отъ службы, не будутъ оставлены безъ отеческаго вниманія“.

Вслѣдъ затѣмъ Болгарскій подалъ на высочайшее имя двѣ просьбы: одну—объ увольненіи его отъ службы, другую,—въ коей дополнилъ перечень своихъ служебныхъ заслугъ, о которыхъ забылъ упомянуть въ первомъ своемъ прошеніи.

Въ докладѣ государю по поводу этихъ просьбъ гр. Панинъ, между прочимъ, объяснивъ, что сенаторъ Болгарскій женатъ, имѣетъ сына, служащаго въ С.-Петербургскомъ уланскомъ полку корнетомъ, и 79 душъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, и что пенсія ему, по уставу, должна производиться въ размѣрѣ 1.143 руб. 60 к. сер.,—ходатайствовалъ о назначеніи послѣдней въ количествѣ 2.000 руб. сер. въ годъ.

Государь императоръ повелѣлъ производить Болгарскому въ пенсіонъ по 2.000 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Сенаторъ Мордвиновъ, посылая министру юстиціи прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи отъ службы, просилъ министра, „исходатайствовать полное при отставкѣ содержаніе, по бывшимъ примѣрамъ его товарищей".

Представляя государю прошеніе Мордвинова, графъ Панинъ въ докладѣ своемъ его величеству, между прочимъ, изложилъ:

„Тайн. сов. Мордвиновъ состоитъ въ службѣ съ 1781 г., болѣе 50 лѣтъ, въ званіи сенатора находится съ 6 декабря 1.826 г.,— 20 лѣтъ. Полный окладъ его содержанія, безъ вычета, составляетъ 3.000 р. сер. Кромѣ того, онъ получаетъ арендныя деньги 1.388 р. сер., срокъ производства коихъ оканчивается въ настоящемъ году, 12 апрѣля, холостъ; имѣнія родоваго за нимъ считается 49 душъ; находясь въ военной службѣ, былъ въ 1812 г. въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ октября 6, 7 и 8 числъ при взятіи города Полоцка, гдѣ лишился правой ноги. По уставу о пенсіяхъ, тайный совѣтникъ Мордвиновъ, за свыше 35-лѣтнюю службу, имѣетъ право на полученіе при отставкѣ полнаго пенсіона, составляющаго 1.143 р. 60 к. с.

„Принимая во вниманіе, что г. Мордвиновъ находится въ званіи сенатора 20 лѣтъ, я полагалъ бы соотвѣтственно предположеніямъ, кои имѣлъ счастіе повергать на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе, возможнымъ назначить г. Мордвинову пенсію по 2.000 р. с. изъ государственнаго казначейства".

Уволивъ Мордвинова отъ службы, указомъ Правительствующему Сенату отъ 5 января 1847 г., государь императоръ назначилъ ему пенсію, согласно представленію министра юстиціи, и, сверхъ того, во уваженіе тяжелой его раны, дополнительную, изъ инвалиднаго капитала, въ 858 руб. сер. въ годъ, со дня увольненія въ отставку.

9 января 1847 г. было получено всеподданнѣйшее прошеніе сенатора Батюшкова, въ которомъ онъ, сознавая себя не въ силахъ исполнять обязанности, съ званіемъ сенатора сопряженныя, просилъ государя обратить вниманіе на 57-лѣтнюю его службу и уволить отъ службы съ пенсіею въ размѣрѣ получавшагося имъ содержанія.

Государь императоръ, изъявивъ соизволеніе на увольненіе его, согласно прошенію, за слабостію здоровья, вовсе отъ службы, повелѣлъ, во вниманіе къ долговременной и усердной его службѣ, производить ему въ пенсіонъ по 2.500 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Къ сенаторамъ Муравьеву-Апостолу и Огареву министру пришлось обратиться съ письменными предложеніями о подачѣ прошеній объ отставкѣ. Муравьеву-Апостолу графъ Панинъ писалъ:

„Милостивый государь Иванъ Матвѣевичъ.

„По случаю нѣкоторыхъ преобразованій въ устройствѣ граждан-

ской службы, государю императору благоугодно было изъявить волю о неоставленіи въ званіи неприсутствующихъ сенаторовъ тѣхъ, кои въ дѣйствительной службѣ не состоятъ, и представить мнѣ войти съ ними по сему предмету въ сношеніе. Вслѣдствіе того, я полагаю, милостивый государь, что вамъ пріятно будетъ имѣть достовѣрную справку о томъ размѣрѣ пенсіи, на которую вы имѣете право по закону, и если при подачѣ прошенія объ увольненіи васъ отъ службы вы пожелаете ходатайствовать о сохраненіи полнаго количества или части тѣхъ окладовъ, которые вамъ нынѣ производятся, то я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность оказать вамъ въ семъ случаѣ все возможное содѣйствіе, хотя за успѣхъ я поручиться не могу. Сверхъ того, если вы желаете сохранить въ отставкѣ мундиръ, то я просилъ бы васъ, милостивый государь, и объ этомъ ко мнѣ отнестись. Прилагая у сего справку о пенсіяхъ, я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ увѣрить васъ, м. г., въ тѣхъ чувствахъ истиннаго почтенія, которыя я привыкъ питать къ вамъ съ молодыхъ лѣтъ и которыя раздѣляются всѣми тѣми, кои имѣли честь находиться съ вами въ какихъ-либо сношеніяхъ. Не излишнимъ считаю присовокупить, что мѣра, о которой я имѣлъ честь вамъ сообщить, есть общая и приведена уже въ исполненіе въ отношеніи къ тѣмъ сенаторамъ, кои находились въ одинаковомъ съ вами, м. г., положеніи".

Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ, по полученіи извѣщенія министра, просилъ государя императора, чрезъ посредство графа А. Ѳ. Орлова, о высочайшемъ соизволеніи на продолженіе службы своей въ Московскомъ Сенатѣ, но, получивъ въ этомъ отказъ, 16 апрѣля 1847 г. послалъ на высочайшее имя прошеніе о своемъ увольненіи и о назначеніи ему, за свыше 50-ти лѣтнюю службу пенсіи, сверхъ тѣхъ пожалованій, которыми онъ уже пользовался отъ щедротъ императрицы Екатерины II и его величества.

Сенаторъ Огаревъ получилъ отъ графа Панина слѣдующее письмо:

„Милостивый государь, Николай Ивановичъ.

Государь императоръ, при разсмотрѣніи вѣдомости о присутствіи сенаторовъ въ д-тахъ въ минувшемъ году, обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя никакихъ обязанностей по другимъ вѣдомствамъ, часто не пріѣзжаютъ въ присутствіе и что отъ этого должны происходить медленность и замѣшательство въ производствѣ дѣлъ. Въ предупрежденіе сихъ неудобствъ, его величеству благоугодно было поручить мнѣ объясниться съ сенаторами, относительно коихъ сдѣлано сіе замѣчаніе, дабы они, по мѣрѣ возможности, содѣйствовали своимъ присутствіемъ въ Сенатѣ къ успѣшному и безостановочному производству дѣлъ. Долговременная усердная и полезная служба вашего высокопр—ва извѣстна его и. в—ву и потому

при исполненіи вами обязанностей званія вашего, конечно, будетъ всегда принято въ уваженіе, что вы состоите въ семъ званіи болѣе 20 лѣтъ съ пользою для службы. Но, быть можетъ, что ослабѣвшія ваши силы и разстроенное ваше здоровье заставляютъ васъ желать, м. г., если не теперь, то въ неотдаленномъ времени, отдохновенія отъ трудовъ. На сей единственно случай я считаю долгомъ предупредить васъ, м. г., что я полагалъ бы возможнымъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о назначеніи вамъ содержанія не въ обыкновеннымъ размѣрѣ пенсій и что я сочту себя весьма счастливымъ, если мнѣ можно будетъ доставить вамъ какъ при семъ, такъ и при всякомъ другомъ случаѣ новыя доказательства искренняго моего къ вамъ уваженія".

Слѣдствіемъ этого письма графа Панина была подача Огаревымъ всеподданнѣйшаго прошенія объ увольненіи его въ отставку съ пенсіею.

Въ то же время прислалъ просьбу объ отставкѣ и сенаторъ Протасовъ, ходатайствовавшій вмѣстѣ о пенсіи и предоставленіи ему права носить въ отставкѣ сенаторскій мундиръ.

Объ этихъ трехъ сенаторахъ графъ Панинъ вошелъ къ государю императору съ общимъ докладомъ, въ которомъ, между прочимъ, изложилъ: „Изъ формулярныхъ списковъ означенныхъ сенаторовъ видно: дѣйств. тайн. сов. Огаревъ состоитъ въ службѣ съ 1797 г., въ званіи сенатора съ 22-го августа 1826 г. и первоприсутствующимъ сенаторомъ въ 7 департаментѣ Правительствующаго Сената съ 2-го декабря 1845 г., жалованья получаетъ 3.000 руб. и арендныя деньги по 2.000 руб. сер. на 12 лѣтъ съ 1 января 1844 г.; отъ роду 67 лѣтъ. Имѣетъ родовое имѣніе 400 душъ, кромѣ того, за женою его состоитъ также родоваго 100 душъ. По уставу слѣдуетъ Огареву пенсіи 1.143 р. 60 к. с. Тайн. совѣтн. Муравьевъ-Апостолъ находится въ службѣ съ 1773 г., назначенъ сенаторомъ въ 1824 г., а въ октябрѣ 1841 г. уволенъ изъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ, состоитъ въ числѣ неприсутствующихъ сенаторовъ и получаетъ двѣ пенсіи, одну по указу отъ 3-го февраля 1796 г., 566 р. 16 к. с., и другую—617 р. 85 к. с. Жалованья по званію сенатора производится 643 р. 31 к. с. Отъ роду имѣетъ 73 г., родоваго имѣнія за нимъ состоитъ 150 душъ, пенсіи, по силѣ 61 ст. устава, слѣдуетъ ему 643 р. 31 к. с. Тайный совѣтникъ Протасовъ—въ службѣ съ 1803 г., въ званіи сенатора съ 31-го декабря 1839 г., присутствуетъ въ 8-мъ департаментѣ Сената, жалованья получаетъ 3.000 р., имѣетъ отъ роду 57 л. и родоваго имѣнія 1.130 душъ. Г. Протасову слѣдуетъ пенсіи по уставу 762 р. 30 к. с. въ годъ. Сообразивъ службу означенныхъ сенаторовъ съ высочайше утвержденными вашимъ императорскимъ величествомъ правилами, коими предоставлено мнѣ повергать на не-

посредственное всемилостивѣйшее воззрѣніе и назначеніе пенсій въ увеличенномъ размѣрѣ увольняемымъ отъ службы сенаторамъ, я полагалъ бы назначить дѣйств. тайн. совѣтнику Огареву возвышенный окладъ пенсіи 2.000 р., такъ какъ онъ состоитъ въ званіи сенатора болѣе 20 лѣтъ, былъ оберъ-прокуроромъ, нынѣ занимаетъ должность первоприсутствующаго, и всѣ сіи обязанности исполнялъ съ особенною добросовѣстностью, постояннымъ усердіемъ и пользою для службы. Тайному совѣтнику Муравьеву-Апостолу, прослужившему въ званіи сенатора 22 года, можно бы было также назначить пенсію въ увеличенномъ размѣрѣ, но какъ ему производятся уже теперь двѣ пенсіи по прежней службѣ, составляющія 1.184 р. 1 к. с., то съ прибавленіемъ получаемаго по званію сенатора жалованья 643 р. 31 к., которое ему слѣдовало бы въ пенсію по уставу, вся сумма будетъ почти равняться увеличенному размѣру пенсіи, посему я полагалъ бы обратить ему въ пенсію, на точномъ основаніи 61 ст. уст. о пенсіяхъ получаемое имъ жалованье 643 р. 31 к. с.—Сенатору Протасову по уставу слѣдуетъ пенсіи 762 р. 30 к., и какъ онъ находится въ званіи сенатора только семь лѣтъ, то я полагаю не увеличивать сего размѣра. При семъ я не встрѣчаю препятствія на дозволеніе носить ему въ отставкѣ мундиръ по званію сенатора, на что онъ, по закону, имѣетъ право".

27-го апрѣля 1847 г. статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру юстиціи о воспослѣдовавшемъ высочайшемъ соизволеніи на увольненіе отъ службы и назначеніи пенсіи: Огареву—въ возвышенномъ размѣрѣ, по 2.000 р. сер.; Муравьеву-Апостолу „къ прежнимъ двумъ пенсіямъ, составляющимъ 1.184 р., получаемое имъ жалованье—643 р. 31 к., всего по 1.827 р. 31 к. сер.", и Протасову по уставу 762 р. 30 к. въ годъ, съ дозволеніемъ сему послѣднему носить въ отставкѣ мундиръ по званію сенатора.

Очередь до сенатора Писарева дошла 16-го февраля 1847 г. Въ этотъ день графъ Панинъ писалъ ему:

„Милостивый государь Александръ Александровичъ.

Государь императоръ, потребовавъ въ концѣ минувшаго года общій списокъ о присутствіи сенаторовъ въ департаментахъ Правительствующаго Сената, изъ онаго усмотрѣлъ, что ваше превосходительство въ продолженіе года до 94 дней не присутствовали въ Сенатѣ. Его императорскому величеству благоугодно было предоставить мнѣ по сему предмету объясниться съ вашимъ превосходительствомъ, дабы отъ продолжительнаго неучастія вашего въ производствѣ дѣлъ не произошло затрудненія въ порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія оныхъ. Вслѣдствіе того, я вмѣняю себѣ въ обязанность обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою принимать по-

стоянное уваженіе въ дѣлахъ по званію, вами носимому, если здоровье вамъ позволитъ выѣзжать; въ противномъ случаѣ и если бы вы предпочли, милостивый государь, воспользоваться отдохновеніемъ, на которое вы долговременною службою вашею пріобрѣли полное право, то въ случаѣ просьбы вашей объ увольненіи отъ службы, я надѣюсь, что мнѣ можно будетъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о назначеніи вамъ пенсіи съ нѣкоторымъ увеличеніемъ противъ установленнаго закономъ размѣра.

На это послѣдовалъ отвѣтъ:

Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Викторъ Никитичъ!

Усердная работа денно и ночно, трудная, точно сверхъ силъ моихъ, временно разстроила мое здоровье; заграничныя воды, повидимому, еще болѣе мнѣ повредили. Чувствую, что надобно таки мнѣ позаняться здоровьемъ своимъ, и нуженъ бы мнѣ временный отдыхъ для леченія, почему ежедневно два раза ножныя ванны помѣшали быть въ Сенатѣ 94 раза.

Привычка къ дѣятельности и къ службѣ мнѣ пуще жизни; и такъ, цѣль стараній къ выздоровленію—есть желаніе быть еще полезнымъ въ жизни, потеря же службы, заслуженной трудами, и потеря эполетовъ, купленныхъ кровью, будетъ для меня потерею надежды лучшей жизни. Вотъ единственный отвѣтъ, который я могу дать на письмо вашего сіятельства.

Я прошу объ эполетахъ, о полученіи же оклада скажу, что прежде былъ я главнымъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, безъ всякаго жалованья отъ казны. Много благодаренъ за умноженіе моего жалованья. Конечно, разстроивъ состояніе мое и жены моей, деньги были бы очень кстати, но деньги я никогда не любилъ, а мысль жить безъ службы для меня страшнѣе самой смерти. Имѣть надежду выздоровленія для службы вотъ одна мысль ежеминутная и молитва ежедневная къ Всевышнему“.

Г. фельдмаршалъ можетъ засвидѣтельствовать мою службу и дѣятельность вашему сіятельству.

Тогда графъ Панинъ вторично обратился къ Писареву съ письмомъ:

„Я имѣлъ честь, во исполненіе высочайшей воли, обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что вы весьма часто не присутствовали въ Правительствующемъ Сенатѣ въ теченіе минувшаго года. Изъ вѣдомостей, представленныхъ мнѣ о присутствіи гг. сенаторовъ съ новаго года по 15-е марта, я усмотрѣлъ, милостивый государь, что въ сіе время изъ 50 дней, 36 было такихъ, въ которыхъ вы участія въ дѣлахъ не принимали. По долгу званія моего я обязанъ, милостивый государь, обратить еще разъ вниманіе ваше на

то, что при подобномъ уклоненіи отъ участія въ засѣданіяхъ Сената неизбѣжны медленность и другія затрудненія всякаго рода. Посему, если здоровье ваше дѣйствительно не позволяетъ вамъ продолжать сихъ занятій, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что государь императоръ уважитъ причины, по коимъ отдохновеніе отъ трудовъ, хотя на время, содѣлалось для васъ необходимостью. Въ настоящемъ положеніи вашего здоровья вы вовсе не можете посвятить занятіямъ своимъ той дѣятельности, которая, какъ вы мнѣ объяснить изволили, сдѣлалась для васъ потребностію, что̀ видно изъ вышеприведеннаго мною числа дней присутственныхъ, въ которой вы участвовали въ дѣлахъ. Что касается до желанія вашего превосходительства сохранить мундиръ съ эполетами, то это обстоятельство исключительно подлежитъ разсмотрѣнію и ходатайству г. военнаго министра".

Писаревъ, ссылаясь на то, что по сильному нездоровью вынужденъ былъ оставить варшавскую службу и просился быть помѣщеннымъ въ общее собраніе Сената, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе, переданное ему фельдмаршаломъ гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ, попросилъ тогда министра обратить вниманіе, что, при невозможности, вслѣдствіе леченія, бывать ежедневно на службѣ, присутствовать только одинъ день въ недѣлю дало бы ему возможность быть еще полезнымъ по выздоровленіи своемъ, ибо „привычка къ дѣятельности и къ службѣ для него пуще жизни". При письмѣ своемъ онъ прислалъ министру и прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ ходатайствовалъ объ увольненіи его въ отпускъ на полгода, по болѣзни, съ сохраненіемъ полнаго сенаторскаго жалованья.

Въ докладѣ государю о Писаревѣ министръ юстиціи, указавъ на происходившую между ними переписку, мнѣніе свое, что просьба сенатора о перечисленіи его въ общее собраніе не подлежитъ удовлетворенію и что онъ, графъ Панинъ, полагаетъ уволить Писарева отъ званія сенатора, по болѣзни, съ пенсіей по уставу, т. е. по 1.143 р. 60 коп. въ годъ.

По этому докладу состоялось 15 іюля 1847 г. высочайшее повелѣніе объ увольненіи сенатора Писарева, по прошенію отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада въ 1.143 руб. 60 коп. въ годъ.

Относительно сенатора князя Эристова министромъ юстиціи было испрошено предварительно заключеніе отъ намѣстника Кавказскаго князя М. С. Воронцова, который въ отзывѣ своемъ, между прочимъ, изложилъ:

„Милостивое снисхожденіе государя императора даетъ мнѣ смѣлость объясниться въ семъ случаѣ съ полною откровенностью и представить мое покорнѣйшее мнѣніе, что князь Еристовъ находится,

въ семъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ въ исключительномъ положеніи, и что человѣколюбивое сердце августѣйшаго нашего монарха найдетъ возможность выйти для него изъ общаго правила. Почтенный сей старецъ, какъ мнѣ самому извѣстно, по службѣ моей при князѣ Циціановѣ, съ самаго вступленія въ Грузію россійскихъ войскъ и правленія, первый подалъ и почти полвѣка продолжаетъ подавать примѣръ своимъ соотчичамъ безпредѣльной преданности и вѣрности всероссійскому престолу. Первый, и будучи уже не въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, вошелъ въ ряды регулярныхъ нашихъ войскъ и съ тѣхъ поръ безпрестанно во всѣхъ войнахъ, на всѣхъ границахъ Грузіи служилъ вѣрно и неустрашимо, а не рѣдко счастливо и съ успѣхомъ для общихъ дѣлъ. Теперь лѣта его не позволяютъ ему быть въ дѣятельной службѣ, въ рядахъ нашихъ; но и теперь онъ помогаетъ намъ во всѣхъ случаяхъ, въ комитетахъ и коммиссіяхъ для благоустройства или защиты края, гдѣ слово и вліяніе его всегда сильны, въ нашу пользу; рѣдко идетъ въ походъ какая-нибудь грузинская милиція безъ того, чтобы она не представилась сему грузинскому нестору, для полученія отъ него ободрительнаго слова и благословенія, онъ же безпрестанно имъ всѣмъ твердитъ, что Грузія всѣмъ обязана Россіи, и что всѣ грузины должны быть готовы умереть на службѣ той великой державы, безъ присутствія которой ихъ отечество должно бы непремѣнно погибнуть подъ игомъ иновѣрцевъ. Предположеніе, теперь до него касающееся, конечно основано на общемъ правилѣ и не имѣетъ ничего для него обиднаго, но зная совершенно князя Еристова и всю пылкость его чувствъ и преданности, я не могу не опасаться, что объявленіе ему о лишеніи чего-нибудь изъ этого, что онъ получилъ за службу, а паче предложеніе, чтобы онъ подалъ просьбу объ увольненіи, будетъ для него такой ударъ, что я бы съ горестью принялся ему объ этомъ говорить, если бы на то воспослѣдовала непремѣнная высочайшая воля—и потому, пользуясь позволеніемъ о семъ съ вами объясниться, священнымъ долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше сіятельство всеподданнѣйше представить все сіе на всемилостивѣйшее соображеніе. Почтенному сему старцу не долго остается жить, и смѣю думать, что было бы справедливо и согласно съ сердцемъ августѣйшаго государя нашего оставить его въ семъ отношеніи въ теперешнемъ его положеніи“.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ государю отзыва кн. Воронцова, его величество, принимая во вниманіе долговременную службу князя Эристова, воинскіе подвиги, постоянную преданность къ правительству и общее уваженіе, коимъ онъ пользуется въ Грузіи, высочайше повелѣть соизволилъ: оставить его въ званіи сенатора,—имѣя при

томъ въ виду, что онъ и въ прежнее время не присутствовалъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Изъ числа намѣченныхъ къ увольненію сенаторовъ остались, кромѣ кн. Эристова, по-прежнему въ службѣ сенаторы кн. Г. С. Голицынъ и Д. Н. Бологовской, несмотря на сдѣланныя имъ гр. Панинымъ предложенія отдохнуть въ отставкѣ.

Не лишнимъ находимъ привести здѣсь происходившую между этими лицами и министромъ юстиціи переписку.

„Милостивый государь князь Григорій Сергѣевичъ“, — писалъ 11 февраля 1847 г. графъ Панинъ кн. Голицыну,—„государь императоръ, усмотрѣвъ изъ списка о присутствіи сенаторовъ въ департаментахъ Прав, Сената, что нѣкоторые изъ нихъ, въ числѣ коихъ и ваше сіятельство, не присутствовали въ продолженіе многихъ дней, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объясниться по сему предмету какъ съ вами, милостивый государь, такъ и съ другими сенаторами, дабы отсутствіе ихъ, столь часто повторяемое и не всегда прдвидимое при слушаніи дѣлъ, доложенныхъ въ ихъ присутствіи, не имѣло вліянія на своевременное и правильное окончаніе дѣлъ, и въ особенности уголовныхъ производствъ, требующихъ безотлагательнаго движенія.

„Мнѣ извѣстно, милостивый государь, что здоровіе ваше иногда затрудняетъ выѣздъ вашъ въ присутствіе, но если вы не предвидите улучшенія въ состояніи вашемъ, то вы можетъ быть предпочтете, при увольненіи отъ службы, воспользоваться заслуженнымъ пенсіономъ и нужнымъ отъ трудовъ отдохновеніемъ. Съ моей стороны, я сочту счастливымъ, если содѣйствіе мое къ исполненію желаній вашихъ при семъ случаѣ могло бы увѣнчаться нѣкоторымъ успѣхомъ“.

Голицынъ отвѣчалъ:

„Имѣвъ честь получить почтеннѣйшее отношеніе ко мнѣ вашего сіятельства, я поспѣшаю извѣстить васъ, м. г., что съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего, что по многолѣтней, усердной и безпорочной службѣ подвергъ я себя замѣчанію въ неисправномъ отправленіи своей должности. Я завѣряю васъ, м. г., что этому не могло быть другой причины, какъ отъ частыхъ припадковъ хронической болѣзни, 15 лѣтъ меня отягощающей, но, благодаря Бога, я нынѣ почти совсѣмъ отъ нихъ освободился, и не только не затрудняюсь присутствіемъ въ Прав. Сенатѣ, но, по привычкѣ моей къ службѣ, въ коей провелъ большую часть жизни, она въ теперешнемъ моемъ положеніи и на уклонѣ дней моихъ составляетъ единственное мое занятіе, и ежели силы мои дозволятъ, то надѣюсь окончить жизнь мою на службѣ государю и отечеству.

„Позвольте мнѣ при семъ случаѣ, принеся вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за предложеніе мнѣ, въ случаѣ увольненія меня отъ службы, исходатайствовать мнѣ заслуженный пенсіонъ, надѣяться, что вы не откажете ходатайства вашего о воззрѣніи государя императора на ничтожное мое состояніе и стѣсненное положеніе, въ которомъ нынѣ нахожусь".

Сенаторъ Бологовской получилъ отъ графа Панина 16 февраля 1847 г. слѣдующее письмо:

„Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ!

„Въ продолженіе минувшаго года ваше превосходительство весьма часто не изволили присутствовать въ Прав. Сенатѣ.

„Обстоятельство сіе, обнаруженное вѣдомостью, составленною изъ присылаемыхъ еженедѣльно донесеній, должно было обратить на себя вниманіе государя императора, тѣмъ болѣе, что при усилившихся нынѣ занятіяхъ уголовныхъ д-товъ Правит. Сената незамедлительное теченіе и правильное производство дѣлъ требуютъ всего вниманія и постояннаго участія сенаторовъ. Его императорскому величеству благоугодно было поручить мнѣ объясниться по сему предмету съ вашимъ прев-ствомъ, дабы не могло произойти неудобствъ отъ непостояннаго присутствія вашего въ Правит. Сенатѣ. Если состояніе здоровья вашего не позволяетъ вамъ выѣзжать въ присутствіе и вообще отдѣлять нужное для служебныхъ обязанностей время, то я не премину, милостивый государь, въ случаѣ изъявленія вами желанія, ходатайствовать объ увольненіи вашемъ отъ службы, и о назначеніи слѣдующей вамъ по закону пенсіи".

Бологовской прислалъ слѣдующій отвѣтъ: „на отношеніе вашего сіятельства отъ 16 текущаго мѣсяца поспѣшаю имѣть честь отвѣчать. Съ давнихъ временъ пріобыкши исполнять служебную мою обязанность съ тѣмъ рвеніемъ, которое, уповаю я, въ свое время не ускользнуло даже и отъ высочайшаго вниманія, мнѣ остается крайнѣйше скорбѣть, что я какъ бы подозрѣваюсь теперь не только въ уклоненіи отъ службы, но даже и въ самой добросовѣстности; ибо если бы болѣзнь моя, препятствующая присутствовать иногда въ Правит. Сенатѣ, принадлежала изнеможенію жизненныхъ силъ моихъ, а не заключалась бы просто въ періодическихъ припадкахъ, какъ на самомъ дѣлѣ есть она, въ такомъ случаѣ, съ моей стороны, было бы укоризненно занимать званіе мое изъ видовъ единственно спекулятивныхъ, которыми въ продолженіе моего служенія я никогда не руководствовался, ничего не снискивалъ и рѣшительно ничего не получалъ.

„Графъ! въ военномъ поприщѣ, такъ какъ и по службѣ административной, смѣю сказать, я пользовался постояннымъ отличіемъ, но

если на проходящемъ теперь пути временная болѣзнь моя и другая, неизвѣстная мнѣ причина, труды и вообще службу мою оставляютъ внѣ всякаго замѣчанія, то, тѣмъ не менѣе, доколѣ силы мои не истощатся, усердіе мое къ службѣ пребудетъ въ одинаковой во мнѣ мѣрѣ, въ минуту же упадка оныхъ, я, конечно, не премину обратиться къ средству, вашимъ сіятельствомъ мнѣ указанному".

Этотъ отвѣтъ побудилъ графа Панина обратиться къ нему 24 апрѣля 1847 г. съ вторичнымъ письмомъ:

„Многочисленныя занятія не позволяли мнѣ имѣть честь ранѣе отвѣчать на письмо вашего прев-ства отъ 23 февраля, которое требуетъ объясненій. Въ первомъ моемъ письмѣ я имѣлъ честь обратить вниманіе ваше на то, что, присутствуя весьма рѣдко въ Правит. Сенатѣ, ваше прев—ство, повидимому, не имѣете возможности продолжать занятій, по сему званію на васъ возложенныхъ. При семъ случаѣ я объяснялъ вамъ, милостивый государь, что успѣшное теченіе дѣлъ въ Сенатѣ, сообразно волѣ государя императора, требуетъ всего вниманія и постояннаго участія гг. сенаторовъ. Въ отвѣтѣ вашемъ вы изволили, милостивый государь, изъяснить слѣдующее: „мнѣ остается крайнѣйше скорбѣть, что я какъ бы подозрѣваюсь теперь не только въ уклоненіи отъ службы, но даже и въ самой добросовѣстности, ибо, если бы болѣзнь моя, препятствующая присутствовать иногда въ Прав. Сенатѣ, принадлежала изнеможенію жизненныхъ силъ моихъ, а не заключалась бы просто въ періодическихъ припадкахъ, какъ на самомъ дѣлѣ есть она, въ такомъ случаѣ, съ моей стороны, было бы укоризненно занимать званіе мое изъ видовъ единственно спекулятивныхъ, которыми въ продолженіе моего служенія я никогда не руководился, ничего не снискивалъ и рѣшительно ничего не получалъ". — Подобныхъ разсужденій и предположеній въ моемъ письмѣ къ вамъ, милостивый государь, вовсе не заключалось, ибо оно преимущественно относилось къ тому, что вы въ теченіе минувшаго года очень часто не присутствовали въ Сенатѣ, что̀ обратило на себя вниманіе его императорскаго величества. Съ 1-го января по 15 марта изъ представленныхъ мнѣ вѣдомостей видно, что изъ 50-ти присутственныхъ дней вы въ Сенатѣ не были, что̀ вполнѣ подтверждаетъ прежнія мои замѣчанія, и потому я считаю долгомъ обратить вновь на содержаніе прежняго моего письма вниманіе вашего прев—ства, тѣмъ болѣе, что, по уменьшенію числа сенаторовъ въ д—тахъ, ходъ дѣлъ въ нихъ долженъ замедлиться и затрудниться при частомъ отсутствіи присутствующихъ".

30 апрѣля 1847 г. Бологовской опять написалъ графу Панину:

„Хотя полагалъ я, что на письмо вашего сіятельства, отъ

16-го февраля, я имѣлъ честь по вопросу, мнѣ сдѣланному, дать полное объясненіе, но, имѣя теперь въ виду, что оно оказывается не совсѣмъ удовлетворительнымъ, признаю себя обязаннымъ на послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 20 сего мѣсяца, имѣть честь пояснить то, что и въ предшествующемъ я стремился высказать. Болѣзнь моя (подагра) есть припадокъ, какъ извѣстно, періодическій и если въ вѣдомостяхъ усматривается, что этотъ случай претилъ мнѣ нѣкоторое время присутствовать въ Прав. Сенатѣ, то тѣ же вѣдомости обнаружатъ предъ вашимъ сіятельствомъ ежедневное теперь тамъ мое занятіе, тѣмъ болѣе необходимое, что, по болѣзни прочихъ гг. сенаторовъ, мы только трое остаемся присутствовать въ д-тѣ, что, съ тѣмъ вмѣстѣ, служитъ доказательствомъ, что съ достиженіемъ сенаторскаго званія мы всѣ, относительно лѣтъ нашихъ, въ болѣзненныхъ нашихъ припадкахъ какъ бы очередуемся".

Сенаторы Бологовской и князь Голицынъ были помѣщены въ распредѣленіе сенаторовъ по департаментамъ на 1848 годъ.

Первый поселенческій начальникъ о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ.

Извѣстно, что ужасный бунтъ, бывшій въ старорусскихъ и новгородскихъ округахъ пахотныхъ солдатъ, вспыхнулъ въ холеру 1831 г., которая, какъ тогда говорили, и была причиной этой дикой безчеловѣчной возбужденности поселянъ, находившихъ для себя спокойствіе въ истязаніи и увѣчьяхъ своихъ начальниковъ и ихъ семействъ. Утверждали, что поселяне были вообще озлоблены на интеллигентный классъ, который, какъ воздержанный въ пищѣ, платилъ незначительную дань эпидеміи и по малочисленности не выдѣлялся смертностью, тогда какъ поселянъ холера валила повсемѣстно и нещадно. Такая наглядность легко обманывала темный людъ. Явились подозрѣнія въ умерщвленіи поселянъ ихъ начальниками, дѣйствующими изъ какихъ-то выгодъ и наградъ. Вскорѣ округа облетѣла роковая вѣсть, что холерою именуется отрава, въ видѣ порошка, который господа будто-бы для отравленія поселянъ насыпаютъ въ колодцы, рѣки и на овощи. Затѣмъ было достаточно одной искры, чтобы пламя бунта охватило все военное поселеніе и обнаружило въ немъ тотъ высшій предѣлъ умоизступленія, до котораго въ состояніи дойти невѣжественный человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе, тогда же ходили и другіе слухи о причинахъ бунта, но робкіе и болѣе сдержанные. Говорили, что быть одновременно пахаремъ и солдатомъ для крестьянина чрезвычайно тяжело, военная дисциплина слишкомъ ослабляетъ земледѣліе, а начальство требуетъ, чтобы это хозяйство было на высотѣ своего достоинства; наконецъ, устройство мостовъ, сооруженіе дорогъ, педантичная чистота въ селеніяхъ, всевозможныя ограниченія домашняго быта—все это лишало поселянина нормальнаго отдыха и сна, выдвигало одинъ лишь трудъ и трудъ.

Иные прибавляли, что военное поселеніе—не народное и не госу-

дарственное достояніе, а личное желаніе графа Аракчеева. Полтора десятка лѣтъ несли поселяне безропотно ярмо этой графской затѣи, но на душѣ все болѣе и болѣе накипало и росло озлобленіе, которое рано или поздно должно было прорваться наружу и ознаменоваться какимъ-либо событіемъ. А тутъ пришла нежданно азіатская гостья и дала толчокъ мести. О таковой мести довольно прозрачно намекаетъ г. А. Мартосъ въ своемъ докладѣ Николаю I, составленномъ 16-го августа 1831 года: г. Мартосъ писалъ государю, что на долю его выпало впервые водворять военныя колоніи и онъ былъ назначенъ начальникомъ въ первое поселеніе, учрежденное при р. Волховѣ въ Высоцкой вотчинѣ. Тринадцать лѣтъ г. Мартосъ управлялъ поселеніемъ и ему, конечно, болѣе чѣмъ кому-либо знакомы порядки и жизнь бывшихъ поселеній. Къ тому же, какъ говорится въ докладѣ, этотъ начальникъ все время особенно слѣдилъ за ходомъ развитія военныхъ поселеній.

Начало военнымъ поселеніямъ въ новгородскомъ краѣ, по словамъ г. Мартоса, было положено сряду послѣ отечественной войны, но въ то время поселеніе не имѣло опредѣленныхъ формъ, ибо высшее начальство смутно вѣрило въ реформу и въ поселенческихъ начаткахъ все дѣлалось какъ-то на ощупь. Спустя нѣкоторое время, система преобразованія крестьянина въ солдата стала замѣтно расширяться. Одному изъ генераловъ поручено было учредить въ Ямъ-Бронницахъ другое поселеніе, на подобіе Высоцкаго, но вмѣсто успѣха тамъ скоро возмутились поселенцы и для усмиренія потребовалась воинская сила. „Тогда еще было брошено на новгородскую почву зерно, долженствующее дать плодъ кровавой мести“,—говоритъ г. Мартосъ и обращается къ государю съ такими словами: „Въ первый годъ вашего бракосочетанія ваше величество изволили лично видѣть горетьс и домогательства тамошнихъ жителей“.

Однако, этотъ мятежъ прошелъ незамѣченнымъ, а, напротивъ, послѣ него съ особеннымъ жаромъ принялись за проекты военныхъ поселеній. Придумывая мотивы и основы для новаго войска, прожектеры по поводу желаемыхъ поселеній обратились, между прочимъ, за мнѣніемъ къ лицамъ, знающимъ это дѣло и знакомымъ съ новгородскимъ краемъ. Многіе высказывали свои взгляды о поселеніяхъ, и каждый старался поддержать осуществленіе ихъ, но не почему-либо иному, а лишь изъ желанія угодить всесильному тогда Аракчееву. Напр., новгородскій губернаторъ Н. Н. Муравьевъ 7-го іюля 1818 г. пишетъ, „что Новгородъ предопредѣленъ быть средоточіемъ сѣвернаго военнаго поселенія, средоточіемъ части того удивительнаго величія и твердости камня, на коемъ долженъ силою своею опираться необозримый колоссъ Россіи“. Далѣе, говоря о платѣ жителямъ за

военный постой, г. губернаторъ продолжаетъ: „Сдѣлался бы Новгородъ достойнымъ средоточіемъ той богатой округи земли, въ которой монаршею доблестію патріотизма и человѣколюбія засѣвается сѣмя того воинственнаго племени, которое произведетъ для Россіи неисчерпаемый источникъ витязей, полководцевъ, побѣдоносныхъ защитниковъ своего отечества". О подобныхъ словахъ г. Мартосъ отзывался въ своемъ докладѣ, „что новгородскій губернаторъ столь даже неостроумно ласкательствовалъ".

Относительно поселенческихъ построекъ г. Мартосъ пишетъ, что работами крайне спѣшили. Въ короткое время, какъ бы по мановенію волшебной силы, выросли въ штабахъ огромныя зданія, явились пароходы, флотилія, дома военныхъ пахарей, протянулись всюду дороги, перекинулись въ поляхъ чрезъ ручейки мосты, да такіе, какіе можно было встрѣтить, пожалуй, только въ городахъ. Тысячи чернорабочихъ солдатъ, сформированныхъ въ кадры, обстраивали полки, продолжали тяжелыя работы до глубокой осени. Не одна тысяча этихъ несчастныхъ тружениковъ, терпѣливыхъ и покорныхъ своему начальству, обрѣла при сооруженіяхъ смерть. „Сіе не могутъ свидѣтельствовать могилы ихъ"—докладывалъ г. Мартосъ,—„могилъ нынѣ не существуетъ, а цифры вѣрной убыли людей въ отчетахъ баталіоновъ и полковъ легко покажутъ великій итогъ смертности". Возникли военныя поселенія. Г. Мартосъ поясняетъ, что по обыкновенному опыту, изъ нашего крестьянина съ терпѣніемъ въ короткое время можно сдѣлать хорошаго солдата и матроса, а теперь какихъ стоило трудовъ и трудовъ безконечныхъ обратить цѣлое населеніе землепашцевъ въ военное званіе. Крестьянъ заставили бросить свой домъ, поля, нивы; лишили ихъ собственности и принудили жить въ казенныхъ домахъ, построенныхъ наскоро, изъ сыраго лѣса и неудобныхъ для крестьянской жизни. Дали, вмѣсто сохи, ружье, сняли національную одежду, которая такъ проста, недорога и крайне характерна для русскаго крестьянина; приказали даже обрить бороды.

Прошло немного лѣтъ. Англійскій и тирольскій рогатый скотъ, доставленный на берега Волхова, вскорѣ вымеръ и этимъ ясно доказалъ, что теорія сельской экономіи не подружилась съ практикой.

Поселяне сразу лишились способа удобрять землю. Затѣмъ мало-по-малу стали сознавать всѣ неудобства домовъ, вытянувшихся на огромномъ и утомительномъ для глаза пространствѣ; убѣдились, что поля значительно отдалились отъ дворовъ, и что остальной скотъ изнуряется въ частыхъ прогонкахъ, такъ какъ выгоны лежали даже за полями. „Обративъ пахаря въ солдата—говоритъ г. Мартосъ,—употребили на это дѣло много усилій, называемыхъ необходимыми

мѣрами строгости, отчего запылало мщеніе и надо было ждать, когда ударитъ часъ его".

По мнѣнію г. Мартоса военныя поселенія и въ мирное время представляли продолженіе войны. „Государства—говоритъ онъ далѣе въ докладѣ—подобно человѣку, имѣютъ свои страсти, свои недуги, свое паденіе и свое возвышеніе. Случалось, что одинъ предпріимчивый умъ, при неограниченной смѣлости, стоялъ при ступеняхъ трона и всходилъ на тронъ. Пьерри, Кромвель, Лжедмитрій, одолженные слѣпому случаю, были великими дѣйствующими лицами на политическомъ театрѣ исторіи. Будущее скрыто отъ смертнаго, но ежели у насъ явится когда-либо человѣкъ съ подобными страстями, не обратится ли онъ предпочтительно къ тѣмъ людямъ, которые въ Старой Руссѣ и окрестъ Новгорода нынѣ предали смерти начальниковъ своихъ съ лютѣйшимъ остервенѣніемъ, какого не представляетъ исторія ни въ одной странѣ свѣта. Лестныя обѣщанія злодѣя, указаніе добычи поведутъ за нимъ эти яростныя толпы и въ три форсированные перехода марша новгородскіе стрѣльцы явятся на Пулковой горѣ, гдѣ столица должна будетъ или откупиться контрибуціей, или вѣрно ожидать таковой же участи, какую испытали Умань и другіе города Подоліи при набѣгахъ атамана Желѣзняка. Да не сбудется никогда мысль сія".

Затѣмъ, г. Мартосъ беретъ на себя смѣлость представить государю свои соображенія о томъ, что было бы полезнѣе перевести военныя поселенія на границы Черноморіи и Кавказской области, гдѣ поселяне могли бы охранять эти границы отъ вторженія горскихъ народовъ. Въ примѣръ онъ приводитъ кроатское войско, поселенное принцемъ Евгеніемъ на турецкой границѣ.

Коммиссія, учрежденная по реформированію иллирійскихъ провинцій, намѣревалась устроить кроатскіе полки по образцу французской національной гвардіи, но Наполеонъ I назвалъ это нелѣпостью, посмѣялся надъ этимъ и доказалъ австрійскому министру всю важность пограничныхъ военныхъ колоній, при чемъ настоялъ оставить кроатовъ на прежнемъ мѣстѣ безъ всякихъ преобразованій. Такимъ образомъ, польза отъ военныхъ поселеній признавалась лишь въ томъ случаѣ, когда они были бы водворены на границахъ, а не какъ у насъ—близъ столицы. Вѣдь и принцъ Евгеній не избралъ мѣстомъ водворенія кроатовъ въ окрестностяхъ Вѣны и осѣдлости поляковъ, а разселилъ поселянъ по границамъ страны.

„Новгородскія вечерни—далѣе пишетъ Мартосъ—были ужаснѣе самой Варѳоломеевской ночи. Фанатизмъ, подстрекаемый политикою, возбудилъ парижанъ умерщвлять гугенотовъ, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, вѣроисповѣданіе было предлогомъ кровопролитія. Въ окрестно-

стяхъ же Новгорода и Старой Руссы злодѣйская рука русскаго хладнокровно, варварски разила русскаго же".

Наконецъ, докладъ свой государю поселенческій начальникъ оканчиваетъ такими словами: „Никогда исполины безчеловѣчій не приносили чистосердечнаго раскаянія и сердцу мирнаго гражданина свойственнаго желанія: видѣть на берегахъ тихаго Волхова лучше русскаго квакера, нежели сухопутнаго флибустьера".

26-го октября 1897 г. А. Слезскинскій.

РАЗГОВОРЫ

императора Павла I-го съ Тадеушемъ Косцюшко въ Петербургѣ [1]).

На другой день по вступленіи на престолъ [2]), императоръ Павелъ позвалъ придворнаго доктора Гарика и спрашивалъ о положеніи и о здоровьѣ заключеннаго Тадеуша Косцюшко, а затѣмъ отдалъ приказаніе, чтобы узникъ ни въ чемъ не имѣлъ недостатка. Это сдѣлало всѣхъ очень предупредительными къ заключенному. Англичанинъ Гарикъ всегда оставался другомъ Косцюшко.

На третій день императоръ выѣхалъ съ обычною свитою и вышелъ изъ экипажа у самаго мѣста заключенія. Бой барабановъ и бряцанье оружія при отдачѣ чести нѣсколько удивили Косцюшко.

Вошелъ Павелъ I.

— Я пришелъ, любезный генералъ,—сказалъ императоръ,—чтобы вернуть вамъ свободу.

Обрадованный Косцюшко поклонился. О смерти Екатерины онъ зналъ отъ Гарика.

— Развѣ вы не узнаете меня?—спросилъ Павелъ.

— Въ особѣ Павла я узнаю императора, а въ возвращеніи имъ мнѣ свободы—персону для меня даже еще высшую...

— Я всегда соболѣзновалъ о вашей участи, но въ царствованіе моей матери не могъ ничѣмъ вамъ помочь. Нынѣ же я счелъ первѣйшею своею обязанностью предоставить вамъ свободу. Вы свободны!

---

[1]) Разговоры эти записаны по-французски (вѣроятно, они и велись на этомъ языкѣ) кн. Матвѣемъ Гагаринымъ. Точность ихъ, разумѣется, остается на отвѣтственности лица, ихъ записавшаго, что же касается возможности разговоровъ, то она оправдывается общими симпатіями императора Павла къ національному польскому герою. *Г. В.*

[2]) Т. е. 7-го ноября 1796 года. *Г. В.*

— Всепресвѣтлѣйшій государь! Я никогда не скорбѣлъ надъ собственною участью, но не перестану скорбѣть надъ участью моей отчизны, сказалъ Косцюшко, поклонившись.

— Забудьте объ отчизнѣ. Ее постигла судьба многихъ другихъ государствъ, о которыхъ осталась память только въ исторіи. Исторія навѣки сохранитъ объ васъ прекрасное воспоминаніе.

— О, я предпочиталъ бы быть забытымъ, лишь бы моя отчизна была свободна! Дѣйствительно, пало много государствъ, но паденіе Польши не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ исторіи.

— Почему, любезный генералъ? Вѣдь, государства греческое и римское были же раздѣлены?

— Правда, государь, но они были покорены оружіемъ и утратили свободу раньше, чѣмъ существованіе. Между тѣмъ, Польша пала въ то время, когда достигла желаемой свободы и когда проявила наивысшую степень энергіи и патріотизма. Тѣ государства, если бы довольствовались собственною территоріею, если бы честолюбіе ихъ ограничивалось жаждою блеска и могущества, которое зависитъ отъ доброкачественности внутренняго управленія и если бы они желали оставаться спокойными на столько, на сколько Польша испоконъ вѣка къ этому стремилась—скажу положительно—они могли бы существовать.

— Но вы согласны, что ваша Польша не шла объ руку съ сосѣдними государствами и что ваши соотечественники сами служили орудіемъ гибели своей отчизны.

— Увольте меня, ваше величество, отъ дальнѣйшаго объясненія, ибо о паденіи моей отчизны я не могу безъ сердечной боли ни говорить, ни мыслить.

— Это нимало меня не обижаетъ. Я еще болѣе уважаю васъ. Мнѣ даже доставляетъ удовольствіе разговаривать съ вами объ этомъ, ибо въ первый разъ мнѣ приходится говорить съ гражданиномъ, который на самомъ дѣлѣ любитъ свое отечество. Если бы большая часть поляковъ думали такъ, какъ вы, Польша могла бы еще держаться.

— Такихъ, государь, была большая часть. Ваше величество могли бы быть свидѣтелемъ той гражданской доблести и того патріотизма, кои представили необыкновенныя доказательства во время послѣдняго возстанія. Знаю, какъ старались дать вашему величеству ложное и самое худшее представленіе о нашемъ народѣ. Ославили его передъ цѣлымъ міромъ толпою отъявленныхъ разбойниковъ, не признающихъ справедливости и недостойныхъ самаго существованія. Всеобщую патріотическую ревность, клонившуюся единственно къ пользѣ отечества, къ освобожденію его изъ утѣсненія и неустройства—называли „бунтомъ“.

Наилучшія гражданскія стремленія считали причиною и слѣдствіемъ разъяреннаго якобинства. Наконецъ, не только вопреки всякой справедливости, но даже вопреки несомнѣнной выгодѣ Россіи, уничтоженіе нашей несчастной родины путемъ окончательнаго разбора ея областей,—выставляли самою спасительною мѣрою.

Отсюда—столько соблазна небезопаснаго для существованія всѣхъ государствъ, столько дурныхъ послѣдствій, столько всеобщаго несчастья, столько жертвъ! Такъ что если бы, собравъ все это вмѣстѣ, представить вашему императорскому величеству, когда бы васъ не заслоняли тѣ, кои все, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, считаютъ за ничто и для того окружаютъ престолъ, чтобы не имѣли къ нему доступа правда и человѣколюбіе—то такое великодушное, такое доброе сердце, какъ вашего величества, безъ сомнѣнія, сжалилось бы надъ судьбою нашего народа.

— Смотрите, какая высокая доблесть чувствъ! сказалъ Павелъ, обращаясь къ свитѣ.

— Простите, ваше величество, быть можетъ, я зашелъ слишкомъ далеко.

— Нѣтъ! Напротивъ, вы заставили меня задуматься, вы тронули мое сердце. Прощайте! Теперь ни о чемъ не думайте, заботьтесь только о своемъ здоровьи. Я отдалъ приказаніе, чтобы вы ни въ чемъ не имѣли недостатка. Если чего желаете—скажите смѣло, вѣрьте мнѣ, какъ своему другу, ибо я дѣйствительно вашъ другъ и желаю, чтобы вы взаимно были моимъ.

— Моими чувствами пребудутъ навсегда глубочайшее почтеніе и искреннѣйшая благодарность.

— Прибавьте, и дружба... Прощайте. До свиданія, сказалъ Павелъ.

Другой разъ при свиданіи между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Какъ поживаете, генералъ? Чѣмъ вы такъ опечалены? Отчего такъ грустны? спросилъ Павелъ.

— Я получилъ отъ вашего императорскаго величества самый дорогой даръ—свободу, но развѣ можетъ отразиться на лицѣ радость, когда еще на сердцѣ глубоко лежитъ печаль.

— Какая же тому причина?

— Мои собратья еще не освобождены.

— Они будутъ освобождены, повѣрьте моему слову.

— Государь! первый разъ въ жизни преклоняю колѣна передъ человѣкомъ; но въ лицѣ вашего величества я почитаю благодѣтеля и избавителя человѣчества, сказалъ Косцюшко, преклоняя колѣна.

— Встаньте, прошу васъ! сказалъ Павелъ, приподнимая его.

— И Потоцкій и Нѣмцевичъ?

— Послушайте, генералъ,—первый уже освобожденъ, а другой человѣкъ, какъ говорятъ, безпокойнаго и строптиваго характера... относительно его я еще колеблюсь нѣсколько...

— Нѣмцевичъ всегда разумно служилъ отчизнѣ, и я смѣло могу поручиться передъ вашимъ величествомъ, что онъ останется спокойнымъ.

— Мнѣ этого достаточно. Не останется и онъ, единственный изъ поляковъ, которому бы я не возвратилъ свободы. Скоро увидите его свободнымъ. Но я знаю, что вы недостаточно обезпечены. Вотъ вамъ дарственная запись на 300 душъ въ Витебской губерніи, а вотъ бумаги на отпускъ изъ моей казны 60.000 рублей.

— Съ благодарностью принимаю благодѣяніе, какъ новое доказательство великодушія вашего величества. Но ежели я могу воспользоваться имъ, дозвольте, государь, удѣлить часть моимъ собратьямъ, нуждающимся болѣе меня.

— Какія благородныя мысли! дѣлайте, какъ вамъ угодно. Чѣмъ болѣе я васъ узнаю, тѣмъ болѣе васъ уважаю. Но скажите мнѣ, другъ мой, гдѣ вы думаете выбрать для себя мѣсто жительства? Я очень былъ бы радъ, если бы вамъ понравилась моя страна, если уже не по какимъ-либо другимъ причинамъ, то хотя бы потому, что вы имѣете въ немъ (указывая на себя) друга и что въ числѣ моихъ владѣній есть ваша родина.

— Уже тамъ, гдѣ я родился, не найду себѣ родины [1]). Найду ее въ той странѣ, въ которой окончу свою жизнь. Эта страна— Америка [2]). За свободу той и другой родины я жертвовалъ своею жизнью. Малѣйшее счастье первой проникаетъ и всегда будетъ проникать радостью мое сердце.

— Я не порицаю вашихъ столь прекрасныхъ поводовъ къ соболѣзнованію. Но, другъ мой, надо покориться судьбѣ; вы знаете, какъ она непостоянна, какъ часто мѣняетъ положеніе дѣлъ, какъ эта перемѣна иногда даже превосходитъ наши надежды.

— Ахъ! Если бы хотя была надежда...

— Не печальтесь. Не волнуйтесь. Это вредно для вашего здоровья. Надѣйтесь на Провидѣніе: кто знаетъ, какой путь предназначила судьба вашей родинѣ. Иногда и корабль въ бурю исчезаетъ изъ людскихъ глазъ, погружаемый волнами, но вдругъ снова вздымался на верху ихъ и, потрясенный бурною стихіею, остается все же невредимымъ.

---

[1]) Косцюшко родился 12 февраля 1746 г. въ Меречавщизнѣ, въ бывшемъ Новогрудскомъ воеводствѣ. *Г. В.*

[2]) Желанію Косцюшки не было суждено исполниться: онъ умеръ (15 октября 1817 г.) въ Солотурнѣ, въ Швейцаріи. Останки его, въ 1818 г., перенесены въ Краковъ и погребены въ катакомбахъ собора на Вавелѣ. *Г. В.*

*

— Однако, меня ожидаетъ моя жена... Бесѣдовать съ вами мнѣ никогда не надоѣстъ. Будьте здоровы и любите меня.

— Вотъ, честный и рѣдкій человѣкъ, сказалъ Павелъ, обращаясь къ свитѣ...

Затѣмъ, пожавъ Косцюшкѣ руку и поцѣловалъ его въ лобъ, удалился.

Часто потомъ императоръ посѣщалъ Косцюшко, часто выходилъ съ нимъ въ особую комнату, часто, если не могъ быть самъ, присылалъ къ нему своего камергера, справиться объ его здоровьѣ; нѣсколько разъ былъ со своимъ сыномъ, великимъ княземъ Александромъ.

Однажды подъѣхала къ мѣсту заключенія Косцюшко царская карета съ камергеромъ. Косцюшко, одѣтый въ американскій военный мундиръ, голубаго цвѣта съ бѣлыми обшлагами, при шпагѣ, сѣлъ въ карету.

Великое множество народа, желая видѣть Косцюшко, собралось на улицѣ, по которой проѣзжалъ онъ во дворецъ, такъ что экипажъ едва могъ двигаться.

При входѣ во дворецъ ожидало нѣсколько пажей съ кресломъ, чтобы на немъ, въ виду слабаго здоровья Косцюшко, внести его по лѣстницѣ въ покои. Тамъ императоръ Павелъ, взявши Косцюшко за руку, провелъ въ аппартаменты императрицы.

Послѣдняя приняла плѣннаго генерала весьма любезно. При этомъ присутствовали и царскія дѣти.

При отъѣздѣ императоръ Павелъ далъ Косцюшко три свои экипажа, прислалъ вексель на 12.000 рублей, на дорожные расходы и ассигновку на 6.000 руб. годовой пенсіи. Императрица подарила Косцюшко бумажникъ, вышитый собственными руками, съ медальономъ своимъ и супруга, осыпаннымъ брилліантами, и вложила въ этотъ бумажникъ вексель на три тысячи червонцевъ [1]).

Сообщилъ **Г. А. Воробьевъ.**

---

[1]) По свидѣтельству біографа Косцюшко P. Jullien'a, безкорыстіе Косцюшко простиралось до того, что онъ отослалъ изъ Англіи обратно, при письмѣ, царскіе подарки. *Г. В.*

Императоръ Николай I въ военно-судныхъ конфирмаціяхъ.

(Историко-юридическій этюдъ).

Въ настоящемъ этюдѣ я приведу резолюціи по военно-суднымъ дѣламъ императора Николая I, пользуясь архивными первоисточниками. Этюдъ, при всей эпизодичности положенія, пріобрѣтаетъ все-таки значеніе въ виду того, что—насколько мнѣ извѣстно—эти резолюціи въ громадномъ большинствѣ случаевъ никогда не были обнародываемы, да и во всякомъ случаѣ не составляли еще предмета самостоятельнаго, хотя бы краткаго, очерка. Нужнымъ полагаю предварить, что нижеприводимый этюдъ составляетъ, въ хронологическомъ отношеніи, продолженіе моихъ же этюдовъ „Изъ русской военно-уголовной старины", касающихся временъ императоровъ Павла I и Александра I [1]).

Говоря о военно-судебномъ прошломъ за царствованіе императора Николая I, нужно прежде всего остановиться на „генеральномъ" военномъ судѣ, произведенномъ въ 1853 г. надъ предсѣдателемъ и членами высочайше утвержденнаго въ 18 день августа 1814 г. комитета (нынѣ Александровскаго комитета о раненыхъ). Къ этому первенствующему значенію дѣла въ русской военно-уголовной лѣтописи обязываютъ личности подсудимыхъ—заслуженныхъ генераловъ русской арміи.

Въ означенномъ комитетѣ было обнаружено хищеніе свыше чѣмъ на милліонъ рублей. Хищеніе было произведено директоромъ комитетской канцеляріи тайнымъ совѣтникомъ Политковскимъ, пользовавшимся въ комитетѣ особымъ довѣріемъ со стороны предсѣдателя и членовъ. Самъ Политковскій умеръ, а суду были преданы „за бездѣйствіе власти, безпечность и допущеніе важнаго государственнаго

---

[1]) Этюды напечатаны въ прошломъ году въ „Русской Старинѣ" (августъ) и въ Варшавскомъ военномъ журналѣ (октябрь).

ущерба" генералъ Ушаковъ, какъ предсѣдатель, и адмиралъ Колзаковъ, генералы Мандерштернъ, Арбузовъ, Граббе и Засъ, какъ члены. Кромѣ Мандерштерна, всѣ поименованныя лица были содержимы подъ арестомъ.

Какъ и нужно было думать, генералы, изъ которыхъ пятеро носили до того времени званіе государевыхъ генералъ-адъютантовъ, не принимали рѣшительно никакого участія въ расхищеніи суммъ, имѣвшихъ филантропическое назначеніе. Да ихъ и не обвиняли въ этомъ. Роковое довѣріе къ Политковскому привело ихъ на скамью подсудимыхъ.

Судъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, въ составѣ полныхъ генераловъ и членовъ генералъ-аудиторіата, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, пришелъ къ заключенію, что наиболѣе виновными оказываются генералъ Ушаковъ и адмиралъ Колзаковъ, какъ состоявшіе въ комитетѣ довольно продолжительное время; при томъ первый, какъ предсѣдатель, имѣлъ болѣе прочихъ членовъ возможности и способовъ ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ комитета. Меньшая вина была признана генеральнымъ судомъ для генераловъ Граббе и Засса, по недавнему, менѣе года, нахожденію ихъ на службѣ въ комитетѣ, и для генерала Мандерштерна, не имѣвшаго возможности удѣлять большаго вниманія дѣятельности комитета по своимъ занятіямъ въ должности директора Чесменской богадѣльни.

Поэтому судъ приговорилъ: Ушакова—къ исключенію изъ службы, съ выдержаніемъ подъ арестомъ шесть мѣсяцевъ, Колзакова — къ исключенію изъ службы, Арбузова, Граббе и Засса — къ трехмѣсячному аресту и Мандерштерна—къ мѣсячному аресту.

Этотъ приговоръ былъ повергнутъ на высочайшую конфирмацію, которая и послѣдовала 10 апрѣля 1853 г.

Привожу текстъ этой резолюціи.

„Приговоръ суда касательно г. Ушакова нахожу правильнымъ, но считаю гораздо виновнѣе въ томъ, что дозволилъ себѣ дерзко настаивать въ награжденіи Политковскаго, не смотря на мои отказы, тогда какъ отличія нисколько съ его стороны не было, но, напротивъ того, ежели бъ Ушаковъ исполнилъ свою обязанность по долгу данной присяги, воровство бы открылось; потому приговоръ суда утверждаю во всей силѣ. Адмирала Колзакова, вмѣнивъ лишеніе генералъ-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе, уволить отъ службы. Генерала Мандерштерна, вмѣнивъ судъ въ наказаніе, возвратить къ прежней должности коменданта. Генерала Арбузова, вмѣнивъ лишеніе генералъ-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе и принявъ въ соображеніе малое нахожденіе въ наличности при коми-

тетѣ за командировкой къ командованію гренадерскимъ корпусомъ, избавить отъ дальнѣйшаго взысканія и возвратить къ должности инспектора гвардейскихъ и гренадерскихъ резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ. Генералъ-лейтенантовъ Граббе и Засса признаю виновными только въ томъ, что, усумнясь въ правильности существовавшаго порядка въ комитетѣ, не довели объ этомъ, какъ генералъ-адъютанты, до Моего свѣдѣнія, за что́ объявить имъ строжайшій выговоръ и отъ дальнѣйшаго взысканія освободить".

Для полноты замѣчу, что Арбузовъ, Граббе, Зассъ и Колзаковъ были вскорѣ снова назначены генералъ-адъютантами: первый—15 апрѣля 1854 г., второй и третій — 25 іюля 1854 г. и послѣдній 17 ноября 1855 г.

Разслѣдованіе преступленій должно вестись узаконеннымъ путемъ. Пытка устраняется изъ дозволенныхъ мѣръ къ исторженію сознанія отъ подсудимаго. Между тѣмъ, при разслѣдованіи дѣла о кражѣ новозакатальскій плацъ-маіоръ Грибовскій „пыталъ" казака Губина и урядника Шимкова „голодомъ, а послѣдняго, для возбужденія жажды, кормилъ икрой и запрещалъ давать ему пищу", а и. д. новозакатальскаго коменданта маіоръ Печковскій „приказалъ запереть его въ барбетъ, гдѣ были мертвыя тѣла и смрадъ отъ нихъ, а потомъ содержать связаннымъ въ коридорѣ дома комендантскаго управленія". Генералъ-аудиторіатъ приговорилъ Грибовскаго и Печковскаго къ разжалованію въ рядовые. Но строже посмотрѣлъ на дѣло императоръ Николай I, и пытка, противная закону и чувству человѣчности, вызвала суровую резолюцію положенную 22 сентября 1850 г.: „маіоровъ Грибовскаго и Печковскаго, лишивъ чиновъ, орденовъ и дворянства, отдать на десять лѣтъ въ крѣпостные арестанты".

Другое дѣло, вызвавшее преданію суду лицъ, примѣнявшихъ пытку, касалось кражи изъ Симбирскаго уѣзднаго казначейства болѣе 30 т. р. Обвинявшіеся въ кражѣ чины мѣстнаго гарнизоннаго батальона Васильевъ, Диковъ, Рѣзцовъ и Казанжъ были „вынуждаемы къ сознанію слѣдующими истязаніями": 1) „наказаніемъ розгами и палками въ сараѣ полицейскаго дома и въ квартирѣ бывшаго окружнаго генерала генералъ-лейтенанта Мандрыки, пріѣхавшаго въ Симбирскъ для содѣйствія слѣдственной коммиссіи къ открытію виновныхъ; 2) содержаніемъ Рѣзцова и Казанжи закованными въ ножныхъ кандалахъ и съ надѣтыми на руки кожаными рукавицами, въ которыхъ они не могли владѣть руками, а рядового Дикова—съ закованными назадъ руками; 3) изнуреніемъ рядового Васильева жаж-

дою, для сильнѣйшаго возбужденія коей кормили его соленою рыбою и, не давая воды, поили водкою". Противъ 2-го и 3-го пунктовъ государь поставилъ знакъ нотабене (NB) и написалъ слово: „пытка"; въ конфирмаціи же, положенной на это дѣло 31 декабря 1853 г., было изложено: „ежели всякое преступленіе должно быть изслѣдовано и преслѣдовано по законамъ, то тѣмъ строже наблюдать должно, чтобы изслѣдованіе производилось въ порядкѣ, а не пыткой, которая составляетъ не менѣе важное преступленіе и ничѣмъ извиняема быть не можетъ: виновныхъ въ семъ предать военному суду"; слова „порядкѣ" и „пыткой" подчеркнуты собственноручно императоромъ Николаемъ I.

Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть о замѣчаніи государя на незаконное наложеніе оковъ на обвиняемаго дворянина. Дворянинъ Рабцевичъ, обвинявшійся въ „буйственныхъ поступкахъ противъ нижнихъ чиновъ", былъ доставленъ въ Минскъ закованнымъ, въ противность уставу, по которому дворяне „должны содержаться подъ строгимъ карауломъ со всѣми правилами предосторожности, кромѣ тѣлеснаго наказанія, къ коему оковы причисляются". Резолюція, положенная въ февралѣ мѣсяцѣ 1854 г., касалась высшаго представителя мѣстной власти: „генералъ-адъютанту Бибикову поставить на видъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ".

Сознаніе подсудимаго въ предъявленномъ обвиненіи, по существующему закону, не связываетъ судъ обязательнымъ обвинительнымъ приговоромъ, и судъ, не взирая на это сознаніе, можетъ оправдать подсудимаго. Въ то же время несознаніе подсудимаго, уличающагося судебными доказательствами, ни на минуту не остановитъ судъ признать подсудимаго виновнымъ: судъ строитъ свой приговоръ на показаніяхъ свидѣтелей. Подобное подтвержденіе о неприданіи абсолютной вѣры объясненіямъ подсудимаго встрѣчается въ резолюціи, положенной на дѣло о рядовомъ С.-Петербургской инвалидной команды Вдовицынѣ. Вдовицынъ занимался перепискою бумагъ въ канцеляріи с.-петербургскаго гарнизоннаго батальона; 21 іюня 1850 г. онъ отлучился изъ казармъ и напился до нетрезваго состоянія; на улицѣ его повстрѣчалъ рядовой Соберъ, который и повелъ его по Воскресенскому мосту, гдѣ Вдовицынъ вырвался изъ рукъ Собера и бросился въ Неву, но былъ благополучно вытащенъ изъ воды. Подсудимый объяснить свои поступки не могъ, отозвавшись безпамятствомъ; свидѣтельствовавшій Вдовицына физикатъ допускалъ возможность болѣзненнаго его состоянія, а потому

генералъ-аудиторіатъ полагалъ освободить его отъ наказанія за покушеніе на самоубійство, признавъ виновнымъ лишь въ нетрезвомъ поведеніи и самовольной отлучкѣ. По дѣлу, между прочимъ, выяснилось, что еще въ 1848 г. Вдовицынъ за пьянство и самовольную отлучку былъ лишенъ, властью батальоннаго командира полковника Дебиля, унтеръ-офицерскаго званія и приговоренъ къ ста ударамъ розогъ; въ то время еще не было извѣстно начальству Вдовицына происхожденіе его изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія генералъ-аудиторіата, который полагалъ полковнику Дебилю объявить выговоръ за то, что онъ „оштрафовалъ Вдовицына безъ производства изслѣдованія и даже безъ отобранія отъ него показанія и за употребленіе въ канцеляріи для письма“. Резолюція отъ 18 октября 1851 г. гласила: „хотя приговоръ и утвержденъ, но нахожу, что вѣры давать негодяю, уже бывшему за пьянство въ штрафѣ, отнюдь не слѣдовало, а еще менѣе избавлять отъ заслуженнаго вторично наказанія, равно какъ и за покушеніе на самоубійство; полковника Дебиля арестовать на восемь дней за неосновательность“.

Дѣяніе не вмѣняется въ вину подсудимому при совершеніи его имъ въ припадкѣ безпамятства. Здѣсь нѣтъ преступника, а есть больной, подлежащій не наказанію, а лѣченію. Въ современной юридической практикѣ признаніе подсудимыхъ душевно-больными составляетъ заурядное явленіе. Но не таковымъ оно было въ годы императора Николая I. Каждая высочайшая резолюція, затрогивающая этотъ сложный юридическій вопросъ, является новшествомъ.

Отставной поручикъ л.-гв. драгунскаго полка Жандръ произвелъ на улицѣ выстрѣлъ, не причинивъ никакого вреда. Жандръ былъ преданъ суду, и 28 мая 1826 г. послѣдовала высочайшая конфирмація: „объявить семейству поручика Жандра, что онъ можетъ быть имъ отданъ только тогда, когда дадутъ подписку, что его будутъ держать запертымъ съ тѣмъ, чтобы онъ подъ собственною отвѣтственностью не могъ дѣлать никому никакого зла, а когда они не возьмутъ лично за сіе отвѣтственность, о чемъ прежде донести, то перевести его въ Обуховскую больницу и подвергнуть его должному медицинскому излѣченію и надзору, все на счетъ казны“ [1]). Слѣдовательно, больной подсудимый отдавался на поруки родственниковъ; любопытна здѣсь однако оговорка, что, при согласіи родственниковъ взять на поруки подсудимаго, послѣдній, при совершеніи новаго

[1]) Эта резолюція писана не собственноручно государемъ.

преступленія, подлежалъ личной отвѣтственности, т. е. не представлялъ субъекта, изъятаго отъ уголовнаго преслѣдованія.

Въ смыслѣ невмѣненія въ вину преступленія, совершеннаго въ то время, какъ подсудимый не находился въ равновѣсіи своихъ душевныхъ и умственныхъ силъ, находится резолюція по дѣлу о штабсъ-капитанѣ генеральнаго штаба Ситниковѣ. Эта резолюція, допускавшая, что преступленіе совершено не „въ здравомъ умѣ“, влекла уголовное наказаніе, хотя, по своей мягкости, и не соотвѣтствовавшее мѣрѣ содѣяннаго; иначе говоря, эта резолюція какъ бы вносила въ юридическую практику возможность установленія въ среду уменьшающихъ вину обстоятельствъ душевной болѣзни, когда послѣдняя не доказана категорически, но и не опровергнута рѣшительнымъ образомъ.

Ситниковъ въ 1830—31 гг. составилъ рядъ „возмутительныхъ“ писемъ политическаго характера, съ туманными ссылками на священное писаніе. За это онъ былъ преданъ суду. По дѣлу же выяснилось, что еще въ 1829 г. онъ обратился съ всеподданнѣйшей просьбой о выдачѣ ему въ пособіе 25 т. р., при чемъ предлагалъ ввести въ систему уголовныхъ наказаній смертную казнь за совершеніе неравныхъ браковъ, „какъ пружину, вооружающую молодыхъ людей“, и доносилъ о „сговорѣ“ любимой имъ дѣвицы за одного престарѣлаго генерала. Возникло сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Ситникова, и онъ былъ освидѣтельствованъ свѣтилами тогдашней современной медицинской науки Вилліе и Рюлемъ; въ заключеніи этихъ врачей было сказано о подсудимомъ, что онъ „вовсе не сумасшедшій“, а „имѣетъ, какъ говорится, горячую голову, равно пылкій, злобный и мстительный характеръ, а, слѣдовательно, есть предметъ, достойный жалости“. Высочайшая резолюція на дѣлѣ отъ 14 апрѣля 1832 г. гласила: „поелику я не вѣрю, чтобъ въ здравомъ разсудкѣ кто-либо могъ рѣшиться на подобное покушеніе, то штабсъ-капитана Ситникова, лишивъ знаковъ отличія, отставить отъ службы и, какъ опаснаго въ обществѣ, заключить въ монастырь“.

Въ случаѣ болѣзни подсудимаго наказаніе должно быть примѣнено съ особою осмотрительностью и даже замѣнено другимъ. Нѣсколько военно-плѣнныхъ бывшихъ польскихъ войскъ были преданы суду за самовольную отлучку съ пути. Одинъ изъ подсудимыхъ оказался больнымъ. Поэтому 8 октября 1834 г. государь конфирмовалъ дѣло резолюціей, гдѣ, между прочимъ, излагалъ: „больного по должномъ освидѣтельствованіи отправить на родину“.

Одобрительный отзывъ начальства о нравственныхъ и служебныхъ качествахъ подсудимаго является обоюдоострымъ средствомъ при сужденіи о возможности смягченія ему наказанія. Главнымъ тормозомъ въ безусловномъ принятіи въ соображеніе этого отзыва служитъ сомнѣніе въ томъ, что эта аттестація вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ: вѣдь возможно, что начальство пожалѣетъ подсудимаго и пожелаетъ облегчить его участь путемъ даже не вполнѣ достовѣрной аттестаціи.

Императоръ Николай I, конфирмуя дѣла, всегда обращалъ вниманіе на то, соотвѣтствуетъ ли истинѣ аттестація.

Бухгалтеръ Сохранной казны С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта, коллежскій ассесоръ Петровъ, рапилъ кинжаломъ свою жену, будучи въ нетрезвомъ видѣ. Судъ приговорилъ Петрова къ десятилѣтней каторгѣ. Дѣло, кажется, должно было разрѣшиться просто; но вышло не такъ. По дѣлу было видно, что начальство аттестовало Петрова хорошо, а жена его и товарищъ Матвѣевъ отозвались о немъ, какъ о человѣкѣ, сильно преданномъ злоупотребленію спиртными напитками. И это маленькое обстоятельство остановило вниманіе государя, который 29 ноября 1849 г. конфирмовалъ дѣло резолюціей: „вмѣсто каторги отдать въ крѣпостные арестанты въ Свеаборгъ; опекунскому совѣту объявить мое удивленіе и крайнее неудовольствіе, что не только не далъ знать про укоризненное поведеніе сего чиновника, но при вопросѣ моемъ, какого былъ поведенія до происшествія, осмѣлился его аттестовать хорошо, а директора, какъ непосредственнаго его начальника, посадить на 24 часа на гауптвахту, въ примѣръ другимъ“.

За нетрезвое состояніе былъ преданъ суду прапорщикъ Модлинскаго пѣхотнаго полка Кривчиковъ. По дѣлу оказалось, что 18 октября 1840 г. онъ былъ преданъ суду, а черезъ мѣсяцъ былъ произведенъ въ прапорщики, такъ какъ былъ хорошо аттестованъ, но кѣмъ именно былъ такъ аттестованъ,—неизвѣстно. 27 августа 1841 г. государь конфирмовалъ дѣло резолюціей: „обстоятельства неправильной аттестаціи изслѣдовать во всей строгости“.

Суду былъ преданъ прапорщикъ Кишиневскаго гарнизоннаго баталіона Глушковъ; изъ дѣла выяснилось, что Глушковъ неоднократно до суда замѣчался въ нетрезвомъ поведеніи, а между тѣмъ баталіонный командиръ маіоръ Гребскій аттестовалъ его хорошо. 18 января 1841 г. дѣло было конфирмовано: „маіора Гребскаго, какъ неблагонадежнаго, отъ командованія баталіономъ отрѣшить, съ переводомъ въ другой“.

Наконецъ, любопытная резолюція была положена 26 октября 1844 г. на дѣло о прапорщикѣ Воронежскаго гарнизоннаго батальона Чекановѣ, произведенномъ изъ унтеръ-офицеровъ гвардейской инва-

лидной команды и обвиненномъ въ растратѣ прогонныхъ денегъ: „его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу не оставить строго взыскать съ виновныхъ въ удостоеніи къ производству въ офицеры подобнаго поведенія унтеръ-офицера, что и отношу къ безпечности ближайшаго начальства". Въ то время Михаилъ Павловичъ стоялъ во главѣ гвардейскаго корпуса.

При Николаѣ I примѣнялись шпицрутены. Замѣчателенъ здѣсь слѣдующій случай.

Офицеры Курскаго гарнизоннаго батальона капитанъ Череповъ, штабсъ-капитанъ Шумаковъ и поручикъ Рославлевъ наказывали рядового 15 егерскаго полка Евсѣева шпицрутенами. За третій побѣгъ Евсѣевъ былъ приговоренъ къ прогнанію сквозь тысячу шпицрутеновъ четыре раза; при производствѣ экзекуціи, на второмъ разѣ, онъ упалъ; его посадили на телѣжку и докончили экзекуцію. Врачъ при экзекуціи не присутствовалъ. Чрезъ нѣсколько часовъ Евсѣевъ умеръ. Офицеры были преданы суду, а 21 іюля 1827 г. послѣдовала по ихъ дѣлу резолюція: „всѣхъ разжаловать въ рядовые до выслуги". Слѣдовательно,—чувствую, что мнѣ съ улыбкою поспѣшать замѣтить зоилы — шпицрутены даже причиняли смерть. Увы, да! долженъ отвѣтить я. Но виновные въ этомъ непростительномъ поступкѣ офицеры понесли сами за это нелегкое наказаніе.

Въ конфирмаціяхъ государь не рѣдко смягчалъ приговоръ, гдѣ дѣло шло о тяжеломъ тѣлесномъ наказаніи.

Значительное число нижнихъ чиновъ Кишиневскаго батальона было отдано подъ судъ „за пьянство, буйство и ослушаніе офицера". Часть ихъ была приговорена къ наказанію палками. Но 6 апрѣля 1833 г. государь, соглашаясь съ заключеніемъ генералъ-аудиторіата, сдѣлалъ въ резолюціи оговорку: „согласенъ, но вмѣсто палокъ наказать розгами".

21 августа 1847 г. государь конфирмовалъ дѣло о мятежникахъ киргизахъ. Изъ подсудимыхъ трое были приговорены къ смертной казни; государь повелѣлъ отправить ихъ въ арестантскія роты, на двадцать лѣтъ каждаго; муллу, вмѣсто отдачи въ солдаты, было высочайше повелѣно отправить тоже въ арестантскія роты, но на пятнадцать лѣтъ; трое киргизовъ были присуждены къ наказанію шпицрутенами; это наказаніе государь замѣнилъ тоже арестантскими ротами.

Здѣсь же нужно упомянуть о конфирмаціяхъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи съ крестьянами.

Отставной поручикъ Карцовъ былъ обвиненъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами; онъ предавалъ погребенію умершихъ безъ

христіанскаго обряда и не разрѣшалъ ходить имъ на исповѣдь и къ принятію Св. Таинъ. Генералъ-аудиторіатъ далъ заключеніе о ссылкѣ Карцова въ Иркутскую губернію на житье, съ отдачею въ смирительный домъ на два года. На дѣло послѣдовала 20 января 1855 г. высочайшая конфирмація: „быть по сему, но отослать на десять лѣтъ въ каторжную работу".

Начальникъ Александровской инвалидной команды поручикъ Кривозубовъ, за жестокое обращеніе съ дворовыми людьми, подлежалъ, по мнѣнію генералъ-аудиторіата, разжалованію въ рядовые. 25 января 1840 г. была положена резолюція: „Кривозубова вмѣсто военной службы отдать въ военно-арестантскія роты".

Высочайшая резолюція, положенная 24 сентября 1851 г. на дѣло о дворянинѣ Гродненской губерніи Бортновскомъ, обвиненномъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами и „причиненіи смерти крестьянской малолѣтней дѣвочкѣ", гласила: „опредѣлить рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ".

Даже при „оставленіи въ сильномъ подозрѣніи"—такого рода приговоръ входилъ въ тогдашнюю юридическую практику—обвиняемые въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами несли извѣстную кару. Такъ, помѣщика Курской губерніи дворянина Александра Абрамовича резолюціею отъ 29 сентября 1841 г. было повелѣно: „оставя въ сильномъ подозрѣніи, выслать въ Симбирскъ подъ строгій надзоръ".

Государь преслѣдовалъ настойчиво всякое проявленіе насилія.

18 іюля 1837 г. послѣдовала резолюція: „поручика графа Алопеуса и корнета Бобарыкина за нетрезвое поведеніе и буйство на улицѣ, какъ недостойныхъ не только гвардіи, но и вовсе на службѣ терпимыми быть, слѣдовало бы отставить отъ службы, но, вмѣнивъ имъ въ наказаніе долговременное нахожденіе подъ судомъ и арестомъ, перевесть тѣми же чинами въ Кавказскіе линейные баталіоны; штабсъ-ротмистра Седморацкаго, не только не препятствовавшаго, какъ старшій, но участвовавшаго въ пиру, на которомъ произошло пьянство, выписать тѣмъ же чиномъ въ линейные Кавказскіе баталіоны; членамъ же генералъ-аудиторіата, два раза поставившимъ слабый приговоръ и не обратившимъ должнаго вниманія на позорное поведеніе гвардейскихъ офицеровъ, дѣлаю строжайшій выговоръ"; два послѣднія слова были подчеркнуты собственноручно государемъ. Преступленіе заключалось въ безчинствѣ, произведенномъ на улицахъ Царскаго Села и сопровождавшемся выбитіемъ оконныхъ стеколъ въ домахъ.

„За буйство вооруженною рукою" отставной корнетъ Левшинъ, отставной прапорщикъ Тетеринъ и губернскій регистраторъ Соколовъ,

по заключенію генералъ-аудиторіата, подлежали заключенію въ крѣпости, соотвѣтственно на четыре, шесть и три мѣсяца. Въ резолюціи, положенной на дѣло 12 апрѣля 1847 г., было положено: „г. Левшина выслать на жительство въ Вятку, взявъ имѣніе въ опеку; Тетерина, уже прежде отставленнаго за дурное поведеніе и вновь изобличеннаго въ буйствѣ, разжаловать въ рядовые съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны, а въ прочемъ и касательно положенныхъ всѣмъ арестовъ быть по сему". Слѣдовательно, высочайшая конфирмація не только не несла облегченіе участи подсудимымъ, но даже усиливала имъ наказаніе.

Поручикъ Кирасирскаго принца Вильгельма полка Имзенъ былъ преданъ суду за буйство на улицѣ и оскорбленіе полиціи. Военный судъ призналъ, что Имзенъ дѣйствовалъ „въ безпамятствѣ", но генералъ-аудиторіатъ съ такимъ воззрѣніемъ не согласился, а высочайшая конфирмація отъ 2 марта 1839 г. повелѣвала: „поручика Имзена за буйство на улицѣ и нанесеніе ударовъ полицейскимъ служителямъ при отправленіи ими ихъ должности разжаловать въ рядовые впредь до выслуги; презусу и чинамъ военно-судной коммиссіи и аудитору за неправильныя дѣйствія и явное послабленіе сдѣлать строжайшій выговоръ и арестовать на гауптвахту на восемь дней".

Приведенная резолюція, доказывающая желаніе государя преслѣдовать всякое проявленіе насилія, заставляетъ сдѣлать попутно два-три замѣчанія.

Во-первыхъ, ссылка на нетрезвое состояніе не можетъ идти подсудимому въ оправданіе: совершенный, хотя бы и въ нетрезвомъ состояніи, проступокъ долженъ быть уголовно наказанъ.

Во-вторыхъ, установленіе безпамятства въ моментъ преступленія должно производиться съ особою осмотрительностью.

Въ-третьихъ, наконецъ, государь явился защитникомъ обиженной полиціи въ столкновеніи ея съ офицерами. По этому поводу любопытно привести свѣдѣніе о дѣлѣ жандармскаго прапорщика Андреева. Онъ стоялъ въ нарядѣ близъ театра, какъ къ послѣднему подъѣхалъ не съ надлежащей стороны генералъ-маіоръ Давыдовъ. Андреевъ „оказалъ дерзость генералу, препятствуя идти въ театръ". Онъ былъ преданъ суду и, по заключенію генералъ-аудиторіата, подлежалъ двухнедѣльному аресту. На докладѣ этого дѣла генералъ-адъютантъ Чернышевъ написалъ: высочайше повелѣно исполнить по заключенію аудиторіатскаго департамента, сверхъ того, его величеству угодно, чтобы снестись съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ о томъ, полагаетъ ли онъ нужнымъ удержать прапорщика Андреева въ жандармахъ, такъ какъ онъ доказалъ, что не умѣетъ вести себя прилично сему званію, и съ мнѣніемъ своимъ доставилъ бы справку, от-

куда Андреевъ поступилъ въ жандармы". Слѣдовательно, Андрееву происшествіе грозило въ конецъ испортить его служебную карьеру. Шефъ жандармовъ отвѣчалъ, что Андреевъ, какъ отличающійся хорошимъ поведеніемъ, можетъ быть оставленъ въ корпусѣ жандармовъ. 10 октября 1829 г. послѣдовало повелѣніе объ исполненіи по мнѣнію А. Х. Бенкендорфа.

Религіозныя преступленія влекли суровыя наказанія.

Высочайшая резолюція отъ 30 іюня 1830 г. утверждала заключеніе генералъ-аудиторіата, который удѣльнаго крестьянина Псковской губерніи Якова Савельева, за богохуленіе, полагалъ наказать тридцатью ударами кнута.

Аренсбургскаго гарнизоннаго батальона рядовые Куликовъ и Грибановъ были преданы суду по обвиненію въ отступленіи отъ православія и переходѣ въ старообрядчество. По сентенціи военнаго суда подлежало ихъ сослать въ каторгу, но предварительномъ отсѣченіи у нихъ двухъ пальцевъ, которыми они присягали. Батальонный командиръ полагалъ прогнать ихъ сквозь 500 шпицрутеновъ по 5 разъ, окружной генералъ—прогнать сквозь 500 шпицрутеновъ по 3 раза, а командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи генералъ-отъ-инфантеріи Капцевичъ находилъ возможнымъ прогнать ихъ одинъ разъ сквозь 500 шпицрутеновъ и затѣмъ сослать въ Сибирь на поселеніе. Генералъ-аудиторіатъ соглашался съ мнѣніемъ генерала Капцевича. По дѣлу резолюція состоялась 21 ноября 1830 г. Она была писана рукою В. Ѳ. Адлерберга и гласила: „графу Александру Ивановичу угодно лично объясниться съ его превосходительствомъ Алексѣемъ Николаевичемъ по сему дѣлу и на счетъ исполненія воспослѣдовавшаго по оному высочайшаго разрѣшенія—наказать подсудимыхъ по конфирмаціи генерала Капцевича въ такомъ только случаѣ, если лѣта ихъ и состояніе здоровья то позволятъ безъ опасенія, а вмѣсто ссылки въ Сибирь назначить ихъ въ крѣпостные арестанты, одного—въ Ревель, а другого—въ Динабургъ, повелѣвъ содержать ихъ только въ карцерѣ безъ употребленія въ работѣ".

Во время царствованія императора Александра I случилась извѣстная „семеновская исторія", заключавшаяся въ явномъ неповиновеніи полка своему полковому командиру и причинившая большія огорченія государю. Отголоскомъ этой исторіи въ царствованіе императора Николая I послужило судное дѣло о нѣсколькихъ офицерахъ, бывшихъ въ этомъ полку, и о которыхъ открылись новыя обстоятель-

ства. Въ вину этимъ офицерамъ было поставлено: 1) подполковнику Бородинскаго пѣхотнаго полка Кашкарову—то, что онъ „скрылъ записку фельдфебеля съ именами зачинщиковъ“, 2) полковнику Костромскаго пѣхотнаго полка Вадковскому—то, что онъ „несообразнымъ съ долгомъ службы поведеніемъ далъ усилиться безпорядку“; 3) маіору Тарутинскаго пѣхотнаго полка князю Щербатову—то, что въ письмѣ къ Ермолаеву помѣстилъ „неприличныя выраженія“ и „допускалъ нижнихъ чиновъ забавляться шутками насчетъ полковаго командира“ и 4) отставному полковнику Ермолаеву—то, что по выходѣ въ отставку „заготовилъ вчернѣ оскорбительное письмо къ Шварцу, смѣялся надъ нимъ во время службы при нижнихъ чинахъ, имѣлъ переписку съ послѣдними и домогался видѣться съ арестантами, содержащимися на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ“. Не взирая на пятилѣтнюю давность со дня происшествія, имѣвшаго мѣсто, какъ извѣстно, 16 октября 1820 г., государь конфирмовалъ дѣло 27 февраля 1826 г. строгой резолюціей: „полковника Вадковскаго и подполковника Кашкарова посадить въ крѣпость, перваго—на два съ половиною года, втораго—на два года, послѣ чего отправить на службу въ Кавказскій корпусъ, дабы имѣть случай загладить свой проступокъ; маіора князя Щербатова и отставнаго полковника Ермолаева, лишивъ чиновъ и орденовъ, опредѣлить рядовыми въ Кавказскій же корпусъ впредь до выслуги“.

Рядовой л.-гв. гренадерскаго полка Кирилловъ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ фельдфебеля и въ покушеніи на самоубійство. По заключенію генералъ-аудиторіата подсудимый подлежалъ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжныя работы. Генералъ-адъютантъ Демидовъ полагалъ наказать Кириллова шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ двѣнадцать разъ, при собраніи нижнихъ чиновъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, и ссылкою въ каторжныя работы. Генералъ-адъютантъ Дибичъ находилъ мнѣніе Демидова „болѣе правильнымъ, такъ какъ оно болѣе сообразно съ прежде бывшими примѣрами“. На дѣло послѣдовала 11 сентября 1828 г. высочайшая резолюція: „прогнать сквозь строй по мнѣнію генералъ-адъютанта Дибича“.

Кадетъ Московскаго кадетскаго корпуса Житковъ нанесъ удары тесакомъ штабсъ-капитану того же корпуса Соколовскому, съ намѣреніемъ лишить его жизни. Тяжкое воинское наказаніе со стороны юноши-кадета было вызвано тѣмъ, что Соколовскій послѣ того, какъ его задѣлъ „указательной палочкой“ Житковъ по рукѣ, вырвалъ изъ рукъ кадета эту указку и ударилъ его ею нѣсколько разъ. Соколовскій, по заключенію генералъ-аудиторіата, подлежалъ переводу изъ Московскаго кадетскаго корпуса, какъ оказавшійся неумѣлымъ

въ обращеніи съ кадетами, а Житковъ — къ ссылкѣ въ каторжныя работы; при этомъ было признано полезнымъ, въ служебныхъ видахъ, объявить резолюцію при собраніи всѣхъ кадетъ. 12 ноября 1835 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „Житкова разжаловать въ рядовые до выслуги и отправить на службу въ Сибирскіе линейные баталіоны, а въ прочемъ быть по сему".

Часовой—лицо неприкосновенное. Азбучная истина должна быть извѣстна всякому военному человѣку, поэтому оскорбленіе часоваго составляло довольно крупное воинское преступленіе.

Отставной поручикъ Гаевскій былъ присужденъ за оскорбленіе часоваго къ разжалованію въ рядовые; генералъ-аудиторіатъ ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, принявъ во вниманіе его бытность въ сраженіяхъ и содержаніе подъ арестомъ. Ходатайство не было удовлетворено и резолюціей 4 марта 1848 г. было повелѣно: „отставного поручика Гаевскаго разжаловать въ рядовые".

Въ видахъ поддержанія дисциплины необходимо обращать вниманіе на извѣстную условность въ отношеніяхъ офицеровъ съ нижними чинами, даже если бы послѣдніе были изъ разжалованныхъ офицеровъ. По дѣлу объ оскорбленіи прапорщикомъ Нижегородскаго драгунскаго полка Есиповымъ эскадроннаго командира капитана Головкова 4 іюля 1844 г. была дана высочайшая конфирмація: „надо генералу Нейдгарду приказать наистрожайше наблюдать, чтобъ разжалованные изъ офицеровъ нижніе чины, даже по производствѣ въ унтеръ-офицеры, отнюдь не квартировали съ офицерами, о чемъ и подтвердить прочимъ главнымъ начальникамъ". Конфирмація была вызвана тѣмъ обнаруженнымъ въ судѣ обстоятельствомъ, что разжалованный изъ офицеровъ унтеръ-офицеръ Туманскій жилъ не въ казармахъ, а на частной квартирѣ, имѣя при томъ общеніе съ офицерами.

Любопытнымъ отраженіемъ эпохи разводовъ, манежей и эрзерцигаузовъ служитъ также дѣло полковника Чайковскаго. 30 августа 1831 г. былъ назначенъ разводъ въ г. Севастополѣ; разводъ долженъ былъ принимать губернаторъ, но онъ поручилъ исполнить эту обязанность полковнику Чайковскому; на бѣду къ разводу прибылъ, съ нѣкоторымъ запозданіемъ, генералъ-маіоръ Жерве; не желая уступать своихъ правъ, какъ коменданта, на пріемъ развода другимъ лицомъ, Чайковскій прекратилъ разводъ, произведя при этомъ безпорядокъ. Военный судъ приговорилъ Чайковскаго къ отставленію отъ службы, мотивируя свой сравнительно слабый приговоръ тѣмъ, что побудительныя „причины основаны на прямомъ усердіи его къ должности своей и на истинномъ желаніи удержать ввѣренный ему постъ въ своемъ значеніи" и проступокъ былъ совершенъ „не отъ

злости и умысла, а единственно отъ недоумѣнія". 19 февраля 1832 г. послѣдовала высочайшая конфирмація: „полковнику Чайковскому, заслужившему за дерзость противъ старшаго передъ фронтомъ, быть разжалованнымъ въ рядовые, во уваженіе прежней отличной службы и полученныхъ ранъ, сдѣлать строжайшій выговоръ и выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ; генералъ-маіору Жерве, за подачу неисправности своимъ подчиненнымъ опозданіемъ къ разводу и за прочіе неприличные поступки сдѣлать выговоръ; членамъ же судной коммиссіи за неосновательное и самопроизвольное сужденіе сдѣлать строжайшій выговоръ".

Просмотръ резолюцій заставляетъ сдѣлать еще одно любопытное замѣчаніе. Преслѣдуя нарушеніе подчиненными дисциплины, императоръ Николай I въ дѣлахъ, въ которыхъ были привлекаемы къ отвѣтственности подчиненные совмѣстно съ начальствующими лицами, всегда стоялъ за облегченіе участи младшаго, даже за полное его оправданіе, вполнѣ основательно полагая, что нерѣдко младшій творитъ лишь волю пославшаго.

О пожарѣ интендантскаго магазина въ Одессѣ было произведено слѣдствіе; убытокъ казны простирался до 80 т. р. По мнѣнію ауditоріатскаго департамента, смотрителя магазина штабъ-ротмистра Толстого, за неосмотрительность, надлежало арестовать на мѣсяцъ, а ученику Алексѣеву дать сто ударовъ розогъ. 4 декабря 1830 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ исполненіи, относительно Толстого, по мнѣнію департамента, и о полномъ прощеніи Алексѣева.

Корнетъ поселенныхъ эскадроновъ Новоархангельскаго уланскаго полка Дмитріевъ былъ признанъ виновнымъ въ нападеніи на домъ помѣщика Садовскаго и въ учиненіи тамъ грабежа. По заключенію генералъ-ауditоріата, корнета Дмитріева, принимая во вниманіе его молодость, слѣдовало разжаловать въ рядовые. Виновными же были признаны и нижніе чины. Однако, иначе взглянулъ на это дѣло августѣйшій конфирматоръ, написавшій 19 ноября 1834 г.: „корнета Дмитріева, лишивъ чиновъ и дворянства, отправить въ крѣпостные арестанты въ Бобруйскъ на 10 лѣтъ, по прошествіи коихъ обратить на службу рядовымъ; нижнихъ чиновъ, имъ завлеченныхъ въ грабежъ, избавить отъ наказанія".

Категорически высказывается высочайшее мнѣніе о вовлеченіи нижнихъ чиновъ въ преступленіе приказаніемъ начальства въ резолюціи, положенной 24 марта 1838 г. на дѣло о прапорщикѣ Люблинскаго егерскаго полка Лавровѣ, обвинявшемся, совмѣстно съ нижними чинами, въ самовольномъ захватѣ лошадей у поселянъ и „наказаніи" ихъ фухтелями: „нижнихъ чиновъ не наказывать, ибо исполняли волю начальника".

Даже крѣпостные признавались иногда вовлеченными въ преступленіе приказаніями своихъ господъ. Прапорщикъ Углицкаго егерскаго полка Соболевъ былъ обвиненъ въ убійствѣ и въ покушеніи на грабежъ; Соболева сопровождалъ дворовый человѣкъ, отзывавшійся, что онъ исполнялъ приказаніе барина. 28 мая 1843 г. было высочайше повелѣно: „крѣпостного человѣка въ военную службу отдать, не предавая суду".

Казенная копѣйка и беззаконное завладѣніе ею клеймится строгимъ наказаніемъ.

Въ печати много разъ приводился печальный случай съ командиромъ Эриванскаго карабинернаго полка флигель-адъютантомъ княземъ Дадіаномъ. Будучи на Кавказѣ, въ 1837 г., императоръ Николай I удостовѣрился въ томъ, что князь Дадіанъ не оправдалъ его довѣрія и допустилъ рядъ проступковъ по денежной части. Государь, вспыльчивый въ гнѣвѣ, на смотру лишилъ князя Дадіана свитскаго званія и приказалъ его судить. Въ 1840 г. былъ поднесенъ на высочайшую конфирмацію докладъ объ этомъ дѣлѣ, и 12 мая послѣдовала резолюція: „полковникъ князь Дадіанъ совершенно достоинъ присужденнаго наказанія, вина его сугубо тяжка тѣмъ, что онъ носилъ званіе Моего флигель-адъютанта и, бывъ близкимъ родственникомъ корпуснаго своего командира, какъ бы обязанъ былъ симъ еще болѣе удаляться отъ всего законопротивнаго, служа скорѣе другимъ примѣромъ строгаго соблюденія порядка службы; нарушивъ столь наглымъ образомъ свою обязанность, онъ не достоинъ никакого помилованія; желая, однако, и въ семъ случаѣ оказать возможное вниманіе къ службѣ генералъ-адъютанта барона Розена, повелѣваю, лишивъ полковника князя Дадіана чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и вмѣнивъ трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправить на жительство безвыѣздно въ Вятку".

Даже лица, на обязанности которыхъ лежала ревизія денежныхъ суммъ, подлежали уголовному преслѣдованію, въ случаѣ какихъ-либо преступленій по пользованію этими суммами. Ревизоръ Санктпетербургскаго почтамта Штейнбергъ и младшій сортировщикъ Шагинъ были признаны виновными въ „утайкѣ почтовыхъ сборовъ". Изъ дѣла выяснилось, что „подавательскія книги" не ревизовались счетной экспедиціей въ теченіе полутора лѣтъ. Эту небрежность генералъ-аудиторіатъ полагалъ довести до свѣдѣнія почтоваго начальства. Резолюціей же 8 декабря 1838 г. повелѣвалось: „счетной экспедиціи почтамта сдѣлать строгій выговоръ, внеся членамъ оной въ формуляръ".

Приведу нѣсколько высочайшихъ конфирмацій, иллюстрирующихъ службу офицеровъ николаевскаго времени.

Генералъ-маіоръ Леманъ былъ преданъ суду за наказаніе двухъ горнистовъ шомполами и держаніе безсмѣннаго ординарца. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ ограничиться въ наказаніи генерала содержаніемъ его въ теченіе мѣсяца подъ арестомъ. Высочайшая конфирмація отъ 7 августа 1844 г. усиливала это наказаніе: „уволить отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ“.

Рекрутская партія, которую велъ Московскаго гарнизоннаго батальона прапорщикъ Доссе, была найдена въ сильной степени изнуренною. 6 іюня 1838 г. дѣло о немъ было конфирмовано резолюціей: „какъ ненадежнаго отставить отъ службы“.

Учителя Костромскаго батальона Ивановъ и Петровъ и писецъ Бартеневъ были признаны виновными въ томъ, что не отозвались на окрикъ часоваго и угрожали ему побоями. Резолюціей 21 октября 1850 г. государь утвердилъ приговоръ о нихъ и написалъ: „какъ по дѣлу видно, что часовой занималъ постъ въ фуражкѣ, тогда какъ всякій часовой быть долженъ въ полной формѣ, по уставу предписанной, то за таковой безпорядокъ командира Костромскаго батальона арестовать на трое сутокъ на гауптвахтѣ, а корпусному командиру принять мѣры, чтобы подобнаго нигдѣ не было“.

Поручикъ Навагинскаго пѣхотнаго полка Пасынковъ, бывшій дежурнымъ по Новотроицкому укрѣпленію, оскорбилъ того же полка подпоручика Сверчевскаго; но затѣмъ офицеры помирились и подали соотвѣтствующій рапортъ. Генералъ-маіоръ Оперманъ ограничился наложеніемъ легкаго наказанія на Сверчевскаго—нарядомъ его не въ очередь на дежурство. Военный судъ призналъ фактъ примиренія, но генералъ-аудиторіатъ, считая Пасынкова старшимъ по отношенію къ Сверчевскому, полагалъ написать послѣдняго, какъ нарушившаго дисциплину, въ рядовые, объявивъ при томъ выговоръ суду за признаніе этой „ссоры“ личною обидою. 19 августа 1843 г. заключеніе генералъ-аудиторіата было высочайше утверждено: „быть по сему, а генералъ-маіору Оперману сдѣлать выговоръ за неумѣстныя распоряженія“. Юнкера драгунскаго принца Александра Нидерландскаго полка были преданы суду за дерзость противъ начальства; но суду оказалось, что штабсъ-капитанъ Сергѣевъ, услышавъ слова прапорщика Воскобойникова „къ обидѣ“ юнкера Штерича, не принялъ мѣръ „къ удовлетворенію“ этой обиды и не донесъ о семъ начальству, но далъ „незаконный“ совѣтъ Штеричу — пригласить товарищей и вмѣстѣ съ ними идти къ Воскобойникову съ требованіемъ извиненія. 6 ноября 1842 г. послѣдовала высочайшая конфирмація: „штабсъ-капитана Сергѣева, нарушившаго строгость порядка

подчиненности и возбудившаго все дѣло чрезъ свое противозаконное распоряженіе, отдать подъ судъ".

Поручикъ гусарскаго принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго полка Веселовскій и корнетъ Клястицкаго гусарскаго полка Поляковъ подрались; было конфирмовано 30 іюня 1850 г. высочайшею резолюціею: „отставить отъ службы за неприличное офицерскому званію поведеніе, предоставляя, буде пожелаютъ, начать службу рядовыми". Офицеръ не можетъ быть присвоителемъ чужой собственности. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло о простой кражѣ, учиненной подпоручикомъ образцоваго пѣхотнаго полка Андреяновымъ, полагалъ отъ наказанія его освободить за силою высочайшаго манифеста; но генералъ-аудиторіатъ считалъ, что „офицеръ, учинившій столь постыдные поступки, не можетъ быть терпимъ въ службѣ", а потому далъ заключеніе объ отставленіи его отъ службы, съ отдачею подъ полицейскій надзоръ. Высочайшая резолюція отъ 29 мая 1841 г. гласила: „быть по сему, но запретить жительство въ столицахъ". За буйство, произведенное въ петрезвомъ видѣ, былъ преданъ суду поручикъ Оренбургскаго уланскаго полка Пищальниковъ. Генералъ-аудиторіатъ, принявъ во вниманіе отличную аттестацію Пищальникова, приговорилъ его къ двухмѣсячному содержанію на гауптвахтѣ и переводу въ отдѣльный кавказскій корпусъ. 18 іюня 1842 г. послѣдовала резолюція: „отставить за нетрезвое состояніе".

Житомірскій комендантъ маіоръ Шарамовичъ былъ признанъ виновнымъ въ упускѣ политическаго арестанта Олизара. 3 мая 1835 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „маіора Шарамовича за явное пренебреженіе предписаній начальства и совершенное нерадѣніе къ своей должности разжаловать въ рядовые до выслуги".

С.-Петербургскій маіоръ отъ воротъ капитанъ Богдановъ былъ обвиненъ въ оказаніи посредства при перепискѣ содержавшихся въ крѣпости государственныхъ преступниковъ. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ сослать Богданова въ Сибирь, въ каторжныя работы. Дѣло было конфирмовано 12 сентября 1828 г. резолюціей: „вмѣсто каторги сослать въ крѣпостные арестанты въ Бобруйскъ".

Точно также попадаются нерѣдко дѣла о неисправномъ несеніи гарнизонной службы. Бородинскаго егерскаго полка прапорщикъ Бардинскій, стоя на караулѣ у Спасскихъ воротъ, злоупотреблялъ спиртными напитками и ушелъ, наконецъ, вовсе съ своего поста. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ разжаловать его въ рядовые. Высочайшая конфирмація 14 декабря 1838 г. излагала: „Генералъ-аудиторіатъ положилъ рѣшеніе вовсе не согласное съ законами и пренебреженіемъ

степени виновности подсудимаго, разрушающее порядокъ службы и потому прапорщика Бардинскаго, лишивъ дворянства, разжаловать въ рядовые и отдать въ арестантскія роты до исправленія".

Время императора Николая I было временемъ дуелей. За дуэль обыкновенно не превышало разжалованіе въ рядовые.

Между отставнымъ поручикомъ Навагинскаго полка Остенъ-Сакеномъ и маршъ-коммиссаромъ Добленскаго гауптманскаго суда Клейстомъ произошла дуэль; Клейстъ былъ убитъ, а Сакенъ скрылся за границу; 27 января 1844 г. послѣдовало повелѣніе: „бѣжавшаго за границу Сакена судить, при поимкѣ, какъ бѣглаго и какъ убійцу". Вскорѣ Сакенъ былъ пойманъ и сужденъ; послѣдовало вторичное повелѣніе отъ 19 декабря 1844 г.: „не лишая дворянства, снявъ крестъ, въ рядовые на Кавказъ до выслуги, противъ непріятеля".

Изъ-за пустаго разговора во время обѣда произошла дуэль между штабсъ-ротмистрами л.-гв. гусарскаго полка князьями Яшвилемъ и Долгорукимъ. Произошла дуэль безъ свидѣтелей, князь Долгоруковъ былъ убитъ, а князь Яшвиль преданъ суду. На дѣло была положена 2 іюля 1842 г. Высочайшая резолюція: „въ рядовые до отличной противъ непріятеля выслуги; полковнику Герздорфу, какъ отличному и всѣми уважаемому офицеру должно было не пренебрегать происшедшимъ за обѣдомъ, призвать къ себѣ обоихъ ссорившихся офицеровъ и требовать по званію своему немедленнаго примиренія, тѣмъ болѣе, что все дѣло было столь пичтожно, что болѣе походило на ребячьи шалости, чѣмъ на поступки благородныхъ офицеровъ, когда же присутствуютъ при этомъ старшіе офицера, ихъ долгъ—неприличій не терпѣть и на людяхъ прекращать, предвидя послѣдствія".

Дуэль Лермонтова съ барономъ де Барантомъ была конфирмована 13 апрѣля 1840 г.: „поручика Лермонтова перевесть въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, отставнаго поручика Столыпина и г. Браницкаго освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ". Лермонтовъ въ то время служилъ въ л.-гв. гусарскомъ полку.

Дуэль прапорщика л.-гв. конно-гренадерскаго полка Залѣскаго была конфирмована 11 января 1834 г. „единственно во уваженіе прежней отличной службы продержать годъ въ казематѣ, переведя тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ".

Дуэль прапорщика л.-гв. Преображенскаго полка Веревкина была конфирмована 1 февраля 1834 г.: „прапорщика Веревкина, продер-

жавъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, возвратить на службу". Веревкинъ за дуэль былъ до суда отставленъ отъ службы.

Штабсъ-ротмистръ Богаевскій, бывшій поручикъ гусарскаго Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго полка, вызвалъ на дуэль князя Гагарина; согласно заключенію генералъ-аудиторіата, Богаевскій подлежалъ двухмѣсячному аресту.

Побѣги были также довольно частымъ явленіемъ.

Особенно типичнымъ является въ этомъ отношеніи дѣло о рядовомъ л.-гв. драгунскаго полка Кузнецовѣ. Въ 1814 г. онъ бѣжалъ изъ рядовъ русской арміи и остался въ предѣлахъ Франціи, возвратившись въ Россію лишь въ 1828 г. Добровольная явка послужила поводомъ почти къ полному помилованію Кузнецова; 20 октября 1829 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи Кузнецова въ 1-ую уланскую дивизію, „безъ наказанія", но съ лишеніемъ знака отличія военнаго ордена.

Послѣ турецкой войны было дѣло о бѣгломъ рядовомъ Камчатскаго пѣхотнаго полка Краснодемскомъ. Онъ остался въ Турціи при выступленіи полка въ Россію. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. Командиръ полка полагалъ исключить его изъ воинскаго званія и отдать подъ надзоръ отца; бригадный командиръ считалъ необходимымъ заключить его въ крѣпость на два года; дивизіонный командиръ признавалъ возможнымъ оставить его на службѣ, лишивъ лишь дворянскаго достоинства и переведя въ другой полкъ; корпусный командиръ соглашался съ мнѣніемъ бригаднаго командира. Генералъ-аудиторъ далъ заключеніе о переводѣ въ полки, расположенные въ Россіи. 4 сентября 1830 г. послѣдовала высочайшая конфирмація, строгая, сравнительно съ мнѣніями начальствующихъ лицъ: „отдать на пять лѣтъ въ крѣпостные арестанты въ Бобруйскъ".

Послѣ венгерской кампаніи было дѣло о бѣгломъ прапорщикѣ Люблинскаго егерскаго полка Васильевѣ, который, по взятіи въ плѣнъ венграми, изъявилъ желаніе поступить на венгерскую службу и обращался къ „мятежническому правительству" съ просьбою о выдачѣ ему содержанія. 7 декабря 1851 г. высочайшая конфирмація гласила: „лишивъ чиновъ и дворянства, исполнить надъ симъ весь обрядъ смертной казни по полевому уголовному уложенію до разстрѣлянія, вмѣсто котораго отправить на 20 лѣтъ въ Сибирь на каторжную работу".

Польскій мятежъ принесъ значительное число дѣлъ о побѣгѣ.

За добровольное вступленіе въ ряды польскихъ войскъ въ 1830 г., отступленіе отъ православной вѣры и принятіе чужой фамиліи былъ

преданъ суду отставной подполковникъ Курдиновскій. Онъ былъ приговоренъ къ каторгѣ, но резолюціей 6 іюня 1847 г. она была замѣнена арестантскими ротами: „быть по сему, но за добровольное признаніе въ арестантскія роты вмѣсто каторги". Добровольное признаніе заключалось въ открытіи своего настоящаго званія по взятіи въ плѣнъ русскими.

Унтеръ-офицеръ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка Каминскій былъ преданъ суду за „нарушеніе вѣрноподданнической присяги служеніемъ въ рядахъ бывшихъ польскихъ мятежниковъ". Краткія свѣдѣнія о немъ не лишены интереса: онъ вступилъ въ службу рядовымъ въ Волынскій уланскій полкъ, въ 1820 г. уволенъ въ отставку, въ 1822 г. снова принятъ на службу, а въ 1824 г. переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ; онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1814 гг., за каковыя награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена и медалью за взятіе Парижа; слѣдовательно, служилъ Каминскій довольно продолжительно. Судъ приговорилъ его повѣсить и держать арестованнымъ и закованнымъ въ ножныя желѣза; командиръ полка полагалъ прогнать его два раза черезъ тысячу человѣкъ и сослать въ Сибирь, содержа его, какъ георгіевскаго кавалера, нескованнымъ; начальникъ дивизіи считалъ возможнымъ прогнать его три раза чрезъ пятьсотъ человѣкъ. Генералъ-аудиторіатъ заключалъ о ссылкѣ его въ Сибирь. 25 октября 1834 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „рядовымъ въ дальніе гарнизоны въ Оренбургскій корпусъ".

Юнкеръ гвардейскаго уланскаго полка Якубовскій перешелъ въ мятежныя войска въ 1830 г.; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1831 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ и назвался дворяниномъ Якубинскимъ изъ Галиціи. Сперва онъ былъ направленъ въ Динабургскую арестантскую роту, а въ февралѣ 1832 г. переведенъ на Кавказъ, гдѣ онъ отличился, произведенъ въ унтеръ-офицеры, прапорщики, подпоручики, поручики, штабсъ-ротмистры и получилъ знакъ отличія военнаго ордена и Анны 3 ст.; генералъ-аудиторіатъ далъ заключеніе о ссылкѣ Якубовскаго въ каторжныя работы, но полагалъ возможнымъ его помиловать. 27 января 1849 г. высочайше повелѣно: „лишить знаковъ отличія, употребить по-прежнему на службу".

Военному же суду предавались поляки—невоенные, за участіе въ возстаніи. Судьба ихъ, впрочемъ, была счастливой: конфирмаціи доказываютъ, что императоръ Николай I понималъ въ нихъ чувство къ родинѣ, быть можетъ и ложно понятое, и не желалъ быть ни мстительнымъ, ни злопамятнымъ. Резолюція 8 апрѣля 1841 г. по дѣлу о помѣщикѣ Виленской губерніи Гавріилѣ Огинскомъ гласила: „простить, не возвращая конфискованнаго имѣнія и назначивъ пре-

бываніе во внутреннихъ губерніяхъ, кромѣ столицъ", а резолюція 30 января 1836 г. по дѣлу о помѣщикѣ Волынской губерніи Михаилѣ Чацкомъ носила почти тотъ же характеръ: „простить, имѣнія не возвращать и оставить подъ строгимъ надзоромъ".

Любопытную страницу уголовной старины составляетъ вопросъ о „доносахъ". Любопытно выяснить, въ какой мѣрѣ доносъ почитался закономѣрнымъ явленіемъ и когда онъ влекъ уголовную кару.

Недонесеніе о чемъ-либо, умалчиваніе составляетъ, конечно, наказуемый проступокъ.

Гренадерскаго наслѣднаго принца прусскаго полка штабсъ-капитанъ Эренкрейцъ скрылъ преступленіе нижнихъ чиновъ своей роты, совершившихъ воровство. Хотя онъ и оправдывался желаніемъ сохранить честь своей роты, тѣмъ не менѣе 24 января 1835 г. состоялась обвинительная высочайшая резолюція: „штабсъ-капитана Эренкрейца арестовать на три мѣсяца, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, а потомъ выписать въ армейскіе полки".

Отставной генералъ-маіоръ Патковскій, будучи командиромъ Симбирскаго егерскаго полка, скрылъ, что изъ полка бѣжало 33 человѣка. Генералъ-аудиторіатъ заключалъ о разжалованіи Патковскаго въ рядовые. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-аудиторіатъ довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о наличности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину Патковскаго—прежней безпорочной службы, долговременнаго содержанія подъ арестомъ, совершенія преступленія не изъ корыстныхъ видовъ и просилъ о вмѣненіи ему ареста и суда въ наказаніе. Государь, резолюціею 20 апрѣля 1844 г. согласился съ ходатайствомъ генералъ-аудиторіата, но съ оговоркой: „быть по сему, но мундира не возвращать".

Казакъ Басанецъ уговорилъ служащихъ въ Черниговскомъ земскомъ судѣ Глѣбова и Перфильева написать доносъ на Ященко, рядоваго Черниговскаго гарнизоннаго батальона, о томъ, что онъ будто бы объявлялъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, о своемъ нежеланіи служить государю. 2 января 1827 г. было высочайше повелѣно: „Ященко и прочихъ простить и написать князю Репнину, чтобы объявить Глѣбову и Верзилову не заниматься впредь подобными дѣлами, а въ противномъ случаѣ будетъ поступлено съ ними по всей строгости законовъ, что и исполнить въ случаѣ неисполненія". Слѣдовательно, доносъ окончился весьма благополучно для дѣйствующихъ лицъ.

Нѣсколько лицъ подало доносъ на камергера гр. Огинскаго. Доносъ оказался несоотвѣтствующимъ истинѣ, и нѣкоторыхъ изъ доносчиковъ постигла тяжелая кара; такъ, крестьянина Іоциса и евреевъ

Закса и Петлянскаго присудили, „какъ вполнѣ изобличенныхъ въ подачѣ ложныхъ доносовъ на гр. Огинскаго по личной на него злобѣ, освободивъ отъ заслуженнаго ими тѣлеснаго наказанія за всемилостивѣйшимъ манифестомъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать, какъ людей безпокойныхъ, склонныхъ къ ябедамъ и вредныхъ для общества, въ Сибирь на поселеніе". 26 сентября 1843 г. повелѣно: „никого изъ лицъ сихъ впредь ни къ какимъ дѣламъ не допускать".

Генералъ-маіоръ Моллеръ 3 октября 1826 г. подалъ на высочайшее имя заявленіе о томъ, что департаментъ податей и сборовъ неизвѣстно по какимъ причинамъ уменьшилъ государственный доходъ болѣе, чѣмъ на 250 тысячъ рублей, что при управленіи имъ двумя губерніями онъ довелъ доходъ въ четыре года почти до 7 милліоновъ рублей, каковая цифра впослѣдствіи упала, и что, наконецъ, казна въ Черномъ морѣ „имѣетъ важный ущербъ и недоимку въ выдачахъ большихъ суммъ денегъ и въ корабельныхъ матеріалахъ". Государь на прошеніе положилъ резолюцію: „прежде всего объявить просителю, что, если все, что показываетъ, справедливо, то будетъ удовлетворенъ, но что, если окажется ложь, то будетъ преданъ строгости законовъ, какъ фальшивый доносчикъ; хочетъ ли на сіе рѣшиться?" Моллеръ рѣшился, и началось дѣло, закончившееся конфирмаціею отъ 13 іюня 1830 г.: „хотя и подлежалъ наказанію по всей строгости законовъ, какъ ложный доносчикъ, посадить на три мѣсяца въ крѣпость, а потомъ выслать изъ столицы въ Олонецъ, съ воспрещеніемъ оттуда отлучаться".

Доносъ принимался къ свѣдѣнію, въ случаѣ признанія его справедливымъ. Бухгалтеръ Черноморскаго департамента Яцынъ доносилъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ адмирала Грейга. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ объ этомъ довести до высочайшаго свѣдѣнія. 8 іюля 1837 г. послѣдовала резолюція: „адмиралу Грейгу сообщить рѣшеніе генералъ-аудиторіата, предоставивъ представить свои оправданія".

Унтеръ-офицеръ С.-Петербургскаго внутренняго гарнизоннаго батальона Пироговъ способствовалъ къ открытію злоупотребленія по количеству истребованныхъ на рекрутъ денегъ и по представленію на ревизію фальшивыхъ книгъ. Генералъ-отъ-артиллеріи Капцевичъ высказалъ мнѣніе, что „во уваженіе того, что онъ открылъ злоупотребленіе, которое могло бы продолжаться на долгое время, и что чрезъ то открытіе казна получила въ возвратъ всѣ безъ изъятія перетребованныя деньги, избавить за сіе отъ наказанія". 13 февраля 1836 г. состоялась высочайшая конфирмація: „исполнить по мнѣнію г. Капцевича". Въ производствѣ этого дѣла обращаютъ вниманіе взгляды двухъ высшихъ начальствующихъ лицъ на доносы. Генералъ Капцевичъ выражался, что онъ, „какъ начальникъ, терпитъ доносы и они въ служ-

бѣ нужны"; доносъ же Пирогова онъ называлъ „полезнымъ". Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, не разъ въ теченіе разслѣдованій ходатайствовавшій за Пирогова, писалъ, что, въ случаѣ непримѣненія къ участи Пирогова самой широкой милости его, „примѣръ приведетъ въ опасеніе претерпѣть равную участь всякаго, кто желалъ бы обнаружить злоупотребленіе".

Обособленными представляются резолюціи объ иностранцахъ подсудимыхъ.

Здѣсь упомяну о резолюціи, положенной 18 марта 1837 г. на дѣло поручика Кавалергардскаго полка барона де-Геккерна, нанесшаго, какъ извѣстно, смертельную рану Пушкину на дуэли: „рядового Геккерна, какъ не русскаго подданнаго, выслать съ жандармомъ за границу, отобравъ офицерскіе патенты".

Другое дѣло—о поручикѣ лейбъ-кирасирскаго ея величества полка Сивинисѣ. Онъ былъ обвиненъ въ составленіи, изъ корыстныхъ видовъ, подложныхъ актовъ отъ имени грека Зоя Зосимы. 8 марта 1826 г. состоялась по его дѣлу высочайшая конфирмація: „на мѣсто ссылки въ рудники выслать за границу".

Слѣдовательно, иностранцы не отбывали положеннаго наказанія и изгонялись въ чужіе края изъ предѣловъ Россіи.

Императоръ Николай I былъ строгій и послѣдовательный приверженецъ чистоты семейной жизни. Устои этой жизни, въ томъ видѣ, какъ ихъ выработало предшествующее время, государь считалъ незыблемыми и желалъ ихъ всемѣрно укрѣплять.

За похищеніе изъ дома помѣщика Гранбицкаго его крѣпостной, отставной штабсъ-ротмистръ Ермолинскій получилъ, въ словахъ высочайшей по его дѣлу конфирмаціи отъ 24 октября 1838 г., званіе „развратнаго": „штабсъ-ротмистра Ермолинскаго считать отставленнымъ за развратное поведеніе".

Надѣлавшій много шума въ тогдашнемъ свѣтѣ увозъ корнетомъ л.-гв. гусарскаго полка княземъ Вяземскимъ изъ театральнаго училища дѣвицы Кохъ кончился для виновнаго резолюціей отъ 25 марта 1837 г.: „вмѣнивъ судъ въ наказаніе, перевесть въ армію тѣмъ же чиномъ".

За бракъ, не обставленный законными формальностями, налагалось то же наказаніе.

Флигель-адъютантъ штабсъ-капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка баронъ Розенъ обвинялся въ томъ, что онъ испрашивалъ высочайшее

разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ дочерью генералъ-лейтенанта Иловайскаго, зная о несогласіи на этотъ актъ ея отца; на судѣ этого обвиненія не подтвердилось; наоборотъ, отецъ невѣсты далъ ему, Розену, свое согласіе, но затѣмъ измѣнилъ свое рѣшеніе; Розенъ же былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, узнавъ о несогласіи отца, онъ все же женился на дочери. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ назначить двухнедѣльный арестъ. 23 іюля 1832 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „перевесть маіоромъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ".

Штабсъ-ротмистръ кавалергардскаго полка графъ Ферзенъ тайно вступилъ въ бракъ съ графиней Ольгой Строгановой, увезя ее изъ родительскаго дома. 9 августа 1829 г. послѣдовала высочайшая резолюція по дѣлу Ферзена: „штабсъ-ротмистра графа Ферзена перевести въ Свеаборгскій гарнизонный батальонъ тѣмъ же чиномъ".

Въ связи съ мнѣніемъ о необходимости твердо поддерживать семейныя начала императоръ Николай I уважалъ теплое сыновнее чувство. Даже преступленія, совершенныя въ силу чрезвычайно развитаго сыновняго чувства, развитаго въ ущербъ пользы службы, не вмѣнялись въ вину. Такъ, рядовой 3-го учебнаго карабинернаго полка Бѣлозеровъ совершилъ побѣгъ съ цѣлью повидаться со своей тяжкобольной матерью; побѣгъ—преступленіе, а между тѣмъ дѣло Бѣлозерова было конфирмовано въ 1842 г. резолюціей: „простить".

Предыдущее изложеніе съ достаточною подробностью рисуетъ характеръ конфирмацій императора Николая I.

Членъ Спб. Археологическаго института **Михаилъ Соколовскій.**

Ревность Н. Н. Пушкиной.

12 сентября 1833 г. Пушкинъ писалъ женѣ о томъ, какъ провелъ время въ Казани, гдѣ былъ съ 5 до 8 сентября, и, между прочимъ, сообщилъ ей: „Я... попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду написать ей въ альбомъ, — но Богъ помиловалъ; однако, она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю". Эта „несносная баба" была писательница А. А. Фуксъ, поклонница поэта, въ домѣ которой онъ встрѣтилъ сердечный и теплый пріемъ. 8 сентября, уѣзжая изъ Казани, Пушкинъ писалъ ей: „надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе", и благодарилъ „за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани". Сопоставляя эти два письма къ женѣ объ А. А. Фуксъ и къ самой Фуксъ, профессоръ Е. Бобровъ („А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30—40 годовъ", „Русск. Стар." 1904 г., іюнь, 496—497) находитъ, что Пушкинъ не только проявилъ „безотчетную страсть къ сарказму", но „хотѣлъ подыграться въ тонъ своей супругѣ, которая, какъ столичная щеголиха, конечно, осмѣяла бы захолустную провинціалку" и поэтому „вылилъ цѣлый ушатъ помоевъ" на А. А. Фуксъ. Противъ Пушкина, такимъ образомъ, выдвигается тяжелое обвиненіе въ лицемѣріи. Несправедливость этого обвиненія рѣзко бросается въ глаза.

Александра Андреева Фуксъ была умна, образована и, судя по ея портрету, приложенному къ „Русской Старинѣ" 1904 г., очень недурна наружностью, даже если портретъ и польстилъ ей. На „захолустную провинціалку" она похожа очень мало, и, конечно, не ударила бы въ грязь лицомъ передъ Наталіей Николаевною Пушкиною,

если бы сдержала свое обѣщаніе и навѣстила домъ поэта. О ея свѣтскости и тактѣ всего краснорѣчивѣе говоритъ приведенное свидѣтельство самого Пушкина; какъ ни хотѣлось, по всей вѣроятности, Александрѣ Андреевнѣ имѣть въ своемъ альбомѣ собственноручныя строки Пушкина, посѣщеніе котораго взволновало и обрадовало ее, она, въ тотъ вѣкъ „альбомовъ модныхъ“, не позволила себѣ обезпокоить царя поэзіи просьбой „написать что-нибудь въ альбомъ“. Что же заставило Пушкина дать такой нелестный отзывъ объ этой умной, образованной и недурной собою женщинѣ?

Отвѣтить на это нетрудно, если вспомнить, кому Пушкинъ такъ незаслуженно-рѣзко отозвался о своей казанской поклонницѣ. Пушкинъ писалъ женѣ. Изъ дошедшихъ до насъ писемъ его къ ней можно заключить, что Наталья Николаевна, любила ли она или не любила мужа, ревновала Пушкина, хотя бы изъ одной женской гордости, и ему не разъ приходилось успокаивать ее и оправдываться. „Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ“, писалъ онъ ей 30 сентября 1832 г. 24 августа 1833 г. Пушкинъ пишетъ ей изъ Павловскаго: „здѣсь я нашелъ большую перемѣну... уланы переведены, а барышни разъѣхались... Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ, но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу; здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ... Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться“. Въ письмѣ 2 сентября 1833 г. изъ Нижняго-Новгорода Пушкинъ сообщаетъ женѣ: „важное признаніе“ о своемъ ухаживаніи за безобразной городничихой и прибавляетъ: „уфъ, кончилъ! отпусти и помилуй“. Въ письмѣ 19 сентября 1833 г. изъ Оренбурга Пушкинъ полушутливо успокаиваетъ свою ревнивую жену: „какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мною довольна! За барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю—и на-дняхъ отказался отъ башкирки, несмотря на любопытство, свойственное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: „на чужой сторонѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ“.—„Смотри, женка“—пишетъ ей поэтъ 2 октября того же года изъ Болдина: „того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку Авось, сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ, какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за однѣми 70-и 80-лѣтними старушками. А на молоденькихъ зас...хъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ“. 17 апрѣля 1834 г. Пушкинъ писалъ изъ Петербурга женѣ, уѣхавшей съ дѣтьми

въ деревню къ роднымъ, что холостая компанія, встрѣтивъ его въ ресторанѣ Дюше, звала съ собой къ Софьѣ Астафьевнѣ (очевидно, къ „погибшимъ, но милымъ созданіямъ"): „все это меня смутило, такъ что я къ Дюше являться ужъ болѣе не намѣренъ"; 28 апрѣля онъ пишетъ о своемъ времяпрепровожденіи: „Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной, да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь". 13 мая Пушкинъ успокаиваетъ жену: „письмо твое очень мило, а опасенія на счетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьѣ Карамзиной очень пріятны для моего самолюбія... Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь".—„Обѣдаю у Дюше часа въ 2, чтобы не встрѣтиться съ холостою шайкою"—пишетъ онъ въ концѣ мая. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ ей: „Лѣтній садъ полонъ; всѣ гуляютъ", а 11 іюня уже долженъ оправдываться: „нашла за что браниться! за Лѣтній садъ... Да вѣдь Лѣтній садъ мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома". Досталось Пушкину за то, что онъ проводилъ часы въ Лѣтнемъ саду въ обществѣ какой-то Hermine; кто она, осталось неизвѣстнымъ (вѣроятно, одна изъ свѣтскихъ знакомыхъ поэта); о ней Надежда Осиповна Пушкина, мать Александра Сергѣевича, упоминаетъ дважды въ письмахъ къ своей дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой („Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ" Л. Павлищева, Москва, 1890 г., стр. 218, 352). 21 іюня Пушкинъ опять оправдывается противъ новаго обвиненія въ ухаживаніи за дамами: „когда я представлялся в. кн., дежурная была не С., а моя прицепленая кузинка Бичерина, до которой я не охотникъ; да хотя бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться... Ты меня ловишь во лжи, доказывая, что я видѣлъ и того, и другаго, слѣдственно, въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ". 30 іюня Пушкинъ опять защищается: „твоя Шишкова ошибается; я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ". 11 іюля Пушкинъ снова успокаиваетъ Наталью Николаевну: „ты сердишься на меня за С. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу". Пушкина не было въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1835 г. (7 сентября онъ уѣхалъ въ Михайловское), когда А. П. Кернъ прислала ему записку; Наталья Николаевна переслала ему записку въ деревню, вѣроятно, не распечатавъ ее, и Пушкинъ 29 сентября сообщаетъ женѣ содержаніе записки Кернъ: „дура вздумала переводить Занда и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Аннѣ Николаевнѣ [1])

[1]) Вульфъ.

отвѣтить ей за меня, что, если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Зандъ, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю". Тонъ этого отзыва объ А. П. Кернъ, этомъ „геніи чистой красоты", этомъ „мимолетномъ видѣніи", на которомъ остановилось когда-то вдохновеніе поэта, совершенно тотъ же, въ которомъ написано письмо объ А. А. Фуксъ, навлекшее на Пушкина тяжелое обвиненіе со стороны проф. Е. Боброва. 2 октября, получивъ отъ Натальи Николаевны новый нагоняй, Пушкинъ пишетъ ей: „жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ, а не брань, вовсе мною не заслуженную, ибо я веду себя какъ красная дѣвица". 14 мая 1836 г. онъ опять успокаиваетъ Наталью Николаевну: „сижу дома—вижу только мужескъ полъ".

Всѣ эти выписки выразительно рисуютъ подозрительность и ревность Натальи Николаевны. Намъ неизвѣстны ея письма къ мужу, но и приведенныхъ отвѣтовъ Пушкина достаточно, чтобы можно было увидѣть, какъ тяжело приходилось поэту отъ ревности жены. А. О. Смирнова („Записки" ч. I, Спб., 1895, стр. 340) разсказываетъ о ревности Пушкиной: „однажды, возвратясь съ бала, на которомъ она вообразила, что мужъ ея ухаживаетъ за m-me Крюднеръ (что было совершенно несправедливо), m-me Пушкина дала ему пощечину, о чемъ онъ, смѣясь, разсказывалъ Вяземскому, говоря, „что у его мадонны рука тяжеленька". „Многіе стараются возбудить ея ревность" — говоритъ Смирнова (l. c.),—„а у нея такъ мало проницательности, что она вѣритъ всему, что ей разсказываютъ". Не желая огорчать любимую женщину и вносить ссору въ свой домъ, Пушкинъ старательно избѣгалъ всего, что могло подать Натальѣ Николаевнѣ хоть самый отдаленный поводъ къ подозрѣніямъ и упрекамъ въ невѣрности. Для этого, онъ иногда пускался на хитрости. Получивъ записку отъ Кернъ, Пушкинъ, чтобы успокоить жену и показать ей, что его нисколько не интересуетъ Анна Петровна, бранитъ ее и „сулитъ чорта" женщинѣ, къ которой когда-то былъ неравнодушенъ, и которая обратилась къ нему, какъ къ другу, за простой услугою. То же самое и съ А. А. Фуксъ. Пушкинъ зналъ, что появленіе въ его домѣ умной и пріятной женщины, да еще его поклонницы, не пройдетъ ему даромъ со стороны Натальи Николаевны, и онъ, какъ говорится, „забѣжалъ впередъ" и въ предвидѣніи пріѣзда Фуксъ въ Петербургъ разругалъ въ письмѣ къ женѣ свою казанскую почитательницу, надѣясь, что послѣ такого отзыва о ней жена ревновать его не станетъ, и домашній миръ не будетъ нарушенъ. Это была вынужденная и довольно невинная хитрость. Пушкинъ писалъ эти строки не для себя и потомства, а для жены

и судить по нимъ объ его истинныхъ отношеніяхъ къ людямъ особенно къ женщинамъ, не слѣдуетъ. Самъ же г. Бобровъ признаетъ, что Пушкинъ „хотѣлъ подыграться въ тонъ своей супругѣ“. При чемъ же тутъ „безотчетная страсть къ сарказму“ и „ушатъ помоевъ“. У Пушкина, дѣйствительно, можно найти не одно проявленіе „страсти къ сарказму“, но взятый г. Бобровымъ примѣръ неудаченъ.

Н. Лернеръ.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Походъ Гарибальди на Римъ, Ментана [1]).

I.

Самоотверженный и безкорыстный борецъ за единство и свободу родины, ярый ненавистникъ папы и католическаго духовенства, Гарибальди замышлялъ въ 1867 г. походъ на Римъ. Призывая къ нему своихъ приверженцевъ, онъ произносилъ пламенныя рѣчи о необходимости „уничтожить папскую лавочку, истребить эту желтую лихорадку, раздавить это гнѣздо ехиднъ, задушить это ненавистное племя, болѣе зловредное и опасное, нежели холера-морбусъ“.

Народъ, какъ всегда, сбѣгался взглянуть на него, полюбоваться его красной рубашкой, его великолѣпной бородой, послушать его могучій, звонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвучій голосъ; женщины млѣли отъ восторга, мужчины кричали: „Эвива!“ но по окончаніи смотра, производимаго гарибальдійцамъ, всѣ спокойно расходились по домамъ и, несмотря на призывъ героя, деньги не сыпались, какъ прежде, въ революціонную казну.

Министръ Раттацци, не считая себя въ правѣ запретить итальянскому гражданину высказывать свои намѣренія, не мѣшалъ ему произносить горячія рѣчи, но предупредилъ Гарибальди, что перейти отъ слова къ дѣлу онъ ему не позволитъ.

По желанію Раттацци, военный министръ Ревель приказалъ командующему войсками Неаполитанскаго и Флорентинскаго округовъ воспрепятствовать qualumque costo (во что бы то ни стало) враждебнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ папской территоріи, въ виду того, что итальянское правительство рѣшило строго соблюдать конвенцію, заключенную съ Наполеономъ III въ сентябрѣ 1864 г., въ силу которой оно обязалось не нападать на папскую территорію

[1]) Mentana. Emile Olivier. Le correspondant, 10 juin 1905 г.

и защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ отъ посторонняго посягательства.

Командующему войсками предписывалось, между прочимъ, не довѣрять ложнымъ слухамъ, распускаемыхъ революціонерами о томъ, будто правительство, преслѣдуя ихъ открыто, въ тайнѣ поощряетъ ихъ дѣйствія.

Такимъ образомъ, доступъ въ Римъ, казалось, былъ совершенно закрытъ волонтерамъ.

Гарибальди понималъ, что его революціонныя разглагольствованія могли показаться въ концѣ концовъ смѣшными и что ему слѣдовало какъ можно скорѣй перейти отъ словъ къ дѣлу. Несмотря на вѣру въ свою непобѣдимость, которая выражалась, строго говоря, въ томъ, что онъ терпѣлъ пораженіе всякій разъ, когда ему приходилось столкнуться съ болѣе серьезнымъ противникомъ, онъ опасался французовъ, которые въ силу сентябрьской конвенціи, имѣли право вмѣшаться въ дѣло, если бы Риму угрожала опасность.

Вспомнивъ, какъ сочувственно относился къ нему всегда Узедомъ, и зная о тайныхъ происках второстепенныхъ прусскихъ агентовъ, искавшихъ сближенія съ его приверженцами, Гарибальди рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ Бисмарку.

Не рискуя послать къ нему своего друга Паллавичино, который былъ всюду извѣстенъ, Гарибальди послалъ въ Берлинъ одного венгерца, подполковника Фригзи, давъ ему рекомендательное письмо къ Бисмарку, написанное на французскомъ языкѣ. Фригзи было поручено просить Бисмарка о нравственной поддержкѣ и о болѣе существенной помощи деньгами и оружіемъ, взамѣнъ чего Гарибальди ручался, что Италія никогда не будетъ сражаться вмѣстѣ съ Франціей противъ Пруссіи.

10 ноября 1867 г., Бисмаркъ передалъ Бенедетти, что „Гарибальди, рѣшивъ напасть на папскія владѣнія, писалъ ему, прося о нравственной и матеріальной поддержкѣ со стороны Пруссіи, и что письмо Гарибальди было передано ему довѣреннымъ лицомъ генерала, посланнымъ съ этой цѣлью въ Берлинъ.

„Подозрѣвая въ этомъ интригу со стороны Австріи и зная, какъ легко поддѣлать почеркъ Гарибальди, я соблюдалъ въ разговорѣ съ его посланнымъ крайнюю осторожность", говорилъ Бисмаркъ, „и просилъ его, чтобы при нашемъ свиданіи присутствовалъ повѣренный въ дѣлахъ Италіи. Когда же онъ на это не согласился, то, не зная, съ какого рода агентомъ я имѣю дѣло, я сказалъ ему, что я не располагаю никакими суммами, въ коихъ я бы не былъ обязанъ дать отчета, что я не имѣю права взять изъ арсенала самое незначительное число оружія и что, по моему мнѣнію, Франція не допу-

ститъ, чтобы папское правительство было ниспровергнуто толпою волонтеровъ; подобнаго рода предпріятіе не имѣетъ, какъ мнѣ кажется, ни малѣйшаго шанса на успѣхъ".

Въ то же время Бисмаркъ писалъ своему тайному агенту во Флоренціи, Бернгарди, что онъ не имѣлъ возможности удостовѣриться въ подлинности письма и узнать, точно ли явившееся къ нему лицо было приближеннымъ къ Гарибальди, какъ оно утверждало, и дѣйствительно ли на него было возложено порученіе, о коемъ онъ говорилъ, полагая, что это могло быть ловушкою со стороны Франціи или Австріи, устроенной съ цѣлью скомпрометтировать Пруссію въ глазахъ итальянскаго правительства, а я имѣлъ основаніе опасаться этого, писалъ Бисмаркъ, такъ какъ газеты, инспирированныя Франціей, какъ, напр., „Италія", намекаютъ на то, что Пруссія поощряетъ планы Гарибальди и революціонной партіи, я ограничился выраженіемъ своего сочувствія къ стремленіямъ итальянцевъ, и заявилъ полковнику, что я не имѣлъ до сихъ поръ никакого повода сомнѣваться въ искреннемъ и добромъ расположеніи итальянскаго правительства по отношенію къ Пруссіи или предполагать, что между ними былъ заключенъ договоръ. Я обратилъ также его вниманіе на то, что революціонной партіи было бы опасно приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, не бывъ увѣренной въ томъ, что она встрѣтитъ одобреніе со стороны итальянскаго правительства. Мнѣ было бы пріятно, продолжалъ Бисмаркъ, если бы вамъ удалось разузнать чрезъ вашихъ знакомыхъ, не возбуждая этимъ особеннаго вниманія, дѣйствительно ли Фригзи близокъ къ Гарибальди и могъ ли генералъ возложить на него подобнаго рода порученіе. Если бы вы могли, не компрометтируя себя, войти въ непосредственныя сношенія съ Гарибальди, или съ близкими къ нему вліятельными лицами, то я желалъ бы, чтобы вы передали имъ устно, что, совершенно не зная, кто такое полковникъ Фригзи, назвавшійся его уполномоченнымъ, я долженъ былъ дѣйствовать крайне осторожно".

Въ то время, когда эта инструкція была получена Бернгарди, Гарибальди находился во Флоренціи на конгрессѣ мира.

Бернгарди тотчасъ навелъ справки у Паллавичино, который подтвердилъ полномочія, данныя полковнику Фригзи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ прусскому агенту устроить секретное свиданіе со своимъ другомъ. Дѣйствительно, по возвращеніи изъ Флоренціи, 21 сентября, Гарибальди явился на свиданіе съ Бернгарди, въ полночь, въ уединенный домъ, находившійся близъ Porta Romana, совершивъ предварительно прогулку на противоположный конецъ города, чтобы сбить съ толку соглядатаевъ, если бы таковые оказались.

Бернгарди, со своей стороны, пришелъ поздно вечеромъ къ лѣст-

ницѣ, ведущей во дворецъ Питти, куда явился за нимъ довѣренный агентъ и повелъ его впотьмахъ къ дверямъ дома, которыя онъ отворилъ имѣвшимся у него ключемъ, зажегъ свѣчу, поднялся со своимъ спутникомъ во второй этажъ и ввелъ его въ пустую комнату, въ которой стояло всего два стула и маленькій столъ съ двумя свѣчами. Въ ту же минуту въ комнату вошелъ чрезъ другія двери Гарибальди, поднявшійся по другой лѣстницѣ. Обмѣнявшись привѣтствіями, они сѣли къ столу.

— Единственная цѣль моего свиданія съ вами, сказалъ Бернгарди, заключается въ томъ, чтобы сообщить вамъ побужденія, руководящія г. Бисмаркомъ.

И онъ изложилъ, присовокупивъ:

— Если вы имѣете что-либо сообщить моему правительству, я могу передать ему ваши слова.

Гарибальди колебался нѣкоторое время.

— Я представляю собою единственную законную власть, существующую въ Римѣ, сказалъ онъ наконецъ; я избранъ въ 1849 г. всеобщею подачей голосовъ римскимъ народомъ, коему принадлежитъ власть и начальство надъ городомъ. Я одинъ имѣю право говорить и дѣйствовать отъ имени римскаго народа. Папское правительство есть не что иное, какъ ничѣмъ не оправдываемая узурпація; оно возстановлено незаконной силой иноземныхъ штыковъ и только ими держится до сихъ поръ. Мнѣ необходимо взять Римъ, Италіи необходимо освободиться отъ французской опеки и искать спасенія въ тѣсномъ союзѣ съ Пруссіей. Правительство, опираясь на свое соглашеніе съ Франціей, хочетъ овладѣть Римомъ или, лучше сказать, римской территоріей: будучи въ союзѣ съ Франціей, оно готово взамѣнъ уступокъ съ ея стороны, соединить съ нею свои силы для войны съ Пруссіей, которая дѣйствовала такъ прямодушно и cosi cavalleresamente (планъ рыцарскій) завоевала для Италіи Венецію, тогда какъ Франція заставила ее дорого заплатить за оказанную ей поддержку: это было бы актомъ самой постыдной неблагодарности.

„Я одинъ могу помѣшать этому, взявъ Римъ и не допустивъ осуществленія замысловъ правительства, ибо мои собственные планы обширны: правительство хочетъ ниспровергнуть только одну свѣтскую власть папы, тогда какъ мои дѣйствія направлены не только противъ свѣтской, но и противъ духовной его власти, которую я хочу сокрушить. Она есть зло, несравненно большее, нежели свѣтская власть папы, и должна быть уничтожена прежде всего, дабы Италія могла воспрянуть. Мои цѣли вполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ Пруссіи, слѣдовательно, прусское правительство должно желать мнѣ удачи. Я разсчитываю на его сочувствіе“.

Бернгарди обѣщалъ передать эти слова Бисмарку. Они простились, обмѣнявшись рукопожатіемъ.

— Если мы встрѣтимся гдѣ-либо... сказалъ Бернгарди.

— Non si conosciamo (мы незнакомы), отвѣчалъ Гарибальди.

Маркиза Паллавичино, сопровождавшая генерала, ожидала его внизу, на лѣстницѣ. Бернгарди обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами и передалъ ей шифръ для веденія переписки.

Обращаясь къ Бисмарку, Гарибальди хотѣлъ въ то же время знать и образъ мыслей Раттацци, для чего онъ послалъ къ нему своего друга Ачерби, чтобы узнать, могъ ли онъ разсчитывать на его поддержку. Раттацци отвѣчалъ:

„Ни въ какомъ случаѣ; я буду препятствовать его замысламъ".

Злоба, возбужденная словами Раттацци въ друзьяхъ національнаго героя, свидѣтельствуетъ, что они вѣрили ихъ искренности.

Паллавичино рвалъ и металъ: „это покорный слуга императора", говорилъ онъ, настоящій сатана, которому недостаетъ только роговъ" [1]).

Слѣдовало ли Гарибальди попытать счастья, при недостаткѣ оружія и денегъ, бездѣятельности Пруссіи и бдительности Франціи? Ближайшіе друзья героя считали походъ на Римъ предпріятіемъ безразсуднымъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго шанса на успѣхъ, и полагали, что единственнымъ ея результатомъ могъ быть возвратъ въ Италію французскихъ войскъ, отъ которыхъ съ такимъ трудомъ удалось отдѣлаться. Но, несмотря на разногласіе во взглядахъ, друзья Гарибальди относились къ нему по-прежнему почтительно и сочувственно и были готовы идти подъ его знаменемъ; рѣшительнѣе всѣхъ высказывался надменный Мадзини. Этотъ ярый революціонеръ не одобрялъ мысли о походѣ на Римъ, который предпринимался въ интересахъ правительства. Онъ мечталъ о возстаніи римскихъ гражданъ и провозглашеніи республики, которая распространялась бы изъ этого священнаго града по всей Италіи.

Но никакія соображенія не могли подѣйствовать на Гарибальди, который считалъ себя истиннымъ папою, папою разума и человѣколюбія, единственнымъ преемникомъ Христа и, какъ таковой, крестилъ и благословлялъ. Убѣжденный въ томъ, что онъ никогда не терпѣлъ пораженія, даже при Аспромонте, онъ хотѣлъ одержать вторично побѣду на римской территоріи. Къ тому же три римскіе комитета: гарибальдійскій, мадзиніевскій и пьемонтскій, имѣвшіе каждый своего отдѣльнаго начальника и свои средства, составили союзъ и послали къ нему депутатовъ съ извѣщеніемъ, что все готово, что у нихъ не хватаетъ только оружія и денегъ, чтобы онъ поспѣшилъ прислать

---

[1]) Guerzoni, Vita di Garibaldi, стр. 482.

ихъ и сталъ во главѣ ихъ. Гарибальди отвѣчалъ, что онъ скоро пріѣдетъ, и послалъ для подготовленія возстанія Гуерцони и Куччи.

Въ полученныхъ ими инструкціяхъ говорилось, что движеніе имѣло цѣлью ниспровергнуть власть духовенства, провозгласить Римъ столицею Италіи и предоставить римскому народу полную свободу рѣшить свою судьбу путемъ плебисцита. Командующимъ отдѣльными отрядами разрѣшалось завладѣть въ пользу революціонеровъ имуществомъ правящаго класса Папской области, имъ предписывалось избѣгать столкновенія съ итальянскими войсками и продолжать военныя дѣйствія даже въ томъ случаѣ, если бы Гарибальди и большая часть его офицеровъ были арестованы.

Такимъ образомъ, походъ гарибальдійцевъ получилъ характеръ агрессивныхъ дѣйствій противъ папской власти и одновременно былъ вызовомъ противъ Франціи и дерзкой выходкой по отношенію итальянскаго короля. Разумѣется, ни папа, ни Наполеонъ III, ни Викторъ-Эммануилъ не могли допустить, чтобы эта экспедиція окончилась успѣхомъ. Для папы это было бы равносильно гибели, для императора—было бы безчестіемъ, а для короля—униженіемъ.

Отправляясь на границу папскихъ владѣній и садясь на поѣздъ, Гарибальди признался маркизѣ Паллавичино, что у него совсѣмъ не было денегъ и, взявъ ее за обѣ руки, онъ сказалъ тономъ настоятельной просьбы:

„Curate di procurar fondi“ (постарайтесь достать денегъ).

Для маркизы это заявленіе было полной неожиданностью; пораженная этимъ, она поспѣшила къ Бернгарди и умоляла его добиться отъ своего правительства, чтобы оно поддержало деньгами движеніе, въ успѣхѣ котораго оно было заинтересовано. Бернгарди отвѣчалъ, что Пруссія не могла оказать содѣйствія нападенію на дружественную державу, которая не подала ей въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ; къ тому же онъ не былъ уполномоченъ вступать въ подобные переговоры; единственнымъ, по его мнѣнію, средствомъ добиться чего-нибудь отъ прусскаго правительства было послать въ Берлинъ человѣка авторитетнаго, въ родѣ Паллавичино, чтобы переговорить съ Бисмаркомъ, что маркиза взялась устроить.

Между тѣмъ, Раттацци рѣшилъ сдержать слово, данное французскому правительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ выполнить угрозу, высказанную по адресу Гарибальди. Имъ былъ посланъ на границу папскихъ владѣній армейскій корпусъ, численностью до 40 тысячъ человѣкъ. Въ „Journal officiel“ появилась 20 сентября замѣтка, не оставлявшая сомнѣнія въ томъ, что этотъ отрядъ былъ посланъ не для отвода глазъ. Военный министръ Ревель, выдающійся дипломатъ и знатокъ

своего дѣла, былъ человѣкъ честный, благородный, строгихъ правилъ, при томъ убѣжденный католикъ, отъ котораго нельзя было ожидать уступчивости и слабости. Имъ были даны начальнику охраннаго отряда самыя строгія инструкціи. Но граница Папской области была растянута, ее трудно было охранять, и многочисленные и отлично дисциплинированные патрули не были въ состояніи задержать отдѣльныхъ лицъ, переходившихъ границу безъ оружія. Весьма многіе пробрались такимъ образомъ тайкомъ.

Вопросъ о томъ, какія мѣры будутъ приняты правительствомъ, когда Гарибальди попытается, въ свою очередь, перейти тайкомъ границу, вызвалъ въ военномъ совѣтѣ оживленныя пренія; Раттацци почти не вмѣшивался въ нихъ, говорилъ мало, но когда всѣ разошлись, предоставивъ ему принять окончательное рѣшеніе, онъ задержалъ Ревеля и сказалъ: „Я согласенъ съ вами, надобно отправить Гарибальди на Капреру“. Немедленно былъ вызванъ поручикъ Пицутти, извѣстный твердостью характера и чрезвычайною вѣжливостью въ обхожденіи, и ему было поручено арестовать генерала. Прибывъ въ Синалунгу, поручикъ засталъ Гарибальди въ постели. Когда онъ предложилъ ему отъ имени министерства отступить къ Флоренціи, то генералъ отвѣчалъ, что никто не въ правѣ приказывать ему и что онъ будетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Тогда офицеръ заявилъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, что онъ арестуетъ его. Гарибальди взялъ ванну и послѣдовалъ за нимъ. Это было 25 сентября.

Когда разнесся слухъ объ арестѣ героя, толпа возбужденнаго народа устремилась съ угрозами къ дому Раттацци, но его не оказалось дома. Одинъ изъ привратниковъ, пытавшійся задержать толпу, былъ убитъ, другой брошенъ въ Арно, трое другихъ были ранены; при этомъ было разграблено два оружейныхъ магазина. Къ счастью, въ этотъ моментъ разразился ливень, разсѣявшій толпу, которую разогнала окончательно національная гвардія. Подобныя демонстраціи происходили и въ другихъ городахъ Италіи, но такъ какъ ихъ устраивала небольшая кучка людей, то толпу легко было разсѣять. Большая часть населенія отнеслась къ аресту Гарибальди совершенно равнодушно, и правительство имѣло полное основаніе смотрѣть на эти демонстраціи какъ на случайный взрывъ народныхъ чувствъ, такъ что Раттацци не счелъ даже нужнымъ держать Гарибальди какъ плѣнника, а предложилъ ему удалиться на свой островъ съ условіемъ, что онъ не сдѣлаетъ попытки бѣжать. Гарибальди отказался связать себя какимъ-либо обѣщаніемъ. Тѣмъ не менѣе, морской министръ Печето, посланный къ нему для переговоровъ, тщетно прождавъ цѣлый день новыхъ инструкцій, разрѣ-

шилъ ему на свой страхъ отправиться на Капреру безо всякихъ условій.

Гарибальди уѣхалъ на островъ 27 сентября, запретивъ своимъ друзьямъ устраивать какія бы то ни было манифестаціи въ честь его и заявивъ письменно, что онъ возвращается на Капреру добровольно и не связанъ никакими условіями,

Военное судно „Esploratore“ доставило его на островъ. Уѣзжая, онъ просилъ друзей продолжать движеніе, какъ будто онъ стоялъ во главѣ ихъ, и даже удвоить дѣятельность; въ то же время онъ писалъ Раттацци, что, дѣйствуя энергично, правительство можетъ покончить дѣло въ нѣсколько дней, снискавъ этимъ любовь народа, а „если бы иностранныя державы своими угрозами вздумали остановить насъ“, присовокуплялъ генералъ, „то за нами пойдутъ женщины и дѣти, и тогда весь міръ увидитъ, къ чему можетъ привести рѣшимость народа“.

Этотъ горячій призывъ возъимѣлъ свое дѣйствіе. Депутаты лѣвой, собравшись на совѣщаніе, протестовали. Криспи, до тѣхъ поръ возставшій противъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій, присоединился къ тѣмъ, кои настаивали на необходимости дѣйствовать энергично. Онъ учредилъ, совмѣстно съ Паллавичино, 8 октября, комитетъ, получившій названіе „комитета для вспоможенія раненымъ“, но который въ сущности былъ предназначенъ руководить движеніемъ. Самыми вліятельными членами комитета были Кайроли и Криспи. Хотя они стояли въ палатѣ на сторонѣ Раттацци, но, по его приказанію, на границѣ по-прежнему задерживали вооруженныхъ волонтеровъ, разсѣивали формировавшіяся банды и не позволяли провозить оружіе и боевые снаряды; два военныхъ судна было послано въ Капреру съ цѣлью блокировать островъ; они задержали Гарибальди въ тотъ моментъ, когда онъ садился на „Кагліари“, собираясь отплыть къ берегамъ Италіи, и заставили его возвратиться на островъ. Гарибальдійцы громко жаловались на вѣроломство правительства и напоминали, что генералу была предоставлена полная свобода и онъ не былъ связанъ никакими условіями.

„Необходимость охранять безопасность государства подразумѣвалась сама собою“, отвѣчало правительство, „этого не было надобности оговаривать. Мы обязаны арестовать всякаго, кто угрожаетъ спокойствію государства“.

Гарибальдійцы, повинуясь приказанію своего генерала, организовались подъ начальствомъ Ачерби, который былъ избранъ ими главнокомандующимъ, но между ними возникло разногласіе по поводу того, какимъ образомъ надлежало приступить къ дѣйствію. Люди болѣе благоразумные были того мнѣнія, что слѣдовало выждать момента,

когда въ Римѣ вспыхнетъ возстаніе; болѣе рѣшительныя и энергичныя лица возражали на это, что, такъ какъ Римъ не подавалъ признака жизни, то слѣдовало поднять возстаніе въ провинціи, чтобы разбудить столицу.

Вопросъ былъ рѣшенъ неожиданно и безповоротно толпою волонтеровъ въ полтораста человѣкъ, изъ коихъ только одна треть была вооружена плохенькими ружьями. Движимые голодомъ и боязнью передъ итальянскими войсками, они перешли границу Папской области, напали на Аквапенденте, разбили папскихъ жандармовъ и овладѣли крѣпостью. Послѣ этого гарибальдійцамъ нельзя было долѣе медлить. Куччи поспѣшно двинулся на Римъ; Менотти съ двадцатью человѣками перешелъ границу; Ачерби расположился со своей главной квартирой въ Торре Альфина; наконецъ, 13 октября, вступилъ въ Папскую область Никотера; одновременно въ ней появились со всѣхъ сторонъ банды мятежниковъ.

Папское правительство имѣло въ своемъ распоряженіи всего 12 тысячъ войска и могло выставить противъ Гарибальди не болѣе 7 или 8 тысячъ. Несмотря на столь незначительную численность войска, призывъ гарибальдійцевъ къ возстанію противъ папской власти не имѣлъ успѣха въ Римѣ. Населеніе Рима осталось спокойно; провинція также была вѣрна папѣ. И народъ смотрѣлъ на волонтеровъ, какъ на бандитовъ, а не какъ на освободителей.

Но революціонеры умѣли искусно фабриковать ложныя извѣстія. Въ принадлежавшихъ ихъ перу газетныхъ статьяхъ появились многочисленныя описанія ихъ геройскихъ подвиговъ и восторженнаго пріема, который оказывало имъ населеніе. Чуть не каждое утро появлялись телеграммы, опровергавшіяся вечеромъ, о томъ, что въ Римѣ вспыхнуло возстаніе.

Гарибальди, со своей стороны, не бездѣйствовалъ. Сторожевыя суда не успѣвали перехватить его прокламацій, которыя распространяли легенду о ложныхъ побѣдахъ и фантастическихъ геройскихъ подвигахъ его приверженцевъ. Эти ложныя извѣстія разжигали воображеніе.

Сколько-нибудь существенной помощи этимъ мнимымъ героямъ никто не оказывалъ, денегъ имъ никто не посылалъ, но зато ихъ осыпали цвѣтами краснорѣчія. Въ концѣ концовъ всѣ повѣрили баснѣ, будто въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, будто имъ объята вся Папская область, откуда несется отчаянный призывъ о помощи. Въ умахъ, незамѣтнымъ образомъ совершился полнѣйшій переворотъ; походъ гарибальдійцевъ на Римъ, не встрѣчавшій вначалѣ ни въ комъ сочувствія, привлекъ мало-по-малу всеобщія симпатіи; самые робкіе и осторожные люди, настаивавшіе вначалѣ на томъ, чтобы Раттацци подавилъ возстаніе, метали громъ и молнію, умоляли его не допу-

стить, чтобы революціонеры сдѣлали то, что надлежало совершить королю, и убѣждали правительство вступить въ Римъ во главѣ гарибальдійцевъ.

Органъ умѣренной партіи „Opinione“ писалъ: „Въ Римъ слѣдуетъ вступить намъ, а не Гарибальди. Для этого нѣтъ надобности спрашивать согласія императора Наполеона, которое онъ не можетъ дать; не слѣдуетъ обращать вниманія на его формальный отказъ; его слова надобно истолковывать, но не понимать буквально. Не надобно ждать, чтобы въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, нужно спѣшить въ Римъ, чтобы предупредить его. Можно сказать положительно, что въ началѣ октября 1867 г. въ Италіи не было ни одного политическаго дѣятеля и ни одной газеты, которые бы не утверждали, что, выполняя сентябрьскую конвенцію, правительство сдѣлало не только достаточно, но даже слишкомъ много, что эту конвенцію слѣдовало игнорировать и идти рѣшительно на Римъ.

„Мы должны вступить въ Римъ раньше французовъ“, говорили всѣ.

„Пойдемъ туда вслѣдъ за Гарибальди или вмѣстѣ съ нимъ“, говорили самыя пылкія головы.

„Вступимъ въ Римъ раньше Гарибальди и безъ него“! говорили болѣе умѣренные.

Всѣ обвиняли министерство въ слабости, трусости и низкопоклонной угодливости передъ Наполеономъ III. Если бы оно вздумало упорствовать въ этотъ моментъ, то на него обрушилось бы всеобщее негодованіе.

Всѣ переходили на сторону гарибальдійцевъ, всѣ выражали имъ сочувствіе.

Распоряженія правительства исполнялись нехотя или вовсе не исполнялись. Явилась какая-то всеобщая распущенность. Только хорошо дисциплинированная и преданная королю армія оставалась вѣрной правительству. Между тѣмъ число отдѣльныхъ волонтеровъ, несмотря на самый бдительный надзоръ, увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Министерство, не съумѣвшее помѣшать сформированію многочисленныхъ вооруженныхъ бандъ, не могло долѣе бездѣйствовать и поощрять революціонное движеніе, которое грозило охватить все королевство. Оно не могло предоставить папу въ руки людей, которые могли обратить затѣмъ свое оружіе противъ короля.

Раттацци, со своей стороны, считалъ невозможнымъ предотвратить революцію въ Папской области и, отказавшись отъ пассивной роли, которой онъ держался раньше, рѣшилъ предупредить гарибальдійцевъ, дѣйствуя смѣло и энергично.

3 октября онъ телеграфировалъ Нигрѣ, прося его отправиться въ

Біарриць, гдѣ находился въ то врема Наполеонъ III, и передать императору, что „судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Рима, положеніе въ этомъ городѣ становится серьезнымъ; тамъ со дня на день можетъ вспыхнуть революція, которую, несмотря на всѣ усилія, едва-ли удастся предотвратить. Италія могла противустоять этому движенію, соблюдая сентябрьскую конвенцію и настаивая на точномъ ея выполненій, но она рисковала при этомъ оскорбить національное чувство. Мы намѣрены держаться того же образа дѣйствій и впредь, если папскія войска успѣютъ подавить движеніе; но мы не можемъ смотрѣть равнодушно на учрежденіе въ Римѣ такого образа правленія, которое можетъ угрожать опастностью Италіи и монархіи. Подобный случай предусмотрѣнъ конвенціей, и итальянское правительство будетъ вынуждено вмѣшаться въ дѣло для охраны общественнаго порядка и защиты нашихъ установленій".

По совѣщаніи съ Руэромъ, сопровождавшимъ Нигру, императоръ отвѣчалъ, что вопросъ о томъ, что нужно будетъ предпринять въ случаѣ революціи, не можетъ быть рѣшенъ a priori, не принимая во вниманіе тѣхъ обстоятельствъ, коими она будетъ вызвана и коими будетъ сопровождаться; что надобно дѣлать различіе между возстаніемъ, подготовленнымъ заранѣе, и возстаніемъ, вспыхнувшимъ внезапно; что, въ виду ареста Гарибальди, непосредственная опасность миновала и, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ осложненій, императоръ можетъ обѣщать только не принимать никакого рѣшенія, не снесшись предварительно съ итальянскимъ правительствомъ и не попытавшись войти съ нимъ въ соглашеніе.

Раттацци придавалъ огромное значеніе тому, чтобы не задѣть Наполеона III и не нарушить существовавшаго съ нимъ добраго согласія, такъ какъ это угрожало бы Италіи большой опасностью. Онъ благодарилъ императора за данное обѣщаніе, но выговорилъ себѣ свободу дѣйствій „въ случаѣ, если бы произошли событія, которыя окажутся сильнѣе человѣческой воли", т. е., въ случаѣ, если бы въ Римѣ вспыхнула революція, онъ рѣшилъ идти туда, не ожидая согласія императора.

Но объ этой революціи, которая дала бы итальянцамъ возможность выйти изъ затруднительнаго положенія, не было слуха, зато со стороны французскаго правительства раздавались ежедневно все болѣе и болѣе энергичныя жалобы. По существовавшему обычаю, несмотря на серьезное положеніе дѣлъ, Сартижъ и Маларэ уѣхали на время вакацій въ отпускъ, и дѣлами французскаго посольства завѣдывалъ во Флоренціи ля-Виллестро, человѣкъ весьма проницательный, внимательно слѣдившій за ходомъ дѣлъ. Въ Римѣ остался графъ Арманъ, серьезный дипломатъ, до глубины души преданный интересамъ пап-

скаго престола. Они оба не довѣряли Раттацци и объясняли не въ его пользу самые естественные его поступки.

Ихъ донесенія, которыя понимались въ Парижѣ буквально, волновали французовъ, и Мустье телеграфировалъ: „Императоръ озабоченъ тѣмъ, что итальянское правительство не въ состояніи будетъ помѣшать гарибальдійскимъ отрядамъ вступить на папскую территорію".

„Мы дѣлаемъ все, что можемъ, отвѣчалъ Раттацци, сообщаемые вамъ факты невѣрны". „Пусть такъ, отвѣчалъ императоръ, я не сомнѣваюсь въ искренности вашего правительства, я согласенъ съ тѣмъ, что оно дѣйствуетъ лойяльно, но оно безсильно. Поэтому я считаю, что Франціи надобно самой сдѣлать то, что оно не въ силахъ исполнить; предупреждаю васъ объ этомъ, согласно заключенной нами конвенціи".

На слѣдующій день онъ телеграфировалъ Виктору Эммануилу: „Я вижу съ прискорбіемъ, что большое количество волонтеровъ вступаетъ на папскую территорію и что конвенція, заключенная 15 сентября, не соблюдается. Если это будетъ продолжаться, то я буду волей-неволей вынужденъ послать въ Римъ отрядъ войска. Прошу ваше величество сдѣлать все возможное, чтобы вмѣшательство это оказалось ненужнымъ".

Отвѣтъ короля былъ такъ же откровененъ, какъ предостереженіе императора: „Послѣ того, какъ моимъ правительствомъ сдѣланы всевозможныя условія, чтобы лояйально выполнить конвенцію, рискуя при этомъ оскорбить національное чувство, я узналъ съ грустью, что ваше величество предполагаете обратное. Вашему величеству извѣстно протяженіе нашей границы и трудности, съ коими сопряжена ея охрана. Вы легко поймете, что даже для болѣе многочисленной арміи было бы совершенно невозможно воспрепятствовать переходу на римскую территорію отдѣльныхъ и не вооруженныхъ волонтеровъ, которые соединяются затѣмъ въ отряды, не имѣющіе предводителей. Я долженъ признаться, что настроеніе народа въ Италіи возбужденное и что одна мысль о вмѣшательствѣ Франціи могла бы имѣть въ высшей степени серьезныя послѣдствія, коихъ я желалъ бы всячески избѣжать. Ручаюсь вашему величеству, что мы и впредь употребимъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы парализовать движеніе волонтеровъ, но, если бы дѣло дошло до тѣхъ событій, коихъ ваше величество опасаетесь, то единственнымъ средствомъ уладить дѣло было бы послать въ Римъ итальянскія войска. Что касается политическихъ вопросовъ, то мы могли бы придти къ соглашенію впослѣдствіи.

Въ то же время Раттацци велѣлъ передать Нигрѣ: что, если французы вмѣшаются въ дѣло, то итальянское правительство предупредитъ ихъ и займетъ Папскую область. „Мы свято соблюдали конвенцію, говорилъ Раттацци, соблюдаемъ ее и въ настоящее время

цѣною огромныхъ жертвъ, подвергая себя большой опасности; и мы не допустимъ, чтобы Франція нарушила ее. Слѣдовательно, если французскія войска будутъ посланы въ Римъ, то мы будемъ вынуждены со своей стороны вмѣшаться въ дѣло и занять папскую территорію; это необходимо, если мы хотимъ предотвратить междоусобіе и спасти наши учрежденія".

Вмѣшательство Франціи было, повидимому, дѣломъ рѣшеннымъ; оно было только вопросомъ времени, поэтому Раттацци, съ согласія короля и Ревеля, рѣшилъ предупредить появленіе французовъ и сдѣлать рѣшительный шагъ. По его предположенію военный министръ выработалъ планъ вступленія королевскихъ войскъ въ Папскую область съ оговоркою, что итальянскія войска остановятся въ виду Рима, не вступая въ него. Эта оговорка была выслушана въ военномъ совѣтѣ холодно. „Насъ обвинятъ въ такомъ случаѣ, сказалъ одинъ изъ министровъ, въ томъ, что мы сдѣлались папскими сбирами". Было рѣшено, что войска вступятъ въ Римъ и нанесутъ папскому войску рѣшительное пораженіе.

Такимъ образомъ политика Гарибальди, къ которой склонялись вначалѣ только нѣкоторые члены совѣта, была принята въ концѣ концовъ всѣмъ министерствомъ. Ревель, какъ ревностный католикъ, не согласился участвовать въ агрессивныхъ дѣйствіяхъ противъ папы. 16 октября онъ подалъ въ отставку.

Извѣстивъ Наполеона III о принятомъ рѣшеніи, Раттацци не стѣснялъ болѣе волонтеровъ. Хотя мѣры, принятыя для охраны границы, не были отмѣнены, такъ какъ Ревель, управлявшій еще министерствомъ до назначенія ему преемника, не допустилъ бы этого; но въ сущности вступленію инсургентовъ въ Папскую область никто не препятствовалъ; Раттацци даже поощрялъ ихъ, давъ между прочимъ 100.000 франковъ какому-то проходимцу, Гирелли, съ тѣмъ, чтобы онъ сформировалъ римскій легіонъ. Въ то же время Кристи былъ посланъ къ префекту г. Перуджіи съ приказаніемъ не препятствовать дѣйствіямъ волонтеровъ и выдавать имъ оружіе.

II.

Наполеонъ III возвратился изъ Біаррица въ Сенъ-Клу 15 октября и на слѣдующій день предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ.

Въ запискѣ, представленной императору Руэромъ еще 18 сентября, былъ изложенъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій французскихъ и испанскихъ войскъ, согласно которому французы должны были за-

нять Чивитта-Веккію и Римъ, а италіанцы Витербо. Само собою разумѣется, Пій IX никогда не согласился бы на эту комбинацію, но объ его согласіи никто не заботился.

Раттацци телеграфировалъ Нигрѣ, что согласіе италіанскаго правительства на вступленіе иноземныхъ войскъ могло послужить поводомъ къ всеобщему возстанію. Онъ отвергалъ всякую мысль о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ французскихъ и италіанскихъ войскъ и писалъ, что одно средство „ввести въ Папскую область королевскія войска, для того, чтобы возстановить порядокъ, не нарушая вопроса о принципѣ верховной власти папы, который слѣдовало рѣшить совмѣстно съ Франціей".

По полученіи этой телеграммы Руэръ высказался рѣшительно: „Если Гарибальди высадится въ Витербо и пойдетъ на Римъ, то нужно немедленно послать 10.000 чел. въ Чивитта-Веккію, преслѣдовать его, изгнать изъ Папской области, предложить папѣ возвратиться въ Римъ, привезти его обратно, если окажется, что онъ уже уѣхалъ изъ Рима, оставить въ этомъ городѣ отрядъ французскихъ войскъ, а такъ какъ сентябрьская конвенція этимъ будетъ нарушена, то надобно будетъ обратиться къ великимъ державамъ съ просьбою гарантировать совмѣстно безопасность папы".

Оставаться пассивнымъ было бы, по мнѣнію Рувье, признакомъ попустительства со стороны Франціи, и это могло бы привести на предстоящихъ выборахъ къ весьма непріятнымъ столкновеніямъ. Ніель и Мустье взглянули на дѣло еще рѣшительнѣе; по ихъ мнѣнію, этотъ вопросъ былъ для Франціи вопросомъ чести; конвенція, подписанная Франціей, должна быть выполнена.

Три министра: Ла-Валеттъ, Дюрюи и Барошъ доказывали опасность, съ какой былъ сопряженъ походъ въ Римъ: дойти въ Римъ не трудно, говорили они, но какъ выбраться оттуда? Оккупація роковымъ образомъ могла затянуться. Возвращеніе нашихъ войскъ въ Италію вызоветъ гнѣвъ и ненависть народа и ввергнетъ Италію въ объятія Пруссіи. Благоразумно ли будетъ потерять союзника, на котораго Франція могла разсчитывать въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась Европа? Императрица возражала на это, что было бы еще прискорбнѣе вызвать неудовольствіе католиковъ, коимъ была гарантирована независимость ихъ церковнаго главы, и еще болѣе прискорбно потерять честь: если Франція не настоитъ на выполненіи конвенціи, скрѣпленной ея подписью, то кто будетъ вѣрить ея слову?

Императоръ, умѣвшій обнять всякій вопросъ и правильно изложить положеніе, понималъ, что въ каждомъ изъ этихъ выводовъ была доля правды; вполнѣ раздѣляя мнѣніе Ла-Валетта, о неудобствѣ вто-

ричной оккупаціи Рима и понимая въ особенности, что было бы опасно лишиться союза съ Испаніей, онъ сознавалъ, однако, къ чему его обязывали католицизмъ и честь Франціи. Поэтому, не колеблясь ни минуты, онъ рѣшилъ охранять интересы папы, но считалъ необходимымъ избѣжать послѣдней возможности тягостной оккупаціи и взять на себя этотъ безкорыстный долгъ только въ томъ случаѣ, если бы итальянское правительство уклонилось отъ него. 17 октября рѣшеніе императора было измѣнено; имъ были посланы телеграммы въ Римъ и во Флоренцію. Въ Римъ Наполеонъ III телеграфировалъ: „Пусть папское правительство энергично защищается, вполнѣ полагаясь на помощь со стороны Франціи". Въ телеграммѣ, отправленной во Флоренцію, говорилось: „Французское правительство ни въ какомъ скучаѣ не допускаетъ мысли о вмѣшательствѣ итальянскихъ войскъ, хотя бы даже въ Римѣ вспыхнула революція".

На эту послѣднюю телеграмму Раттацци отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ все возможное къ тому, чтобы сентябрьская конвенція была соблюдена и удвоиваетъ усиліе къ тому, чтобы воспрепятствовать движенію волонтеровъ. Какъ извѣстно, это было не совсѣмъ вѣрно. Мустье отвѣчалъ: „Если вы намѣрены исполнить эту конвенцію, докажите это, закрывъ бюро для набора солдатъ, распустивъ комитеты вспоможенія, и добейтесь обнародованія за королевской подписью воззванія, въ коемъ было бы заявлено, что волонтеры будутъ арестованы, обезоружены и отправлены внутрь страны".

Это заявленіе было получено во Флоренціи 12 числа вечеромъ; министры поспѣшно собрались на совѣщаніе. Раттацци былъ того мнѣнія, что эти требованія, посягающія на достоинство націи и короля, должны быть отвергнуты, войска должны безъ промедленія вступить на римскую территорію и не ожидать сложа руки, вступленія иноземныхъ войскъ. „Въ тотъ день, когда итальянскій флагъ появится за предѣлами папской территоріи, слабыя папскія войска, окруженныя возставшимъ народомъ, будутъ разсѣяны. Мы успѣемъ взять Римъ до появленія французскаго флота въ Чивитта-Веккіи; двинемъ же войска, не теряя ни минуты".

Большинство министровъ присоединилось къ этому мнѣнію, но меньшинство, впрочемъ, довольно значительное, считало подобный образъ дѣйствій слишкомъ рискованнымъ. Рѣшеніе было слишкомъ важное, чтобы его можно было принять большинствомъ голосовъ: 19 октября вечеромъ министерство подало въ отставку, предоставляя королю самому рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій.

Король писалъ Наполеону III:

„Обращаюсь къ вашей исконной дружбѣ ко мнѣ и къ Италіи и во имя ея прошу васъ выслушать слѣдующее: я знаю, что вслѣдствіе

нынѣшнихъ обстоятельствъ, ваше величество поставлены во Франціи въ затруднительное положеніе; но и здѣсь положеніе считаю натянутымъ, такъ какъ общественное мнѣніе въ Италіи крайне возбуждено. Мнѣ было бы весьма прискорбно, если бы узы дружбы, искони существовавшія между нами, были нынѣ порваны. Ваше величество желаете возстановленія порядка на римской территоріи, гдѣ стремленіе народа къ освобожденію вызвало революцію. Мое правительство и я, въ видахъ соблюденія сентябрьской конвенціи, боролись всѣми силами съ этимъ движеніемъ внѣ предѣловъ папской территоріи. Нынѣ, когда оно угрожаетъ безопасности папскаго престола, я не могу ничего сдѣлать, чтобы остановить его, такъ какъ я не могу переступать границу. Если ваше величество сочтете нужнымъ послать войска въ Чивитта-Веккію или въ Римъ, то я буду также вынужденъ перейти границу папскихъ владѣній, и ненормальный порядокъ вещей будетъ скоро прекращенъ. Я издамъ вмѣстѣ съ тѣмъ воззваніе, въ коемъ заявлю, что я не питаю къ французскимъ войскамъ никакихъ враждебныхъ чувствъ и что мы двинули войска помимо нашего желанія для того единственно, чтобы возстановить порядокъ, нарушенный не по нашей винѣ. Ваше величество, по своей высокой мудрости, найдете возможнымъ уладить дѣло такъ, чтобы при этомъ были обезпечены интересы обѣихъ націй".

Викторъ-Эммануилъ, видимо, хотѣлъ приписать себѣ иниціативу проекта совмѣстной оккупаціи Папской области, предложеннаго Руэромъ и отвергнутаго Раттацци. Наполеонъ III отвѣчалъ: „Мое правительство сообщило правительству вашего величества о мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы остановить наступленіе гарибальдійцевъ въ Папскую область и въ точности соблюсти конвенцію. Я готовъ повиноваться чувствамъ дружбы, кои я питаю къ вамъ и къ Италіи, но не могу принести имъ въ жертву важные интересы и обязанности. Совмѣстная оккупація только осложнила бы вопросъ для обоихъ правительствъ. Я убѣжденъ, что, оказавъ энергичное противодѣйствіе революціонному элементу, вы укрѣпите этимъ вашу власть и упрочите дружескія отношенія, существующія между Франціей и Италіей. Поэтому я надѣюсь, что вы примете всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать посылку французскихъ войскъ въ Римъ ненужной. Какъ только возстаніе будетъ подавлено, я готовъ изыскать вмѣстѣ съ вами способъ уладить римскій вопросъ".

Изъ этого отвѣта было ясно, что, если бы король не воспрепятствовалъ вступленію волонтеровъ въ папскія владѣнія или ввелъ бы въ нихъ свои войска, то это могло послужить поводомъ къ войнѣ. Раттацци убѣждалъ Виктора-Эммануила не пугаться этихъ угрозъ.

„Онъ ихъ не осуществитъ", говорилъ онъ, по многимъ причи-

намъ: во-первыхъ, это противорѣчитъ интересамъ французскаго народа; очень много французскихъ капиталовъ помѣщено въ итальянскихъ предпріятіяхъ; война окончательно погубитъ наши и безъ того разстроенные финансы; она была бы разореніемъ для насъ и для Франціи. Наполеонъ взвѣситъ опасность, которой онъ подвергся бы, объявивъ намъ войну и порвавъ этимъ единственную доблестную страницу своего царствованія, заключающуюся въ содѣйствіи, которое имъ было оказано возрожденію Италіи. Онъ не захотѣлъ бы вновь начать завоеваніе Мексики и рисковать своей династіей для того, чтобы заслужить благоволеніе Пія IX и поддержать тотъ революціонный очагъ, откуда исходятъ всѣ заговоры, направленные противъ его правительства. Когда онъ увидитъ, что мы заняли Римъ, онъ не только не подумаетъ прогнать насъ оттуда, но захочетъ помочь намъ преобразовать папскую власть. Если же онъ сдѣлаетъ ошибку и вмѣшается въ это дѣло, то мы встрѣтимъ его, какъ должно. Бываютъ обстоятельства, когда народы должны думать не объ угрожающей имъ опасности, а о защитѣ своихъ правъ, когда имъ приходится защищать свою честь, хотя бы это повлекло за собою самыя прискорбныя послѣдствія".

Даже среди людей наиболѣе умѣренныхъ многіе высказывали громко, что „столкновеніе съ Франціей, при тогдашнемъ бѣдственномъ положеніи страны, могло быть для Италіи стимуломъ къ объединенію и къ нравственному возрожденію". Въ Туринѣ такъ говорили всѣ, и можно было удивляться спокойствію, съ какимъ всѣ допускали возможность войны съ Франціей.

Король хвастался только для вида ad pompam et ostentationem, но въ сущности онъ давалъ себѣ вполнѣ ясно отчетъ въ положеніи дѣлъ, гораздо яснѣе, нежели Раттацци и всѣ благонамѣренные люди и революціонеры Турина и Флоренціи. Онъ зналъ, что императоръ ни подъ какимъ видомъ не позволитъ ему вступить въ Римъ, и не придавалъ серьезнаго значенія словамъ своего зятя, который говорилъ, что „надобно принудить къ этому императора". Раттацци поручилъ въ то же время вывѣдать мнѣніе Бисмарка, чтобы знать, въ какой мѣрѣ можно было разсчитывать на Пруссію въ случаѣ вмѣшательства Франціи. Бисмаркъ отвѣтилъ его посланному: „Франція имѣетъ законное право поддержать папу; королевское правительство не можетъ обѣщать своей поддержки для агрессивныхъ дѣйствій противъ правительства, съ коимъ оно поддерживаетъ дружескія отношенія, каковыя ему нѣтъ повода нарушать".

Тогда Викторъ-Эммануилъ рѣшился. Онъ принялъ отставку совѣта, отвѣтилъ императору собственноручно, что тайная вербовка солдатъ будетъ воспрещена, комитеты будутъ распущены и что обѣщанное

воззваніе будетъ обнародовано: словомъ, онъ сдѣлаетъ все, противъ чего протестовалъ Раттацци.

Эти обѣщанія, видимо, были вполнѣ серьезны, такъ какъ король поручилъ одновременно портфель министра иностранныхъ дѣлъ Чіальдини, храброму генералу, однажды побѣдившему Гарибальди при Аспромонте.

Къ заявленію Виктора-Эммануила французское правительство отнеслось съ довѣріемъ, которое отразилось въ замѣткѣ, появившейся въ „Moniteur officiel“. „Въ виду опасности, угрожавшей папскимъ владѣніямъ со стороны революціонныхъ бандъ, перешедшихъ границу“, говорилось въ этой статьѣ, „французское правительство рѣшило послать экспедиціонный отрядъ въ Чивитта-Веккію, какъ того требовали честь и достоинство Франціи, ибо ея правительство не можетъ допустить, чтобы обязательства, скрѣпленныя подписью Франціи, не были выполнены. Но итальянское правительство дало императорскому правительству самыя категорическія увѣренія: имъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить вторженіе революціонеровъ въ папскія владѣнія и обезпечить строгое соблюденіе конвенціи. Вслѣдствіе этого посадка войскъ на суда, по повелѣнію императора, пріостановлена. Для выполненія королевскихъ обѣщаній вновь назначенному министру нужно было немедленно сформировать министерство и твердо взять дѣло въ свои руки. Но Чіальдини не было въ Туринѣ; его приходилось ждать. Раттацци, отставка коего была принята, ни во что не вмѣшивался, чтобы не брать на себя отвѣтственности и не стѣснить свободу дѣйствій своего преемника; онъ пребывалъ въ бездѣйствіи, не отдавалъ никакихъ приказаній и ничего не воспрещалъ. Этимъ бездѣйствіемъ власти тотчасъ воспользовались революціонеры: начиная отъ высшихъ чиновъ администраціи и кончая низшими, всѣ наперерывъ старались облегчить доставку волонтеровъ и снабдить ихъ оружіемъ. Никогда еще черезъ границу не перешло такое множество волонтеровъ, какъ съ того момента, когда Викторъ-Эммануилъ обѣщалъ, что они будутъ задержаны. То и дѣло происходили народныя манифестаціи; комитеты заволновались; Криспи телеграфировалъ Раттацци: „Медлить долѣе нельзя, освободите Гарибальди, перейдите границу, займите Чивитта-Веккію; этого требуютъ честь и безопасность страны“.

Напуганный король поспѣшно вызвалъ Ревеля, который до пріѣзда Чіальдини продолжалъ управлять военнымъ министерствомъ, и съ негодованіемъ сказалъ ему, говоря о Раттацци: „Онъ предаетъ меня; онъ погубитъ меня; надобно пресѣчь ему возможность дѣйствовать“.

— Это очень легко сдѣлать, сказалъ Ревель, смѣясь;—я напишу

ему, чтобы онъ пріѣхалъ въ военное министерство; онъ явится немедленно. Мы отведемъ ему приличное помѣщеніе; я дамъ въ его распоряженіе своего повара, и онъ будетъ лишенъ возможности выѣзжать и кого бы то ни было принимать.

— Но, замѣтилъ король,—г-жа Раттацци будетъ бѣсноваться и натворитъ переполоха. Не слѣдуетъ прибѣгать къ столь крайнимъ мѣрамъ; достаточно того, если Раттацци оставитъ министерство; примите полномочія, я васъ поддержу; далѣе мы увидимъ, что намъ дѣлать.

Ревель отказался принять полномочія, рѣшивъ ждать Чіальдини, который долженъ былъ пріѣхать со дня на день; но обѣщалъ королю, что Раттацци завтра же покинетъ дворецъ Рикарди и переселится на свою частную квартиру. Отправившись къ бывшему президенту кабинета, онъ передалъ ему желаніе короля. Раттацци изъявилъ согласіе подчиниться этому требованію и передалъ завѣдываніе полиціей префекту Кантелли.

— Grazutante! воскликнулъ король, когда Ревель сообщилъ ему объ успѣхѣ.

20-го числа, утромъ, пріѣхалъ, наконецъ, Чіальдини. Онъ только-что приступилъ къ переговорамъ съ должностными лицами, какъ вдругъ воздухъ огласился криками: „Гарибальди! Гарибальди!“, и толпа устремилась къ площади Santa Maria Novella, гдѣ Гарибальди, стоя на балконѣ, кричалъ: „Мы возьмемъ Римъ! благодарю населеніе Флоренціи. Говорятъ о прибытіи иноземнаго флота; не бойтесь его; онъ будетъ разсѣянъ дуновеніемъ народа!“. И городъ огласился возгласами: „Viva Roma! Viva Garibaldi!“.

III.

Несмотря на бдительный надзоръ девяти военныхъ судовъ, Гарибальди удалось бѣжать съ острова Капрера безъ всякой помощи со стороны правительства. Его зять Канціо, получивъ деньги отъ неутомимаго казначея революціонеровъ, Лемми, нанялъ небольшое судно „San Francesco“, на которомъ ему удалось проскользнуть мимо крейсеровъ, наблюдавшихъ за островомъ Капрера; и онъ успѣлъ предупредить Гарибальди о своемъ прибытіи чрезъ нѣкую г-жу Коллинсъ, давно уже проживавшую въ этой мѣстности. Гарибальди послалъ къ ней свою дочь Терезиту и своего секретаря Бассо, чтобы обсудить планъ побѣга. Было рѣшено, что онъ явится ночью на берегъ и попытается пробраться въ рыбацкой лодкѣ въ Сардинію. Канціо и „San Francesco“ должны были ожидать его на восточномъ

берегу острова въ гавани Брандинчи. Гарибальди притворился больнымъ, заперся на три дня въ своей комнатѣ, выкрасилъ волосы и бороду, надѣлъ рыбацкій костюмъ и, выбравъ время между закатомъ солнца и восходомъ луны (это было въ полнолуніе), растянулся въ „beccacino"—лодкѣ, употребляемой для охоты за утками, борта которой возвышаются надъ водою всего на нѣсколько сантиметровъ и которой управляютъ однимъ весломъ, находящимся на рулѣ, дѣйствуя имъ на подобіе рыбьяго хвоста. Въ этой лодкѣ онъ переправился чрезъ Монетскій проливъ, подвергаясь во время этого плаванія большой опасности, ибо хотя волненіе, поднятое сирокко, было не особенно значительно, но все же волны были слишкомъ велики для маленькой лодченки, черезъ которую онѣ время отъ времени перекатывались. Гарибальди присталъ къ берегу у Maddalena и переночевалъ у г-жи Коллинсъ. На слѣдующій день онъ отправился далѣе въ рыбацкой лодкѣ.

На окрикъ „кто идетъ?" лодочникъ отвѣчалъ: Pescatori! Лодку пропустили.

17 числа Гарибальди высадился на берегу Сардиніи, провелъ ночь въ пещерѣ; 18-го числа сѣлъ на лошадь и цѣлыхъ семнадцать часовъ ѣхалъ по горамъ, останавливаясь лишь на короткое время въ пастушечьихъ хижинахъ. Переправившись черезъ горы, онъ встрѣтился наконецъ со своимъ зятемъ въ Брандинчи и тотчасъ отплылъ съ нимъ къ берегу Тосканы. 20 числа, въ полдень, онъ уже былъ во Флоренціи. Бросившись въ объятія Кайроли, Гарибальди воскликнулъ:

— Изъ всѣхъ рискованныхъ предпріятій моей жизни самымъ труднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ великолѣпнымъ былъ мой побѣгъ съ острова Капрера,—я буду имъ гордиться всю жизнь.

Правительству ничего не оставалось, какъ арестовать его. Но гдѣ было правительство? Раттацци, отставка котораго была принята и который былъ уже выселенъ изъ министерскаго зданія и передалъ всѣ свои полномочія въ руки префекта Кантелли, не хотѣлъ, точно такъ же, какъ и прочіе коллеги, совершать актъ, который предрѣшилъ бы политику его преемника. Но преемника этого еще не существовало. Чіальдини не успѣлъ сформировать министерства, у него не было законной власти точно такъ же, какъ Раттацци не имѣлъ нравственнаго авторитета. Дорожа своей славой и популярностью, Чіальдини боялся вызвать энергическими мѣрами неудовольствіе гарибальдійцевъ, а анархія между тѣмъ возрастала.

Понимая, однако, что невозможно было игнорировать появленіе Гарибальди во Флоренціи, министръ вступилъ съ нимъ въ переговоры, послалъ къ нему Криспи, даже самъ поѣхалъ къ нему. Гари-

бальди не обратилъ на всѣ эти заискиванія ни малѣйшаго вниманія и, поручивъ одному изъ своихъ друзей заказать для него экстренный поѣздъ, уѣхалъ 22-го октября изъ Флоренціи, никого не предувѣдомивъ.

Чіальдини узналъ объ его отъѣздѣ, услыхавъ свистокъ удалявшагося поѣзда. Тогда онъ рѣшился просить Раттацци подписать приказъ объ арестованіи генерала, но, вмѣсто того, чтобы послать этотъ приказъ надлежащимъ властямъ по телеграфу, что̀ дало бы возможность задержать Гарибальди въ Перуджіо, гдѣ онъ долженъ былъ проѣхать 22 числа въ 6 часовъ вечера, приказъ былъ посланъ съ нарочнымъ, который явился къ префекту гор. Гадда 23 числа въ 2 часа утра; между тѣмъ Гарибальди уже въ 11 часовъ вечера былъ въ Терни. Когда десять карабинеровъ, посланныхъ за нимъ въ погоню, явились въ Ріето, генералъ переѣхалъ уже границу.

Помощникъ префекта, донося объ этомъ, присовокуплялъ, что „появленіе карабинеровъ вызвало въ городѣ такое волненіе, что населеніе оказало бы навѣрно серьезное сопротивленіе, если бы они сдѣлали попытку арестовать генерала“.

Теперь уже не было болѣе надобности охранять границу, и войскамъ былъ отданъ приказъ сосредоточиться между Терни, Пассокоррезе и Орбителло.

Прибывъ на папскую территорію, Гирибальди сразу увидѣлъ, что революціонное движеніе, на которое онъ возлагалъ большія надежды, и о которомъ многократно провозглашалось въ его лживыхъ депешахъ, было подавлено, революціонныя банды были разстроены и положеніе дѣлъ было хуже, нежели до его отъѣзда въ Капреру. Тогда онъ рѣшилъ сосредоточить свои войска между Пассокоррезе и Кастель Маджіоре. Такъ какъ папскія войска не оказали ему въ этомъ пунктѣ никакого сопротивленія, то это сосредоточеніе совершилось безъ труда; гарибальдійцы изобразили это подвигомъ достойнымъ Ганнибала или Наполеона.

Волонтеровъ было у Гарибальди отъ семи до восьми тысячъ; изъ нихъ едва пятьсотъ человѣкъ были въ красныхъ рубахахъ, прочіе— въ своей собственной изодранной одеждѣ, кто въ рубашкѣ, кто въ жилетѣ; офицеры были вооружены кто палкой, кто вѣткой, срѣзанной отъ дерева; весьма немногіе имѣли сабли, кинжалъ или пистолетъ. Въ рядахъ волонтеровъ не было ни порядка, ни дисциплины. Рядомъ съ храброй молодежью, принадлежавшей къ самымъ доблестнымъ фамиліямъ, шли сотни всякаго сброда, грабившаго все по пути.

Когда художникъ Коста спросилъ одного крестьянина, по какому пути пошли волонтеры, то послѣдній отвѣчалъ: „Видите эту груду птичьихъ перьевъ? Вездѣ, гдѣ вы ихъ увидите, будьте увѣрены, что

вы напали на ихъ слѣдъ". Съ этой толпой проходимцевъ и бродягъ Гарибальди атаковалъ въ Монтеротондо.

Монтеротондо представлялъ изъ себя четыреугольный замокъ, стоявшій на очень крутомъ холмѣ, обнесенномъ стѣнами съ тремя массивными воротами, такъ что доступъ въ него былъ чрезвычайно труденъ. Замокъ господствовалъ надъ желѣзной дорогой и надъ всѣми дорогами, ведущими въ Римъ по лѣвому берегу Тибра. Совершенно непонятно, почему папское войско не привело эту крѣпость въ состояніе надлежащей обороны. Въ ней было всего на всего двѣ пушки и 320 чел. гарнизона съ 12 офицерами.

Эти храбрецы отражали, въ теченіе 27 часовъ осаждавшія ихъ банды гарибальдійцевъ, сметая ихъ орудійнымъ огнемъ, какъ только онѣ появлялись на открытомъ мѣстѣ. Чтобы сломить ихъ сопротивленіе, пришлось поджечь ворота. Тогда они заперлись въ замкѣ. Подожженные еще разъ, они сдались, едва не изжаренные огнемъ.

Въ этотъ моментъ къ Монтеротондо подошелъ посланный на помощь осажденнымъ двухтысячный отрядъ папскихъ войскъ. Увидавъ, что замокъ находится во власти гарибальдійцевъ, отрядъ поспѣшно отошелъ къ Риму.

IV.

Узнавъ о томъ, что итальянское правительство пропустило волонтеровъ черезъ границу, Наполеонъ III былъ чрезвычайно разгнѣванъ.

„Я вижу съ прискорбіемъ, писалъ онъ Виктору-Эммануилу, что обѣщанія вашего величества не исполняются".

На слѣдующій день, узнавъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ Гарибальди, императоръ рѣшилъ перейти отъ словъ къ дѣлу и телеграфировалъ королю:

„Я отмѣнилъ по вашей просьбѣ посылку флота; но у васъ еще не сформированъ кабинетъ, волонтеры по-прежнему наводняютъ папскую территорію, Риму угрожаетъ опасность; я не могу долѣе медлить оккупаціей Чивитта-Веккіи".

Одновременно съ этимъ заявленіемъ въ „Montineur'ѣ" появилась 26 октября слѣдующая замѣтка:

„Въ виду новыхъ попытокъ со стороны революціонныхъ бандъ вступить на папскую территорію, императоръ отдалъ вновь приказаніе посадить на суда войска, вызванныя въ Тулонъ. Защитникамъ Рима не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе".

Французскій флотъ снялся съ якоря.

Между тѣмъ Чіальдини все медлилъ, не зная, какую принять программу. Тогда Викторъ-Эммануилъ, понимая необходимость немедленно сформировать какой бы то ни было кабинетъ, обратился къ Менабреа и поручилъ ему выполнить дѣло, за которое не умѣлъ взяться Чіальдини.

Менабреа сформировалъ министерство, тотчасъ обнародовалъ королевское воззваніе, написанное въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, и принялъ рядъ самыхъ энергическихъ мѣръ: спектакль, назначенный въ пользу комитетовъ, былъ запрещенъ; самые комитеты были закрыты и ихъ бумаги конфискованы; по поводу ихъ дѣятельности начато слѣдствіе. Протестъ депутатовъ крайней лѣвой, расклеенный на стѣнахъ, былъ сорванъ; контракты, заключенные на поставку оружія, уничтожены.

Будь все это сдѣлано нѣсколькими днями раньше, французскій флотъ не вышелъ бы изъ Тулона. Но онъ былъ уже въ открытомъ морѣ. Узнавъ объ отплытіи судовъ, Викторъ-Эммануилъ телеграфировалъ императору:

„Коль скоро ваше величество, несмотря на сдѣланное мною заявленіе, полагаете нужнымъ занять Чивитта-Веккію, порядокъ вещей, установленный конвенціей, является этимъ нарушеннымъ. Вслѣдствіе чего войскамъ, расположеннымъ на границѣ, отданъ мною приказъ вступить на римскую территорію. Если вы пожелаете отмѣнить приказъ объ отправкѣ судовъ, я могу еще отмѣнить свое приказаніе“.

Наполеонъ III отвѣчалъ въ тотъ же день:

„Если бы я воздержался, по совѣту вашего величества, отъ вмѣшательства, то революціонныя банды безпрепятственно овладѣли бы Римомъ. Вступленіе войскъ вашего величества въ Папскую область подаетъ поводъ къ серьезнымъ осложненіямъ; о чемъ я глубоко скорблю“.

Французскій флотъ продолжалъ свое плаваніе, и 30 октября французскій флагъ взвился на стѣнахъ Чивитта-Веккіи. Въ тотъ же день въ „Gasetta Uffizvale“ появилась замѣтка о томъ, что королевскія войска получили приказаніе перейти границу и занять нѣкоторые пункты Папской области.

Съ этого момента вопросъ о независимости папы долженъ былъ рѣшиться не въ Парижѣ и Флоренціи; его рѣшеніе зависѣло всецѣло отъ сраженія, которое должно было произойти между французскими и итальянскими войсками и гарибальдійцами.

V.

Друзья Гарибальди почти всѣ, безъ исключенія, были того мнѣнія, что послѣ появленія королевскаго воззванія, коимъ генералъ былъ объявленъ бунтовщикомъ, и прибытія французовъ въ Чивитта-Веккію, у него не было никакой надежды на успѣхъ, и ему оставалось только перейти со своими волонтерами обратно границу. Гвасталла и Кайроли, пріѣхавъ въ Монтеротондо 31 числа утромъ, убѣждали его повиноваться королю и отступить.

„Быть можетъ, волонтеры могли бы разбить маленькое папское войско", говорили они, „но имъ, конечно, не справиться съ сотнями батальоновъ, и героическая гекатомба будетъ безполезна".

Выслушавъ ихъ, Гарибальди всталъ и сказалъ:

„Bene, bene, мои храбрецы, я буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію" и приказалъ немедленно своимъ волонтерамъ сражаться до послѣдней крайности, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Въ дневномъ приказѣ по арміи онъ металъ громъ и молніи противъ итальянскихъ войскъ.

„Если гнусные происки, вызванные гнусной сентябрьской конвенціей, побудятъ іезуитовъ и презрѣнныя consorteria (партіи) требовать, чтобы мы сложили оружіе, повинуясь правительству „втораго декабря", то я напомню всему міру, что одинъ я, римскій генералъ, получилъ полномочія отъ единственнаго законнаго правительства, — отъ Римской республики; избранный всеобщей подачей голосовъ, я имѣю право остаться на этой территоріи, подлежащей моей юрисдикціи".

Послѣ паденія Монтеротондо, передъ Гарибальди былъ открытъ путь до самаго Рима, куда генералъ Канцлеръ отступилъ съ папскими войсками. Гарибальди дошелъ безпрепятственно до Кастель Гіубилео, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Рима, и былъ готовъ придти на помощь тому призрачному инсуррекціонному движенію, о которомъ его увѣдомляли. Но самый развитый изъ его офицеровъ, Чуерсони, доложилъ ему, что онъ напрасно теряетъ время въ ожиданіи возстанія, котораго не будетъ, и совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе отойти съ этого пункта, гдѣ онъ подвергался большой опасности. Тогда Гарибальди далъ сигналъ отступить къ Монтеротондо. Волонтеры, мечтавшіе поживиться въ Римѣ богатой добычей, были объяты паническимъ страхомъ. Обманутые, голодные, они полагали, что ихъ преслѣдуютъ войска и что они погибли; болѣе 2.000 человѣкъ бѣжало что есть духа къ границѣ.

Гарибальди замѣтилъ ихъ съ высоты башни, гдѣ онъ проводилъ цѣлые дни, осматривая горизонтъ; увидавъ, что они неслись, подобно

бурному потоку, онъ воскликнулъ: „Это безпорядочное бѣгство есть дѣло этихъ проклятыхъ солдатъ Мадзини; они говорятъ: „Къ чему прогонять папу, чтобы замѣнить его другимъ еще болѣе худшимъ правительствомъ? Лучше сидѣть дома, гдѣ можно поѣсть и попить какъ слѣдуетъ, и гдѣ въ добавокъ будетъ цѣла и шкура! Этотъ мадзиніевскій сбродъ учинилъ страшное бѣдствіе“, писалъ онъ въ своихъ запискахъ.

Отстаивать долѣе Монтеротондо было невозможно; въ немъ не было никакихъ запасовъ, а близость къ границѣ благопріятна дезертирству. Кромѣ того, хотя позиція, занятая Гарибальди, была хороша для отраженія пѣхоты, но она была беззащитна противъ артиллеріи, которая могла занять близъ лежащія высоты и обстрѣливать гору со всѣхъ сторонъ. Гарибальди рѣшилъ отступить къ Тиволи, гдѣ онъ могъ опереться на Апеннины и гдѣ ему было открыто отступленіе въ Абруцскія горы.

Получивъ телеграмму отъ Мустье, съ извѣщеніемъ о рѣшимости французскаго правительства защитить папу, представитель Франціи, Арманъ, все время настаивавшій на вмѣшательствѣ, отправился, внѣ себя отъ радости, въ полной парадной формѣ и въ парадномъ экипажѣ, съ этой вѣстью къ папѣ, но появившееся нѣсколько дней спустя сообщеніе о томъ, что отправка флота пріостановлена, снова вызвало тревогу при папскомъ дворѣ. „Флотъ не придетъ“, повторяли всѣ съ грустью. Взятіе Гарибальди Монтеротондо вызвало въ Римѣ еще большій переполохъ; всѣмъ чудилось, что генералъ находится уже у воротъ Рима. Папа приказалъ укладывать вещи и готовился къ бѣгству; въ Чивитта-Веккіи его ожидало испанское судно; кардиналы, которымъ папа не сообщалъ о своихъ намѣреніяхъ, были страшно удручены. Наконецъ, всѣ вздохнули съ облегченіемъ: „Французскія войска отплыли! Они скоро прибудутъ! Они уже прибыли!“ Но подоспѣютъ ли они во-время? Это волновало всѣхъ.

Неизвѣстность продолжалась не долго. 30 октября авангардъ французскихъ войскъ, подъ командою генерала Польгеса (Polhés), вступилъ въ Римъ. Генералы папскихъ войскъ, Канцлеръ и Фальи, зная, что наилучшее средство обороны есть нападеніе тотчасъ, рѣшили атаковать Гарибальди и 3 ноября, въ 4 часа утра, 3.000 солдатъ папскаго войска и 2.200 французовъ выступили изъ папской столицы. Папскія войска шли во главѣ отряда; французы составляли аррьергадъ; войска направились къ Монтеротондо, гдѣ они надѣялись встрѣтить Гарибальди, но онъ выступилъ въ тотъ день въ Тиволи, нѣсколько замѣшкавшись, по настоятельной просьбѣ своего сына генерала Менотти Гарибальди, который хотѣлъ роздать до выступленія солдатамъ сапоги, полученные въ то утро. Едва Гарибальди успѣлъ вступить въ Ментону, какъ конный разъѣздъ донесъ

о приближеніи непріятеля; раздавшіеся выстрѣлы подтвердили справедливость этихъ словъ: генералъ былъ застигнутъ врасплохъ. Папскія войска, предводительствуемыя смѣлымъ Шареттомъ, захватили передовые посты гарибальдійцевъ, выдвинутые на 4 километра отъ Ментоны, и оттѣснили ихъ въ деревню, вызвавъ среди гарибальдійцевъ невообразимый переполохъ.

Гарибальди самъ навелъ орудія, приказалъ отбить атаку и съ помощью такихъ храбрецовъ, какъ онъ, взялъ обратно часть оставленной деревни. Папскія войска остановились, но ихъ ряды не смѣшались; Гарибальди пытался обойти ихъ съ обоихъ фланговъ. Тогда ринулись въ битву французы. Одинъ батальонъ 29-го полка атаковалъ правое крыло гарибальдійцевъ и отрѣзалъ его отъ Монтеротондо; батальонъ егерей и батальонъ 1-го линейнаго полка атаковали лѣвый флангъ и, остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи, открыли огонь. Достаточно было нѣсколькихъ выстрѣловъ, чтобы обратить волонтеровъ въ постыдное бѣгство. Гарибальди, сидѣвшій на лошади, былъ пораженъ и сказалъ Коста: „Я видѣлъ въ Беззеккѣ, какъ люди бѣжали, но никогда не видалъ, чтобы бѣжали такъ, какъ они“.

Въ пять часовъ вечера весь отрядъ гарибальдійцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, укрывшихся въ деревнѣ, былъ обращенъ въ бѣгство. Нѣсколько сотъ храбрецовъ блестящимъ образомъ поддержали славу итальянской доблести, но огромное большинство волонтеровъ даже не вступило въ бой. На другой день утромъ французскія войска захватили всѣхъ отсталыхъ безъ боя, и надъ Ментоной взвился бѣлый флагъ. Гарибальдійцы потеряли 150 чел. убитыми, 240 ранеными, 900 взятыми въ плѣнъ; папскія войска—30 чел. убитыми, 103 ранеными; французы—4 чел. убитыхъ, 36 раненыхъ.

Волонтеры сложили оружіе въ Пассокоррезе и перешли на итальянскую территорію. „Непобѣдимый“ генералъ также перешелъ обратно границу, поникнувъ головою и обдумывая сдѣланную имъ страшную ошибку, которая повредила его дѣлу и его репутаціи. Его никогда не видѣли такимъ осунувшимся, постарѣвшимъ и мрачнымъ, какъ въ эту кампанію. Онъ былъ арестованъ въ Фильини. Французскому посланнику разсказывали, будто онъ бросился на землю, крича, что онъ американскій гражданинъ. По словамъ его друзей, сидя на станціи, на стулѣ, онъ заявилъ, что онъ итальянскій депутатъ, римскій генералъ, американскій гражданинъ, что его арестъ есть беззаконіе и что онъ подчиняется только силѣ. Четыре карабинера подхватили его подъ руки и отнесли въ карету, въ которой онъ былъ отправленъ въ фортъ Вариньяно, близъ Спеціи. Какъ американскій гражданинъ, онъ прибѣгнулъ къ покровительству консула Соединен-

ныхъ штатовъ, но, несмотря на его заступничество, онъ остался подъ арестомъ.

Такъ легко воспламеняющійся итальянскій народъ отнесся этотъ разъ совершенно равнодушно къ аресту своего народнаго героя, и волненіе въ Туринѣ, коего такъ боялся Викторъ-Эммануилъ, быстро улеглось.

27 ноября зять Гарибальди, Канціо, телеграфировалъ Менотти Гарибальди:

„Твой отецъ заболѣлъ".

Менотти явился въ министерство и просилъ предоставить Гарибальди нѣкоторую долю свободы.

Менабреа, убѣжденный, что, въ случаѣ смерти генерала, его обвинятъ въ томъ, что онъ приказалъ отравить его, тотчасъ пригласилъ къ нему врача и на основаніи его отзыва приказалъ перевезти его въ Капреру; желая избавиться отъ постояннаго надзора, Гарибальди далъ подписку о томъ, что онъ не оставитъ острова до 1 мая.

Въ своемъ невольномъ уединеніи, онъ рѣшился, по совѣту друзей, напечатать рядъ историческихъ романовъ, которые были направлены въ особенности противъ папы и католическаго духовенства.

II.

Къ характеристикѣ Наполеона I. 1798—1816 г.г.

Изъ записокъ графа Адріана де Планси [1]).

I.

Въ числѣ многочисленныхъ записокъ и воспоминаній, оставленныхъ дѣятелями первой имперіи, подвизавшимися на поприщѣ гражданской службы, видное мѣсто занимаютъ записки нѣкоторыхъ префектовъ Наполеона I, десятки лѣтъ хранившіяся подъ спудомъ въ частныхъ и общественныхъ архивахъ и только въ послѣдніе годы увидавшія свѣтъ.

Давая обильный матеріалъ для изученія законодательной и административной дѣятельности временъ первой имперіи, эти записки представляютъ значительный интересъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; оно и понятно, ибо лицо, занимавшее видный административный постъ, въ столь богатую событіями эпоху, каковы времена консульства и первой имперіи, имѣло возможность занести на стра-

---

[1]) Souvenirs du comte de Plancy. Paris, 1904.

ницы своихъ воспоминаній не мало любопытныхъ фактовъ и личныхъ наблюденій, а надобно замѣтить, что должность префекта, учрежденная во Франціи 28 плювіоза (17 февраля) 1800 г., была одною изъ самыхъ видныхъ; префектъ являлся въ своемъ департаментѣ представителемъ императорской власти, назначался изъ лицъ высшаго круга, имѣлъ непосредственныя сношенія съ императоромъ, наблюдалъ во ввѣренномъ ему департаментѣ за исполненіемъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, разрѣшалъ всѣ вопросы управленія, не подлежавшіе вѣдѣнію высшихъ инстанцій, издавалъ постановленія, имѣвшія предметомъ общественную безопасность и т. д. Образцовымъ префектомъ былъ графъ Адріанъ де Планси (р. 1778—1855 г.), стоявшій во главѣ департамента Сены и Марны въ 1814 г., въ то время, когда союзныя войска вступили въ предѣлы Франціи и этотъ департаментъ сдѣлался театромъ военныхъ дѣйствій. Къ этому времени относится и самая интересная часть оставленныхъ имъ записокъ, которыя изданы въ прошедшемъ году въ Парижѣ.

До поступленія своего на службу изящный, богатый, молодой графъ де Планси вращался въ интимномъ кругу извѣстнаго дѣятеля первой французской революціи, бывшаго члена конвента, Барраса, который послѣ переворота 18 брюмера долженъ былъ, по приказанію Наполеона, удалиться изъ Парижа въ свое имѣніе Гробуа, такъ какъ Бонапартъ, несмотря на ихъ прежнюю близость, не только не любилъ Барраса, но даже боялся его, подозрѣвая его въ участіи въ направленныхъ противъ него тайныхъ происках.

За Баррасомъ, который жилъ въ Парижѣ во времена директоріи истинно съ царской роскошью, окруженный золотой молодежью, послѣдовали въ Гробуа его адъютанты и весь его штатъ.

Въ его домъ стеклось множество лицъ, пользовавшихся нѣкогда его покровительствомъ; однихъ влекло въ Гробуа чувство признательности и дружбы, другихъ любопытство; вокругъ бывшаго директора образовался такимъ образомъ дворъ, такой же блестящій и многочисленный, какъ тотъ, коимъ онъ былъ окруженъ въ Люксенбургскомъ дворцѣ. Его составляли по большей части ярые республиканцы, считавшіе переворотъ, совершенный Бонапартомъ, посягательствомъ на свободу французскаго народа. Маленькій дворъ Барраса оживлялся цѣлымъ роемъ молодыхъ женщинъ, замѣчательной красоты, среди которыхъ блистала на первомъ мѣстѣ красавица г-жа Талліенъ, любовница Барраса, которую онъ звалъ Таллита и которой подарилъ роскошный домъ въ Парижѣ.

„Таллита, по отзыву всѣхъ ее знавшихъ, была прелестнѣйшею женщиной Парижа. Она была особенно хороша въ простомъ кисейномъ платьѣ греческаго покроя, небрежно стянутомъ у пояса, съ

обнаженными шеей и руками. Своей поступью, осанкой и роскошными формами она походила на богиню".

Баррасу было въ то время сорокъ четыре года.

„По описанію Планси, онъ былъ высокъ ростомъ, крѣпкаго тѣлосложенія и держалъ себя съ достоинствомъ, былъ веселъ, привѣтливъ и обращалъ большое вниманіе на то, чтобы окружающіе вели себя скромно и благопристойно. Онъ не терпѣлъ въ мужчинахъ кокетства. Лицо его было весьма пріятное, несмотря на то, что онъ носилъ всегда на высотѣ глаза мушку изъ англійской тафты, величиною въ пятифранковую монету".

„Въ новой резиденціи Барраса появлялась время отъ времени г-жа де Монпезенъ съ дочерью, это были родственницы Барраса, имѣвшія на него, какъ говорили, большое вліяніе, но самымъ интереснымъ посѣтителемъ Гробуа былъ генералъ Косцюшко, нашедшій, послѣ паденія Польши, убѣжище во Франціи, гдѣ его доблестный и возвышенный характеръ снискалъ ему многочисленныхъ друзей. Директорія предлагала ему пенсію въ 6.000 франковъ, но онъ выказалъ удивительное безкорыстіе, отказавшись отъ нея подъ предлогомъ, что онъ не могъ принять отъ Франціи никакой помощи въ виду крайне стѣсненнаго денежнаго положенія страны. Косцюшко былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Баррасомъ и съ третьимъ консуломъ Лебреномъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени безкорыстный, польскій генералъ находился всегда въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ жилъ въ департаментѣ Сены и Марны у одного изъ своихъ друзей, по происхожденію швейцарца, который предложилъ ему у себя гостепріимство. Этотъ человѣкъ и его жена оказывали Косцюшко всевозможные знаки вниманія, доходившіе до того, что они велѣли изобразить въ своемъ паркѣ неровности почвы, напоминавшія очертаніе того поля битвы, на которомъ Косцюшко одержалъ побѣду.

„Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей Барраса былъ также извѣстный министръ полиціи Фуше, многіе члены національнаго собранія и весьма многіе офицеры и генералы, между прочимъ генералъ Бернадъ, зять Іосифа Бонапарта. Большая часть этихъ лицъ, недовольная происшедшимъ переворотомъ, не стѣсняясь, выражала свое неудовольствіе въ тѣсномъ дружескомъ кругу.

Баррасъ принималъ ежедневно наединѣ многихъ лицъ, съ коими подолгу совѣщался. Ожидались важныя событія.

„Однажды", разсказываетъ Планси, „въ кабинетѣ Барраса собралось нѣсколько республиканскихъ генераловъ; всѣ они горячо жаловались на то, что Бонапартъ завладѣлъ властью и поступалъ тиранически. Обсуждались мѣры, какимъ образомъ отдѣлаться отъ тиранна.

„Наполеонъ, узнавъ о томъ, какой духъ царствовалъ при маленькомъ дворѣ въ Гробуа, приказалъ Баррасу немедленно отправиться въ Брюссель. Другъ Барраса, Фуше, пріѣзжалъ неоднократно въ Гробуа и убѣждалъ его подчиниться этому приказанію, но Баррасъ упорно отказывался, и Фуше обѣщалъ своему другу употребить все стараніе къ тому, чтобы приказаніе это было отмѣнено".

Въ домѣ Барраса дѣлались приготовленія къ энергичной защитѣ, но въ то же время его слуги готовили дорожныя кареты. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, прискакалъ отъ Фуше курьеръ съ письмомъ, въ которомъ министръ полиціи предупреждалъ Барраса, что „генералъ Бонапартъ рѣшилъ захватить его силою, если онъ не уѣдетъ немедленно изъ Франціи, и что съ этой цѣлью въ Гробуа послано нѣсколько бригадъ жандармовъ. Только тогда Баррасъ рѣшилъ удалиться въ Брюссель, откуда онъ возвратился больной и постарѣвшій уже послѣ реставраціи Бурбоновъ".

Послѣ отъѣзда Барраса въ Бельгію, общество, собиравшееся въ Гробуа, разсѣялось. Планси переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ женился на дочери третьяго консула Лебрена и, благодаря его протекціи, поступилъ аудиторомъ въ государственный совѣтъ, гдѣ присутствовалъ на засѣданіяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ перваго консула, на которыхъ вырабатывался новый кодексъ законовъ.

„Изъ того обстоятельства, что первый консулъ предсѣдательствовалъ всегда въ совѣтѣ, нѣкоторыя лица выводили заключеніе, говоритъ Планси, „что совѣтъ былъ стѣсненъ въ своихъ сужденіяхъ и подчинялся ему во всемъ, но я могу утверждать, что самые просвѣщенные люди Франціи обсуждали въ совѣтѣ всѣ вопросы вполнѣ свободно, ничѣмъ не стѣсняемые во время преній. Бонапартъ не столько обращалъ вниманіе на ихъ политическія убѣжденія, сколько старался воспользоваться ихъ свѣдѣніями. Стараясь оживить пренія, онъ обращался иногда къ членамъ совѣта въ шутливомъ тонѣ:

„Ну, г. якобинецъ, говорилъ онъ, напримѣръ, скажите намъ свое мнѣніе" или „а вы, г. роялистъ, что вы думаете объ этомъ?"

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось покушеніе на жизнь перваго консула. Нѣкоторые изъ соучастниковъ заговора, послѣ взрыва адской машины, скрывались въ Парижѣ. На другой день послѣ покушенія, Бонапартъ бесѣдовалъ о случившемся съ удивительнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ.

„Въ настоящее время, говорилъ онъ, изъ Англіи пріѣзжаютъ заговорщики, которые присоединяются къ своимъ единомышленникамъ, тайно проживающимъ въ Парижѣ. Они пріѣзжаютъ на англійскихъ судахъ, высаживаются на прибрежныхъ скалахъ, на которыя они взбираются при помощи веревокъ, чтобы укрыться отъ надзора. Я

увѣренъ, что и въ настоящій моментъ они высаживаются и направляются въ Парижъ, прячась по пути на фермахъ".

Однажды Бонапартъ, извѣщенный полиціей о томъ, что въ Парижѣ носился слухъ, будто австрійскій посланникъ Кобенцель скрывалъ въ своемъ домѣ оружіе, сказалъ во всеуслышаніе въ засѣданіи совѣта:

„Развѣ парижане не знаютъ меня? развѣ они не знаютъ, что если бы я убѣдился въ томъ, что Кобенцель дѣйствительно скрываетъ въ своемъ домѣ оружіе, то я не смотрѣлъ бы на него долѣе какъ на посланника, а приказалъ бы повѣсить его у воротъ его дома, какъ заговорщика, и я увѣренъ, что этимъ я не нарушилъ бы человѣческихъ правъ".

Ставъ императоромъ, Бонапартъ по-прежнему любилъ предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ и, какъ прежде, когда онъ былъ первымъ консуломъ, часто придавалъ засѣданіямъ характеръ дружеской бесѣды.

Однажды онъ сказалъ:

„Въ Парижѣ говорятъ, будто я намѣреваюсь объявить войну Австріи и что эта держава дѣлаетъ большія вооруженія. Но развѣ не знаютъ, что ежели императоръ австрійскій купитъ хотя бы одного коня, то я буду въ Вѣнѣ прежде, нежели его осѣдлаютъ?"

Другой разъ, когда въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о жалованіи приходскимъ священникамъ, императоръ настаивалъ на томъ, чтобы оно было увеличено и, когда совѣтъ высказался противъ этого, Наполеонъ сказалъ съ живостью: „развѣ вы не знаете, что священникъ наилучшая полиція?"

Принявъ императорскій титулъ и желая придать своей власти болѣе блеска, Наполеонъ рѣшилъ короноваться. Любопытны передаваемыя Планси подробности о приготовленіяхъ, предшествовавшихъ этому торжеству. На него, вмѣстѣ съ прочими аудиторами, были возложены, въ день церемоніи, особыя обязанности:

„Когда я отправился, вмѣстѣ съ прочими аудиторами, къ оберъ-церемоніймейстеру, чтобы получить соотвѣтственныя инструкціи", разсказываетъ онъ, „Сегюръ далъ каждому изъ насъ маленькую палочку, обтянутую бархатомъ; это была, въ миніатюрѣ, точная копія съ его церемоніймейстерскаго жезла. Онъ сказалъ намъ, что, когда мы явимся съ этой палочкою во дворецъ, то передъ нами распахнутся всѣ двери и намъ будетъ предоставлено сдѣлать всѣ приготовленія, какія мы сочтемъ нужнымъ".

Затѣмъ Сегюръ приказалъ разставить длиннѣйшій столъ и внести коробку, въ которой лежали деревянныя фигуры, изображавшія должностныхъ лицъ, которыя должны были участвовать въ церемоніи;

всѣ эти фигуры были одѣты въ соотвѣтствующіе костюмы. Тогда, съ церемоніаломъ въ рукахъ, мы разставили эти фигуры въ томъ порядкѣ и на тѣхъ мѣстахъ, которыя онѣ должны были занимать во время торжественнаго шествія отъ трона къ престолу и обратно.

Благодаря этимъ подготовительнымъ учрежденіямъ мы были въ состояніи выполнить церемоніалъ безукоризненно. Репетиціи происходили въ большомъ залѣ Тюильрійскаго дворца, и намъ говорили, что въ то же самое время императоръ, со своей стороны, производилъ въ своихъ аппартаментахъ другаго рода репетиціи, подъ руководствомъ знаменитаго трагика Тальмы, который безподобно изображалъ въ пьесахъ Корнеля императоровъ и консуловъ и съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ носилъ императорскую мантію и консульскую тунику.

Церемоніалъ былъ отпечатанъ въ двухъ экземплярахъ, которые отличались одной подробностью, а именно: въ первомъ было сказано, что корона будетъ возложена на голову Наполеона папою, а во второмъ—что императоръ возьметъ ее изъ рукъ папы и самъ возложитъ на свою голову. Это измѣненіе было сдѣлано вслѣдствіе заявленія императора, что онъ не долженъ не изъ чьихъ рукъ получить корону, которой онъ обязанъ единственно своему мечу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ выразилъ желаніе самому возложить корону на голову императрицы.

Наполеонъ хотѣлъ, чтобы коронаціонный кортежъ отличался возможнымъ блескомъ, дабы парижане надолго сохранили о немъ воспоминаніе, и поэтому приказалъ, чтобы кортежъ прослѣдовалъ въ соборъ Парижской Богоматери въ порядкѣ, указанномъ въ церемоніалѣ; для чего всѣ участвующіе должны были собраться въ Тюильри; однако, ему пришлось отказаться отъ этой мысли, когда ему былъ представленъ такой расчетъ: предполагая, что въ каждой каретѣ будетъ сидѣть по четыре человѣка, понадобилось бы нѣсколько минутъ только на то, чтобы они сѣли въ экипажъ у дворца и вышли изъ него у собора, а такъ какъ число приглашенныхъ къ участію въ церемоніи было очень велико, то потребовалось бы болѣе трехъ дней на то, чтобы всѣ они подъѣхали къ церкви и заняли свои мѣста.

Во время церемоніи, „Наполеонъ, по свойственной ему живости или быть можетъ потому, что онъ былъ озабоченъ, шелъ такъ скоро, что я былъ неоднократно вынужденъ останавливать его, дергая за его императорскую мантію, а его братья, только-что возведенные изъ простыхъ генераловъ въ княжеское достоинство, забывали, что они должны были по своему новому званію идти во главѣ кортежа и ихъ приходилось подталкивать, чтобы они шли скорѣе и сохраняли подо-

бавшее имъ мѣсто... То же было и съ императорскими регаліями. Маршалъ, несшій мечъ Карла Великаго, стремился все время идти скорѣе тѣхъ, кои несли скипетръ и корону".

II.

Вскорѣ послѣ коронаціи Наполеона I авторъ цитируемыхъ нами записокъ былъ назначенъ префектомъ въ департаментъ Дуары, образованный изъ присоединенной къ Франціи части Пьемонта. Эта мѣстность переживала тревожное время; въ ней еще не улеглось броженіе, вызванное присоединеніемъ; населеніе относилось къ французской администраціи въ высшей степени враждебно; возбужденіе умовъ поддерживалось духовенствомъ и дворянствомъ, которые лелѣяли надежду возвратить королю сардинскому утраченный престолъ и обезпечить торжество католической вѣрѣ.

Желая лично удостовѣриться въ томъ, какія надежды можно было возлагать на мѣстное населеніе и какой духъ царствовалъ среди него, Наполеонъ совершилъ (въ 1804 г.) поѣздку въ Пьемонтъ, выразивъ желаніе, чтобы къ его пріему не было сдѣлано никакихъ приготовленій. Ему былъ оказанъ вездѣ восторженный пріемъ, за исключеніемъ одного департамента (de la Sésia), гдѣ за его экипажемъ бѣжало всего нѣсколько уличныхъ мальчишекъ, крича: „Vive l'empereur".

Недовольный этимъ пріемомъ (de cette réception „de ruisseau", какъ онъ выразился), Наполеонъ высказалъ громко, что, вслѣдствіе неблагонадежнаго духа, царствующаго въ этомъ департаментѣ, онъ будетъ упраздненъ; мѣстныя власти и представители сословій были приняты императоромъ сурово, но весь его гнѣвъ обрушился на секретаря Гардини, котораго Наполеонъ назвалъ даже интриганомъ и врагомъ Франціи.

Услыхавъ это обвиненіе, Гардини, честно служившій французскому правительству и до того преданный его интересамъ, что онъ навлекъ этимъ на себя неудовольствіе своихъ согражданъ, высоко поднялъ голову и, прервавъ рѣчь императора, возразилъ съ достоинствомъ:

„А кто же, какъ не я, далъ вашимъ солдатамъ оружіе, когда они, не имѣя ничего, спускались по склонамъ Сенъ-Бернарда, идя на завоеваніе Италіи?—Кто далъ имъ хлѣба?—Опять таки я! И меня называютъ врагомъ французовъ! ваше величество, я удаляюсь"...

И онъ повернулся, чтобы уйти; Наполеонъ, удивленный и растроганный этими горячими и благородными словами, подошелъ къ Гар-

дини, удержалъ его и сказалъ, протянувъ ему руку: „Нѣтъ, вы мой другъ“.

Тѣмъ не менѣе Гардини счелъ долгомъ отправиться къ министру внутреннихъ дѣлъ, бывшему свидѣтелемъ этой сцены, и подалъ ему прошеніе объ отставкѣ, на что министръ заявилъ, что послѣ сказаннаго императоромъ онъ не можетъ принять его отставки.

Департаментъ все-таки былъ раскассированъ, его округа были распредѣлены по сосѣднимъ департаментамъ, а Гардини былъ перемѣщенъ въ Иврe, въ томъ же званіи секретаря.

Въ Туринѣ населеніе сдѣлало Наполеону встрѣчу, достойную побѣдителя. Въ честь его въ залѣ театра былъ данъ роскошный балъ, но императоръ пробылъ тамъ недолго. По прибытіи изъ Парижа курьера съ тревожными вѣстями онъ уѣхалъ изъ Турина такъ неожиданно, что въ городѣ узнали объ его отъѣздѣ только на другой день. Наполеонъ позабылъ въ Туринѣ свою маленькую треуголку, которая была помѣщена въ большомъ дворцовомъ залѣ подъ стекляннымъ колпакомъ и долго хранилась, какъ реликвія. Данный въ честь императора балъ, на которомъ присутствовало все мѣстное дворянство и всѣ красавицы Турина, далъ Наполеону столь высокое понятіе о Пьемонтѣ и его жителяхъ, что онъ назначилъ впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Пьемонта своего зятя, князя Боргезе, и совѣтовалъ ему имѣть въ Туринѣ дворъ“.

Во время возстаній, происходившихъ въ Пьемонтѣ послѣ его присоединенія къ Франціи, въ странѣ начались страшные разбои; бандиты, называвшіе себя „сторонниками короля сардинскаго“, свирѣпствовали между Туриномъ, Александріей и Генуей, перехватывали казенныя деньги, грабили кассы и почтальоновъ, которые ихъ везли, не щадя, разумѣется, и проѣзжихъ.

Залисетти, посланникъ въ Неаполѣ, ѣхавшій со свитою въ Геную, хотѣлъ, не взирая на полученное имъ предостереженіе, проѣхать ночью черезъ Боккеттскій горный проходъ, въ Лигурійскихъ Альпахъ. Поздно вечеромъ онъ подъѣхалъ къ крутому подъему, на который лошади стали взбираться шагомъ, какъ вдругъ экипажи, въ которыхъ ѣхала впереди его свита, были окружены шайкой разбойниковъ, во главѣ которыхъ былъ самъ Магино, извѣстнѣйшій изъ разбойничьихъ атамановъ этой мѣстности. Бандиты остановили первую карету, связали почтальоновъ и, съ пистолетомъ въ одной рукѣ и кинжаломъ въ другой, ограбили путешественниковъ; затѣмъ, приказавъ почтальонамъ продолжать путь, подошли къ слѣдующему экипажу и продѣлали то же.

Между тѣмъ Залисетти, сидѣвшій со своей свитой въ третьемъ экипажѣ, полагая, что въ передней каретѣ произошла поломка и что ее исправляютъ, продолжалъ дремать; но насталъ и его чередъ.

Забравъ чемоданы, прочія вещи и деньги, атаманъ хотѣлъ взять одинъ маленькій ящикъ, стоявшій подъ ногами у Залисетти, тогда послѣдній заявилъ рѣшительнымъ тономъ, что въ немъ лежатъ важныя бумаги, которыя могутъ быть нужны ему одному.

— Хорошо, сказалъ Магино, дайте мнѣ честное слово, что въ ящикѣ нѣтъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ вещей.

— Даю слово, отвѣчалъ Залисетти.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Магино, оставьте ящикъ у себя, но дайте мнѣ вашъ орденъ Почетнаго легіона.

Посланнику пришлось разстаться съ орденомъ, который разбойникъ тотчасъ надѣлъ въ петлицу.

Залисетти, который былъ прежде министромъ полиціи, вѣроятно, провелъ Магино, отплативъ ему такимъ образомъ за его продѣлки надъ полиціей.

Нѣсколько времени спустя Магино, подражая Наполеону, принявшему титулъ императора французовъ и короля Италіи, провозгласилъ себя „императоромъ равнины и королемъ горъ“.

Смѣлые разбои этого бандита, которые онъ совершалъ всегда открыто и съ помощью вооруженной силы, встревожили, наконецъ, правительство, которое назначило цѣну за его голову. За поимку его живымъ или мертвымъ было обѣщано 10 тысячъ франковъ. Столь крупная награда вызвала соревнованіе со стороны полицейскихъ агентовъ, которые были не прочь заработать крупную сумму. Но всѣ ихъ старанія долгое время оставались тщетны, такъ какъ Магино умѣлъ внушить такой страхъ во всѣхъ кантонахъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ, что никто не рѣшался выдать его и онъ находился вездѣ въ большей безопасности, нежели его преслѣдователи.

Полиція Александріи, получивъ однажды извѣстіе, что Магино бродитъ въ близъ лежащихъ горахъ и появляется нерѣдко въ окрестностяхъ города, установила за нимъ такой бдительный надзоръ, что ей удалось, наконецъ, прослѣдить, въ какомъ домѣ онъ чаще всего бывалъ, и жандармскій начальникъ послалъ на разсвѣтѣ сильный отрядъ, чтобы окружить этотъ домъ и произвести въ немъ обыскъ.

Прибывъ къ назначенному часу, офицеръ окружилъ домъ и бросился въ него въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы захватить свою добычу, увѣренный въ томъ, что десять тысячъ франковъ будутъ принадлежать ему; несмотря на ранній часъ, онъ засталъ въ домѣ двухъ особъ, сидѣвшихъ за столомъ, распивая кофе; однако, на столѣ стояла третья чашка. Въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ; выглянувъ въ окно, офицеръ увидѣлъ распростертаго на землѣ человѣка. Это и оказался Магино, которому не удалось на этотъ разъ бѣжать. Двое солдатъ хотѣли обезоружить его, но у разбойника

хватило еще силъ нанести имъ ударъ кинжаломъ; они упали замертво подлѣ него. Тогда офицеръ приказалъ дать залпъ и, когда Магино былъ убитъ, онъ снялъ съ его груди орденъ Почетнаго легіона, взятый атаманомъ у Залисетти. Этотъ орденъ по просьбѣ офицера былъ пожалованъ ему.

III.

Осенью 1807 г. Наполеонъ рѣшилъ возложить на себя корону Италіи и съ этой цѣлью отправился въ Миланъ, выразивъ желаніе, чтобы ему не устраивали торжественныхъ встрѣчъ, которыя могли задержать его въ пути.

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1807 г., читаемъ въ запискахъ Планси, я былъ секретно извѣщенъ губернаторомъ Пьемонта о томъ, что императоръ, по пути въ Миланъ, проѣдетъ чрезъ мой департаментъ. Получивъ вскорѣ послѣ этого извѣстіе о прибытіи Наполеона въ Кивассо, я отправился въ этотъ городъ и засталъ императора въ гостиницѣ, за ужиномъ. Онъ сидѣлъ за столомъ съ Бертье и ѣлъ яичницу и жареныя миноги.

Увидавъ меня, Наполеонъ сказалъ: „Генеральный секретарь, назначенный къ вамъ, склоненъ къ интригамъ".

Я отвѣчалъ, что я всегда считалъ Джіардини человѣкомъ умнымъ, преданнымъ Франціи и его величеству.

— Что желаетъ населеніе вашего департамента? спросилъ императоръ вслѣдъ за тѣмъ.

— Ваше величество, онъ желаетъ имѣть дорогу черезъ Сенъ-Бернардъ, если это не противорѣчитъ политикѣ вашего величества.

— Но на это предпріятіе потребуется много денегъ, возразилъ императоръ.

Я объяснилъ, что желаніе такъ велико, что мы могли бы распредѣлить работу по частямъ между общинами и, увеличивъ нѣсколько налоги, можно бы собрать недостающую сумму.

Императоръ замѣтилъ на это съ живостью:

— Конечно, это будетъ не трудно, если вы заставите всѣхъ работать...

— Ваше величество, весь департаментъ заставляетъ меня просить васъ о томъ, чтобы была проложена дорога черезъ Сенъ-Бернардъ, холодно замѣтилъ я.

Затѣмъ онъ сталъ бесѣдовать съ мэромъ Кивассо, отставнымъ военнымъ, служившимъ подъ знаменами короля сардинскаго и, внезапно обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

„Вашъ департаментъ требуетъ дороги черезъ Сенъ-Бернардъ? разрѣшаю вамъ подать объ этомъ докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ".

Затѣмъ онъ вышелъ изъ гостиницы и прошелъ черезъ дворъ, привѣтствуемый несмѣтной толпою народа, кричавшаго: „Да здравствуетъ императоръ".

Я трепеталъ за императора; мои опасенія оказались вполнѣ основательны; я узналъ впослѣдствіи, что одинъ убійца слѣдилъ за нимъ до самаго Милана и былъ арестованъ въ этомъ городѣ въ дворцѣ.

Но звѣзда императора была въ то время въ своемъ зенитѣ!"

IV.

Во время похода 1812 года, Планси занималъ должность префекта въ департаментѣ Сены и Марны и былъ свидѣтелемъ печальнаго возвращенія французскихъ войскъ послѣ битвы подъ Лейпцигомъ.

„Въ Меленъ, городъ департамента Сены и Марны, прибылъ герцогъ Рагузскій со своимъ корпусомъ", читаемъ въ запискахъ; „его солдаты были до такой степени утомлены, что на нихъ жалко было смотрѣть. Мѣстные жители встрѣтили ихъ радушно, пріютили ихъ въ своихъ домахъ, накормили и напоили ихъ. Я лично угощалъ въ префектурѣ герцога Рагузскаго и офицеровъ его штаба; за обѣдомъ всѣ были грустны и молчаливы; видимо, всѣ были изнурены и рано разошлись на отдыхъ.

На слѣдующій день корпусъ выступилъ изъ города, чтобы прикрыть Парижъ; нѣсколько минутъ спустя, герцогъ Рагузскій сѣлъ на лошадь, чтобы слѣдовать за своимъ отрядомъ. Я сопровождалъ его до городскихъ воротъ.

Не болѣе какъ полчаса спустя ко мнѣ прискакалъ курьеръ съ письмомъ отъ подъ-префекта гор. Куломье, который сообщалъ мнѣ, что императоръ ночевалъ на мельницѣ, названіе которой онъ мнѣ сообщилъ. Это извѣстіе привело насъ въ восторгъ, такъ какъ оно подавало намъ надежду на то, что императоръ поспѣетъ въ Парижъ раньше непріятеля и что войска, шедшія къ столицѣ, измѣнятъ положеніе дѣлъ; несомнѣнно, что если бы императоръ потерпѣлъ пораженіе подъ стѣнами Парижа и былъ вынужденъ отступить, то вся Франція поспѣшила бы къ нему на помощь. Энергическими мѣрами можно было бы заставить непріятеля перейти обратно границу; и

союзные монархи, увидавъ Францію вооруженною, согласились бы, въ концѣ концовъ заключить почетный миръ.

Поэтому, я послалъ, не теряя ни минуты, герцогу Рагузскому депешу подъ-префекта, полагая, что надежда увидѣть императора придастъ войскамъ и населенію энергію, каковой требовали обстоятельства, и что Парижъ будетъ держаться до послѣдней крайности.

Къ сожалѣнію, эта надежда оказалась напрасной; на слѣдующій день прискакалъ отъ того же подъ-префекта второй курьеръ съ извѣщеніемъ, что онъ жестоко ошибся, что на мельницѣ ночевалъ не императоръ Наполеонъ, а императоръ Александръ. Можно себѣ представить, какъ ошеломило насъ это извѣстіе, не предвѣщавшее ничего добраго.

Парижъ сдался послѣ трехдневной осады. Надобно полагать, что непріятель атаковалъ его не особенно энергично, такъ какъ слабый корпусъ герцога Рагузскаго, разумѣется, не могъ долго сдерживать непріятельскую армію.

Парижъ, который мы защищали въ теченіе шести мѣсяцевъ самымъ энергичнымъ образомъ, не принялъ никакихъ мѣръ для самообороны. Намъ это было извѣстно, и это обстоятельство неоднократно вызывало наше неудовольствіе. Трудно себѣ представить, что, зная о приближеніи непріятеля, городъ съ милліоннымъ населеніемъ не вооружилъ ни одного человѣка и что населенію было роздано оружіе всего за три дня до сдачи!

Парижъ одинъ отвѣтственъ за паденіе императора и за всѣ бѣдствія, постигшія отечество.

Послѣ капитуляціи, герцогъ Рагузскій отступилъ со своимъ 15-тысячнымъ корпусомъ, и Парижъ былъ занятъ союзными войсками.

Я могу сказать съ гордостью, что въ департаментѣ Сены и Марны дѣло обстояло совершенно иначе; хотя непріятельскія войска появились въ разныхъ пунктахъ этого департамента, но имъ нигдѣ не было предоставлено квартиръ. Меленъ былъ занятъ союзными войсками послѣ капитуляціи Парижа, да и то они заняли только полъ-города.

Благодаря этому, Наполеонъ могъ найти пріютъ въ Фонтенебло. Когда, въ самый день капитуляціи Парижа, императоръ явился къ воротамъ столицы и увидалъ, что они охраняются русскими войсками, то онъ перенесъ свою главную квартиру въ Фонтенебло, гдѣ онъ и ожидалъ свои войска, кои, по расчету его приближенныхъ, все еще доходили до 60 тысячъ человѣкъ.

Я отправился немедленно въ резиденцію императора и засталъ

Наполеона въ большой галлереѣ съ герцогомъ Бассано и однимъ изъ маршаловъ.

Какъ только я представился, императоръ сказалъ мнѣ:

— Г. Планси, я только-что проѣхалъ чрезъ вашъ департаментъ; должно быть, вы прекрасный человѣкъ, такъ какъ всѣ хвалятъ васъ, но замокъ вашъ очень запущенъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ я,—будучи занятъ общественной службой, мнѣ пришлось поневолѣ запустить его.

Оказывается, императоръ останавливался со своей главной квартирой въ Планси и даже ночевалъ тамъ. Я слышалъ впослѣдствіи, что нашъ сельскій священникъ, котораго ограбили казаки, явился къ нему безъ сутаны и почти безъ верхней одежды; говоря обо мнѣ, онъ выразился, что я былъ для нихъ вторымъ провидѣніемъ.

Наполеонъ провелъ въ замкѣ Планси ночь на 17 марта, наканунѣ битвы подъ Арсисъ-сюръ-Объ. Это пребываніе окончилось не особенно благополучно для моего имущества, ибо, когда императоръ ночевалъ въ какомъ-либо домѣ, то тѣ лица, кои завѣдывали устройствомъ для него помѣщенія, выкидывали обыкновенно, для скорости, все, что они находили въ предназначавшейся для него комнатѣ, въ окно и затѣмъ разставляли въ ней легендарную миніатюрную походную мебель, о которой повѣствуетъ исторія.

Въ той же комнатѣ, въ Планси, ночевалъ два дня спустя императоръ Александръ.

Опустошеніе, произведенное въ моемъ домѣ слугами Наполеона, было только прелюдіей къ погрому, учиненному въ немъ казаками, которые прибыли по пятамъ русскаго императора. Они выломали карнизы и перила на лѣстницѣ, чтобы соорудить костры, растащили ковры, содрали старинную обивку съ мебели. Большіе охотники до рыбы, они опустошили всѣ рвы замка, самымъ оригинальнымъ и варварскимъ способомъ выловивъ изъ нихъ рыбу. Выстроившись во рву въ линію двумя рядами, спина къ спинѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, казаки по командѣ шли впередъ, гоня передъ собою рыбу до тѣхъ поръ, пока оба ряда не сходились лицомъ къ лицу, тогда имъ оставалось только черпать пригоршнями загнанную рыбу и выбрасывать ее на берегъ.

— Вы скоро освободитесь отъ дикой орды, наводнившей преданную мнѣ Шампань, сказалъ Наполеонъ мэру Планси, бесѣдуя съ нимъ 17 марта, вечеромъ.—Это совершится вопреки тѣмъ измѣнникамъ, о коихъ вы говорите и кои мнѣ такъ же хорошо извѣстны, какъ вамъ.

Въ тотъ моментъ, какъ онъ говорилъ это, императору подали депешу, прочитавъ которую, онъ произнесъ:

— Я не веду переговоровъ съ побѣжденными.

Слѣдовательно, Наполеонъ могъ въ этотъ моментъ однимъ словомъ прекратить войну, но онъ твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, которая блестѣла тогда еще ярко.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ со мною, императоръ спросилъ, могу ли я быстро и секретно препроводить маленьную записочку полицейскому префекту, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ временнаго правительства. Я отвѣчалъ, что могу сдѣлать это, такъ какъ я знаю преданныхъ людей, которые готовы сдѣлать все, чтобы услужить ему: онъ приказалъ герцогу Бассано передать мнѣ эту записку.

Едва успѣлъ герцогъ уйти, какъ ввели жандарма парижскаго гарнизона.

— Что тебѣ нужно? спросилъ императоръ.

— Ваше величество, отвѣчалъ жандармъ,—вчера какъ только непріятель вступилъ въ Парижъ, жандармерія была заперта въ казармы—вѣроятно, боялись ея недовольства. Мнѣ удалось бѣжать, выпрыгнувъ изъ окна, и я поспѣшилъ къ вамъ.

— Ты хорошо сдѣлалъ, возразилъ императоръ,—можешь ли ты вернуться въ Парижъ?

— Могу, ваше величество.

— Ну, такъ скажи твоимъ товарищамъ, чтобы они поспѣшили ко мнѣ, сюда.

Я сказалъ императору, что могу дать жандарму статское платье, въ которое онъ могъ переодѣться, такъ какъ въ военномъ мундирѣ его могли задержать.

— Хорошо, сказалъ императоръ.

Тогда жандармъ сдѣлалъ по-военному нѣсколько шаговъ къ императору и, отдавая честь, сказалъ:

— Ваше величество, я прошу дать мнѣ крестъ.

— Ты получишь его по возвращеніи, отвѣчалъ императоръ.

Я велѣлъ жандарму подождать меня нѣсколько минутъ.

Тѣмъ временемъ вернулся герцогъ Бассано и вручилъ мнѣ маленькую записку, которую надлежало препроводить въ Парижъ; она заключала всего нѣсколько словъ:

„Можно ли разсчитывать на васъ?“

Я сталъ искать жандарма, но всѣ мои поиски оказались тщетны. Я убѣжденъ въ томъ, что это былъ шпіонъ, подосланный къ намъ съ цѣлью вывѣдать, былъ ли императоръ во Фонтенебло, что онъ тамъ дѣлалъ и какими силами располагалъ; по всей вѣроятности, ему было также поручено повліять извѣстнымъ образомъ на солдатъ и т. д. Не найдя жандарма, я призвалъ солдата изъ резервныхъ войскъ, который многимъ былъ мнѣ обязанъ, передалъ ему записку герцога Бассано, и мы условились, что онъ спрячетъ ее, для большей безо-

пасности, въ ручку ножа, приспособленнаго для этой цѣли. Онъ переодѣлся и уѣхалъ.

Отвѣтъ, привезенный имъ, былъ достоинъ истиннаго политика и дипломата; онъ гласилъ:

„Судя по тому, что мною сдѣлано, можно судить о томъ, что я сдѣлаю“.

Герцогъ Бассано сдѣлалъ гримасу и отсчиталъ посланному триста франковъ, вполнѣ заслуженныхъ солдатомъ, такъ какъ порученіе было опасное, и онъ выполнилъ его очень скоро и хорошо. На обратномъ пути онъ наткнулся на отрядъ герцога Рагузскаго и былъ задержанъ. Его подвергли допросу, и дѣло грозило окончиться плохо, когда онъ рѣшился назвать меня.

Зная, что непріятель навѣрно атакуетъ вскорѣ Меленъ, я счелъ долгомъ передъ отъѣздомъ изъ Фонтенебло предупредить императора о томъ, что у насъ не было ни одного солдата,—въ городѣ было всего 7 тысячъ жителей, національная гвардія была въ походѣ, а у меня оставалось только нѣсколько резервныхъ солдатъ національной гвардіи. Императоръ обѣщалъ прислать войска.

Заставъ въ Меленѣ все въ томъ же положеніи, въ какомъ я оставилъ его, я возвратился въ Фонтенебло, условившись предварительно съ генераломъ, который командовалъ войсками, расположенными въ департаментѣ Сены и Марны, что при появленіи непріятеля онъ взорветъ мосты, дабы дорога отъ Мелена до Фонтенебло осталась свободна. По пути мнѣ встрѣтился полковникъ Кольберъ съ полкомъ уланъ, который шелъ на выручку города.

Прибывъ въ Фонтенебло, я явился къ императору; онъ завтракалъ съ Бертье.

Императоръ держалъ въ правой рукѣ бараній окорокъ, а лѣвой рукой счищалъ корку хлѣба, въ которомъ онъ былъ запеченъ.

Я удивился, что онъ завтракалъ съ такимъ аппетитомъ въ тотъ моментъ, когда онъ могъ быть взволнованъ и озабоченъ, но меня еще больше удивилъ предметъ его бесѣды.

Я стоялъ почтительно противъ императора, при шпагѣ и со шляпой подъ мышкой, наблюдая и прислушиваясь съ величайшимъ вниманіемъ ко всему, что будетъ говориться и происходить вокругъ меня. Я былъ увѣренъ, что въ тотъ моментъ, когда императоръ потерялъ свою столицу и когда единственнымъ его убѣжищемъ было Фонтенебло, гдѣ мы могли ежеминутно подвергнуться нападенію со стороны непріятеля, не имѣя возможности защититься, разговоръ будетъ касаться только серьезныхъ вопросовъ.

Вмѣсто этого за завтракомъ только и было рѣчи о любовныхъ похожденіяхъ принца Евгенія Богарне и очаровательной танцовщицы

Биготтини, которую мы всѣ знали. Мериньи, которому были извѣстны всѣ перипетіи этой связи, передавалъ ихъ императору, принимавшему оживленное участіе въ разговорѣ.

Вставъ изъ-за стола, Наполеонъ прошелъ мимо меня и ласково похлопалъ меня по щекѣ. Тогда Мериньи подошелъ ко мнѣ и, когда императоръ скрылся въ свои аппартаменты, онъ сказалъ мнѣ, смѣясь:

— Вы въ милости, Планси!

— Немного поздно, отвѣчалъ я, въ свою очередь улыбнувшись. Затѣмъ, принявъ серьезный видъ, я присовокупилъ:

— Будьте такъ любезны, передайте императору, что я прошу у него аудіенціи на минутку.

Мериньи вошелъ въ кабинетъ и, вернувшись, сказалъ мнѣ, что какъ только Лефевръ, бывшій у императора, уйдетъ, я могу войти.

Вскорѣ я былъ введенъ въ кабинетъ и сказалъ императору, что я получилъ изъ Парижа частныя письма, въ коихъ мнѣ сообщали, что на улицахъ раздаются крики: „Да здравствуетъ Людовикъ XVIII“. Весьма возможно, что эти возгласы издаютъ женщины и школьники, но вообще населеніе поражено тѣмъ, что среди него появились непріятельскія войска.

Я спросилъ императора, увѣренъ ли онъ въ маршалахъ и генералахъ, окружающихъ его, присовокупивъ, что я предлагаю ему этотъ вопросъ потому, что однажды за обѣдомъ одинъ изъ его маршаловъ держалъ, въ присутствіи многихъ высшихъ офицеровъ, довольно легкомысленныя рѣчи, которыя были встрѣчены, какъ мнѣ показалось, сочувственно, и что другой генералъ выражался о немъ въ высшей степени язвительно, а между тѣмъ это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ арміи.

— Я боюсь, ваше величество, что всѣмъ наскучила война, что всѣ утомлены ею, сказалъ я въ заключеніе.

Императоръ слушалъ меня съ видимымъ неудовольствіемъ и просилъ назвать тѣхъ генераловъ, о коихъ шла рѣчь.

— Простите, ваше величество, отвѣчалъ я,—факты, по счастью, не достаточно серьезны, чтобы я рѣшился скомпрометтировать кого-нибудь; къ тому же по своему положенію я недостаточно хорошо знакомъ съ этими господами, чтобы судить по ихъ словамъ объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ; я хотѣлъ только предостеречь ваше величество; прошу позволенія никого не называть.

Императоръ настаивалъ; я снова отказался исполнить его требованіе. Онъ расхаживалъ большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ, онъ остановился передо мною и повелительно приказалъ мнѣ отвѣчать Тогда я рѣшился назвать одного дивизіоннаго генерала.

— Да, это бѣдовая голова, сказалъ онъ,—это человѣкъ вѣчно недовольный; онъ говоритъ все, что ему взбредетъ на умъ, но это одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ арміи.

Сказавъ это, Наполеонъ немного помолчалъ и затѣмъ оставилъ меня одного, такъ что я не могъ объяснить ему выработанный мною проектъ изгнанія изъ Парижа непріятеля и оттѣсненія его къ границѣ.

Императоръ могъ бы сосредоточить въ Фонтенебло 60.000 чел., которые были недалеко оттуда; герцогъ Рагузскій съ 15.000 чел. прикрывалъ Фонтенебло. Поэтому я хотѣлъ совѣтовать императору идти немедленно на Парижъ со всѣми силами, объявивъ, что всѣ тѣ, кои примутъ участіе въ этомъ смѣломъ предпріятіи, могутъ разсчитывать на большое повышеніе и награды.

Кромѣ того, слѣдовало отдать префектамъ и подпрефектамъ приказъ объявить въ ихъ департаментахъ рекрутскій наборъ, наскоро вооружить новобранцевъ, превратить города въ укрѣпленныя мѣста, загородить дороги, разрушить мосты и звонить день и ночь въ набатъ, призывая всѣхъ къ оружію.

Мнѣ было подчинено въ моемъ департаментѣ 600 сельскихъ приходовъ, и я могъ бы мигомъ выполнить предлагаемыя мѣры, превративъ обширное пространство въ огромный и неприступный вооруженный лагерь.

Придуманная мною мѣра была не столь крайнимъ средствомъ, какъ пожаръ Москвы, къ которому прибѣгнулъ Ростопчинъ съ цѣлью лишить французовъ продовольствія. Трудно допустить, чтобы три милліона людей не могли изгнать 200.000 иноземнаго войска, если бы они стали повсемѣстно безпокоить и преслѣдовать его.

Первый отпоръ могли дать непріятелю пятьдесятъ тысячъ человѣкъ національной гвардіи, превосходно организованной моими стараніями въ департаментѣ Сены и Марны.

Но, какъ я уже сказалъ, императоръ, ушедшій изъ кабинета, оставивъ меня одного, не далъ мнѣ возможности изложить мой планъ. Онъ вызвалъ, не теряя ни минуты, начальника жандармовъ маршала Монсея и приказалъ ему арестовать генерала, котораго я имѣлъ неосторожность назвать. Къ счастью, его не нашли, или, лучше сказать, постарались не найти, а событія слѣдовали одно за другимъ съ такою быстротою, что приказаніе императора осталось невыполненнымъ.

Какъ только генералъ Монсей удалился, императоръ приказалъ бить тревогу, и дворцовый дворъ наполнился гвардейскими гренадерами, которые уже прибыли въ Фонтенебло.

Услыхавъ звонъ оружія, я вышелъ изъ кабинета и увидѣлъ императора на балконѣ, окруженнаго генералами. Онъ держалъ къ вой-

ску горячую рѣчь, въ которой сообщилъ о происходящемъ въ Парижѣ, сказалъ, что Франція легко можетъ потерять плоды сорокалѣтнихъ жертвъ и т. д.

Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо балкона; музыка играла, по желанію Наполеона, марсельезу; гренадеры, проходя подъ балкономъ, кричали: „Да здравствуетъ императоръ!“

Послѣ этого Наполеонъ возвратился въ свои покои, а я уѣхалъ въ Меленъ, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла, вполнѣ увѣренный въ томъ, что на слѣдующій день императоръ отправится въ Парижъ со всѣми войсками, какія ему удалось собрать.

По пріѣздѣ въ Меленъ, оказалось, что все произошло такъ, какъ я ожидалъ: непріятель овладѣлъ частью города, префектурой, моимъ обѣдомъ и т. д., но такъ какъ мостъ былъ своевременно разрушенъ, то мы сохранили часть города.

Я былъ такъ твердо увѣренъ въ томъ, что императоръ пойдетъ къ Парижу, чтобы овладѣть имъ, и что въ окрестностяхъ города произойдетъ серьезное сраженіе, что я послалъ къ женѣ довѣреннаго человѣка, того самаго, который такъ удачно выполнилъ данное ему отъ имени императора порученіе, и велѣлъ передать ей записку, въ которой писалъ: „Запрись съ дѣтьми въ подвалъ; ждите, когда я пріѣду освободить васъ“. Дѣйствительно, я намѣревался сопровождать императора или слѣдовать за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобы видѣть, какъ пойдетъ дѣло и что мнѣ слѣдовало предпринять.

Но, въ то время какъ я дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, въ Фонтенебло было принято совершенно инаго рода рѣшеніе.

Еще по пути въ Фонтенебло я узналъ, что 15-тысячный корпусъ герцога Рагузскаго, на который я смотрѣлъ, какъ на нашъ авангардъ, отступилъ къ Версалю, а на его мѣсто появились непріятельскія войска. Я не могъ объяснить себѣ это движеніе.

Не доѣзжая одной мили до Фонтенебло, мнѣ повстрѣчалась карета, запряженная четверкою лошадей, которая мчалась во весь опоръ по направленію къ Парижу. Когда экипажъ поровнялся со мною, я увидѣлъ, что въ немъ сидѣли генералы и, узнавъ адъютанта, сопровождавшаго ихъ, закричалъ:

— Что новаго?

— Все улажено, отвѣчалъ онъ.

Такимъ образомъ я вернулся въ Фонтенебло убѣжденный въ томъ, что миръ былъ подписанъ, чѣмъ я былъ очень доволенъ; къ несчастью, я скоро узналъ, что во встрѣченной мною каретѣ ѣхали маршалы, везшіе отреченіе Наполеона, и что они пріѣзжали въ Фонтенебло съ цѣлью вынудить у него это отреченіе.

Войдя во дворецъ, я увидѣлъ императора, стоявшаго въ углу въ

одной изъ комнатъ, печально прислонившись къ амбразурѣ окна: онъ спросилъ меня, что мнѣ нужно. Я отвѣчалъ, что ищу князя Бертье; онъ указалъ мнѣ на дверь, ведшую на деревянную лѣстницу, по которой можно было спуститься въ садъ; сойдя съ лѣстницы, я увидѣлъ князя, расхаживавшаго взадъ и впередъ въ одиночествѣ, и сообщилъ ему, что по пути въ Фонтенебло я слышалъ, что солдаты, стоявшіе по близости бивуакомъ, подожгли часть лѣса, густо поросшаго верескомъ, и что огонь проникъ въ лѣсную чащу; поэтому я просилъ его дать въ мое распоряженіе нѣсколько ротъ солдатъ, чтобы потушить огонь.

Бертье, видимо, колебался, но когда я замѣтилъ, что, въ случаѣ отказа, я буду вынужденъ приказать бить въ набатъ, чтобы призвать на помощь народъ, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ могло повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія, то онъ понялъ, что я былъ правъ, и поднялся вмѣстѣ со мною во дворецъ. Мы прошли черезъ комнату, въ которой находился императоръ, и я видѣлъ, что онъ все еще стоялъ въ томъ же положеніи, въ какомъ я засталъ его, войдя въ эту комнату.

Отреченіе Наполеона было полной неожиданностью даже для тѣхъ, кои находились въ центрѣ событій.

Послѣ этого потрясающаго событія мы очутились какъ бы среди огромной пустыни, гдѣ лежало распростертымъ тѣло императора“.

V.

„Людовикъ XVIII полагалъ необходимымъ для упроченія своей династіи, чтобы королевскіе принцы ближе познакомились съ Франціей и чтобы французы знали ихъ лично. Съ этой цѣлью онъ поручилъ герцогу Беррійскому объѣхать нѣкоторые департаменты. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ оффиціально, что принцъ будетъ въ моемъ департаментѣ, и я отправился ему навстрѣчу въ Мо (Meaux).

Національная гвардія стояла подъ ружьемъ; епископъ, окруженный духовенствомъ, всѣ военные и гражданскіе чины были въ сборѣ.

Когда мнѣ донесли, что принцъ подъѣзжаетъ къ городу, я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ ему навстрѣчу. Мнѣ было извѣстно, что онъ не любитъ длинныхъ рѣчей, и я совѣтовалъ всѣмъ говорить какъ можно кратче. Что касается меня, то, привѣтствовавъ принца, я только спросилъ, каковы будутъ его дальнѣйшія приказанія.

Онъ предложилъ мнѣ сопровождать его, и я помѣстился, по принятому обычаю, у дверцы его кареты. Какъ оказалось впослѣдствіи, принцъ не намѣревался заѣзжать въ Мо и приказалъ кучерамъ остановиться у въѣзда въ городъ только для того, чтобы смѣнить лошадей. Онъ рѣшилъ проѣхать черезъ городъ не останавливаясь и ни съ кѣмъ не разговаривая.

Но мэръ, желавшій во что бы то ни стало, чтобы принцъ видѣлъ сдѣланныя для него приготовленія, воздвигнутыя для него тріумфальныя арки, прекрасную выправку національной гвардіи и чтобы онъ выслушалъ привѣтствія горожанъ, распорядился подать свѣжихъ лошадей на противуположномъ концѣ города. Такимъ образомъ принцъ былъ вынужденъ, волей неволей, принять мэра, муниципальный совѣтъ и выслушать ихъ рѣчи; затѣмъ національная гвардія выстроилась шпалерами, и нашъ кортежъ медленно прослѣдовалъ по городу.

Какъ мнѣ казалось, принцъ былъ очень недоволенъ; поэтому я распорядился, чтобы всѣ шли какъ можно скорѣй, но герцогъ все-таки находилъ, что мы идемъ тихо, онъ подгонялъ барабанщиковъ и тѣхъ, кто шелъ впереди; получалось впечатлѣніе, какъ будто мы всѣ бѣжали вслѣдъ за нимъ. Въ довершеніе бѣды герцога ожидали по пути профессора и воспитанники коллегіи, произнесшіе рѣчи на латинскомъ и французскомъ языкахъ, а у дверей собора стояло духовенство съ крестами и хоругвями и, наконецъ, епископъ, давшій герцогу свое благословеніе.

Надобно сознаться, что произнесенныя рѣчи были немного длинноваты, но лица, произнесшія ихъ, полагали, что они исполняютъ свой долгъ. Нетерпѣніе герцога было такъ велико, что мнѣ никогда въ жизни не приходилось видѣть, чтобы кто-либо такъ спѣшилъ; что касается меня, то я находился въ крайне затруднительномъ положеніи, стараясь всѣми силами сказать что-либо въ извиненіе мэра, относительно котораго герцогъ то и дѣло выражалъ свое неудовольствіе. Его нетерпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ въ тотъ моментъ, когда намъ пересѣкъ дорогу изящный экипажъ, въ которомъ сидѣли двѣ хорошенькія женщины.

Наконецъ, мы достигли окраины города, гдѣ ожидали запряженныя лошади. Герцогъ поспѣшно вскочилъ въ карету, почтальоны помчались въ галопъ, и герцогъ вскорѣ скрылся изъ вида.

Всѣ были глубоко изумлены столь страннымъ посѣщеніемъ и смотрѣли другъ на друга въ величайшемъ смущеніи.

Мэръ сказалъ мнѣ, что онъ получилъ письмо отъ министра, который предупреждалъ его о проѣздѣ герцога Беррійскаго, и приказалъ ему принять его съ подобающими почестями.

Нѣсколько дней спустя, я узналъ, что всему было причиной стра-

стное желаніе герцога Беррійскаго пріѣхать въ Парижъ раньше тѣхъ двухъ дамъ, которыя встрѣтились намъ по пути. Это были двѣ англичанки, коихъ герцогъ видѣлъ незадолго передъ тѣмъ въ театрѣ. Тотъ, кто передалъ мнѣ это, видѣлъ ихъ нѣсколько дней спустя въ ложѣ напротивъ ложи герцога Беррійскаго.

Объѣзжая департаменты, герцогъ, повидимому, не вполнѣ точно выполнилъ намѣренія короля, который нашелъ, что онъ слишкомъ поспѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. Поэтому брату короля графу Артуа было поручено вторично объѣхать департаменты. Такимъ образомъ я имѣлъ честь принимать у себя за столомъ, въ префектурѣ, графа Артуа и лицъ его свиты. Графъ милостиво пригласилъ меня отобѣдать у него на слѣдующій день въ Фонтенебло.

Я никогда не видалъ столь любезнаго и предупредительнаго хозяина, какъ графъ Артуа: онъ имѣлъ даръ оказать особое вниманіе каждому изъ гостей.

За столомъ помѣстилось отъ двѣнадцати до пятнадцати лицъ. Я сидѣлъ по правую руку отъ графа, г. Пюисегюръ напротивъ его. За стуломъ графа стоялъ привратникъ замка, служившій при императорѣ Наполеонѣ. Это былъ худощавый, смуглолицый человѣкъ, съ очень черными волосами и бакенбардами. Изъ-за его глупыхъ выходокъ я чувствовалъ себя во время обѣда нѣсколько разъ очень непріятно и неловко.

Графъ Артуа былъ въ Фонтенебло впервые по возвращеніи во Францію; онъ любилъ этотъ дворецъ, гдѣ онъ нѣкогда жилъ, и воображеніе рисовало ему многіе предметы, которые онъ видѣлъ прежде во дворцѣ; ему казалось, что онъ ихъ узнаетъ.

Онъ то и дѣло обращался къ Пюисегюру.

— Обернись, Пюисегюръ, взгляни на эту картину, висящую надъ дверьми, она тутъ висѣла и прежде.

Услыхавъ эти слова, привратникъ нагнулся и, просунувъ голову между графомъ и мною, сказалъ громко, тономъ человѣка, которому хорошо извѣстно все находящееся во дворцѣ.

— Простите, ваше сіятельство, эта картина написана Прудономъ: я повѣсилъ ее всего два мѣсяца тому назадъ.

— А! воскликнулъ графъ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ снова обратился къ Пюисегюру и сказалъ:

— Представь себѣ, Пюисегюръ, я узналъ зеленую кровать, стоявшую въ комнатѣ принцессы Аделаиды!

Вновь проснулась голова чернаго человѣка:

— Простите, ваше сіятельство, она выписана изъ Ліона оберъ-гофмаршаломъ въ прошломъ году!

— А! произнесъ снова принцъ.

Но весь поглощенный тѣмъ, что онъ видѣлъ, графъ снова обратился черезъ нѣсколько минутъ къ Пюисегюру:

— Пюисегюръ, замѣтилъ ли ты маленькій столикъ съ инкрустаціей изъ камей: это тотъ самый, который стоялъ въ кабинетѣ.

— Простите, ваше сіятельство, вмѣшался снова черноволосый человѣкъ, просовывая голову, эти камеи работы Изабея; онѣ сдѣланы во время консульства; императоръ очень любилъ этотъ столъ.

Этотъ разъ я повернулся къ говорившему и взглянулъ на него такъ строго, что, мнѣ казалось, онъ меня понялъ, но я ошибся, ибо когда, минуту спустя, графъ Артуа обратился снова къ Пюисегюру:

— Пюисегюръ, ты вѣрно также узнаешь канделябры, придѣланныя къ камину?

— Простите, ваше сіятельство, поспѣшно вмѣшался смуглый человѣкъ,—эти канделябры взяты въ Испаніи въ послѣднюю войну; я поставилъ ихъ тутъ не болѣе, какъ полгода тому назадъ.

— А! воскликнулъ снова графъ Артуа.

Я едва сдержалъ себя; къ счастью, подали дессертъ, и черноволосый человѣкъ, весьма довольный тѣмъ, что ему представился случай высказать свои свѣдѣнія, былъ вынужденъ удалиться.

VI.

Хотя обстоятельства благопріятствовали Бурбонамъ возсѣсть на престолъ, но имъ было необходимо кореннымъ образомъ измѣнить образъ правленія, приведшій къ гибели несчастнаго Людовика XVI.

Людовикъ-Филиппъ и его ближайшіе совѣтники отлично понимали это и поспѣшили обнародовать конституціонную хартію.

Въ теченіе всего 1814 г. французское правительство было занято преобразованіемъ формы правленія и къ концу года въ странѣ водворилось наружное спокойствіе и тишина, повидимому обѣщавшія упроченіе династіи. Бурбоны ликовали.

Но спокойствіе было только кажущееся. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. начали обнаруживаться явные признаки неудовольствія; оно поддерживалось противниками Бурбоновъ, въ числѣ коихъ были лица, занимавшія во времена имперіи высшія должности и устраненныя новымъ правительствомъ; въ числѣ ихъ были отставные полковники и даже многіе офицеры дѣйствующей арміи.

Неудовольствіе поддерживалось втайнѣ герцогомъ Орлеанскимъ, который, взявъ на себя ту же роль, какую игралъ въ 1789 г. его

отецъ, льстилъ народу и буржуазіи, въ надеждѣ воспользоваться реставраціей монархіи въ своихъ цѣляхъ.

Враги Бурбонской династіи разсчитывали низвергнуть короля при помощи войска, которое только и мечтало возвести снова на престолъ Наполеона.

Фуше, которому новая монархія не могла простить роли, которую онъ игралъ въ 1793 г. и который былъ устраненъ Людовикомъ XVIII отъ дѣлъ, побуждалъ недовольныхъ дѣйствовать энергично, а Наполеонъ съ своего острова слѣдилъ за движеніемъ, о коемъ ему доносили его агенты.

Воспользовавшись настроеніемъ Франціи и раздорами, начавшимися на Вѣнскомъ конгрессѣ, Наполеонъ тайно покинулъ Эльбу и 1 марта 1815 г. высадился на югѣ Франціи.

Спокойствіе, коимъ пользовались Бурбоны, внезапно смѣнилось страхомъ. Графъ Артуа поспѣшилъ въ Ліонъ въ надеждѣ пресѣчь императору путь къ Парижу.

Между тѣмъ еще до высадки императора во Франціи подготовлялся заговоръ съ цѣлью низвергнуть Людовика XVIII и возвести на престолъ герцога Орлеанскаго. Во главѣ заговора стояли Лефевръ, командовавшій бывшимъ л.-гв. егерскимъ полкомъ, переименованнымъ въ полкъ королевскихъ егерей, два брата Лаллеманъ, изъ коихъ одинъ былъ артиллерійскимъ генераломъ, а другой стоялъ во главѣ Энскаго департамента.

Подготовляя втайнѣ переворотъ, эти лица не рѣшались дѣйствовать открыто. Дабы ускорить дѣло, Фуше предупредилъ заговорщиковъ, что ихъ планы извѣстны двору, что противъ нихъ собираются принять мѣры и что если они хотятъ спасти свою жизнь, то имъ остается только поспѣшно идти на Парижъ. На слѣдующій день по полученіи этого извѣстія, генералъ Лаллеманъ уѣхалъ въ Лилль съ тѣмъ, чтобы возвратиться оттуда во главѣ войска. Тогда король поспѣшилъ обнародовать воззваніе къ жителямъ Парижа, въ коемъ возвѣщалось о существованіи заговора.

Узнавъ между тѣмъ о высадкѣ императора Наполеона, Людовикъ XVIII издалъ вторую прокламацію, въ которой угрожалъ Наполеону участью, каковая постигаетъ измѣнниковъ, а между тѣмъ Наполеонъ, желая придать своему возвращенію во Францію законный характеръ, чтобы обезсилить этимъ оппозицію, выставлялъ себя въ своихъ прокламаціяхъ къ народу защитникомъ свободы и равенства, пріобрѣтенныхъ Франціей въ 1789 г., и счелъ нужнымъ заручиться одобреніемъ французскаго народа путемъ голосованія, результатъ коего было рѣшено объявить на собраніи делегатовъ отъ избирательныхъ коллегій, извѣстномъ подъ названіемъ „Майское поле“.

На этомъ собраніи присутствовала значительная часть арміи, государственныя сословія и многія выдающіяся лица, съѣхавшіяся со всѣхъ концовъ Франціи.

„Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ“, говоритъ Планси, „того дня, когда должно было состояться это собраніе. Судя по тому, какъ пройдетъ этотъ день, можно было составить себѣ понятіе о томъ, какая участь ожидала попытку Наполеона.

Если бы онъ явился на это собраніе въ мундирѣ простаго генерала, съ саблей въ рукахъ, и далъ понять собравшимся въ короткой рѣчи, каково было положеніе Франціи передъ лицомъ Европы, и поклялся не складывать оружія и не ѣсть ничего, кромѣ солдатскаго хлѣба, до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ миръ, этимъ все было бы спасено.

Можно себѣ представить мое изумленіе и разочарованіе, когда, сидя въ трибунѣ, откуда я могъ за всѣмъ наблюдать, я увидѣлъ, что императоръ прибылъ со своей семьею на Майское поле, одѣтые какими-то паяцами, съ ногъ до головы въ бѣломъ атласѣ съ золотою бахромою, въ шляпахъ, отдѣланныхъ перьями и приподнятыхъ спереди.

Что касается произнесенной имъ рѣчи, изъ которой я не запомнилъ ни слова, то она была безцвѣтна и произнесена безъ малѣйшаго воодушевленія. Благословеніе знаменъ прошло холодно; только полки, проходя за знаменами мимо Наполеона, кричали: „да здравствуетъ императоръ!“

Эта церемонія произвела на меня удручающее впечатлѣніе, и я сказалъ въ полголоса брату, который сопровождалъ меня: „Мы пропали! Поѣдемъ къ моему нотаріусу, я передамъ тебѣ все свое имущество, которое ты употребишь такъ, какъ мы условимся“.

Дѣйствительно, я отправился съ нимъ вскорѣ къ нотаріусу, а затѣмъ возвратился въ Меленъ и сталъ выжидать событій.

Когда я узналъ, что Марія Луиза не могла пріѣхать къ императору, это еще болѣе подтвердило мои опасенія.

Событія слѣдовали одно за другимъ съ ужасающею быстротою; войска двинулись къ границѣ подъ предводительствомъ императора.

Печальный исходъ сраженія при Ватерлоо и послѣдствія, какія оно имѣло для судьбы Наполеона, всѣмъ извѣстны.

Неудавшаяся кандидатура на польскій престолъ [1]).

1759—1764.

I.

Въ 1759 г. курфирсту саксонскому Фридриху Августу (р. 1696 г. † 1763 г.), царствовавшему одновременно въ Польшѣ подъ именемъ Августа III, шелъ шестьдесятъ четвертый годъ. Здоровье его было такъ шатко, что вопросъ о его преемникѣ волновалъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе былъ заинтересованъ личностью будущаго короля польскаго, а этимъ интересовались всѣ сосѣди Польши, въ особенности Екатерина II, которая рѣшила доставить польскій престолъ пользовавшемуся ея особымъ расположеніемъ, Станиславу Понятовскому и дѣятельно интриговала съ этой цѣлью.

Въ числѣ соискателей польской короны былъ младшій сынъ Августа III, саксонскій принцъ Ксаверій-Францискъ-Августъ, родившійся въ Дрезденѣ 25 августа 1730 г. и служившій съ 1758 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ рядахъ французской арміи.

Честолюбивыя мечты о коронѣ, на которую принцъ, какъ младшій сынъ курфирста, не могъ претендовать, зародились въ немъ впервые въ 1759 г., подъ вліяніемъ бесѣдъ съ его адъютантомъ Буэде Мартанжемъ.

Большой интриганъ, человѣкъ ловкій и смѣлый, Мартанжъ мечталъ быть адъютантомъ не простаго, безвѣстнаго генерала, а короля, и съ этой цѣлью старался всѣми силами пробудить въ душѣ своего генерала честолюбивыя мечты и желанія.

О наслѣдованіи принцемъ Ксаверіемъ саксонскаго престола немогло быть рѣчи, такъ какъ прямымъ наслѣдникомъ Фридриха-Августа являлся его старшій сынъ, Фридрихъ-Христіанъ, но, конечно, ничто не мѣшало Ксаверію домогаться избранія на престолъ Польши. Если бы старшій братъ, въ надеждѣ соединить, подобно отцу, на своей главѣ обѣ короны, увидѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ интересовъ, то, по мнѣнію изобрѣтательнаго Мартанжа, его можно было вознаградить, предоставивъ ему, при поддержкѣ Франціи и Австріи, титулъ короля саксонскаго.

Такъ легко устранялось, по его мнѣнію, главное препятствіе къ избранію принца Ксаверія въ преемники Августа III. Но онъ упускалъ изъ вида, что это препятствіе было не единственнымъ.

Польша, поставленная въ затруднительное положеніе между Рос-

---

[1]) Un candidat au trône de Pologne. Daniel Massé. (La Revue de Paris, 1-er octobre 1905).

сіей, Австріей и Франціей, которыя соперничали между собою за преобладающее вліяніе въ этой странѣ, не зная, кому изъ своихъ магнатовъ, вѣчно враждовавшихъ между собою, предоставить корону, должна была неминуемо подвергаться давленію со стороны державъ, которыя поддерживали каждая своего кандидата.

Франція, издавна интересовавшаяся судьбами Польши, дѣйствовала въ этомъ случаѣ заодно съ Австріей, чтобы составить противовѣсъ союзу Россіи, Англіи и Пруссіи, поэтому кандидатъ, выставленный Франціей, весьма естественно долженъ былъ встрѣтить отпоръ со стороны Россіи.

Обсуждая вопросъ о польскомъ престолонаслѣдіи, де-Мартанжъ писалъ принцу Ксаверію:

„Россія стремится распространить свое вліяніе на обще-европейскія дѣла, по той же причинѣ, по которой Франція должна стремиться ограничить это вліяніе; для достиженія своихъ цѣлей Россія должна поддерживать и упрочить свои отношенія къ Германіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, держа своихъ ближайшихъ сосѣдей, въ особенности поляковъ, въ нѣкоторой зависимости и подчиненіи, ей ничто не мѣшаетъ, въ подходящій моментъ двинуть свои войска для поддержанія своихъ требованій. На этой политикѣ зиждилась дружба, существовавшая между дѣдомъ вашего королевскаго высочества и царемъ Петромъ I.

„Царь считалъ необходимымъ заручиться вліяніемъ въ Германіи и былъ готовъ на всякія жертвы, чтобы пріобрѣсти Мекленбургъ. По той же причинѣ, когда польскій престолъ сдѣлался вакантнымъ, король, вашъ отецъ, встрѣтилъ со стороны Россіи самую энергичную поддержку, благодаря которой онъ и утвердился на престолѣ. Въ политику Петербургскаго двора входитъ, чтобы власть курфирста была соединена съ достоинствомъ короля польскаго. Для политики русскаго двора эта комбинація имѣетъ столь важное значеніе, что Франціи едва-ли удастся заставить его отказаться отъ нея путемъ переговоровъ, и я увѣренъ, что никакіе доводы и софизмы не заставятъ русскаго посланника измѣнить свой взглядъ на дѣло“.

Доводы де-Мартанжа, справедливые относительно прошлаго, не могли быть примѣнены къ данному случаю, такъ какъ Россія, несомнѣнно имѣвшая рѣшающій голосъ въ дѣлахъ польскихъ, не могла поддержать кандитатуру саксонскаго принца именно потому, что въ избраніи его было заинтересовано французское правительство. Одна изъ сестеръ принца, Марія-Жозефина, была супругою дофина, сына Людовика XV и Маріи Лещинской, и король французскій писалъ 26 октября 1759 г. своему посланнику въ Варшавѣ, Терсье, что „супруга дофина питаетъ искреннее расположеніе только къ принцу Ксаверію, который, служа въ рядахъ моей арміи, снискалъ всеобщее уваженіе“.

Помимо этихъ родственныхъ отношеній симпатіи французскаго двора были на сторонѣ принца Ксаверія и по другой причинѣ: такъ какъ старшій сынъ Августа III, Фридрихъ-Христіанъ, долженъ былъ наслѣдовать престолъ въ Саксоніи, то этого было достаточно, чтобы Франція предпочла видѣть на польскомъ престолѣ младшаго брата, дабы королевская и курфирстская короны не соединились въ третій разъ на одной главѣ, какъ того желала Россія.

Будучи кандидатомъ Франціи, принцъ Ксаверій могъ разсчитывать на поддержку Австріи, но предпріимчивый совѣтникъ принца не отчаявался въ томъ, что въ его пользу удастся склонить и Россію, „если не пожалѣть денегъ на подкупъ русскаго двора“.

„Какимъ образомъ могла бы Франція склонить Россію въ пользу вашего королевскаго высочества?“ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „и заручиться ея согласіемъ на ваше избраніе, согласіемъ столь необходимымъ, что, если Россія станетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, то это можетъ повести къ кровопролитной войнѣ“... „По моему мнѣнію“, продолжаетъ онъ, „Франція не можетъ вести съ русскимъ дворомъ переговоровъ о вашемъ избраніи, дѣйствуя путемъ однихъ убѣжденій и разсужденій. Успѣха можно добиться только путемъ интриги; принявъ во вниманіе продажность русскихъ министровъ, поощрять и поддерживать расточительность императрицы, ея любовь къ роскоши и блеску, словомъ, слѣдуетъ добиваться согласія монархини, не жалѣя, въ случаѣ надобности, денегъ, которыя поступятъ въ личную шкатулку императрицы и будутъ розданы министрамъ этого продажнаго двора. Эта держава во многомъ не походитъ на остальныя. Въ Россіи неограниченная власть монарха такъ велика, что его воля стоитъ выше закона и всѣхъ принциповъ; ваше королевское высочество поймете, что эту волю можно направить по своему желанію, потворствуя его вкусамъ и доставляя ему деньги, необходимыя для удовлетворенія его прихотей. Выгоды, которыя Франція извлечетъ изъ тѣснаго союза съ будущимъ королемъ польскимъ, вознаградятъ ее за всѣ затраты, сдѣланныя во время веденія переговоровъ, на столько, что она не должна жалѣть средствъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ Россіи къ осуществленію ея плановъ относительно вашего королевскаго высочества“.

Надобно полагать, что Мартанжъ былъ твердо увѣренъ во всемогуществѣ золота при русскомъ дворѣ, ибо, возвращаясь къ этому вопросу въ другомъ шифрованномъ письмѣ отъ 22 ноября 1759 г., онъ напоминаетъ принцу еще разъ, что Франція одна заинтересована въ его избраніи на польскій престолъ, поэтому, въ случаѣ неудачи, ему придется поспѣшить въ Версаль, чтобы оплакать свою неудачу вмѣстѣ со своей сестрой, и что „такъ какъ Россію можно привлечь

на свою сторону только деньгами, то, если бы Франція отказала въ денежной помощи, нужно будетъ просить, при ея содѣйствіи, денегъ у испанскаго правительства, чтобы повліять окончательно на рѣшеніе Россіи".

Принцъ Ксаверій нашелъ доводы Мартанжа основательными, и между нимъ и его сестрою, супругою дофина, завязалась дѣятельная переписка, въ которой обсуждались всесторонне надежды, какія можно было возлагать на Польшу, и тѣ пути, коими эти надежды можно было осуществить.

Эти письма, представляющія, несомнѣнно, значительный интересъ, не были въ распоряженіи автора цитируемой статьи, который высказываетъ, между прочимъ, предположеніе, что если они не утрачены окончательно, то они должны находиться въ Россіи. Судьба этихъ писемъ такова: шкатулка, въ которой хранилась переписка принца Ксаверія, была похищена у него въ сраженіи подъ Минденомъ, въ 1759 г., заключавшіяся въ ней письма, въ томъ числѣ письма Мартанжа, были препровождены русскому двору, который, въ свою очередь, отослалъ ихъ въ Варшаву, потребовавъ объясненій; при этомъ обращалось особое вниманіе на отзывы Мартанжа, оскорбительные для русскаго двора и императрицы. Ознакомившись съ содержаніемъ этихъ писемъ, Августъ III былъ весьма огорченъ и встревоженъ и поручилъ своему первому министру, графу Брюлю, войти въ сношеніе съ принцемъ Ксаверіемъ и потребовать у него объясненій.

„Всѣ бумаги, бывшія въ моей шкатулкѣ, взяты непріятелемъ, отвѣчалъ принцъ графу Брюлю 16 декабря 1759 г. Выраженіе дружескихъ чувствъ и обѣщанія, данныя мнѣ моей сестрою, супругою дофина, словесно или письменно, имѣютъ совершенно частный характеръ и не могутъ интересовать Европу или волновать кабинеты, въ особенности, русское правительство. Я не думаю, чтобы кто-либо могъ поставить мнѣ въ вину, если бы, полагаясь на дружеское расположеніе моей сестры, я сталъ добиваться того положенія, которое, не лишая меня благоволенія короля, моего возлюбленнаго отца, способствовало бы величію нашего дома. Руководствуясь этими двумя принципами, я велъ съ моей сестрой дружескую переписку, обсуждая средства, при помощи которыхъ я могъ бы устроить свою судьбу".

Это объясненіе, какъ видно изъ письма графа Брюля къ принцу Ксаверію, не удовлетворило Августа III.

„Е. к. в. долго качалъ головой, когда я имѣлъ честь сообщить ему шифрованную часть письма Мартанжа; онъ взялъ его у меня изъ рукъ, читалъ и перечитывалъ и сказалъ: „Поведеніе по отношенію меня довольно странное, высокомѣрное и ни на чемъ не основанное. Строятъ планы, не спрашивая меня, и располагаютъ моимъ

наслѣдіемъ безъ моего вѣдома. Я долженъ знать подробно все, какъ оно было, ибо я не знаю, что отвѣчать Россіи, которая считаетъ, что по отношенію къ ней поступили не такъ, какъ должно, и что ее оскорбили. Онъ хочетъ поссорить меня съ этимъ дворомъ! Надѣюсь все-таки, что выраженія этого письма принадлежитъ не Ксаверію, а Мартанжу".

Графъ Брюль заканчиваетъ письмо совѣтомъ, чтобы принцъ Ксаверій обсудилъ свой отвѣтъ съ сестрой, „такъ какъ эта принцесса обладаетъ особымъ даромъ выражаться мягко и убѣдительно, никого не оскорбляя".

17 февраля 1760 г. принцъ Ксаверій взялся за перо, чтобы отвѣтить графу Брюлю. Заявивъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ о своей сыновней преданности къ Августу III, онъ писалъ о Россіи:

„Если въ письмѣ Мартанжа проскользнуло какое-нибудь выраженіе относительно министровъ этого двора, которое могло бы показаться оскорбительнымъ въ томъ случаѣ, если бы означенная записка была обнародована, то я не вижу, какимъ образомъ императрица и ея министры могли бы быть оскорблены этимъ, коль скоро записка предназначалась исключительно для меня, и взглядъ, высказанный въ ней, есть взглядъ частнаго лица".

„При всестороннемъ обсужденіи текущихъ событій и возможнаго способа дѣйствій, разумѣется, могла быть высказана и такая точка зрѣнія, которую можно было истолковать въ неблагопріятномъ смыслѣ, въ особенности если взять ее безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Въ документѣ, предназначенномъ для министерства или для публики, разумѣется, не могли бы быть допущены выраженія, оскорбительныя для тѣхъ лицъ, о коихъ въ нихъ упоминается; но нельзя ставить въ вину сужденія, высказанныя въ частномъ, не подлежавшемъ оглашенію письмѣ, хотя бы они и были неосмотрительны. Въ данномъ случаѣ можно осуждать лишь дурной умыселъ, а не цѣль, которая имѣлась въ виду.

„Я увѣренъ, любезный графъ, что вы оцѣните чистоту намѣреній, къ достиженію коихъ мнѣ совѣтовали стремиться, ибо намѣченный для этого образъ дѣйствій ставитъ главнымъ условіемъ возвеличеніе нашего дома, не нарушая права другаго кандидата и въ особенности не уклоняясь ни на минуту отъ полнѣйшаго подчиненія волѣ короля, моего возлюбленнаго отца".

Какимъ образомъ король, „его возлюбленный отецъ", принялъ это оправданіе, видно изъ письма Брюля къ генералу Фонтенэ, въ которомъ онъ пишетъ: „Король ожидаетъ отъ принца Ксаверія искренней исповѣди; отвѣтъ принца не встрѣтилъ одобренія е. в., но возбудилъ его гнѣвъ".

Одновременно съ этимъ графъ Брюль писалъ 29 марта 1760 г. самому принцу; въ его письмѣ находилась нижеслѣдующая шифрованная приписка:

„Я имѣлъ честь въ точности прочитать оба ваши письма его величеству. Король сказалъ (переданы его собственныя выраженія), что они ни мало не убѣдили его и что тотъ, кѣмъ писано это объясненіе, умѣетъ очень ловко написать всякую галиматью; очевидно, онъ же и есть авторъ замѣчательнаго документа, о которомъ идетъ рѣчь.

„По моему мнѣнію, самое лучшее было бы передать это дѣло, насколько возможно, забвенію, чтобы его величество забылъ произведенное имъ впечатлѣніе".

Послѣ этого письма дѣло дѣйствительно какъ будто бы заглохло, но въ сущности принцъ Ксаверій и его адъютантъ не отказались отъ своихъ надеждъ и плановъ; напротивъ того, они стали еще энергичнѣе хлопотать при версальскомъ, мадридскомъ и вѣнскомъ дворахъ, при дѣятельномъ содѣйствіи супруги дофина, но на этотъ разъ ихъ интриги держались въ строгой тайнѣ.

II.

5 октября 1763 г. Августъ III скончался. Изъ числа многочисленныхъ кандидатовъ на его престолъ нѣкоторые очень скоро потеряли всякую надежду на избраніе. Такъ, напр., принцъ Конти, которому польскіе магнаты, проживавшіе въ Парижѣ, предлагали корону еще въ 1745 г., былъ вскорѣ устраненъ такъ же точно, какъ и саксонскій принцъ Карлъ, братъ Ксаверія. Гетманъ Браницкій, мечтавшій о коронѣ для себя лично, также не располагалъ достаточнымъ числомъ голосовъ. Въ концѣ концовъ осталось два кандидата: принцъ Ксаверій саксонскій и Станиславъ Понятовскій, которому покровительствовала Екатерина II.

Понятовскій могъ разсчитывать только на поддержку императрицы, но она сказала: „я хочу, чтобы онъ былъ королемъ, и онъ будетъ имъ", а принцъ Ксаверій надѣялся на помощь Франціи, которая только ожидала согласія Испаніи и Австріи, чтобы высказаться рѣшительно въ его пользу. Принцъ вошелъ въ соглашеніе со своимъ братомъ Карломъ и могъ разсчитывать на голоса, поданные вначалѣ въ пользу этого послѣдняго. Что касается Браницкаго, то онъ не только имѣлъ заднюю мысль добиться короны для себя лично, но

твердо рѣшилъ не допускать избранія русскаго кандидата, противопоставивъ даже, въ случаѣ надобности, сорока тысячамъ русскихъ „десять тысячъ, жаждавшихъ славы“ поляковъ, которые должны были разбить ихъ. Становясь въ оппозицію Россіи, онъ тѣмъ самымъ игралъ въ руку саксонскаго принца.

Между тѣмъ правительство Людовика XV, выжидая отвѣтъ Мадридскаго и Вѣнскаго дворовъ, повелѣло своимъ министрамъ и посланникамъ въ Варшавѣ, Дрезденѣ и Петербургѣ дѣйствовать согласно съ Австріей, чтобы обезпечить избраніе принца Ксаверія.

Въ то же время Мартанжъ неутомимо работалъ въ пользу принца, старался повліять на министра иностранныхъ дѣлъ герцога Шуазеля и требовалъ, чтобы въ Варшаву было послано 600 тысячъ ливровъ.

„Если будутъ ожидать отвѣта изъ Мадрида“, писалъ онъ своему генералу, „то хотя бы отвѣтъ оказался благопріятный, но онъ будетъ полученъ тогда, когда воспользоваться имъ будетъ уже поздно. Два милліона могутъ сослужить тѣмъ временемъ хорошую службу“, и онъ настаиваетъ на необходимости достать денегъ, „этотъ нервъ всякаго дѣла, являющійся необходимымъ условіемъ его успѣха“.

О томъ же хлопоталъ и самъ принцъ.

„Ваше участіе и обѣщанное вами содѣйствіе“, писалъ онъ дофину 18 января 1764 г., „а равно доброжелательное отношеніе Вѣнскаго двора, который только ожидаетъ рѣшительнаго заявленія со стороны Франціи, чтобы дѣйствовать совмѣстно, а также соглашеніе, заключенное мною съ братомъ, который, находя мое избраніе вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ, обѣщалъ мнѣ свою помощь и поддержку своихъ друзей, — все это даетъ мнѣ надежду, что мои виды на Польшу увѣнчаются наилучшимъ успѣхомъ, при условіи, ежели я буду въ состояніи противопоставить нѣкоторую сумму денегъ тѣмъ деньгамъ, которыя такъ щедро раздаетъ Россія. Но такъ какъ я ничего не могу сдѣлать самъ и мое положеніе не позволяетъ мнѣ прибѣгнуть къ займу для того, чтобы достать денегъ, то мнѣ остается лишь прибѣгнуть къ Франціи: моя судьба находится всецѣло въ вашихъ рукахъ. Извѣстная сумма, ассигнованная для раздачи въ Польшѣ, теперь же можетъ принести несравненно болѣе пользы, нежели сумма въ три раза больше впослѣдствіи“.

Къ тому же вопросу онъ возвращается въ письмѣ отъ 25 января 1764 г. къ маркизу Польми, французскому посланнику въ Польшѣ.

„Я тороплю насколько возможно дружественные мнѣ договоры, такъ какъ я не могу открыто поставить своей кандидатуры, не имѣя никакихъ шансовъ на успѣхъ. Но я полагаю, что на него можно будетъ разсчитывать, если мнѣ помогутъ деньгами“.

„Дружественные дворы“ не спѣшили высказаться.

„Это молчаніе смущаетъ меня, писалъ принцъ тому же Польми 31 января 1765 г. Мнѣ пишутъ, что моя бездѣятельность произвела, какъ я и предвидѣлъ, неблагопріятное впечатлѣніе въ Польшѣ. Но мнѣ невозможно принять какое-либо рѣшеніе, не зная, что предпримутъ дворы, которые одни могутъ обезпечить мнѣ успѣхъ. Поэтому вы можете быть увѣрены въ томъ, что я прошу ихъ поспѣшить насколько возможно. О томъ же прошу васъ настаивать со своей стороны. Вы видите событія вблизи и можете засвидѣтельствовать, какія пагубныя послѣдствія можетъ имѣть это промедленіе“.

Видя, что державы продолжали медлить, саксонскій принцъ послалъ 1 февраля герцогу Шуазелю самое настоятельное письмо. Отвѣтъ долженъ былъ рѣшить, будетъ ли его кандидатура поставлена оффиціально.

„Обстоятельства такъ настоятельно требуютъ скораго рѣшенія, что я не могу долѣе ожидать и долженъ выяснить свою участь, рискуя въ противномъ случаѣ потерять окончательно довѣріе преданной мнѣ партіи. Мнѣ говорятъ, что если я промедлю прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, кои могутъ поддержать готовность моихъ друзей дѣйствовать въ мою пользу, то они начнутъ дѣйствовать въ пользу Понятовскаго, польстившись на благодѣянія, расточаемыя ему Россіей. Между тѣмъ самые доброжелательные сторонники Саксонскаго дома увѣряютъ меня, что было бы не только возможно, но даже очень легко противупоставить этому кандидату голосъ самой многочисленной и здравой части польскаго народа, если бы дворянство воеводствъ убѣдилось на дѣлѣ въ томъ, что существуютъ дружественные республикѣ дворы, кои принимаютъ участіе въ моемъ избраніи... Разсчитывая на участіе ко мнѣ Франціи, я льстилъ себя надеждою склонить Испанію оказать мнѣ, связанному столькими узами съ домомъ Бурбоновъ, свое содѣйствіе по вступленію на престолъ, полагая, что принцамъ этого дома было бы болѣе желательно видѣть на немъ меня, нежели кандидата Россіи.

„Есть люди, герцогъ, готовые оказать мнѣ содѣйствіе въ расчетѣ на помощь, которую могъ бы оказать мнѣ король; инструкціи, которыя будутъ посланы имъ своимъ представителямъ въ Польшѣ, могутъ быть составлены въ такомъ смыслѣ, чтобы никому не было извѣстно о его желаніи и объ оказываемой имъ поддержкѣ. Но мнѣ придется отказаться отъ всякой надежды или быть поставленнымъ въ весьма неловкое положеніе, если я не буду имѣть возможности, получивъ просимую сумму, поддержать дружественное расположеніе моихъ друзей и дать республикѣ и прочимъ державамъ, интересующимся ея свободой, возможность выяснить истинныя намѣренія и планы

Берлинскаго и Петербургскаго дворовъ и тѣ обязательства, какія они принимаютъ на себя.

„Отвѣтъ, который я ожидаю отъ васъ, герцогъ, съ обратнымъ курьеромъ, рѣшитъ мою судьбу безповоротно. Если, въ силу какихъ-либо высшихъ соображеній, которыя я не въ состояніи предвидѣть, король замедлитъ рѣшеніемъ или откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи, я все-таки настоятельно прошу васъ поспѣшить отвѣтомъ, хотя бы онъ былъ отрицательный, и сообщить мнѣ его въ такой категорической формѣ, чтобы я могъ, сообразуясь съ этимъ, дѣйствовать и выйти изъ той неизвѣстности, въ которой я нахожусь съ моими друзьями".

На просьбу принца Ксаверія никто не отозвался, а Россія относилась къ его кандидатурѣ все болѣе и болѣе враждебно. Рѣшивъ возвести на престолъ Понятовскаго, Екатерина II начала стягивать къ польской границѣ войска, чтобы поддержать его избраніе. Австрія не желала воевать. Испанія не хотѣла тратить денегъ, а Людовикъ XV обѣщалъ дать половину той суммы, которая была нужна для будущаго сейма, только въ томъ случаѣ, если бы другую половину дала Испанія.

Зато между Версалемъ, Вѣной и Варшавой шла въ это время оживленная переписка, въ которой обсуждались самые эфемерные планы. Такъ какъ Австрія уклонялась отъ активнаго участія въ дѣлѣ, не имѣя возможности мобилизовать войско, чтобы поддержать французскаго кандидата, то возникъ планъ поднять Турцію, подкупивъ великаго визиря; графъ Флеммингъ, бывшій польскій посланникъ въ Вѣнѣ, придумалъ ни болѣе ни менѣе, какъ заставить дѣйствовать татарскаго хана, который могъ бы со своими полчищами тревожить восточныя границы Россіи.

Но планы саксонскаго принца не шли такъ далеко. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было допустить, чтобы великій визирь или ханъ, весьма мало интересовавшійся европейской политикой, стали дѣйствовать въ его пользу, тогда какъ Испанія, Франція и Австрія, коимъ было весьма важно вырвать Польшу изъ-подъ вліянія Россіи, относились къ дѣлу равнодушно.

7 марта 1764 г. принцъ Ксаверій писалъ Мартанжу:

„Итакъ, наше дѣло выяснилось, и финалъ его именно таковъ, какъ я ожидалъ. Я предвидѣлъ, что мнѣ нечего было ждать отъ французскаго двора, и угадалъ вѣрно. Не скрою, что это непріятное извѣстіе очень взволновало меня, хотя я и ожидалъ его; мое горе усугубляется тѣмъ, что я вынужденъ отказаться отъ своихъ плановъ и намѣреній въ тотъ именно моментъ, когда представляется наиболѣе шансовъ на успѣхъ и когда обстоятельства видимо наиболѣе благопріятствуютъ мнѣ".

О рѣшеніи Французскаго двора выразить свое сочувствіе намѣреніямъ принца Ксаверія въ принципѣ, отказавшись отъ активнаго содѣйствія ему, вслѣдствіе равнодушнаго отношенія Испаніи и Австріи, принцъ узналъ отъ дофина.

„Какъ ни тяжело было мнѣ, любезный братъ, получить неблагопріятное извѣстіе, сообщенное въ вашемъ письмѣ, о томъ, чтобы я не разсчитывалъ на помощь и поддержку со стороны Франціи для осуществленія моихъ видовъ на польскую корону,—писалъ принцъ дофину, „но ваше увѣреніе въ неизмѣнной ко мнѣ дружбѣ было мнѣ большимъ утѣшеніемъ и дало мнѣ возможность перенести это горе. Причины, на основаніи которыхъ Франція приняла, по вашимъ словамъ, это рѣшеніе, весьма вѣски. Мнѣ даже было легче отказаться отъ моихъ плановъ, несмотря на то, что обстоятельства благопріятствуютъ ихъ осуществленію, нежели оставаться долѣе въ неизвѣстности“.

Несмотря на это увѣреніе, принцу Ксаверію было нелегко оставить свои надежды. Онъ все еще не складывалъ оружія и 30 апрѣля 1764 г. писалъ императрицѣ австрійской:

„Я вполнѣ увѣренъ, что ваше величество не можете относиться безразлично къ благополучію государства, въ неприкосновенности котораго заинтересована вся Европа, и я льщу себя надеждою, что ваше величество не отнесетесь равнодушно и къ моему личному участію въ этомъ дѣлѣ“.

Приблизительно то же самое писалъ онъ 19 мая королю испанскому:

„Вашему величеству извѣстно, вѣроятно, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Польшѣ, какъ энергично дѣйствуютъ русскіе и какая опасность угрожаетъ этому королевству; не будучи предотвращена своевременно, эта опасность можетъ распространиться на всю Европу. Великій генералъ и старѣйшіе сенаторы и магнаты готовы соединиться для защиты отечества и свободы и надѣются, что это имъ удастся, лишь бы имъ помогли нѣкоторой суммой денегъ. Я не могъ не откликнуться на ихъ настоятельныя просьбы и послалъ имъ ту сумму, которой я могъ располагать по моимъ средствамъ, въ надеждѣ, что ваше величество придете мнѣ на помощь вмѣстѣ съ наихристіаннѣйшимъ королемъ и императрицей (австрійской). Соблаговолите, ваше величество, спасти націю, несправедливо угнетаемую, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Европу отъ неминуемой гибели и сдѣлавъ кое-что для меня и для моего дома. Большая часть поляковъ будетъ за меня, если только имъ удастся противостоять насилію русскихъ“.

Просьбы принца Ксаверія никого не тронули. Даже Франція

покинула его въ рѣшительный моментъ. Людовикъ XV пришелъ къ убѣжденію, что на польскій престолъ можетъ быть избранъ только полякъ. Онъ велѣлъ сообщить примасу депешу, въ которой онъ предоставлялъ полякамъ свободу избрать короля, не намѣчая никакого кандидата и выражая готовность признать того, кто будетъ избранъ по законамъ и конституціи страны.

Этимъ Людовикъ XV предупреждалъ желанія Россіи, которая не хотѣла дѣйствовать вопреки Франціи. Депеша короля вполнѣ успокоила ее. Россія дала полную волю своимъ интригамъ, и когда въ Варшавѣ собрался 7 сентября 1764 г. сеймъ для избранія короля, то близость русской арміи способствовала скорѣйшему окончанію выборовъ.

На польскій престолъ былъ избранъ Станиславъ Понятовскій.

Принцъ Ксаверій, по смерти отца короткое время управлявшій Саксонскимъ герцогствомъ въ качествѣ регента, поселился въ 1768 г. въ Мюнхенѣ, а затѣмъ переѣхалъ во Францію, гдѣ онъ пріобрѣлъ у архіепископа бордосскаго, князя Роганъ, великолѣпный замокъ Pont sur Seine, гдѣ онъ прожилъ 15 лѣтъ подъ именемъ графа де Люзасъ. Революція заставила его покинуть это убѣжище въ 1791 г. Принцъ скончался 21 января 1806 г. въ Забельтицѣ.

Дворецъ Pont sur Seine, въ которомъ жила во времена первой имперіи мать Наполеона I, Летиція Бонапартъ, былъ сожженъ въ 1814 г.

Реставрированный впослѣдствіи, онъ принадлежитъ нынѣ Казиміру Перрье. Въ этомъ дворцѣ была найдена въ 1791 г. переписка принца Ксаверія, хранящаяся въ архивѣ департамента Объ (Aube).

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета.
на 1906 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и пр.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Румянцеву, Воронцову, Наумову и др., царскія грамоты, гетманскіе и полковничьи универсалы на имѣнія и грунты, купчія крѣпости, раздѣльные акты, мировыя записи; в) дѣла межевыя, касающіяся, съ одной стороны, внутренняго административнаго размежеванія въ предѣлахъ самой Малороссіи (полковъ, сотенъ, намѣстничествъ), съ другой, пограничнаго—Малороссіи съ Польшей, Великороссіей, Слободской украйной, Запорожьемъ. III. Дѣла военнаго управленія. Къ нимъ относятся: а) множество дѣлъ о наборѣ, комплектованіи, обмундированіи и снабженіи войскъ провіантомъ, фуражомъ, волами, повозками и пр.; б) обширная группа дѣлъ и документовъ, касающихся воинской дисциплины и воинской службы—пограничной, внутренней гарнизонной и заграничной. Въ этой категоріи выдающійся интересъ представляютъ документы о командированіи казаковъ на Украинскую линію, Ладожскій каналъ, Донъ, въ Царицынъ, Оренбургъ, Очаковъ и Голтинію. IV. Дѣла финансоваго управленія. Здѣсь мы встрѣчаемъ какъ отдѣльные документы, такъ въ особенности книги, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о всякаго рода денежныхъ сборахъ (государственныхъ, войсковыхъ, общественныхъ) и натуральныхъ повинностяхъ; особый отдѣлъ составляютъ дѣла по управленію государственными имуществами—свободными и ранговыми маетностями и конскими заводами. V. Дѣла административныя содержатъ обильныя свѣдѣнія объ урожаяхъ, винокуреніи, добываніи соли, рыболовствѣ, звѣроловствѣ, заводахъ и фабрикахъ, ярмаркахъ, торговлѣ и торговыхъ цѣнахъ, неурожаяхъ, мѣрахъ противъ эпидемій, эпизоотій, вредныхъ насѣкомыхъ, пожаровъ, общественномъ призрѣніи, народномъ образованіи, дорогахъ, мостахъ, почтахъ. VI. Дѣла, касающіяся сословныхъ отношеній. Къ этой категоріи относятся ревизіи, послужные списки и цѣлый рядъ другихъ документовъ, характеризующихъ юридическое положеніе и бытовую обстановку казацкой старшины, казаковъ, посполитыхъ (свободныхъ, владѣльческихъ и монастырскихъ) и подсусѣдковъ (монастырскихъ, владѣльческихъ, казачьихъ и посполитскихъ); сюда же нужно отнести жалованныя грамоты малороссійскимъ городамъ съ первой половины XVII вѣка, заключающія въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи городовъ (Чернигова, Нѣжина, Стародуба, Полтавы и др.) и малорусскаго мѣщанства. VII. Церковныя дѣла. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются интересныя свѣдѣнія объ особенностяхъ малорусской церкви—ея соборномъ характерѣ, выборѣ прихожанами священниковъ и т. п.

Второе обширное отдѣленіе Харьковскаго архива—Слободско-Украинское. Документы, переданные Харьковскимъ губернскимъ правленіемъ въ Историческій архивъ, содержатъ въ себѣ такіе же матеріалы для внутренней, бытовой исторіи Слободской Украйны, какъ Малороссійское отдѣленіе для исторіи Лѣвобережной. Большая часть дѣлъ касается казачества; здѣсь мы находимъ документы о повинностяхъ казаковъ, о притѣсненіяхъ ихъ казацкой старшиной и великороссійскими помѣщиками, о выходѣ казаковъ на новыя мѣста, о форпостной службѣ на линіи, въ Бахмутѣ, Изюмѣ и др. мѣстахъ; еще больше дѣлъ административныхъ, заключающихъ данныя о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, опасной болѣзни, саранчи, о цѣнахъ провіанта и фуража, о селеніяхъ и хуторахъ Харьковскаго полка и др. Всѣ эти документы имѣютъ не только мѣстный, но и общій интересъ.

До 1883 г. историко-филологическое общество не имѣло спеціальнаго помѣщенія для архива, и перевезенные изъ Чернигова документы три года должны были пролежать въ тюкахъ на хорахъ актоваго зала и въ библіотечномъ корридорѣ.

За 20 слишкомъ лѣтъ своего существованія Историческій архивъ успѣлъ превратиться въ одно изъ крупныхъ и примѣчательныхъ учрежденій. Въ настоящее время въ немъ сосредоточено огромное количество въ высшей степени важныхъ документовъ, касающихся историческаго прошлаго обширной территоріи Лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украйны. По богатству матеріаловъ онъ далеко оставляетъ за собою многіе губернскіе архивы и приближается къ областнымъ центральнымъ архивамъ—Кіевскому и Виленскому. Несмотря на такое въ высокой степени важное значеніе архива, его юридическое и финансовое положеніе недостаточно прочно; въ то время какъ Кіевскій и Виленскій архивы въ значительной мѣрѣ обезпечены, устроены,—Харьковскій архивъ далеко не можетъ сказать того же о себѣ. Правда, архивъ дождался, наконецъ, соотвѣтствующаго своимъ нуждамъ помѣщенія; съ передѣлкою этого послѣдняго, съ устройствомъ безопаснаго отопленія будетъ гарантирована сохранность его богатствъ, но матеріальное его положеніе слишкомъ плачевно.

Значительный интересъ представляютъ отдѣлы Сборника, посвященные памяти профессоровъ И. Н. Миклашевскаго и А. П. Кирпичникова. 3-го декабря 1901 г. отъ воспаленія легкихъ скончался на 43 году своей жизни проф. Харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики; онъ обладалъ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ. 30-го апрѣля 1903 г. въ Москвѣ умеръ членъ-основатель историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ, заслуженный профессоръ Московскаго университета А. И. Кирпичниковъ. Онъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими трудами по западно-европейской литературѣ, по изученію народныхъ произведеній, какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ, новѣйшей русской литературы, равно по иконографіи въ связи съ легендарными сказаніями, апокрифами. Особенно А. И. Кирпичниковъ извѣстенъ своимъ капитальнымъ трудомъ—многотомной исторіей всеобщей литературы. Въ педагогическимъ мірѣ онъ извѣстенъ учебниками по грамматикѣ и словесности.

Таково содержаніе 14-го тома Сборника.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

Центральная Рабочая
библиотека-Читальня
Московского Совета
профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

2468-4/5